ДБ-300
К-67
ч.3

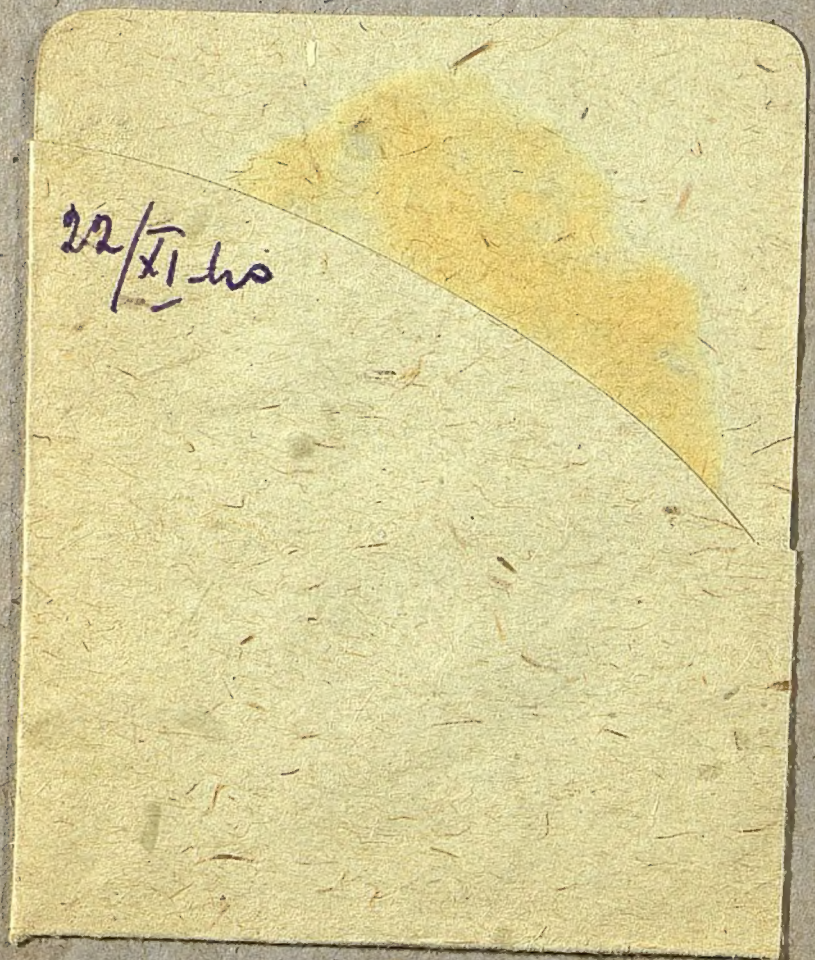
А. КОРНИЛОВЪ

КУРСЪ ИСТОРІИ РОССІИ XIX В.

ЧАСТЬ III

МОСКВА. 1918 г.

Изданіе
М. и С. САБАШНИКОВЫХ


22/XI 40

DB
300
K67

А. КОРНИЛОВЪ

КУРСЪ ИСТОРІИ РОССІИ XIX ВѢКА

Часть III

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛІОТЕКА И. К. П.
170965

Изданіе второе

МОСКВА
Издательство М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1918

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
170965 м

Фотолитографировано Т/Д. Г. А. ЛЕМАНЪ и П. С. ФИЛИППОВЪ.
МОСКВА, Маросейка, 11

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предисловіи къ I части моего «курса исторіи Россіи XIX вѣка» я заявилъ, что въ составъ III части этого курса войдетъ внутренняя исторія Россіи за послѣднія 35 лѣтъ XIX вѣка. Однако, какъ только я приступилъ къ построенію этой части курса, придерживаясь въ общемъ той программы, которую я установилъ для первыхъ его частей, я убѣдился, что внутренняя исторія Россіи за послѣдніе 35 лѣтъ XIX вѣка не можетъ быть уложена въ рамки одной части того же объема, въ какомъ составлены двѣ первыя части моего курса. Этого не допускаетъ обиліе того матеріала, который пришлось ввести въ эту часть. Между тѣмъ рѣшительный поворотъ въ настроеніи общества, происшедшій въ Россіи послѣ голода 1891—92 годовъ, а также рядъ новыхъ факторовъ и обстоятельствъ, выяснившихся къ этому моменту въ экономической и соціальной жизни страны и обусловившихъ въ свою очередь новыя теченія и стремленія въ государственной жизни и правительственной дѣятельности (напр., сибирская желѣзная дорога и дальневосточная политика),—все это служитъ само по себѣ достаточнымъ основаніемъ къ выдѣленію послѣднихъ восьми лѣтъ XIX вѣка вмѣстѣ съ первыми годами XX вѣка въ особый періодъ, составляющій уже прямую прелюдію къ великимъ событіямъ, разыгравшимся въ 1904—1906 годахъ на нашихъ глазахъ.

Составитъ ли этотъ періодъ предметъ особой серіи лекцій и явится ли онъ содержаніемъ еще одной—*четвертой*—части

моего курса, я въ настоящее время съ увѣренностью сказать не могу. Но для меня во всякомъ случаѣ ясно, что построеніе такой четвертой заключительной части этого курса логически вполнѣ возможно.

Издаваемая въ свѣтъ въ настоящее время *третья* часть курса даетъ изложеніе реакціоннаго періода нашей новѣйшей внутренней исторіи, наступившаго въ 1866 году и продолжавшагося съ небольшимъ лишь просвѣтомъ въ 1880—1881 гг., до голода 1891—92 годовъ. Эпоха эта до настоящаго времени мало подвергалась систематическому обслѣдованію. Поэтому построеніе этой части курса являлось для меня задачей болѣе трудной и болѣе отвѣтственной, нежели построеніе двухъ первыхъ его частей. Я впередъ увѣренъ поэтому, что она вызоветъ много критическихъ замѣчаній и указаній несомнѣнно имѣющихся въ ней промаховъ. Но я потому и рѣшаюсь теперь же выпустить ее въ свѣтъ, что считаю въ высшей степени плодотворной и полезной для скорѣйшаго и наиболѣе полнаго выясненія основныхъ чертъ изучаемой эпохи ту авторитетную и безпристрастную критику предлагаемой книги, на которую я позволяю себѣ надѣяться по примѣру двухъ ранѣе выпущенныхъ частей моихъ лекцій.

Петербургъ. 2 апрѣля 1914 г.

А. Корниловъ.

ЛЕКЦІЯ XXVII.

Покушеніе Каракозова. Наступившая послѣ этого реакція. Въ чемъ она выразилась? Развитіе внутренней жизни Россіи послѣ реформъ 60-хъ годовъ, несмотря на реакцію. Продолженіе нѣкоторыхъ преобразованій. Завершеніе крестьянской реформы распространеніемъ ея на крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ. Общая картина землевладѣнія различныхъ группъ населенія Россіи послѣ реформъ 1861, 1863 и 1866 годовъ. Степень обезпеченности крестьянъ разныхъ наименованій земельными надѣлами.

Покушеніе 4 апрѣля 1866 г. на жизнь императора Александра II, совершенное Каракозовымъ, произвело потрясающее впечатлѣніе и на самого императора Александра и на общество. Не хотѣли вѣрить, чтобы его могъ задумать и совершить по своему произволу одинъ человѣкъ и потому приписывали его какой-нибудь могущественной адской организаціи, какому-нибудь невѣдомому тайному обществу. И хотя казначенный во главу особой комиссіи для разслѣдованія этого преступленія, прославившійся своей жестокостью и упорствомъ при усмиреніи недавняго возстанія въ Литвѣ генералъ М. Н. Муравьевъ употребилъ всѣ усилія для раскрытія предполагаемаго заговора, при чемъ онъ ничѣмъ не стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, которыми онъ терроризовалъ широкіе круги мирныхъ обывателей, учащуюся молодежь и въ особенности литераторовъ, казавшихся ему крамольными по своему направленію, тѣмъ не менѣе никакого заговора на жизнь Государя обнаружено не было, а было раскрыто лишь существованіе ничтожнаго по своимъ средствамъ и силамъ кружка молодежи въ Москвѣ, подъ главенствомъ двоюроднаго брата Каракозова Ишутина [1]). Кружокъ этотъ состоялъ изъ очень молодыхъ людей и не только не стремился къ цареубійству, но даже тѣ изъ членовъ его,

[1]) См. „Курсъ исторіи Россіи XIX вѣка", часть II, стр. 266.

которымъ сталъ извѣстенъ замыселъ Каракозова, сами считали его сумасброднымъ и пагубнымъ и употребили довольно значительныя усилія, чтобы не допустить Каракозова, который былъ, повидимому, человѣкомъ ненормальнымъ, до совершенія задуманнаго [1]). Сами они стремились къ организаціи широкой коммунистической пропаганды; но всѣ ихъ планы были крайне непродуманны, непрактичны и въ сущности несеріозны. Несмотря на ничтожество и несеріозность этого кружка, одинъ фактъ его существованія и принадлежность къ нему Каракозова бросали въ глазахъ императора и высшихъ придворныхъ и административныхъ сферъ большую тѣнь на направленіе учащейся молодежи, на положеніе дѣлъ въ университетахъ и на направленіе самого министерства народнаго просвѣщенія, находившагося тогда подъ управленіемъ просвѣщеннаго и либеральнаго человѣка, А. В. Головнина.

Придворные реакціонеры не упустили случая воспользоваться впечатлѣніями, произведенными этими событіями на императора Александра и торжествующая реакція прежде всего направила свои удары именно на министерство народнаго просвѣщенія, даже не дожидаясь результатовъ производившагося Муравьевымъ разслѣдованія.

4 апрѣля Каракозовъ стрѣлялъ въ Государя, а 5 апрѣля въ комитетѣ министровъ уже сдѣлано было опредѣленное и рѣзкое нападеніе на министра народнаго просвѣщенія, со стороны оберъ-прокурора синода гр. Д. А. Толстого. И хотя это нападеніе началось съ критики политики Головнина въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ Толстой настаивалъ на необходимости болѣе опредѣленнаго руссификаторскаго направленія,—однако оно скоро перешло въ нападеніе на направленіе министерства народнаго просвѣщенія вообще, и кончилось тѣмъ, что Головнинъ, убѣдившись въ утратѣ довѣрія къ нему Государя, долженъ былъ выйти въ отставку и уступить свое мѣсто гр. Толстому.

Толстой въ это время являлся человѣкомъ уже вполнѣ опредѣленной репутаціи. Еще въ 1859 г. онъ выступилъ съ рѣзкой крѣпостнической критикой работъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу и когда критика эта стала извѣстна импе-

---

[1]) Срав. ст. Д. В. Стасова „Каракозовскій процессъ“ въ журналѣ „Былое“ за 1906 г. № 4.

ратору Александру, то онъ положилъ на ней резолюцію, въ которой выразилъ, что авторъ ея или ничего не понимаетъ въ крестьянскомъ дѣлѣ или представляется человѣкомъ явно злонамѣреннымъ [1]).

Но это не помѣшало Толстому въ 1864 году занять постъ оберъ-прокурора синода, а въ апрѣлѣ 1866 г. быть назначеннымъ на постъ министра народнаго просвѣщенія съ опредѣленными реакціонными задачами, вполнѣ гармонировавшими съ его собственными реакціонными стремленіями. Если Муравьеву не удалось тогда открыть никакого заговора на жизнь государя, то ему и поддерживавшимъ его придворнымъ реакціонерамъ вполнѣ удалось связать открытое слѣдствіемъ броженіе умовъ въ молодежи и части интеллигенціи,—яркимъ симптомомъ котораго былъ выставленъ коммунистическій кружокъ Ишутина,—съ политикой министерства народнаго просвѣщенія и съ направленіемъ радикальной печати, главными представителями которой были журналы „Современникъ“ и „Русское Слово“. Оба эти журнала были немедленно закрыты навсегда; что же касается настроенія правительства въ отношеніи молодежи, то памятникомъ тогдашнихъ взглядовъ правительства въ этомъ отношеніи явился рескриптъ, данный 13 мая 1866 г. на имя предсѣдателя комитета министровъ кн. П. П. Гагарина. „Провидѣнію—сказано было между прочимъ въ этомъ рескриптѣ—угодно было раскрыть передъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все для нея исконно священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ. Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направляемо въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допущено ни явное ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія на-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія.“ Берлинъ, 1860 г., т. III, стр. 141—143.

рода"... Главы семействъ призывались въ этомъ отношеніи на помощь правительству.

Въ томъ же рескриптѣ указано было и на необходимость охраны устоевъ существующаго гражданскаго строя противъ всякихъ разрушительныхъ попытокъ, наличность которыхъ усматривалась въ тѣхъ превратныхъ толкахъ и взглядахъ, которые проповѣдывались и отдѣльными лицами (даже состоявшими, какъ указывалось въ рескриптѣ, на государственной службѣ) и нѣкоторыми органами печати, признанными зловредными. „Надлежитъ—сказано было въ концѣ рескрипта—прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями и въ особенности къ возбужденію вражды противъ дворянства и вообще противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно усматриваютъ своихъ прямыхъ противниковъ". [1])

Реакція, установившаяся въ 1866 г., коснулась, однако, не только министерства народнаго просвѣщенія. Вслѣдъ за отставкою Головнина послѣдовали отставки и другихъ высшихъ правительственныхъ лицъ. Уволенъ былъ между прочимъ шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ, котораго никакъ нельзя было упрекнуть въ либерализмѣ, но который, послѣ событія 4 апрѣля, самъ призналъ себя устарѣвшимъ для занимавшейся имъ должности. Онъ былъ замѣненъ молодымъ придворнымъ генераломъ гр. П. А. Шуваловымъ, который вскорѣ сдѣлался душой реакціи въ правящихъ сферахъ, и къ которому въ комитетѣ министровъ тѣсно примкнули министры: внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ и государственныхъ имуществъ ген. Зеленой. Эти лица составили очень вліятельный въ то время тріумвиратъ. Уволенъ былъ также гуманный и деликатный генералъ-губернаторъ Петербурга кн. А. А. Суворовъ, котораго замѣнилъ ген. Треповъ, назначенный оберъ-полицеймейстеромъ столицы и уже ранѣе проявившій свои полицейскія способности на посту генералъ-полицеймейстера царства Польскаго.

Шуваловъ, Валуевъ и Зеленой вскорѣ представили Государю проектъ объ усиленіи губернаторской власти, и хотя проектъ этотъ кореннымъ образомъ противорѣчилъ только что проведеннымъ либеральнымъ преобразованіямъ, и хотя противъ него

---

[1]) См. текстъ рескрипта у Татищева, II, стр. 8.

въ комитетѣ министровъ энергично возражали министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ и министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ, тѣмъ не менѣе императоръ Александръ, котораго Шуваловъ систематически смущалъ постоянными доносами о повсемѣстномъ броженіи умовъ въ провинціи, призналъ осуществленіе этой мѣры необходимымъ. И хотя мѣра эта, по своему характеру, требовала законодательной санкціи, однако же ее провели въ порядкѣ административномъ—въ видѣ высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ. Лицамъ судейскаго званія въ провинціи, которыхъ независимость только что была установлена судебными уставами, предложено было тогда же особымъ циркуляромъ являться къ губернатору по первому его требованію и вообще смотрѣть на него, какъ на представителя монаршей власти въ губерніи. Отнынѣ ни одинъ чиновникъ, хотя бы и служащій по вольному найму, не могъ занять своего мѣста безъ согласія губернатора; этому правилу подчинены были и вновь учрежденныя контрольныя палаты, и даже земскія учрежденія, хотя послѣднія признавались по закону учрежденіями „общественными“ а не правительственными [1])...

Таковы были первые симптомы реакціи, установившейся въ 1866 году.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что событіе 4 апрѣля 1866 г. и послѣдовавшій за нимъ бѣлый терроръ въ столицѣ, руководимый М. Н. Муравьевымъ, потрясли необыкновенно сильно не только правительственные круги, но и общественные. Нѣкоторые журналисты въ родѣ Каткова,—который тогда рѣшительно сталъ на сторону реакціи,—съ бѣшенствомъ нападали на нигилистовъ и крамольныхъ поляковъ, по отношенію къ которымъ Катковъ склоненъ былъ признать слишкомъ слабыми даже муравьевскія мѣры. Другіе, въ родѣ Некрасова, до того перепугались, что готовы были на всякія неблаговидныя заискиванія передъ свирѣпствовавшимъ Муравьевымъ, что, впрочемъ, отнюдь не спасло издававшійся Некрасовымъ журналъ отъ закрытія. Наконецъ, третьи, въ родѣ Достоевскаго, не только искренно приходили въ ужасъ отъ совершившагося событія, но дѣлали

[1]) См. Историч. обзоръ комитета министровъ Середонина, т. III, ч. I, стр. 130.

за него отвѣтственнымъ само общество [1]). Въ общемъ господствовала чрезвычайная смута въ умахъ, которая была, разумѣется, на руку развивавшейся реакціи. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ пришлось начать свою дѣятельность новымъ судамъ и земскимъ учрежденіямъ, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Однако необходимо тутъ же замѣтить, что какъ ни сильна была эта реакція, какъ ни способствовали ея укорененію и развитію въ правительственныхъ сферахъ тотъ страхъ и то смятеніе, которые наблюдались въ широкихъ слояхъ общества послѣ выстрѣла Каракозова, все-таки и эта реакція, въ концѣ-концовъ, была безсильна вернуть Россію къ прежнему дореформенному состоянію. Не говоря уже о невозможности возстановленія прежняго крѣпостного строя, правительство не могло взять цѣликомъ назадъ только что произведенныхъ преобразованій въ сферѣ судебной и мѣстнаго самоуправленія; даже университетскій уставъ 1863 года не былъ тотчасъ же отмѣненъ, а былъ лишь осложненъ и искаженъ изданіемъ новыхъ правилъ для студентовъ.

Этого мало: правительству, несмотря на то, что оно было исполнено съ 1866 г. реакціонныхъ стремленій и обуреваемо реакціонными опасеніями, не только пришлось допустить и даже взять на себя введеніе въ жизнь только что изданныхъ преобразованій, которыя оно пыталось лишь исказить впослѣдствіи частичными измѣненіями, но ему пришлось заканчивать даже и въ этотъ реакціонный періодъ дѣло реформъ, задуманныхъ въ предшествующіе годы въ различныхъ областяхъ народной жизни и администраціи. Ему пришлось прежде всего закончить устройство крестьянъ распространеніемъ положенія 19 февраля на крестьянъ государственныхъ (б. казенныхъ), распространить принципы самоуправленія на города, и, наконецъ, совершить великое въ полномъ смыслѣ этого слова преобразованіе въ дѣлѣ отбыванія населеніемъ воинской повинности и рядъ преобразованій въ строѣ самой арміи. На ряду съ этимъ ему

---

[1]) Срав. статью *И. И. Вейнберга* „4-е апрѣля 1866 года (изъ моихъ воспоминаній)“ *Былое* за 1906 г. № 4, стр. 299; *Н. К. Михайловскаго* „Литературныя воспоминанія и современная смута“ т. I, стр. 18; *А. В Никитенка* „Дневникъ“, т. II, стр. 282 и слѣд.

пришлось, въ стремленіи къ развитію экономическихъ силъ и средствъ страны и государства, идти по пути прогрессивной финансовой и экономической политики, какъ ни плохо сообразовалась эта политика съ его новымъ реакціоннымъ курсомъ въ дѣлахъ внутренней администраціи и просвѣщенія.

Въ виду всего этого на ряду съ отставкой Головнина и замѣной его Толстымъ, на ряду съ образованіемъ въ средѣ комитета министровъ реакціоннаго тріумвирата Шувалова, Валуева и Зеленого, императору Александру II пришлось удержать на нѣкоторыхъ министерскихъ постахъ и такихъ сторонниковъ прогресса, какъ Дм. А. Милютинъ въ военномъ министерствѣ, какъ великій князь Константинъ Николаевичъ во флотѣ и во главѣ государственнаго совѣта, какъ В. А. Татариновъ на посту государственнаго контролера, и какъ М. Х. Рейтернъ на посту министра финансовъ. Однимъ словомъ, жизнь въ Россіи не только не остановилась и не пошла вспять въ эту тяжелую пору правительственной и отчасти общественной реакціи, но она продолжала, какъ увидимъ, въ сущности развиваться и идти впередъ, хотя, подъ давленіемъ реакціи и репрессій, развитіе это и принимало чаще всего болѣзненныя и искаженныя формы.

Противникамъ прогресса и сторонникамъ реакціи передъ лицомъ этого неудержимаго процесса внутренняго роста и развитія народнаго организма оставалось только вставлять ему палки въ колеса и стараться всячески затруднять и искажать его свободный ходъ. И они дѣлали это, какъ мы увидимъ—иногда съ азартомъ, иногда рутинно,—неизмѣнно сообщая этому процессу болѣзненный ходъ и ненормальныя формы, принося странѣ и народу массу зла, но отнюдь не останавливая самаго хода ея развитія.

Въ 1866 году завершилась прежде всего въ общихъ чертахъ, законодательная разработка крестьянской реформы—распространеніемъ основныхъ началъ положенія 19 февраля 1861 г. на многочисленныя категоріи государственныхъ крестьянъ. А еще раньше—въ 1863 году—тѣ же начала и даже безъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ компромиссовъ, къ которымъ прибѣгли при уничтоженіи крѣпостного права въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, были распространены на удѣльныхъ крестьянъ. О значеніи реформы 19 февраля для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ я говорилъ

уже въ свое время. Посмотримъ теперь, каковы были результаты преобразованія 1863—1866 гг. для бывшихъ удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ разныхъ наименованій; а затѣмъ остановимся нѣсколько и на общихъ итогахъ крестьянской реформы для всей массы народа и для страны вообще.

Что касается удѣльныхъ крестьянъ, то вы помните, быть можетъ, или, во всякомъ случаѣ, прочтете въ началѣ моего печатнаго курса, что эти удѣльные крестьяне получили свое наименованіе съ момента изданія положенія объ императорской фамиліи въ 1797 году, при императорѣ Павлѣ Петровичѣ. Но они существовали и раньше подъ именемъ крестьянъ дворцовыхъ и государевыхъ; назначеніе ихъ заключалось въ томъ, чтобы работать въ такъ называемыхъ дворцовыхъ (удѣльныхъ) имѣніяхъ, имѣніяхъ, назначенныхъ на содержаніе царской фамиліи или принадлежащихъ отдѣльнымъ ея членамъ. Этихъ крестьянъ ко времени начала крестьянской реформы было около 850 тысячъ душъ мужского пола. Когда началась крестьянская реформа, то министерство двора, въ вѣдѣніи котораго были удѣльные крестьяне, не ожидая освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, тотчасъ же приступило къ выясненію вопроса, какъ ему быть съ этими удѣльными крестьянами, и мы видимъ, что уже въ 1858 году по желанію императора Александра изданъ былъ особый указъ, который этихъ удѣльныхъ крестьянъ уравнялъ въ личныхъ правахъ и административномъ устройствѣ съ крестьянами государственными. Это сразу, до освобожденія отъ крѣпостного права крестьянъ помѣщичьихъ, уничтожило *личное* крѣпостное право въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Что касается вопроса о поземельномъ устройствѣ этихъ крестьянъ, то онъ былъ отложенъ тогда до разрѣшенія этого вопроса у помѣщичьихъ крестьянъ. Когда было издано положеніе 19 февраля, объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, то 5-го марта 1861 г. былъ изданъ указъ о томъ, чтобы главный комитетъ для устройства сельскаго населенія занялся теперь распространеніемъ принциповъ изданнаго положенія на крестьянъ удѣльныхъ и казенныхъ.

Что касается удѣльныхъ крестьянъ, то тогда же въ министерствѣ двора была образована для обсужденія ихъ поземельнаго устройства комиссія и въ результатѣ двухлѣтнихъ работъ этой комиссіи, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, выработано было

положеніе, которое устраивало бытъ удѣльныхъ крестьянъ въ экономическомъ отношеніи значительно лучше, чѣмъ былъ устроенъ бытъ крестьянъ помѣщичьихъ. Въ началѣ, когда приступили къ обсужденію этого вопроса, думали только распространить на удѣльныхъ крестьянъ то положеніе, которое было издано для помѣщичьихъ крестьянъ, при чемъ указывалось, что слѣдуетъ и этимъ крестьянамъ сохранить надѣлы и за нихъ назначить повинности, которые бы соотвѣтствовали высшимъ нормамъ надѣловъ и повинностей, установленныхъ по мѣстнымъ положеніямъ 19 февраля для крестьянъ помѣщичьихъ. Но затѣмъ, когда глубже вникли въ вопросъ, то увидѣли, что въ дореформенное время удѣльные крестьяне были надѣлены значительно лучше помѣщичьихъ, и что поэтому, если бы къ нимъ примѣнены были даже высшія нормы поземельнаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ, то, несомнѣнно, ихъ положеніе ухудшилось бы. Удѣльные крестьяне въ дореформенное время имѣли, во-первыхъ, довольно щедро установленные основные (тягловые) надѣлы и, кромѣ того, еще пользовались различными дополнительными прирѣзками изъ такъ называемыхъ запасныхъ земель удѣльнаго вѣдомства.

Первоначально министерству двора казалось, что во всякомъ случаѣ эти запасныя земли должны быть отъ нихъ отняты, если только они въ своихъ основныхъ надѣлахъ имѣютъ земельное обезпеченіе, не меньшее, чѣмъ полагавшееся согласно максимальнымъ нормамъ по мѣстнымъ положеніямъ 19 февраля, и поэтому первоначальный планъ былъ таковъ, чтобы эти лишнія земли оставить у удѣльныхъ крестьянъ лишь временно на пять лѣтъ. Но министръ двора, гр. Адлербергъ, внимательно ознакомившись съ дѣломъ, долженъ былъ признать, что крестьяне будутъ этимъ поставлены въ неблагопріятныя условія сравнительно съ прежнимъ своимъ положеніемъ; поэтому онъ полагалъ, что слѣдуетъ эти запасныя земли оставить за крестьянами по меньшей мѣрѣ на 20 лѣтъ и вообще стараться сохранить за ними то положеніе, въ которомъ они были до реформы. Главный комитетъ, однако, нашелъ, что сохранить эти земли за крестьянами на 20 лѣтъ будетъ едва ли цѣлесообразно, потому что тогда ихъ отобрать будетъ еще труднѣе, нежели теперь, а вмѣстѣ съ тѣмъ главному комитету казалось, что основные надѣлы удѣльныхъ крестьянъ настолько удовле-

творительны въ сравненіи съ надѣлами помѣщичьихъ крестьянъ, что ихъ однихъ будетъ достаточно. Тѣмъ не менѣе, по докладѣ этого дѣла Государю, Адлербергу предоставлена была выработка проекта положенія, съ возможнымъ соблюденіемъ всякихъ льготъ для удѣльныхъ крестьянъ. Въ концѣ-концовъ по проекту выработаннаго имъ положенія, сдѣлавшемуся 26 іюня 1863 года закономъ, было положено, что не только эти запасныя земли вообще должны быть оставлены за удѣльными крестьянами, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ размѣръ ихъ надѣленія былъ ниже нормъ, установленныхъ для крестьянъ помѣщичьихъ, оно было доведено по крайней мѣрѣ до этихъ нормъ. Такимъ образомъ максимальныя нормы надѣловъ помѣщичьихъ крестьянъ были приняты какъ бы за минимальныя нормы для удѣльныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ размѣры повинностей были оставлены прежніе, при чемъ выкупъ земель сразу же сдѣланъ былъ обязательнымъ и прежніе оброчные платежи, не превышавшіе максимальныхъ оброковъ помѣщичьихъ крестьянъ, прямо обращены были въ выкупные, которые должны были прекратиться совершенно черезъ 49 лѣтъ; крестьяне же сразу признавались собственниками отведенныхъ имъ надѣловъ.

Въ 1861 году признано было, какъ я уже сказалъ, необходимымъ распространить положеніе 19-го февраля и на государственныхъ крестьянъ,—на тѣ многочисленныя категоріи ихъ, которыя перечислены въ первой части моего курса. Ихъ также положено было устроить на основаніи выработанныхъ для помѣщичьихъ крестьянъ положеній. Чтобы уяснить себѣ матеріальную сторону быта государственныхъ крестьянъ, надо имѣть въ виду то положеніе, въ какомъ они были поставлены дѣятельностью графа Киселева, который на нихъ именно могъ сравнительно свободно испробовать тѣ принципы крестьянскаго устройства, которые онъ выставилъ, будучи министромъ государственныхъ имуществъ при Николаѣ I-омъ. До образованія министерства государственныхъ имуществъ, при огромномъ обиліи казенныхъ земель, землепользованіе казенныхъ крестьянъ въ значительной мѣрѣ носило захватный характеръ и, регулированное лишь или случаемъ, или произволомъ чиновниковъ,— это землепользованіе было вообще чрезвычайно неравномѣрно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на душу приходилось такое коли-

чество земли, которое крестьяне фактически не могли обработать,—когда они захватывали, какъ это было еще недавно въ Сибири, сотни десятинъ на душу,—а иногда ихъ землевладѣніе выражалось въ полудесятинѣ на душу, т.-е. было совершенно неудовлетворительно. Въ виду того, что часто въ ближайшихъ къ ихъ поселеніямъ мѣстностяхъ земли казны были всѣ разобраны или обращены въ казенныя доходныя статьи, такимъ крестьянамъ приходилось арендовать различныя угодья у сосѣднихъ помѣщиковъ или даже у крестьянъ другихъ наименованій и существовать въ весьма трудныхъ условіяхъ.

Поэтому Киселевъ и рѣшилъ въ свое время урегулировать землевладѣніе государственныхъ крестьянъ, и по его идеѣ были образованы еще въ 40-хъ годахъ кадастровыя поземельныя комиссіи, которыхъ задачей было по возможности уравнять это землевладѣніе казенныхъ крестьянъ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они поселены, и, въ случаѣ, если окажется невозможно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отвести имъ достаточно земли по сосѣдству,—переселять ихъ, обращая въ ихъ надѣлы свободныя земли и тѣ оброчныя статьи, которыми располагало министерство государственныхъ имуществъ.

Вторая задача этихъ комиссій заключалась въ томъ, чтобы, соотвѣтственно земельнымъ и промысловымъ выгодамъ крестьянъ, обложить ихъ уравнительно справедливымъ оброкомъ, вмѣсто той одинаковой и совершенно неравномѣрно ложившейся на нихъ подати, которая существовала до того времени.

Послѣ почти двадцатилѣтней работы этихъ комиссій, въ большинствѣ губерній Европейской Россіи казенные крестьяне дѣйствительно получили болѣе урегулированное и равномѣрное поземельное устройство, при чемъ въ губерніяхъ малоземельныхъ ихъ старались привести къ 8-ми десятинамъ надѣла на душу, что въ сравненіи съ землепользованіемъ помѣщичьихъ крестьянъ представляло весьма значительное обезпеченіе ихъ быта, а въ губерніяхъ многоземельныхъ имъ давалось до 15 десятинъ на душу. Такимъ образомъ, уже при Киселевѣ (1837—1856) государственные крестьяне получили сравнительно съ помѣщичьими весьма значительное земельное обезпеченіе. Затѣмъ, что касается податей, то кадастровыми комиссіями подати эти были исчислены не только соразмѣрно съ пространствомъ отведенной крестьянамъ земли, но и по соображенію съ тѣми промысло-

выми доходами, которые крестьяне имѣли, потому что оказалось что и казенные крестьяне, такъ же какъ и помѣщичьи, во многихъ губерніяхъ иногда значительную часть своихъ доходовъ получали отъ различныхъ промысловъ, нерѣдко даже отхожихъ—особенно въ губерніяхъ нечерноземныхъ,—и вотъ министерство государственныхъ имуществъ приняло это въ расчетъ, такъ что въ составъ земельной подати, вообще говоря, очень умѣренной по сравненію съ данными крестьянамъ землями, входили платежи, какъ за землю, соотвѣтственно ея доходности, такъ и по соразмѣрности съ тѣми доходами, которые эти крестьяне получали отъ различныхъ своихъ промысловыхъ выгодъ. Надо сказать, что это въ значительной мѣрѣ разнообразило и самый размѣръ податей и очень разнообразило въ составѣ этихъ податей ту часть, которая налагалась за промыслы, и ту, которая налагалась за землю; такъ, были губерніи, въ которыхъ до 40% оброчной подати считались составляющими промысловой налогъ. Въ концѣ-концовъ, размѣры вычисленныхъ такимъ образомъ оброчныхъ податей *не только на десятину, но и на душу* были значительно меньше, чѣмъ тѣ оброки, которые существовали въ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ дореформенное время.

Когда началась разработка крестьянской реформы, Киселевъ уже оставилъ свой постъ и былъ замѣненъ сначала Шереметевымъ, а затѣмъ, спустя короткое время (въ 1857 г.), М. Н. Муравьевымъ, который являлся тогда самымъ умнымъ и самымъ злостнымъ крѣпостникомъ среди министровъ императора Александра, какъ это вы могли видѣть по его поведенію въ главномъ комитетѣ по устройству помѣщичьихъ крестьянъ.

Муравьевъ, не столько въ интересахъ казны, сколько именно исходя изъ своихъ крѣпостническихъ побужденій и опасеній, раздѣлявшихся тогда многими крѣпостниками, боялся, чтобы слишкомъ хорошее устройство государственныхъ крестьянъ не повело бы къ болѣе льготному устройству помѣщичьихъ, и сознательно стремясь къ ухудшенію положенія казенныхъ крестьянъ, предпринялъ въ 1859 году переоцѣнку оброчныхъ окладовъ, падавшихъ на государственныхъ крестьянъ. При этомъ имъ было установлено, что земли, отведенныя государственнымъ крестьянамъ, являются государственной собственностью, а не крестьянскою, и что крестьяне должны платить за

эти земли не оброчныя *подати*, а оброчную *плату*, которая однако должна, какъ и прежде, соразмѣряться не только съ доходомъ отъ земли, но и съ доходомъ отъ промысловъ, подъ видомъ платы за промысловыя выгоды усадебъ. При оцѣнкѣ этихъ выгодъ былъ допущенъ значительный произволъ и обложеніе крестьянъ въ результатѣ повысилось вообще болѣе чѣмъ на 50%, а кое-гдѣ и на 80%. Послѣ изданія положенія 19 февраля, когда указомъ 5 марта 1861 г. повелѣно было распространить принципы реформы и на государственныхъ крестьянъ, Муравьевъ составилъ первоначально очень невыгодный для этихъ крестьянъ проектъ ихъ окончательнаго поземельнаго устройства, но къ счастію для нихъ въ составѣ главнаго комитета нашлись защитники ихъ интересовъ, и, въ концѣ-концовъ, дѣло выработки основаній ихъ поземельнаго устройства попало въ руки Н. А. Милютина. Благодаря участію Милютина, всѣ замыслы Муравьева были уничтожены и въ концѣ-концовъ устройство государственныхъ крестьянъ свелось къ тому, что они признаны были повсемѣстно наслѣдственными владѣльцами тѣхъ надѣловъ, которые имъ отводились въ результатѣ работъ кадастровыхъ комиссій. Эти надѣлы, какъ вы видѣли, были своими размѣрами болѣе благопріятны, чѣмъ даже надѣлы, полученные удѣльными крестьянами, не говоря уже о помѣщичьихъ; что же касается повинностей, то несмотря на то, что благодаря стараніямъ Муравьева оброчная подать была значительно повышена по инструкціи 1859 г., все-таки, размѣръ этой подати былъ значительно меньше оброковъ, установленныхъ для помѣщичьихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ устройство и удѣльныхъ и, въ особенности, государственныхъ крестьянъ, въ экономическомъ отношеніи оказалось гораздо болѣе благопріятнымъ, нежели устройство помѣщичьихъ крестьянъ.

Что касается правовой и административной стороны дѣла, то какъ удѣльные, такъ и государственные крестьяне,—послѣдніе по указу 18 января 1866 г.,—были устроены въ административномъ отношеніи на тѣхъ самыхъ началахъ, на которыхъ были устроены и помѣщичьи крестьяне; при чемъ, послѣ того, какъ на государственныхъ крестьянъ было распространено общее положеніе 1861 г., оказалось возможнымъ соединеніе ихъ въ одинъ волости съ сосѣдними помѣщичьими крестьянами,

тамъ гдѣ это оказалось удобнымъ, и опять-таки это было, въ отношеніи размѣровъ волостныхъ сборовъ и въ отношеніи содержанія крестьянской администраціи, для нихъ существеннымъ облегченіемъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что послѣ указовъ 18 января 1866 г. объ административномъ устройствѣ казенныхъ крестьянъ и 24 ноября 1866 года о ихъ поземельномъ устройствѣ, всѣ категоріи крестьянскаго населенія въ Россіи должны были получить одинаковое административное устройство, одинаковыя гражданскія права и, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительныя категоріи крестьянъ получали поземельное устройство гораздо болѣе выгодное чѣмъ то, которое по положенію 1861 года выпало на долю бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Впрочемъ, что касается окончательнаго устройства казенныхъ крестьянъ, то здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что фактически надѣленіе землей и обложеніе различныхъ поселеній казенныхъ крестьянъ подробно разрабатывалось и пересматривалось еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ изданія основного указа 1866 г. о земельномъ и экономическомъ ихъ устройствѣ, въ виду того, что кадастровыя комиссіи не вездѣ кончили къ тому времени свои работы. Тѣ губерніи, въ которыхъ жили казенные крестьяне, были раздѣлены на извѣстныя группы и устраивались особыми поземельно-устроительными партіями чиновниковъ, на основаніи особыхъ инструкцій, каждая изъ которыхъ подвергалась особому высочайшему утвержденію. Инструкціи эти для разныхъ губерній были окончательно выработаны и утверждены между 1867 и 1872 годами. Такимъ образомъ, поземельное устройство удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ было закончено значительно раньше, нежели у крестьянъ бывшихъ казенныхъ, при чемъ земли этихъ послѣднихъ не были признаны сразу ихъ собственностью, и впослѣдствіи имъ пришлось еще ихъ выкупать, какъ вы увидите, по значительно повышеннымъ нормамъ.

Картина, которую на основаніи всѣхъ состоявшихся преобразованій представляло изъ себя землевладѣніе въ Россіи въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія, по даннымъ центральнаго статистическаго комитета представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Данныя центральнаго статистическаго комитета, изданныя въ 1878 году, относятся къ 49-ти губерніямъ Европейской

Россіи, безъ Финляндіи, Царства Польскаго и Кавказа. Всей земли въ этихъ 49 губерніяхъ исчислено было 391 милл. дес.— въ круглыхъ цифрахъ. Затѣмъ, въ составѣ этихъ 391 милл. дес. земель казенныхъ, т.-е. не надѣленныхъ крестьянамъ, а оставшихся непосредственно въ распоряженіи казны, въ этотъ моментъ было 150 милл. дес., что составляло 38,5% общаго пространства этихъ губерній. Затѣмъ земель, которыя оставались въ непосредственномъ владѣніи удѣловъ, опять-таки послѣ надѣленія удѣльныхъ крестьянъ, было 7,4 милл. дес., т.-е. 2,2% общаго количества; въ частной собственности помѣщиковъ и другихъ землевладѣльцевъ было 93 милліона дес. т.-е. 23,78%, если же различать составъ дворянскаго и недворянскаго землевладѣнія, то собственно дворянскихъ земель къ концу 70-хъ годовъ оставалось только 73 милл. дес., а земель, принадлежавшихъ владѣльцамъ недворянскихъ сословій, разночинцамъ, въ числѣ которыхъ были и богатые крестьяне, покупавшіе земли отдѣльно отъ своихъ обществъ—было 20 милл. дес. Размѣры землевладѣнія церквей, городовъ, монастырей и др. учрежденій достигали 8,5 милл. дес. Наконецъ, надѣльныхъ земель крестьянъ—помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ вмѣстѣ— было 130 милл. дес., такъ что, собственно, земли крестьянъ, не считая купчихъ ихъ земель, хотя бы купленныхъ обществами, каковыхъ было тогда всего около 762 тыс. дес.,—составляли 33,4% всего земельнаго пространства этихъ 49 губерній и такимъ образомъ значительно превышали частное землевладѣніе.

Профессоръ Ходскій, въ 80-хъ годахъ издалъ книгу, посвященную выясненію положенія крестьянъ на основаніи произведенной реформы, гдѣ старался выяснить приблизительную матеріальную обезпеченость каждаго разряда крестьянъ. Раньше, въ 1876 году, эту задачу бралъ на себя профессоръ Янсонъ, который, на основаніи весьма недостаточныхъ цифръ, пытался исчислить надѣлы и повинности крестьянъ. Впослѣдствіи намъ придется еще остановиться на его исчисленіяхъ и выводахъ, но теперь, для выясненія общей картины землевладѣнія въ Россіи, я приведу вамъ цифры профессора Ходскаго, такъ какъ онѣ основаны на данныхъ центр. статистическаго комитета, опубликованныхъ въ 1878 г. Л. В. Ходскій высчиталъ, что изъ 10.670 тыс. крестьянъ мужскаго пола, бывшихъ государ-

ственныхъ и удѣльныхъ, 5.400 тыс. душъ или 50%, были надѣлены щедро; затѣмъ 3.800 тыс. душъ или 35%, были надѣлены достаточно и 1.455 тыс. душъ, или 13,7%, были надѣлены недостаточно. Но что такое щедро, достаточно и недостаточно по терминологіи профессора Ходскаго? Эти термины имѣютъ у него слѣдующій условный смыслъ: въ виду того, что правительство не располагало никакими кадастровыми данными, которыя давали бы возможность точно исчислить достаточно или недостаточно землевладѣніе крестьянъ по *потребительной* нормѣ, т.-е. по тому, насколько достаточно получающихся отъ обработки надѣла средствъ для прпитанія крестьянской семьи, или по *рабочей* нормѣ, т.-е. по тому, насколько данное землевладѣніе поглощаетъ рабочія силы крестьянской семьи, профессоръ Ходскій предложилъ довольно грубый пріемъ оцѣнки крестьянскаго обезпеченія землей; онъ предложилъ исходить изъ бытовыхъ условій, которыя исторически сложились въ дореформенное еще время, когда сама жизнь опредѣляла достаточность или недостаточность земельныхъ нормъ, съ точки зрѣнія наличныхъ экономическихъ условій. Онъ справедливо указывалъ, что у помѣщичьихъ крестьянъ въ дореформенное время (въ сущности, впрочемъ, лишь у тѣхъ, которые работали на барщинѣ) нормы надѣловъ опредѣлялись возможностью обработать эти надѣлы въ теченіе тѣхъ трехъ дней въ недѣлю, которые крестьяне употребляли на себя. Такимъ образомъ, это, въ сущности говоря, составляло при максимальномъ надѣлѣ половину того количества земли, которое бы крестьяне могли обработать, работая цѣлую недѣлю для себя и не отправляя барщины. Въ то же время этотъ надѣлъ давалъ возможность крестьянамъ удовлетворять, конечно болѣе или менѣе въ обрѣзъ, свои элементарныя продовольственныя нужды. Именно эта норма и соотвѣтствовала *максимальному* надѣлу помѣщичьихъ крестьянъ. Что касается крестьянъ государственныхъ, то тамъ, благодаря довольно достовѣрнымъ расчетамъ, сдѣланымъ кадастровыми комиссіями и благодаря отсутствію барщины, можно было принять, что крестьяне все свое время употребляли на свою запашку, вслѣдствіе чего Ходскій считалъ, что среднія нормы землевладѣнія казенныхъ крестьянъ выражаютъ тотъ размѣръ надѣла, который, съ одной стороны, вполнѣ достаточенъ для безнуждаго существованія, т.-е. для

Библиотека Коммунистической Академии

удовлетворенія *всѣхъ*, а не однихъ только *продовольственныхъ нуждъ*, а, съ другой стороны, поглощаетъ всѣ рабочія силы семьи, поэтому г. Ходскій думалъ, что тамъ, гдѣ крестьяне получили выше этихъ нормъ,—тамъ надѣленіе можно считать *щедрымъ* [1]). Исходя изъ этихъ соображеній, онъ и признавалъ, что среди крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ 50% было надѣлено *щедро*, а 35% считалъ надѣленными *достаточно*. *Достаточными* надѣлами Ходскій не совсѣмъ послѣдовательно признавалъ тѣ, которые приходились между максимальнымъ надѣломъ помѣщичьихъ крестьянъ и этой средней нормой надѣленія государственныхъ крестьянъ. Надо сказать, что этотъ второй разрядъ получился у него, такимъ образомъ, довольно неоднороднымъ, потому что тѣ крестьяне, которыхъ надѣленіе приближалось къ максимальной нормѣ надѣла помѣщичьихъ крестьянъ, получили, какъ мы видѣли, только половину того количества земли, которое они могли бы обработать, а тѣ, владѣнія которыхъ приближались къ средней нормѣ владѣнія государственыхъ крестьянъ, получили дѣйствительно болѣе или менѣе достаточный надѣлъ. И поэтому мы видимъ, что, напримѣръ, въ самарской губерніи Ходскій считалъ надѣленными щедро тѣхъ, которые получили больше 10-и десятинъ, а въ разрядъ надѣленныхъ достаточно онъ зачислялъ получившихъ отъ 3-хъ до 10-и десятинъ и это одно уже указываетъ на большую разнородность всей этой категоріи. Какъ бы то ни было, тѣ, которые получили меньше этого, получили надѣлы, уже явно *недостаточные*, и лицъ такого рязряда изъ числа казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, Ходскій насчиталъ все-таки 13%.

Что касается до крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, число которыхъ приблизительно равнялось числу крестьянъ государственныхъ вмѣстѣ съ удѣльными,—(государственныхъ было около 10 милл. душъ, а удѣльныхъ около 850 тыс. душъ, такъ что вмѣстѣ ихъ было около 10.600 тыс. душъ, а крестьянъ помѣщичьихъ было также около 10.600 тыс. душъ), то изъ нихъ

---

[1]) Въ сущности говоря, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, напр. въ полтавской губ., и государственные крестьяне владѣли далеко не щедрымъ и даже не вполнѣ достаточнымъ надѣломъ. Срав. книгу проф. *В. А. Косинскаго* „Къ аграрному вопросу." Одесса 1906 г., стр. 220 и слѣд.

Л. В. Ходскій считалъ *щедро* надѣленными, т.-е. по нормѣ, превышавшей среднюю норму владѣнія крестьянъ государственныхъ, только 13%. Затѣмъ 4.625 тыс. душъ, или 43,5% было надѣлено по его терминологіи *достаточно* и, наконецъ, 42%— 4.460 тыс. душъ—получили явно *недостаточные* надѣлы. Если же объединить всѣ категоріи крестьянъ вмѣстѣ и вычислить процентное отношеніе каждаго изъ трехъ разрядовъ ко всей массѣ крестьянъ, то получаются такія цифры: всего было душъ мужскаго пола во всѣхъ этихъ категоріяхъ 21.278 тыс. Изъ нихъ 6.900 тыс., главнымъ образомъ казенные и удѣльные крестьяне, были, по расчетамъ Ходскаго, надѣлены *щедро*,—они составляли 32 % т.-е. *менѣе одной трети* всей массы. Затѣмъ 8.430 тыс., или *около* 40%, были надѣлены *достаточно*,—съ тѣми оговорками, которыя я уже сдѣлалъ относительно пониманія этого термина,—и наконецъ 5.900 тыс., или около 28%, т.-е. *нѣсколько болѣе одной четверти*, были надѣлены *недостаточно*.

Надѣленіе крестьянъ въ общемъ было все же довольно широко, если сопоставить общіе размѣры крестьянскаго землевладѣнія лишь съ тѣми размѣрами частнаго землевладѣнія, которые въ то время существовали, и не брать въ расчетъ огромной доли казеннаго землевладѣнія, которое, по большей части, состояло изъ земель весьма удаленныхъ и неудобныхъ для обработки, такъ что только 4 милл. дес. изъ этихъ земель утилизировалось въ качествѣ оброчныхъ статей, а остальные 146 милл. дес. были расположены главнымъ образомъ въ сѣверныхъ губерніяхъ и представляли собою лѣса, воды и болота, которыя очень увеличивали общую цифру казеннаго землевладѣнія, но въ составъ дѣйствительно годнаго къ немедленной утилизаціи земельнаго фонда по своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ войти не могли.

Вотъ, слѣдовательно, въ самыхъ общихъ чертахъ, та картина землевладѣнія крестьянства и обезпеченности его землею, которая представлялась вскорѣ по выполненіи на практикѣ крестьянской реформы во всемъ ея объемѣ. Какъ эта обезпеченность впослѣдствіи измѣнилась и какіе сказались недочеты въ проведенномъ устройствѣ крестьянъ, мнѣ придется разсмотрѣть въ одной изъ слѣдующихъ лекцій.

ЛЕКЦІЯ XXVIII.

Ближайшіе результаты крестьянской реформы. Ростъ населенія въ Россіи до и послѣ реформы. Критика имѣющихся въ литературѣ взглядовъ и мнѣній по этому предмету. Разселеніе населенія въ Россіи до и послѣ реформы. Ростъ городского населенія до и послѣ реформы. Экономическое положеніе Россіи послѣ эпохи реформъ. Промышленный кризисъ и его причины.

Теперь я хочу остановиться на ближайшихъ результатахъ крестьянской реформы, экономическихъ и соціальныхъ, которыми до послѣдняго времени опредѣлялось то движеніе общей русской жизни, о которомъ я говорилъ вамъ въ прошлой лекціи.

Тѣ изъ историковъ русской жизни, которые этимъ вопросомъ занимались,—какъ напримѣръ, профессоръ Милюковъ, который его касался попутно въ своей извѣстной книгѣ „Очерки по исторіи русской культуры"—и тѣ, которые недавно, уже въ послѣднее время, разрабатывали связанныя съ этимъ вопросомъ данныя,—какъ напримѣръ, г. Огановскій, который издалъ въ 1911 г. книгу „Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи"—всѣ эти историки указываютъ довольно согласно на то, что первымъ тотчасъ же сказавшимся послѣ крестьянской реформы, и притомъ особенно яркимъ, ея послѣдствіемъ, былъ неимовѣрно усилившійся ростъ населенія [1]). П. Н. Милюковъ подходитъ къ этому выводу очень издалека, указывая вполнѣ справедливо, что въ Россіи и особенно въ ея центральной области, ростъ населенія очень долго задерживался и даже одно время, именно въ началѣ 18-го столѣтія, въ періодъ

---

[1]) *П. Н. Милюковъ* „Очерки по исторіи русской культуры", часть I, стр. 24 и слѣд. (6-е изданіе).

Н. Огановскій „Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи", Спб. 1911, стр. 399 и слѣд.

бурной петровской дѣятельности, въ періодъ его войнъ и дорого обходившихся населенію реформъ и сооруженій, населеніе здѣсь сильно убыло абсолютно. Точно то же мы, съ вѣроятностью, должны предположить и для Смутнаго времени конца XVI и начала XVII столѣтій, хотя для этого нѣтъ точныхъ данныхъ. Поэтому Милюковъ полагаетъ, что въ Россіи, начиная, можетъ быть, съ 16—17-го вв. вплоть до второй четверти 18-го столѣтія, прироста населенія почти совсѣмъ не было, потому что весь приростъ поглощался тѣми огромными жертвами, которыя населенію приходилось нести на созданіе русскаго государства и на борьбу за территорію. Милюковъ далѣе указываетъ, что для центральныхъ губерній, т.-е. для петровской московской губерніи, которая захватывала позднѣйшія калужскую, тульскую, часть рязанской, часть нижегородской, костромскую, владимирскую и часть тверской, можно дать такія цифры: въ 1678 г. тамъ было 39 чел. на квадратную версту, а въ 1724 г. приходилось безъ малаго 29 чел. и только въ 1858 г., т.-е. передъ самой крестьянской реформой, опять плотность населенія сравнялась съ той, которая была въ серединѣ 17-го вѣка, именно стала 39,4 чел. на версту. По переписи же 1897 г., т.-е. въ концѣ 19-го столѣтія, здѣсь было уже 52,9 чел. на версту. Такимъ образомъ, дѣйствительно, на первый взглядъ тутъ въ ростѣ населенія за послѣднія 40 лѣтъ 19-го вѣка получается огромный скачекъ. Въ петровской кіевской губерніи Милюковъ считалъ въ 1678 году 11,4 чел. на кв. версту, а въ 1724 году—11,2. Но тутъ уже въ 1858 году, во время послѣдней ревизіи, плотность населенія возросла до 40 чел. на кв. в., а въ 1897 году она достигала 57 чел. на кв. версту, такъ что тутъ мы видимъ весьма значительный ростъ населенія и въ пореформенное время, но также весьма значительный и до реформы. Аналогичныя цифры П. Н. Милюковъ приводитъ и для другихъ областей Европейской Россіи, и уже изъ его цифръ видно, что, въ сущности, по всѣмъ областямъ Россіи ростъ населенія послѣ Петра шелъ довольно быстро. Но все же изъ его разслѣдованія можно заключить, особенно при поверхностномъ взглядѣ на его цифры и діаграммы, что послѣ реформы ростъ населенія шелъ гораздо быстрѣе. Этотъ выводъ склонны безъ дальнѣйшаго анализа данныхъ принимать и позднѣйшіе изслѣдователи, которые обыкновенно

считаютъ, что именно послѣ крестьянской реформы въ Россіи наблюдается чрезвычайно сильный ростъ населенія [1]). Тотъ новѣйшій писатель, о которомъ я только что упомянулъ, г. Огановскій, напечатавшій въ 1911 г. свои „Очерки по исторіи поземельныхъ отношеній въ Россіи", указываетъ неоднократно, основываясь на данныхъ П. Н. Милюкова, какое въ пореформенное время огромное значеніе имѣлъ, по его мнѣнію, этотъ усиленный ростъ населенія.

Если, однако, мы примемъ въ расчетъ данныя всѣхъ ревизій, бывшихъ въ XIX вѣкѣ въ Россіи, [2]) то мы увидимъ, что, собственно говоря, ростъ населенія въ XIX вѣкѣ измѣнялся не совсѣмъ такъ, какъ это представляетъ себѣ г. Огановскій. Именно, если мы прослѣдимъ, начиная съ пятой ревизіи, произведенной въ самомъ концѣ XVIII вѣка, измѣненіе количества населенія въ Россіи до народной переписи 1897-го г., т.-е. какъ разъ за сто лѣтъ XIX вѣка, то мы увидимъ, что въ Россіи по пятой ревизіи числилось населенія около 36 милл. душъ обоего пола, причемъ въ составъ этихъ 36 милл. причислено (приблизительно) и населеніе присоединенныхъ при Екатеринѣ областей; а если брать только области, входившія въ составъ Россіи до Екатерины, въ нихъ было по V ревизіи только 29 милл. душъ. Затѣмъ, слѣдующая ревизія, *шестая*, происходила какъ разъ наканунѣ отечественной войны, въ 1811 году, и обнаружила значительный ростъ населенія, именно за 14 лѣтъ оно увеличилось съ 36 милл. до 41 милл. душъ. Далѣе, по *седьмой* ре-

---

[1]) Кажется, чуть ли не первымъ изслѣдователемъ крестьянскаго быта, выразившимъ въ самой категоричной формѣ заключеніе о томъ, что крестьянское населеніе стало расти послѣ 1861 г. „съ неимовѣрной" быстротой, былъ *П. П. Семеновъ* въ своемъ предисл. къ данныхъ конской переписи 1882 г. (стр. XXVI). Въ значительной мѣрѣ его выводъ принялъ и *П. Б. Струве* въ своей извѣстной юношеской работѣ „Критич. замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи" Спб. 1894 г., стр. 198 и слѣд.

Въ настоящее время въ только что вышедшей книгѣ „Крѣпостное хозяйство. Изслѣдованія по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX в. в." Спб. 1913, гдѣ собранъ рядъ старыхъ работъ П. Б. Струве въ значительно переработанномъ видѣ, онъ отъ прежней своей точки зрѣнія отказывается. См. стр. 143 и слѣд.

[2]) Надъ ними работаетъ *В. Э. Донъ*, который впрочемъ пока свои изслѣдованія еще не закончилъ.

визіи, произведенной непосредственно послѣ отечественной войны, населеніе, *въ общемъ для всей Россійской имперіи*, еще увеличилось, почти до 45 милл. душъ. Но надо сказать, что въ составъ послѣдней цифры включено и населеніе новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній,— именно царства Польскаго, гдѣ было тогда около 3 милл. населенія, бессарабской области (около 300 тыс. душъ) и великаго княжества Финляндскаго (болѣе 1-го милл. д.) не упоминая уже о кавказскихъ владѣніяхъ, гдѣ населеніе въ то время было сосчитать довольно трудно. Такимъ образомъ, мы должны сказать, что если мы и видимъ общее увеличеніе населенія въ періодъ между шестой и седьмой ревизіями, то только благодаря этимъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ. Если же мы исключимъ эти территоріальныя пріобрѣтенія, то получимъ по исчисленіямъ академика Германа, сдѣланнымъ въ 20-хъ гг. XIX вѣка [1]), что въ тогдашней Россіи, безъ царства Польскаго, Финляндіи и Бессарабіи, но съ частью Кавказа и съ сибирскими губерніями, въ 1811 году населенія *мужского* пола было 18.800 тыс. душъ въ круглыхъ цифрахъ, а черезъ четыре года оно *уменьшилось* почти на милліонъ душъ и равнялось лишь 17.900 тыс. душ. Если же мы примемъ въ расчетъ, что ежегодный приростъ населенія въ предшествующіе годы составлялъ больше 1%, какъ оно и было въ дѣйствительности, то мы должны были бы ожидать увеличенія его за 4 года приблизительно на 750 или 800 тыс. душъ, а вмѣсто того мы имѣемъ убыль почти въ 1 милл. душъ, т.-е. въ общемъ должны констатировать, что вся убыль (вслѣдствіе наполеоновскихъ войнъ) была болѣе $1^1/_2$ милліоновъ душъ одного только мужского пола. Наполеоновскія войны, такимъ образомъ, не только поглотили весь нормальный приростъ населенія, но прямо произвели его абсолютную убыль. Затѣмъ, когда наполеоновскія войны кончились, то населеніе стало вновь быстро возрастать, несмотря на существованіе крѣпостного права, и это нисколько не противорѣчитъ и наблюденіямъ въ другихъ странахъ, ибо нигдѣ рабство не вело, въ сущности, къ уменьшенію населенія; оно доводило населеніе до весьма тягост-

---

[1]) Принимая данныя Германа, я исправилъ тѣ значительныя опечатки, которыя заключались въ его таблицѣ напечатанной въ „Mémoires de l'Academie des Sciences de St. P., t. VII. St. P. 1820, p. 456.

наго состоянія, но извѣстно, что и тогда населеніе, въ странахъ, гдѣ естественныя условія даютъ къ этому возможность, продолжаетъ нерѣдко размножаться. И дѣйствительно, въ 30—40-хъ годахъ въ Россіи населеніе росло весьма сильно и, если вы возьмете данныя *девятой* ревизіи, то увидите значительный приростъ населенія, потому что по ревизіи 1815 г. во всей Россійской Имперіи, со всѣми территоріальными пріобрѣтеніями Александра I, было менѣе 45 милл. душъ обоего пола, а въ 1851 г. размѣры населенія (по Кеппену) дошли въ ней до 68 милл. душъ обоего пола. Итакъ, вы видите, что за этотъ небольшой промежутокъ времени — за 36 лѣтъ — населеніе увеличилось больше чѣмъ въ полтора раза, несмотря на то, что въ это время уже никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній не было, при чемъ въ число этихъ 36 лѣтъ входилъ 1848 холерный годъ, когда населеніе, благодаря тогдашнему неумѣнію бороться съ холерой, убыло почти на 1 милл. душъ, и рядъ бѣдственныхъ, неурожайныхъ лѣтъ (1820—21, 1833, 1839—40, 1843—46, 1848). Затѣмъ между *девятой* и *десятой* ревизіями, за краткій промежутокъ въ семь лѣтъ—*десятая* ревизія была произведена передъ крестьянской реформой въ 1858 г.,—мы видимъ, что населеніе опять значительно выросло и общее его количество дошло до 74 милл. душъ. Слѣдовательно, въ общемъ, ростъ былъ и въ это время великъ, несмотря на то, что тутъ опять были бѣдственные годы, когда ростъ населенія сильно задерживался—именно, Крымская война, которая дала уменьшеніе въ ростѣ населенія по крайней мѣрѣ на полмилліона душъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и въ крѣпостное время, если брать *все* населеніе Россіи, то оно росло весьма замѣтно. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что въ это время число собственно *крѣпостныхъ крестьянъ* не только не прибывало между *восьмой* и *девятой* и между *девятой* и *десятой* ревизіями (до этого времени и оно прибывало весьма значительно), а даже слегка уменьшалось; но это опять-таки не свидѣтельствуетъ о прекращеніи его роста, а только о томъ, что и во время крѣпостного права значительное количество крѣпостныхъ крестьянъ уходило изъ своего состоянія—во-первыхъ, путемъ отпуска на волю отдѣльныхъ селеній: хотя мы и знаемъ, что отдѣльные случаи освобожденія крѣпостныхъ имѣній не давали большихъ цифръ,

но все-таки они составили за это время десятки тысячъ, вообще же начиная съ 1804 г. дали больше ста тысячъ душъ м. п. [1]). Затѣмъ, значительная часть крѣпостныхъ дворовыхъ людей и крестьянъ откупалась одиночками и отдѣльными семьями и для этой категоріи никакой статистики не существовало, а несомѣнно все-таки, что въ суммѣ и они составляли нѣкоторый процентъ. Затѣмъ, при Киселевѣ казна спеціально покупала у помѣщиковъ имѣнія, и въ составѣ такихъ имѣній было куплено около 54 тысячъ душъ; это опять-таки дало извѣстную убыль въ числѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Затѣмъ самочинно путемъ бѣгства уходило изъ крѣпостной зависимости также значительное число людей и немалое число ихъ ежегодно ссылалось въ Сибирь и по судебнымъ приговорамъ, и по требованію помѣщиковъ. Но самая значительная убыль происходила путемъ рекрутскихъ наборовъ, которые назначались для каждой губерніи черезъ годъ, а иногда ежегодно, и брали отъ 5—10 чел. съ тысячи мужск. душъ. Въ общемъ они уменьшили численность крѣпостного населенія между *восьмой* и *десятой* ревизіями не менѣе чѣмъ на $1^1/_2$ милл. душъ. [2]). Такимъ образомъ мы можемъ, какъ мнѣ кажется, придти къ довольно обоснованному выводу, что численность крѣпостного населенія не увеличивалась между 8-ой и 9-ой ревизіями и даже нѣсколько уменьшилась между 9-ой и 10-ой ревизіями вовсе не потому, чтобы въ это время уменьшился *естественный приростъ* населенія, а просто потому, что значительная часть крѣпостныхъ людей перечислена была въ это время въ другіе разряды населенія.

---

[1]) Срав. *В. И. Вешнякова* „Крестьяне-собственники въ Россіи“ Спб. 1858 г.

[2]) Срав. *А. Г. Тройницкаго* „Крѣпостное населеніе въ Россіи, по 10-й народной переписи“. Спб. 1861 г., стр. 54 и слѣд. Срав. также „Военно-стат. сборникъ“ *Н. Н. Обручева*, т. IV, ч. II, стр. 2. Съ 1834 г. наборъ производился ежегодно въ одной изъ двухъ половинъ, на которыя въ этомъ отношеніи раздѣлена была Россія—отъ 5 до 10 человѣкъ съ каждой тысячи душъ мужского пола. Въ восточную войну 1853—1856 годовъ взято было 70 человѣкъ съ тысячи, что составило съ 10 милл. крѣпостного населенія не менѣе 700 тысячъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ наборъ шли люди отъ 20 до 35 лѣтняго возраста, т.-е. самые плодовитые производители населенія, что отражалось на числѣ рожденій въ слѣдующіе за наборомъ годы.

Все это я привожу для того, чтобы ограничить тѣ оптимистическіе выводы, которые напрашиваются при видѣ значительнаго роста бывшаго крѣпостного населенія послѣ отмѣны крѣпостного права, сравнительно съ тѣмъ, какой будто бы былъ при крѣпостномъ правѣ. Если взять *всю* первую половину XIX столѣтія, то ростъ населенія въ эту эпоху былъ дѣйствительно нѣсколько меньше, чѣмъ во вторую его половину,—виною этому былъ рядъ войнъ и такія бѣдствія, какъ холера; но послѣ наполеоновскихъ войнъ, несмотря на наличность въ это время двухъ холерныхъ и цѣлаго ряда неурожайныхъ годовъ, ростъ населенія былъ относительно почти такъ же великъ, какъ послѣ освобожденія крестьянъ.

Я долженъ вамъ напомнить, что вообще ростъ населенія во время, слѣдовавшее за наполеоновскими войнами, явился, какъ я думаю и какъ я говорилъ вамъ и раньше, одной изъ самыхъ главныхъ причинъ, подготовившихъ паденіе крѣпостного права, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ экономическихъ условій, разрушавшихъ помѣщичье хозяйство того времени [1]).

Апріорныя соображенія наводятъ изслѣдователей пореформенной эпохи еще и на другую мысль,—что послѣ такого событія, какъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права, должно было чрезвычайно усилиться *разселеніе* населенія, которое должно было двинуться, съ одной стороны, въ мѣстности малонаселенныя съ удобными для культуры землями, а съ другой стороны, въ города,—это послѣднее тѣмъ болѣе, что съ упраздненіемъ крѣпостного права получили возможность свободно проявляться и дѣйствовать такія условія, которыя создаютъ во всѣхъ странахъ правильное развитіе капиталистическаго хозяйства (умноженіе на рынкѣ свободныхъ рабочихъ рукъ и переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному въ большихъ размѣрахъ). Таковы апріорныя соображенія, и историки, которые склонны имъ слѣдовать, такъ нерѣдко и заключали, и къ этимъ соображеніямъ пріурочивали и соотвѣтствующія цифры, какія можно извлечь изъ имѣющихся у насъ статистическихъ данныхъ.

---

[1]) *Мой* „Курсъ", часть 2-ая, стр. 41 и слѣд. Срав. *мою* статью „Эпоха Отечественной войны и ея значеніе въ новѣйшей исторіи Россіи". *Русская Мысль*, за 1912 г., XI кн., стр. 149 и слѣд.

Но если мы будемъ исходить именно изъ всего наличнаго статистическаго матеріала, который дается ревизіями, переписями и тѣми статистическими данными, которыя собраны были центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ разное время, то мы увидимъ, что апріорныя соображенія и въ данномъ случаѣ опять-таки не совсѣмъ оправдываются.

Если мы изучимъ детально увеличеніе роста населенія по отдѣльнымъ губерніямъ, что и даетъ намъ картину разселенія по Россіи,—то мы увидимъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда переселялись крестьяне, какъ въ дореформенное время, такъ и въ пореформенное,—т.-е. въ губерніяхъ, гдѣ населеніе особенно сильно возросло въ теченіе XIX-го вѣка,—значительная часть этого возрастанія, а по многимъ губерніямъ главная, относится все же ко времени дореформенному.

Если мы сравнимъ ростъ населенія въ XIX вѣкѣ съ 1797 по 1897 годъ въ окраинныхъ юго-восточныхъ и южныхъ губерніяхъ съ ростомъ его за то же время въ центральныхъ, особенно центральныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, то увидимъ колоссальную разницу между тѣми и другими. Тогда какъ въ ярославской губерніи населеніе увеличилось за все столѣтіе лишь на 17%, во владимірской и калужской на 30%, въ костромской, тверской, смоленской, псковской и даже *черноземной* тульской губерніи едва на 50—60%,—въ губерніи астраханской оно прибыло на 1750%, въ губерніи уфимской на 1200%, въ губерніи самарской и въ области войска донского—на 1000%, въ губерніи херсонской на 700%, въ Бессарабіи на 800 или 900%, въ таврической губ. на 400%, въ екатеринославской на 350%, и т. д. Это указываетъ на значительный отливъ населенія изъ центра къ периферіи. Среди же центральныхъ и сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній усиленнымъ ростомъ населенія выдѣляются лишь столичныя губерніи, московская и въ особенности петербургская, гдѣ за это время населеніе возросло: въ московской на 150% и въ петербургской на цѣлыхъ 500%. Здѣсь этотъ ростъ населенія объясняется всецѣло ростомъ городского столичнаго населенія.

Если мы однако же посмотримъ, когда же именно произошелъ этотъ огромный отливъ населенія отъ центра къ периферіи, то убѣдимся, что въ значительной, а иногда и въ большей своей части отливъ этотъ совершился во время дореформенное. Это

наглядно видно изъ приводимой мной въ приложеніи таблицы тѣхъ губерній, по которымъ можно прослѣдить ростъ населенія за все столѣтіе, и изъ составленныхъ по этимъ же даннымъ картограммъ.

Почти то же приходится сказать относительно роста городского населенія въ Россіи. П. Н. Милюковъ въ своей книгѣ „Очерки по исторіи русской культуры“ приводитъ весьма интересныя цифры относительно роста городского населенія у насъ за цѣлые $2^1/_2$ вѣка. Первая цифра, которая у него имѣется, относится къ первой половинѣ XVII-го вѣка,—къ 1630 г. Онъ указываетъ, что тогда городское населеніе Россіи равнялось 292 тысячамъ и составляло 2,4 процента ко всему населенію. Черезъ сто лѣтъ почти населеніе городовъ увеличилось лишь до 328 тыс., т.-е. въ сущности очень ничтожно, но такъ какъ въ этотъ періодъ и ростъ всего населенія вообще задерживался петровскими войнами и реформами, — при Петрѣ населеніе, какъ вы знаете, даже уменьшилось, а вообще увеличилось и во все это время очень немного,—то эти 328 тыс. все-таки даютъ $2^1/_2\%$ ко всему населенію, т.-е. почти то же, что и въ 1630 году. Затѣмъ, по даннымъ IV ревизіи, въ 1782 г. мы имѣемъ уже 802 тыс. городского населенія или 3,1% къ общей цифрѣ населенія Россіи. Къ 1796 году, т.-е. къ пятой ревизіи, которая для насъ составляетъ исходный пунктъ при опредѣленіи движенія населенія въ XIX-омъ вѣкѣ, мы имѣемъ, по Милюкову 1.301 тыс. городского населенія, что составляло 4,1% всего тогдашняго населенія. Затѣмъ, для шестой ревизіи, П. Н. Милюковъ даетъ цифру въ 1.600 тыс. или 4,4%; далѣе, по восьмой ревизіи—3.025 тыс., что составляетъ 5,8%; затѣмъ, по 9-ой ревизіи 1851 г., онъ указываетъ цифру 3.482 тыс. городского населенія и это составляетъ едва 5% [1]). Затѣмъ для 1858 года онъ дастъ цифру въ 6 милл. чел., что составляетъ ко всему населенію 9,2%. Далѣе, П. Н. Милюковъ сразу беретъ перепись 1897 года и приводитъ цифру въ 16.289 тыс. городского населенія, что составляетъ къ весьма возросшей къ этому времени общей величинѣ населенія почти 13%.

---

[1]) У Милюкова, тутъ % указанъ ошибочно 7,8.

Общій выводъ, который можно отсюда сдѣлать, тотъ, что городское населеніе въ пореформенное время возросло довольно значительно не только абсолютно, но также и относительно, хотя, впрочемъ, самъ г. Милюковъ находитъ и существующее теперь отношеніе городского населенія ко всему населенію очень невыгоднымъ по сравненію съ другими, болѣе культурными, странами. На самомъ дѣлѣ, однако, цифры, приведенныя П. Н. Милюковымъ, требуютъ значительныхъ поправокъ. Дѣло въ томъ, что приведенныя у него цифры, относящіяся къ дореформенному времени (кромѣ, повидимому, цифры 1858 года) означаютъ собственно численность такъ называемыхъ *городскихъ сословій*, т.-е. численность мѣщанъ и купцовъ вмѣстѣ взятыхъ, и ихъ отношеніе ко всему населенію. Между тѣмъ, по переписи 1897 года берутся *всѣ городскіе жители*, а не только мѣщане и купцы. Если же мы возьмемъ тѣ данныя, которыя разрабатывались еще въ 40-хъ годахъ хозяйственнымъ департаментомъ, то мы увидимъ, что въ 1847 г. городское населеніе всей Россіи равнялось 4.700 тыс. душъ. Въ составѣ этого населенія числилось 2.300 тыс. мѣщанъ, что давало около 50%; затѣмъ около $4^1/_2$% составляли купцы, около $5^1/_2$% было дворянъ и другихъ привиллегированныхъ, около $1^1/_2$% составляло духовенство. Всѣ эти категоріи вмѣстѣ составляли, такимъ образомъ, $61^1/_2$% общаго числа городскихъ жителей, а всѣ остальные $38^1/_2$% отнесены въ категорію „прочихъ“ Профессоръ Дитятинъ, который изслѣдовалъ спеціально исторію городовъ Россіи въ XIX вѣкѣ, занимался выясненіемъ вопроса, кто же эти „прочіе“, и выяснилъ, что это „фабричные, чернорабочіе, извозчики, ямщики и тому подобныя категоріи рабочаго населенія, которыя по происхожденію своему и по приппскѣ принадлежали почти всѣ къ *крестьянскому сословію*“.

И дѣйствительно, выводы эти совершенно правдоподобны, потому что мы видимъ и теперь, что въ составѣ населенія Москвы и Петербурга громадная доля приходится на крестьянъ, которые, не переписываясь въ мѣщане, годами и десятками лѣтъ живутъ въ городѣ, ведутъ торговлю, занимаются различными промыслами и продолжаютъ числиться въ составѣ крестьянскаго сословія. Мы видимъ, напримѣръ, что въ Петербургѣ въ концѣ 40-хъ годовъ изъ городского населенія 9% было

мѣщанъ и 5% купцовъ, а остальные 86% были сословія не городского [1]).

Отсюда очевидно, что цифра городскихъ сословій и цифра городского населенія,—это вещи несравнимыя; и если у П. Н. Милюкова первыя цифры, за время дореформенное, даютъ величину населенія, принадлежавшаго къ городскимъ сословіямъ (кромѣ повидимому цифры 1858 года), то ихъ нельзя сравнивать съ цифрами городского населенія вообще, по переписи 1897 года, ибо эти послѣднія охватываютъ и разночинцевъ и дворянъ и крестьянъ, жившихъ въ городахъ въ это время.

Если же мы положимъ въ основаніе расчета тотъ составъ городского населенія, который я вамъ привелъ по даннымъ хозяйственнаго департамента въ 40-хъ годахъ, даннымъ, впервые приведеннымъ и освѣщеннымъ профессоромъ Дитятинымъ,—то мы увидимъ, что приводимыя П. Н. Милюковымъ цифры [2]) городского населенія за дореформенный періодъ надо увеличить приблизительно раза въ $1^1/_2$, если не больше, а тогда картина роста населенія получится значительно иная, чѣмъ въ табличкѣ, имъ приводимой.

Мы увидимъ тогда, что ростъ городского населенія шелъ послѣдовательно, постепенно, очень тихо и, въ сущности говоря, въ пореформенное время очень мало усилился въ сравненіи съ тѣмъ, каковъ онъ былъ до реформы. Надо сказать, что въ пореформенное время росло гораздо больше, какъ впрочемъ и въ дореформенное, населеніе столицъ и немногихъ большихъ промышленныхъ центровъ. Здѣсь населеніе росло дѣйствительно въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ остальныхъ городахъ. Цѣлый же рядъ другихъ городскихъ поселеній оставался въ сравнительно неподвижномъ состояніи и въ первые годы послѣ реформы.

Такимъ образомъ, изо всего, мною изложеннаго, вы видите, что апріорныя соображенія относительно дѣйствія крестьянской реформы на ростъ населенія, на его разселеніе по Россіи, на

[1]) *И. И. Дитятинъ.* „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи. Т. II, Городское самоуправленіе въ настоящемъ (XIX) столѣтіи". Ярославль, 1877, стр. 323 и слѣд.

[2]) Кромѣ цифры городского населенія въ 1858 г., которую я незнаю откуда П. Н. Милюковъ взялъ, но которая, повидимому, выражаетъ приблизительно все городское населеніе, а не одни лишь городскія сословія.

рость городовъ и вообще на подготовку капиталистическаго строя не вполнѣ оправдываются и что къ нимъ нужно относиться съ большой осторожностью. При болѣе подробномъ изслѣдованіи цифръ и отношеній мы видимъ, что въ пореформенное время эта трансформація хозяйственнаго быта совершалась съ гораздо большей медленностью и постепенностью, чѣмъ можно было ожидать a priori.

Какія же можно указать для этого причины?—Очень простыя. Въ первые годы послѣ реформы Россія находилась въ весьма угнетенномъ экономическомъ положеніи. Дѣло въ томъ, что такой переворотъ, какъ крестьянская реформа, выдержать хозяйству помѣщиковъ, да и крестьянъ, которые были обременены непосильными для нихъ платежами, было не легко. Мы видимъ, что помѣщичье хозяйство въ первыя десятилѣтія послѣ реформы не только не улучшается, но падаетъ. Во время подготовки реформы были большіе толки, особенно среди прогрессивныхъ помѣщиковъ, относительно того, что хотя переворотъ и будетъ имъ труденъ, но они съ нимъ сладятъ, что они перейдутъ къ капиталистическому хозяйству фермерскаго типа и что дѣло пойдетъ, послѣ нѣкоторой заминки, еще лучше, чѣмъ раньше. Но оказалось, что заминка была довольно сильна и продолжительна, потому что для того, чтобы перейти къ фермерскому хозяйству, т.-е., чтобы вести хозяйство съ наемными рабочими, со своимъ инвентаремъ, не говоря уже о различныхъ усовершенствованіяхъ, о которыхъ помѣщики мечтали передъ реформой и которыя должны были улучшить и укрѣпить ихъ хозяйства,—для всего этого надо было имѣть капиталъ. Но мы увидимъ, что рессурсы помѣщиковъ были чрезвычайно слабы. Для того, чтобы вести хозяйство съ помощью наемныхъ рабочихъ, нужно было имѣть нѣкоторый свободный денежный фондъ и затѣмъ еще цѣлый рядъ условій: свой инвентарь, т.-е. свои орудія и свой рабочій скотъ. Ни того, ни другого у помѣщиковъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не было—даже у тѣхъ, которые вели барщинное хозяйство (въ черноземныхъ губерніяхъ),—потому что при крѣпостномъ правѣ крестьяне обрабатывали барскую землю сплошь и рядомъ своими орудіями и своимъ скотомъ и, слѣдовательно, послѣ освобожденія скотъ этотъ и орудія остались у крестьянъ, а помѣщикамъ приходилось все заводить вновь. Вслѣдствіе не-

имѣнія собственнаго инвентаря, помѣщики черноземныхъ губерній нерѣдко вынуждены были сдавать большую часть оставшихся у нихъ за надѣломъ земель въ краткосрочную аренду крестьянамъ.

Въ губерніяхъ нечерноземныхъ, промышленныхъ, положеніе помѣщиковъ въ этомъ отношеніи было еще хуже. Здѣсь помѣщики во многихъ мѣстностяхъ своей запашки не имѣли и, слѣдовательно, инвентаря тѣмъ болѣе, а такъ какъ они были чрезвычайно задолжены, то до тѣхъ поръ, пока у нихъ не явилось нѣкоторыхъ капиталовъ отъ выкупныхъ суммъ, у нихъ не было совершенно ни денегъ ни кредита. Мы видимъ поэтому, что помѣщичье хозяйство падаетъ повсемѣстно за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, единичныхъ, владѣній. При этомъ, въ сѣверныхъ губерніяхъ помѣщики тотчасъ же начинаютъ распродавать свои земли, а такъ какъ крестьяне не обладали покупными средствами, хотя земля и была имъ нужна, то покупщиками являются купцы и отдѣльные богатѣи изъ крестьянъ, которые относятся къ землѣ самымъ хищническимъ образомъ, вырубаютъ лѣсъ и даже сады, опустошаютъ имѣнія—и уже истощенныя земли перепродаютъ тѣмъ же крестьянамъ.

Очевидно, что такая картина хищническаго отношенія къ прежнимъ помѣщичьимъ имѣніямъ не можетъ дать отнюдь впечатлѣнія процвѣтанія помѣщичьяго хозяйства.

Таково было положеніе въ сельско-хозяйственной области. Если мы возьмемъ область фабрично-заводской промышленности, то мы увидимъ, къ удивленію многихъ можетъ-быть, что и тутъ, немедленно послѣ освобожденія отъ крѣпостного права, никакого расширенія производства, никакого увеличенія количества фабрикъ и заводовъ не произошло. Это на первый взглядъ особенно странно. Вы знаете, что купцы и промышленники-недворяне, владѣвшіе фабриками и заводами, особенно ждали крестьянской реформы, и совершенно основательно, потому что для процвѣтанія ихъ дѣлъ, для развитія вообще фабричнаго дѣла въ Россіи, нужны были свободныя, выброшенныя на рынокъ, рабочія руки. Реформа 19-го февраля, казалось бы, давала эти руки, такъ какъ крестьяне, съ одной стороны, освобождались отъ крѣпостной зависимости, а съ другой стороны, ихъ надѣлили не такъ хорошо, чтобы они всѣ могли держаться за землю. Оказалось, однако, что и тутъ дѣло

обстояло на первыхъ порахъ не такъ благопріятно для промышленниковъ и фабрикантовъ, какъ можно было ожидать. Во-первыхъ, значительное число фабрикъ и заводовъ находилось еще на посессіонномъ правѣ, т.-е., слѣдовательно, работу свою производило рабочими не наемными, а прикрѣпленными къ этимъ заводамъ. Въ такомъ положеніи находились особенно желѣзодѣлательные заводы и многія суконныя фабрики. Какъ только эти рабочіе получили свободу, такъ сразу тяжелыя матеріальныя условія, въ которыхъ они находились до тѣхъ поръ, и долго накоплявшіяся недовольство и справедливая ненависть къ своему подневольному быту заставили ихъ толпами бросать работу и уходить съ заводовъ. Поэтому во многихъ случаяхъ заводамъ въ первое время послѣ реформы приходилось или останавливаться, или сокращать свое производство.

Въ книгѣ М. И. Туганъ-Барановскаго „Русская фабрика“ приводятся весьма любопытныя данныя, напримѣръ, относительно Кувшинскаго завода. Этотъ заводъ въ 1857 году выплавилъ 479 тыс. пудовъ чугуна; въ 1862 году 313 тыс. пудовъ и даже въ 1868 году, спустя семь лѣтъ послѣ реформы, когда, казалось бы, уже можно было оріентироваться въ новомъ положеніи, его производство достигло только 353 тыс. пудовъ. Такое положеніе было общимъ для Урала. Мы видимъ, что всѣ уральскіе заводы давали въ 1860 году 14.500 тыс. пудовъ; въ 1861 только 14.200 тыс. пудовъ; въ 1862 лишь 10.400 тыс. пудовъ; въ 1863 году выплавка стала нѣсколько повышаться, но не достигла уровня 1860 года и была равна 11.400 тыс. пудовъ; въ 1867 году она была все-таки только 12.400 тыс. пудовъ и лишь къ 1870 году стала приходить къ прежней нормѣ, а затѣмъ и перерастать ее.

Лишь въ семидесятыхъ годахъ мы видимъ ростъ производства на желѣзныхъ заводахъ значительно большій, чѣмъ въ дореформенное время, и послѣдовательно увеличивающійся затѣмъ до нашихъ дней. Значитъ потребовалось цѣлыхъ десять лѣтъ желѣзо-дѣлательнымъ заводамъ, чтобы освоиться съ новымъ положеніемъ, сулившимъ имъ такія выгоды [1]).

То же самое мы видимъ и въ дѣлѣ суконнаго производства, потому что, какъ вы помните, и эти фабрики въ значительной

---

[1]) *М. И. Туганъ-Барановскій* „Русская фабрика“ 2-е изд., стр. 307 и слѣд.

мѣрѣ были посессіонными. Поэтому и здѣсь потребовалось хотя и не такое большое количество лѣтъ, но все же лѣтъ пять-шесть, чтобы производство начало дѣйствительно увеличиваться.

Къ удивленію мы это же видимъ даже и относительно фабрикъ бумаго-ткацкихъ, которыя и въ дореформенное время были на вольномъ трудѣ, вслѣдствіе чего ихъ положеніе, казалось бы, должно было немедленно же послѣ реформы улучшиться. Дѣло въ томъ, что тогда значительная часть нашихъ бумаго-ткацкихъ фабрикъ все еще работала на англійской пряжѣ и это время какъ разъ совпало съ тяжелымъ торгово-промышленнымъ кризисомъ въ Англіи, отчасти подорвавшимъ возможность полученія пряжи по прежнимъ цѣнамъ. Поэтому мы и здѣсь видимъ нѣкоторое ухудшеніе въ первые годы послѣ реформы.

Эти обстоятельства, зависѣвшія отъ потрясенія, произведеннаго крестьянской реформой, или совпавшія съ нимъ, отразились и на внутренней торговлѣ въ Россіи. Очень яркимъ показателемъ этого является цифра оборотовъ Нижегородской ярмарки. Ярмарки вообще тогда имѣли гораздо большее значеніе, чѣмъ въ послѣдующее время, когда онѣ начали уступать мѣсто болѣе современнымъ способамъ оптовой торговли. Въ 1860-омъ году обороты Нижегородской ярмарки равнялись 105 милліонамъ рублей, а въ 1861-омъ—они составили только 98 милл. рублей, въ 1862-омъ—103 милл. рублей, въ 1863-емъ г.—103 милл. рублей, и только въ 1864-омъ году они превысили цифру оборотовъ 1860-го года, достигнувъ 111 милл. руб., а затѣмъ стали значительно возрастать и дальше [1]).

Вотъ та картина пореформенныхъ хозяйственныхъ отношеній Россіи, которую можно выразить въ цифрахъ. Вы видите, что положеніе промышленности, какъ сельско-хозяйственной, такъ и всякой другой, въ это время было далеко не льготнымъ и что до расцвѣта капиталистическаго хозяйства въ это время было еще весьма далеко.

---

[1]) *Туганъ Барановскій.* Назв. соч.

ЛЕКЦІЯ XXIX.

Финансовое положеніе въ Россіи въ эпоху реформъ и въ послѣдующіе годы. Задачи финансовой политики при М. Х. Рейтернѣ. Дѣятельность Рейтерна. Стремленіе къ поднятію общей производительности страны и въ особенности вывозной торговли. Вопросъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Ходъ этого дѣла въ Россіи до середины семидесятыхъ годовъ. Заботы объ организаціи коммерческаго кредита. Открытіе частныхъ банковъ. Борьба съ дефицитомъ въ государственномъ бюджетѣ. Вопросъ о продолженіи внутреннихъ преобразованій и докладъ Рейтерна въ 1866 году.

Очерченное въ концѣ предыдущей лекціи тяжелое угнетенное экономическое положеніе тѣснымъ образомъ связывалось съ такимъ же положеніемъ государственнаго хозяйства. Послѣ Крымской войны, въ теченіе всей эпохи реформъ, а затѣмъ и въ пореформенное время, правительство было въ чрезвычайно трудныхъ условіяхъ. Тутъ первую роль сыграло, конечно, паденіе курса тогдашняго кредитнаго рубля. До Крымской войны, послѣ денежной реформы 1843 г., въ этомъ отношеніи положеніе нашихъ финансовъ было довольно хорошее. Послѣ реформы Канкрина количество обращавшихся кредитныхъ денегъ было весьма умѣренно: въ 1854-омъ году ихъ было всего 311 милл. руб. и при этомъ былъ въ наличности металлическій фондъ въ 123 милл. руб., который могъ достаточно обезпечивать безостановочный ихъ размѣнъ, такъ что курсъ ихъ стоялъ al pari. Когда началась Восточная война, то оказалось, что вести ее пришлось на новые выпуски бумажныхъ денегъ. Послѣ войны въ 1858-омъ году кредитныхъ рублей обращалось уже 780 милл., а металлическій запасъ понизился до 119 милл. руб., такъ что былъ уже ниже той $^1/_6$, которую считалъ необходимой для поддержанія безостановочнаго размѣна Канкринъ, и поэтому пришлось отказывать въ размѣнѣ. Понятно, что курсъ такихъ неразмѣнныхъ денегъ долженъ былъ падать и онъ падалъ въ теченіе всѣхъ ближайшихъ лѣтъ послѣ Крымской войны.

Надо сказать, что при этомъ правительство, озабочиваясь повидимому тѣмъ, чтобы развивался частный кредитъ и частныя капиталистическія предпріятія, необходимость чего оно сознало въ это время, уменьшило % по вкладамъ, хранившимся въ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Оно сдѣлало это, чтобы способствовать перенесенію вкладовъ въ частныя предпріятія. Вклады стали быстро утекать изъ сохранныхъ казенъ и въ теченіе 10 лѣтъ дошли до 200 милл. руб., вмѣсто ранѣе хранившагося милліарда съ лишнимъ. Между тѣмъ правительство въ дореформенное время свободно пользовалось этимъ фондомъ и дѣлало изъ него позаимствованія на свои нужды, такъ что въ концѣ-концовъ оказалось, что долгъ правительства сохраннымъ казнамъ превышалъ 500 милл. руб. Поэтому, когда вклады стали выбирать быстрѣе, чѣмъ можно было разсчитывать, правительство оказалось въ затруднительномъ положеніи. Чтобы пополнить свою растрату, ему пришлось совершать займы на тяжелыхъ условіяхъ. Но эти займы, въ концѣ-концовъ, дали возможность пополнить только часть растраты, а 160 милл. руб. правительство такъ и осталось должнымъ этимъ кредитнымъ учрежденіямъ.

Разумѣется, такое положеніе не облегчило государственныхъ финансовъ и еще болѣе пошатнуло курсъ кредитнаго рубля. Если уже отъ одного чрезмѣрнаго выпуска кредитныхъ денегъ и уменьшенія металлическаго фонда курсъ этихъ денегъ долженъ былъ сильно падать, то его паденіе еще усиливалось чрезвычайно невыгоднымъ торговымъ балансомъ, который мы имѣли, потому что тогда нечего было вывозить, а ввозъ послѣ войны первое время былъ довольно значителенъ. Невыгодность нашего баланса въ особенности усиливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ почти полнаго запрещенія выѣзда русскихъ подданныхъ за границу въ царствованіе Николая Павловича, съ 1856-го года, когда эти ограниченія были отмѣнены, выѣздъ за границу сталъ настолько значителенъ, и настолько велики были вывозимыя путешественниками за границу суммы денегъ, что это также весьма замѣтно отражалось на ухудшеніи нашего баланса и пониженіи вексельнаго курса.

Такимъ образомъ, притокъ металлическихъ денегъ былъ ничтоженъ, а утекъ ихъ огроменъ и въ общемъ положеніе становилось очень похожимъ на то, которое мы видѣли послѣ

Тильзитскаго мира и континентальной системы въ началѣ XIX-го вѣка. При такихъ обстоятельствахъ въ 1862-омъ году, когда положеніе особенно обострилось, былъ назначенъ на постъ министра финансовъ талантливый и молодой сравнительно человѣкъ, М. Х. Рейтернъ,—послѣ двухъ совершенно бездарныхъ министровъ: Брока и Княжевича.

Положеніе Рейтерна, когда онъ вступилъ на постъ министра финансовъ, было, понятно, не изъ легкихъ. Самъ Рейтернъ былъ подготовленъ къ занятію этого поста уже тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ финансовой комиссіи, которая образована была при редакціонной комиссіи и выработала планъ выкупной операціи. Рейтернъ тогда же зарекомендовалъ себя, какъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ ея членовъ.

Вступивъ на постъ министра финансовъ, на первыхъ порахъ онъ, конечно, долженъ былъ поставить себѣ главной задачей именно борьбу съ паденіемъ курса бумажнаго рубля, которое, разумѣется, отражалось тогда на всей жизни страны и являлось чрезвычайно невыгоднымъ условіемъ и для правительства и для цѣлаго ряда категорій населенія. Рейтернъ на этомъ и сосредоточился и весь его финансовый планъ и сводился именно къ борьбѣ съ этимъ паденіемъ курса, а, какъ далекій идеалъ, онъ ставилъ себѣ переходъ къ постоянной металлической валютѣ. Рейтернъ пробылъ министромъ финансовъ цѣлыхъ 16 лѣтъ и былъ, такимъ образомъ, однимъ изъ важнѣйшихъ сотрудниковъ императора Александра II-го. Но надо сказать, что независимо отъ того, какъ оцѣнивать вообще такой планъ экономической политики министра финансовъ, который сводится исключительно только къ этой одной задачѣ, независимо отъ этого надо сказать, что и при исполненіи этого плана Рейтернъ началъ, по крайней мѣрѣ, съ крупной ошибки. Онъ просто, выражаясь вульгарно, нѣсколько погорячился: для того, чтобы повысить курсъ бумажныхъ денегъ, онъ сдѣлалъ попытку ихъ размѣна и для этой цѣли сдѣлалъ заемъ въ 15 милл. фунтовъ стерлинговъ, т.-е. около 150 милл. руб. металлическихъ, что сразу очень увеличило металлическій запасъ и позволило объявить, что казна начинаетъ размѣнивать кредитныя бумажки. Но при этомъ Рейтернъ сдѣлалъ чрезвычайно наивную, даже съ перваго взгляда, ошибку: онъ опубликовалъ, что до такого-

то срока кредитные рубли будутъ размѣниваться по такому-то курсу, спустя нѣкоторое время по болѣе высокому, потомъ по еще высшему и т. д.,—расчитывая, что курсъ рубля будетъ благодаря размѣну повышаться. Но онъ не учелъ того, что этимъ сейчасъ же воспользуются всѣ спекулянты, которые, дѣйствительно, сразу поспѣшили захватить какъ можно болѣе кредитокъ въ началѣ, пока онѣ размѣнивались по сравнительно дешевой цѣнѣ, а затѣмъ предъявили ихъ къ размѣну тогда, когда было обѣщано за нихъ платить дороже. Это создало такую бѣшеную спекуляцію, которая совершенно парализовала возможный успѣхъ этой мѣры, а къ этому присоединилось еще польское возстаніе и ожиданіе правительствомъ вмѣшательства иностранныхъ державъ, что повело въ свою очередь къ растратѣ на военныя цѣли части накопленнаго металлическаго фонда, почему Рейтернъ вскорѣ оказался не въ состояніи продолжать свою операцію, а паденіе курса оказалось бо́льшимъ, чѣмъ то, какое было до этого. Хотя число обращавшихся кредитныхъ рублей нѣсколько и уменьшилось съ 780—до 700 милл. руб., но и металлическій фондъ опустился со 119—до 55 милл. руб., что составило уже около $^1/_{12}$ части всего количества кредитныхъ денегъ и было слишкомъ въ два раза меньше, чѣмъ тотъ умѣренный фондъ, который считалъ необходимымъ Канкринъ.

Такимъ образомъ Рейтернъ началъ, какъ вы видите, съ большого промаха, но такъ какъ этотъ промахъ былъ нѣсколько маскированъ польскимъ возстаніемъ и Рейтернъ могъ ссылаться на военныя приготовленія, поглотившія много денегъ, то этотъ промахъ не подорвалъ его репутаціи и онъ пробылъ министромъ финансовъ, какъ я уже сказалъ, цѣлыхъ 16 лѣтъ. Въ дальнѣйшемъ онъ направилъ свою дѣятельность къ подъему производительныхъ силъ въ странѣ. Это понятно: разъ основною его цѣлью было бороться съ паденіемъ курса бумажнаго рубля и разъ онъ увидѣлъ, что героическими мѣрами тутъ не помочь, то онъ и направилъ естественно свои усилія въ эту сторону. Онъ ясно видѣлъ, конечно, что для усиленія вывоза главнаго предмета нашей заграничной торговли, русскаго хлѣба,—чѣмъ и можно было скорѣе всего поднять балансъ—существенно необходимой является постройка желѣзныхъ дорогъ, уже повсюду распространенныхъ въ Европѣ; и на это онъ и направилъ свои главныя усилія. А такъ какъ онъ пользовался большимъ до-

вѣріемъ императора Александра II-го, то, несмотря на частыя несогласія съ министрами путей сообщенія, онъ и явился главнымъ хозяиномъ въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Исторія постройки желѣзныхъ дорогъ является одной изъ самыхъ кардинальныхъ частей исторіи развитія капитализма въ Россіи и потому ея изученіе имѣетъ большую важность для правильнаго уясненія себѣ всего хода трансформаціи нашего соціальнаго быта послѣ отмѣны крѣпостного права.

Вы видѣли, насколько тяжело было положеніе зарождавшагося капиталистическаго хозяйства непосредственно послѣ освобожденія крестьянъ, и вы знаете, что развитіе желѣзнодорожной сѣти составляетъ самый могущественный нервъ его развитія въ каждой странѣ. Позвольте же теперь остановить ваше вниманіе на исторіи желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи. Первой дорогой въ Россіи была Царскосельская, построенная еще въ 1837-омъ году, всего на 25 верстъ протяженіемъ. Была она построена частными лицами, причемъ правительство не дало никакихъ субсидій или гарантій и единственно важнымъ для предпринимателей льготнымъ условіемъ было то, что дорога была оставлена въ ихъ пользованіи на безсрочное время. Постройка продолжалась два года и обошлась сравнительно дешево,—всего въ 42.000 руб. на версту пути, считая въ томъ числѣ и всѣ гражданскія сооруженія (вокзалы, сторожевыя будки и проч.). Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ постройки этой дороги, когда эксплоатація ея показала воочію правительству возможность этого дѣла въ Россіи, рѣшено было приступить къ постройкѣ желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою, названной впослѣдствіи Николаевской. Рѣшено было строить ее казеннымъ способомъ, при чемъ во главѣ этого дѣла стоялъ министръ путей сообщенія Клейнмихель, одинъ изъ аракчеевскихъ генераловъ, и, хотя есть такія свидѣтельства, что будто бы онъ самъ формально былъ честный человѣкъ, но постройка дороги велась очевидно съ большими злоупотребленіями. Можно, правда, сказать, что дорога была построена довольно прочно, и дѣйствительно всѣ гражданскія сооруженія, мосты, вокзалы и проч., были капитальны, но зато и на версту пришлось 165.000 руб., тогда какъ Царскосельская дорога стоила 42.000 руб. съ версты и вообще 165.000 руб. цифра прямо невѣроятная по своей величинѣ... Строилась Николаев-

ская дорога 9 лѣтъ, и такъ какъ это было еще въ крѣпостное время, то на постройку массами сгоняли населеніе, при чемъ рабочіе гибли также въ огромныхъ размѣрахъ.

Къ концу царствованія Николая Павловича только эти двѣ дороги и были выстроены. Правда, въ 1851-омъ году было повелѣно приступить, опять-таки казеннымъ же способомъ, несмотря на данный урокъ, къ постройкѣ Варшавской дороги, но хотя изысканія были закончены и постройка началась, однако, до 1853-го г. построили только незначительную часть этой дороги и затратили на нее всего 18 милл. руб. Затѣмъ началась война, постройка прекратилась, такъ какъ средствъ совершенно не было. Когда же Крымская война кончилась, то уже правительство Александра II-го, только что испытавшее воочію всѣ ужасы отсутствія дорогъ, благодаря которому на войну въ Севастополь снаряды перевозились на лошадяхъ, а войска подходили на своихъ ногахъ, послѣ того, какъ правительство увидѣло, насколько пагубна некультурность и насколько необходима постройка дорогъ, оно рѣшило, что одной изъ его первыхъ задачъ будетъ сооруженіе новыхъ путей сообщенія. Но, наученное горькимъ опытомъ казенной постройки и притомъ согласно съ общими принципами своей новой экономической политики, правительство рѣшило тогда, что нужно это дѣло предоставить частнымъ компаніямъ, взявъ на себя лишь инціативу дѣла, да всяческое содѣйствіе частнымъ предпринимателямъ. Затѣмъ сюда присоединились еще соображенія, что можно при этомъ увеличить количество капиталовъ и звонкой монеты въ Россіи, привлекши къ этому дѣлу иностранные капиталы, вслѣдствіе чего и учредителями новаго строительнаго общества сдѣланы были иностранцы. Хотя въ числѣ учредителей сформированнаго главнаго общества постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и былъ одинъ русскій банкиръ, Штиглицъ, но главными дѣятелями въ немъ съ самаго начала были иностранцы: братья Перейра, Колиньонъ и цѣлый рядъ другихъ иностранныхъ банкировъ. Даже правленіе этого общества было устроено не въ Петербургѣ, а въ Парижѣ. Такимъ образомъ, возникло акціонерное „Главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“ и ему разрѣшено было выпустить акціонерный капиталъ при правительственной гарантіи 5% дохода на этотъ капиталъ, при рядѣ еще

другихъ льготъ, напримѣръ, что дороги остаются собственностью общества на 99 лѣтъ, при чемъ и къ выкупу ихъ правительство не можетъ приступить ранѣе 20-и лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, когда акціонерный капиталъ былъ собранъ, оказалось, что почти сейчасъ же этого капитала въ наличности не нашлось: учредители расписали этотъ капиталъ на себя, а денегъ не внесли, и денегъ при самомъ началѣ постройки новыхъ дорогъ не оказалось въ наличности; пришлось выпустить облигаціи и уже на нихъ стали строить эти дороги. Такимъ образомъ, благодаря растратѣ учредителями значительной части акціонернаго капитала, постройка этихъ дорогъ тоже обошлась, въ концѣ-концовъ, довольно дорого,—около 100,000 на версту, и притомъ шла съ большими затрудненіями.

Главному Обществу было предоставлено выстроить, прежде всего, до конца Варшавскую дорогу, затѣмъ линію Динабургъ—Рига, затѣмъ желѣзную дорогу между Москвой и Нижнимъ-Новгородомъ и, наконецъ, линію Москва-Севастополь, т.-е. линію, соединявшую Черное море съ центромъ Россіи. Такимъ образомъ, если бы эти линіи были выстроены, то хлѣбородныя приволжскія губерніи, часть новороссійскаго края и центральныхъ черноземныхъ губерній были бы соединены черезъ Москву съ портомъ Балтійскаго моря, а Москва соединялась бы, въ свою очередь, съ Чернымъ моремъ. Изъ этихъ линій, однако, Главное Общество выстроило только Варшавскую дорогу и линію на Нижній-Новгородъ, а Риго-Динабургской въ назначенный срокъ не достроило и къ постройкѣ дороги Москва-Севастополь даже не приступило. Собрало оно свои капиталы только отчасти за границей, а большую часть акцій и облигацій потомъ распродало и реализовало въ Россіи, такъ что въ результатѣ правительственныя надежды на притокъ иностранныхъ капиталовъ также отнюдь не оправдались; въ дѣйствительности оказалось совсѣмъ обратное и предпріятіе это во всѣхъ отношеніяхъ оказалось неудачнымъ и при томъ прямо хищнически-веденнымъ.

Послѣ этой неудачи и, въ особенности, послѣ того, какъ оказалось, что благодаря дорогой постройкѣ доходность выстроенныхъ дорогъ была очень сомнительная, тѣмъ болѣе, что и движеніе грузовъ по Варшавской линіи не было особенно велико, то и расчеты акціонеровъ на дивиденды не оправдались, а правительству пришлось приплачивать крупныя суммы

по данной имъ гарантіи, такъ что во всѣхъ отношеніяхъ первый блинъ оказался здѣсь комомъ. Все это не только произвело разочарованіе въ публикѣ, но и правительство тоже пришло почти въ отчаяніе и въ 1861-омъ году ликвидировало свой первый договоръ съ Главнымъ Обществомъ, настоявъ, чтобы главное управленіе общества было переведено изъ Парижа въ Петербургъ и чтобы въ составъ его было введено четыре члена по назначенію правительства, при чемъ правительство въ свою очередь согласилось освободить общество отъ обязательства постройки остальныхъ двухъ дорогъ.

Послѣ этой неудачи произошла, конечно, въ дѣлѣ строительства заминка, но Рейтернъ и новый министръ путей сообщенія Мельниковъ, рѣшили, что дѣло надо продолжать; ибо постройка желѣзныхъ дорогъ, по мнѣнію Рейтерна, являлась безусловно необходимой для его основной задачи—развитія производительныхъ силъ страны вообще и подъема курса нашихъ денегъ, въ частности, при помощи усиленія русскаго хлѣбнаго экспорта. Мельниковъ составилъ планъ дальнѣйшаго развитія сѣти, планъ довольно цѣлесообразный; именно, рѣшено было построить дороги: отъ Москвы на Севастополь, затѣмъ линіи Одесса—Кіевъ и Кіевъ—Москва, затѣмъ достроить дорогу Динабургъ--Рига и выстроить дорогу Рига--Либава, а съ другой стороны провести соединеніе этой дороги съ Орломъ, т.-е. центральнымъ пунктомъ, который могъ давать вывозные, главнымъ образомъ сельско-хозяйственные товары, при чемъ Орелъ рѣшено было соединить съ Тамбовомъ и Саратовомъ. Съ другой стороны было предположено провести желѣзнодорожную линію отъ Кіева, или отъ одного изъ пунктовъ линіи Одесса—Кіевъ, къ австрійской границѣ въ видахъ стратегическихъ, и затѣмъ отъ Екатеринослава въ Донскую область, къ грушевскимъ каменоугольнымъ копямъ,—чтобы обезпечить всѣ построенныя дороги минеральнымъ топливомъ, если не хватитъ для топлива лѣсовъ на ихъ протяженіи.

Такимъ образомъ, планъ былъ составленъ повидимому правильно, но приступить къ его осуществленію было очень трудно. Рейтернъ находилъ попрежнему, что нужно предоставить это дѣло частнымъ капиталистамъ; онъ ожидалъ, что, съ одной стороны, такимъ путемъ будутъ привлечены русскіе и иностранные капиталы, а съ другой, указывалъ, что такъ какъ значи-

тельную часть построекъ придется все-же дѣлать при помощи займовъ въ пособіе строителямъ, то важно, чтобы займы эти были частнымъ дѣломъ, хотя-бы и при правительственной гарантіи, дабы ихъ заключеніемъ не подрывался государственный кредитъ. Мельниковъ думалъ, наоборотъ, что при условіи уже скомпрометированнаго частнаго предпринимательства лучше строить казеннымъ способомъ, всемѣрно усиливъ надзоръ, чтобы не допустить воровства, которое было въ прежнее время. Мельникову, однако, пришлось уступить и вотъ начались поиски частныхъ концессіонеровъ. Но оказалось, что члены и заправилы Главнаго Общества, сами поживившіеся русскими деньгами, распространили за границей слухи о чрезвычайной трудности работъ въ Россіи по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и кромѣ того утверждали, что это вещь совершенно въ Россіи бездоходная, и вотъ, благодаря этому, на континентѣ Европы средствъ для постройки новыхъ линій найти не удалось. Въ Англіи, повидимому, легче было найти капиталистовъ, готовыхъ идти на это предпріятіе, и правительство шло на всякія жертвы для ихъ привлеченія: оно соглашалось даже на такой контрактъ съ англійскими капиталистами, которымъ не только гарантировало имъ обладаніе проведенными ими дорогами на 99 лѣтъ, не только давало гарантію и на весь акціонерный капиталъ въ 5% дохода и въ $^1/_2$% погашенія, но предполагало даромъ отводить мѣста подъ станціи въ Севастополѣ, Москвѣ и рядѣ другихъ мѣстъ и соглашалось даже объявить Севастополь porto-franco, т.-е. шло на мѣры, которыя въ сущности могли подорвать его собственную финансовую политику.

На этотъ разъ, къ счастью, англичане промедлили и пропустили срокъ, данный правительствомъ; только благодаря этому промедленію концессія, къ благополучію казны и Россіи, не состоялась. Когда же, такимъ образомъ, оказалось, что концессіонеровъ привлечь нельзя, то Мельниковъ предложилъ, чтобы, хотя временно, начать постройку нѣкоторыхъ изъ намѣченныхъ линій средствами казны. Начали строить Кіево-Балтскую дорогу и оказалось, что постройка эта, веденная довольно осмотрительно и добросовѣстно,—ибо и самъ Мельниковъ оказался человѣкомъ честнымъ,—обошлась всего въ 50 съ чѣмъ-то тысячъ на версту.

Затѣмъ сыграла большую роль въ исторіи постройки нашихъ

желѣзныхъ дорогъ концессія, данная русскому предпринимателю Дервизу. Онъ взялся построить въ 1866 г. дорогу Рязань-Козловъ, которая соединяла черезъ Рязань Москву, а черезъ нее и Петербургъ, съ самымъ плодороднымъ райономъ, и потому оказалась съ самаго же начала весьма доходной. Правительство дало концессіонеру самыя выгодныя условія, дало 5%-ную гарантію, и въ данномъ случаѣ это не заставило казну поплатиться, такъ какъ дорога уже въ первый годъ дала дивидендъ въ 8%, а со слѣдующаго года этотъ дивидендъ еще увеличился; кромѣ того, постройка этой дороги совершенно измѣнила положеніе линіи Москва—Рязань, на которой сталъ получаться дивидендъ въ 12%. Эти обстоятельства, обнаружившіяся послѣ 1866-го года, разлакомили аппетитъ русскихъ предпринимателей и поправили шансы русскаго желѣзнодорожнаго строительства и за границей. Искателями концессій стали являться даже высокопоставленныя лица, или имѣющія связи среди нихъ, и даже многія земства.

Предположенія Рейтерна въ это время были провѣрены въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Чевкина, между прочимъ, при участіи Н. А. Милютина, причемъ рѣшено было, что дальнѣйшая постройка желѣзныхъ дорогъ есть жизненный вопросъ для Россіи. Милютинъ указывалъ, что въ ближайшія десять лѣтъ (1865—1875) нужно построить не меньше пяти тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ. На дѣлѣ оказалось, что этотъ разсчетъ Милютина, казавшійся многимъ въ 1865 г. оптимистическимъ, былъ далеко превзойденъ, потому что послѣ начавшейся концессіонной горячки, въ виду выгодности Рязано-Козловской линіи, послѣ того, какъ всѣ бросились на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, между 1865 и 1875-ымъ годами было построено не 5.000 верстъ, а больше 12.000 верстъ, и къ 1875-ому году въ Россіи оказалась желѣзнодорожная сѣть протяженіемъ около 17.000 верстъ,— сѣть, которая соединила наиболѣе плодородныя мѣстности съ портами, съ райономъ добычи каменнаго угля въ Донской области и давала возможность широкаго экспорта внутреннихъ произведеній страны за границу.

Такимъ образомъ можно сказать, что планы желѣзнодорожнаго строительства въ концѣ концовъ широко реализовались, но если бы обратиться къ вопросу о томъ, во что это обо-

шлось казнѣ и странѣ и насколько это дѣло было сдѣлано сколько-нибудь совѣстливо, то въ этомъ отношеніи надо сказать, что не только стоимость сооруженія дорогъ въ общемъ была чрезмѣрно велика и огромные капиталы были положены въ карманы „грюндеровъ“, но было много и другихъ вопіющихъ злоупотребленій, при чемъ замѣшанными въ нихъ оказались многія высокопоставленныя лица.

Особенно страннымъ является эпизодъ съ продажей Николаевской желѣзной дороги Главному Обществу. Изъ моего разсказа вы видѣли, что такое представляло изъ себя это Главное Общество, какъ оно вело свои дѣла,—и оно-то явилось покупщикомъ Николаевской желѣзной дороги у казны. Дѣло въ томъ, что когда Рейтернъ еще считалъ особенно важнымъ поощрять частное строительство и когда оказалось, что по многимъ дорогамъ пришлось приплачивать въ силу данной казною гарантіи, когда правительству приходилось искать для этого денегъ, то Рейтернъ рѣшилъ, что дѣлать это невыгодно при помощи займовъ, что лучше образовать особый желѣзнодорожный фондъ, изъ котораго уже и уплачивать всѣ такіе расходы. Этотъ фондъ началъ составляться при помощи внутреннихъ займовъ, но затѣмъ Рейтернъ сталъ говорить, что, въ сущности, очень безсмыслененъ такой порядокъ, когда, съ одной стороны, мы будемъ держать бездоходныя или малодоходныя государственныя имущества,—каковымъ оказалась, вслѣдствіе своей чрезмѣрной стоимости, Николаевская дорога,—а съ другой, дѣлать займы для развитія желѣзнодорожной сѣти, что гораздо лучше продать такія имущества (т.-е. Николаевскую дорогу) и образовать на эти деньги нужный желѣзнодорожный фондъ. Это, такъ сказать, еще понятныя соображенія, но затѣмъ дѣло пошло совершенно непонятнымъ путемъ. Желающимъ купить Николаевскую желѣзную дорогу явилось весьма солидное общество московскихъ капиталистовъ, представителемъ котораго былъ А. И. Кошелевъ, извѣстный тогда правительству, какъ солидный человѣкъ, на котораго можно, казалось бы, было положиться, и тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что и условія этого общества были очень сравнительно выгодны, дорога была продана Главному Обществу, которое начало свою карьеру съ мошенничествъ, затѣмъ заставило поплатиться казну уплатой огромной гарантіи, всло

свои дѣла плохо и имѣло громадный долгъ правительству же. По объясненію нѣкоторыхъ лицъ, въ данномъ случаѣ—независимо отъ злоупотребленій, которыя тутъ могли быть,—продажа дороги именно Главному Обществу мотивировалась именно тѣмъ, что правительство желало ему помочь расплатиться со своими кредиторами, т.-е. прежде всего съ казною-же.

Правительство будто бы этимъ путемъ давало возможность своему же должнику съ собой расплатиться,—разсчетъ во всякомъ случаѣ довольно исключительный!

Такимъ образомъ совершилась постройка желѣзнодорожной сѣти, которая явилась могущественнымъ факторомъ будущаго развитія капиталистическаго строя въ Россіи.

Что касается въ остальномъ финансовой политики и плановъ Рейтерна, то наряду съ постройкой желѣзныхъ дорогъ онъ много усилій положилъ на созданіе и расширеніе частнаго кредита. Надо сказать, что въ дореформенное время и въ первые годы пореформеннаго періода въ Россіи организованнаго частнаго кредита почти не было. Многія изъ тѣхъ операцій, которыя производятся теперь повседневно частными и государственными банками, чрезвычайно облегчая торговый внутренній и международный обмѣнъ, тогда почти не производились или осуществлялись съ большимъ трудомъ—вплоть до того момента, когда государственный банкъ получилъ въ 1860 г. возможность производить нѣкоторыя коммерческія операціи. Рейтернъ, не довольствуясь реформой государственнаго банка, произведенной до вступленія его въ должность министра, рѣшилъ, что надо поощрять учрежденіе частныхъ банковъ. Вопросъ этотъ сильно занималъ въ то время и періодическую печать и ученыя общества; былъ выработанъ рядъ уставовъ; нашлись подходящіе предприниматели-капиталисты и, при сильномъ содѣйствіи министерства финансовъ, вскорѣ былъ образованъ цѣлый рядъ обществъ для разнообразнаго частнаго кредита. Рейтернъ заботился и о банкахъ долгосрочнаго кредита, интересовался также вопросомъ и объ общемъ поземельномъ кредитѣ, но здѣсь онъ дѣйствовалъ гораздо болѣе робко, такъ какъ ему не безъ основанія казалось, что, въ виду постояннаго колебанія цѣнъ на землю, это дѣло, при слабости правительственнаго надзора, будетъ чревато различными злоупотребленіями.

Непосредственной задачей Рейтерна въ области государствен-

наго хозяйства, въ узкомъ смыслѣ этого слова, являлась все это время борьба съ дефицитами и упорядоченіе государственнаго бюджета. Бюджетъ нашъ росъ въ это время гораздо меньше, чѣмъ можно было ожидать согласно перспективамъ, рисовавшимся во время эпохи реформъ. Въ началѣ управленія Рейтерна онъ былъ равенъ лишь 350 мил. руб., и къ концу его управленія, къ 1878-му году, т.-е. черезъ 15 лѣтъ, онъ возросъ только до 600 милл. руб. (кредитныхъ). И надо сказать, что, несмотря на такой умѣренный ростъ бюджета, несмотря на постоянную экономію въ расходахъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, которая чрезвычайно задерживала даже реорганизацію арміи, признанную совершенно необходимой послѣ Крымской войны, все-таки каждый годъ заключался съ дефицитомъ, и Рейтерну приходилось вести постоянную борьбу съ отдѣльными министрами, чтобы уменьшить эти дефициты.

Только къ 1873—4 годамъ удалось Рейтерну этотъ дефицитъ сперва свести къ нулю, а затѣмъ въ 1875-омъ году добиться и превышенія доходовъ надъ расходами и начать накопленіе свободной наличности государственнаго казначейства, которое онъ считалъ необходимымъ для перехода къ металлическому обращенію. Въ концѣ-концовъ мечты его однако же не реализовались, такъ какъ этому помѣшала начавшаяся въ 1877-омъ году война, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ подготовилъ—казалось ему—возможность перехода къ металлическому обращенію.

Тѣ же могущественныя побужденія, которыя заставляли правительство—не только въ эпоху реформъ, но и въ послѣдующіе годы—идти навстрѣчу назрѣвшему капитализму, подготовлять и поощрять его развитіе и процвѣтаніе, заставили правительство совершить, въ этотъ реакціонный по существу періодъ, нѣсколько новыхъ преобразованій, связанныхъ по внутреннему своему значенію съ эпохой реформъ.

Въ этомъ отношеніи очень поучительно, что министръ финансовъ Рейтернъ, съ дѣятельностью котораго я только что васъ познакомилъ, министръ, вовсе, разумѣется, не раздѣлявшій многихъ идейныхъ стремленій прогрессивной части русскаго общества и особенно его передовыхъ представителей, вынужденъ былъ, однако, уже въ 1866-омъ году, въ томъ же самомъ году, когда Каракозовъ стрѣлялъ въ императора Але-

ксандра, вступить въ упорную борьбу съ наиболѣе реакціонными своими коллегами въ комитетѣ министровъ и прежде всего съ шефомъ жандармовъ графомъ Шуваловымъ, при чемъ борьба эта едва не стоила ему мѣста... Въ одной изъ своихъ посмертныхъ записокъ, изданныхъ его наслѣдниками лишь въ 1910-мъ году, въ видѣ приложеній къ его біографіи, составленной А. Н. Куломзинымъ, Рейтернъ прямо говоритъ слѣдующее: „Въ 1866-мъ году, послѣ каракозовскаго покушенія, вступленія графа Шувалова въ министерство, удаленія Головнина отъ министерства народнаго просвѣщенія, на меня началась травля, то съ той то съ другой стороны, но все по наущенію Шувалова. Съ нимъ тогда сблизился Валуевъ и они повели кампанію псевдо-либерализма, т.-е. желали произвести на публику впечатлѣніе либерализма, не уступая нисколько безограниченной власти. Прилагаемая записка положила конецъ нападкамъ на меня“...

Едва ли можно согласиться съ такимъ названіемъ политики Шувалова-Валуева „псевдо-либерализмомъ“—на самомъ дѣлѣ это была несомнѣнная реакціонная политика, лишь чуть-чуть прикрывавшаяся иногда либеральными фразами,—но дѣло не въ этомъ, а въ самой запискѣ, которая была представлена Рейтерномъ на этотъ счетъ государю (16-го сентября 1866-го года) и о которой авторъ ея говоритъ, что она положила конецъ нападкамъ на него,—настолько убѣдительно она подѣйствовала своимъ содержаніемъ на императора Александра. Поэтому записка эта имѣетъ весьма значительную для насъ важность для характеристики тогдашняго настроенія правительства и для пониманія того обстоятельства, что при крайне реакціонномъ настроеніи возможно было и почти немедленное продолженіе нѣкоторыхъ преобразованій, которыя не успѣли осуществиться въ эпоху реформъ. Въ запискѣ этой Рейтернъ писалъ:

„Ваше Императорское Величество возложили на меня обязанность представить на Ваше усмотрѣніе о настоящихъ финансовыхъ затрудненіяхъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты къ улучшенію финансоваго и экономическаго положенія государства.

„Финансовое и экономическое положеніе государства есть фактъ сложный: корни его кроются не въ однѣхъ мѣрахъ фискальныхъ и условіяхъ чисто экономическихъ, но и въ явленіяхъ общаго государственнаго и народнаго развитія.

Если, съ одной стороны, несомнѣнно, что недостатокъ бережливости, дурная администрація и невѣрно разсчитанныя и стѣснительныя фискальныя мѣры должны разстроить финансы и затѣмъ экономическое положеніе государства, то, съ другой стороны, вѣрно и то, что въ извѣстныя эпохи государственнаго развитія—финансовыя затрудненія являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ обстоятельствъ, какъ бы симптомомъ процесса, происходящаго внутри соціальнаго организма."

Дальше Рейтернъ анализировалъ положеніе, въ которомъ Россія оказалась въ началѣ царствованія императора Александра, послѣ Крымской войны,—это опять-таки весьма характерно именно въ запискѣ, писанной *министромъ финансовъ* въ то время.

„Изъ Крымской войны—писалъ Рейтернъ—Россія вышла утомленною исполинскою борьбою, съ истощенными финансами и денежнымъ обращеніемъ, главное основаніе котораго нарушено выпускомъ 400.000.000 кредитныхъ билетовъ. Нравственный авторитетъ правительства поколебался; война выказала многіе недостатки нашей администраціи какъ военной, такъ и гражданской; она поколебала то первенствующее положеніе, которое Россія занимала въ Европѣ со времени вѣнскихъ трактатовъ; послѣдствіемъ этого было за границею—уменьшеніе нашего авторитета, а внутри Имперіи —недовѣріе къ силѣ и способности правительства".

Вы видите, съ какою опредѣленностью Рейтернъ формулируетъ свое мнѣніе—

„Если бы—продолжаетъ онъ далѣе,—правительство послѣ Крымской войны и пожелало бы возвратиться къ традиціямъ послѣднихъ сорока лѣтъ, т.-е. къ неуклонному противодѣйствію стремленіямъ новѣйшихъ временъ, оно встрѣтило бы непреодолимыя препятствія, если не въ открытомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ пассивномъ противодѣйствіи, которое со временемъ могло бы даже поколебать преданность народа,—широкое основаніе, на которомъ зиждется въ Россіи монархическое начало. Ваше Императорское Величество, для счастья Россіи, избрали другой путь. Исторія всѣхъ народовъ доказываетъ, что

революціи могутъ быть предупреждены только благовременными реформами, дарующими народу мирнымъ путемъ то, чего онъ самъ ищетъ въ революціяхъ,—т.-е. устраненіе обветшалыхъ формъ и укоренившихся злоупотребленій. Реформы, которыя обезсмертятъ царствованіе Вашего Императорскаго Величества, не коснулись одной только поверхности общественнаго устройства, какъ большая часть реформъ, принимаемыхъ самими правительствами. Смѣло и послѣдовательно обратились къ корню зла и положено правильное основаніе зданія гражданскаго устройства. Милліоны народа призваны къ гражданственности, не отрывая ихъ отъ земли; оффиціально терпимая и даже поощряемая система подкупности администраціи пала съ откупами и теперь только дана возможность честной администраціи; великій принципъ отдѣленія суда отъ администраціи строго проведенъ въ началахъ судебнаго преобразованія,—безъ него же не можетъ развиться въ подданныхъ чувство законности. И, наконецъ, въ области мѣстныхъ земскихъ хозяйственныхъ интересовъ положено начало самоуправленія".

„Эти реформы и многія другія, уже въ настоящее время, т.-е. въ самомъ, такъ сказать, началѣ своего существованія, глубоко измѣнили Россію и, смѣю думать, къ лучшему, но онѣ еще не успѣли вполнѣ привиться и вызвали, или, по крайней мѣрѣ, обнаружили въ умахъ направленія крайнія и прискорбныя"... „Однимъ словомъ реформы такъ обширны, такъ сильно коснулись глубины нашего государственнаго устройства и общественной жизни, что много еще времени, много трудовъ, много жертвъ потребуется прежде, чѣмъ Россія выйдетъ изъ переходнаго состоянія и твердо установится на новыхъ, разумныхъ основаніяхъ. Тогда только экономическое развитіе найдетъ себѣ прочное основаніе, возстановится довѣріе и кредитъ и будетъ найдена надежная почва для финансовъ, которой теперь не существуетъ"...

Таковы были опредѣленныя положенія министра финансовъ, который прямо связывалъ всѣ преобразованія только что совершенныя и тѣ, которыхъ не успѣли еще произвести, съ финансовымъ благополучіемъ государства. Разумѣется, это были

наиболѣе существенные аргументы въ защиту дѣла реформъ, которые въ ту минуту могли подѣйствовать на императора Александра.

Въ самомъ концѣ этой своей обширной записки, послѣ изложенія главныхъ основаній своей собственной финансовой политики и тѣхъ своихъ финансовыхъ плановъ, о которыхъ я говорилъ только что, Рейтернъ писалъ:

> „При такомъ образѣ дѣйствій можно надѣяться, что въ теченіе немногихъ лѣтъ экономическія силы Россіи окрѣпнутъ; преобразованія, составляющія славу царствованія Вашего Императорскаго Величества, не будутъ въ развитіи своемъ остановлены по недостатку средствъ, а напротивъ дадутъ обильные плоды, и, наконецъ, Россія изъ переходнаго и тревожнаго времени, естественно и неизбѣжно слѣдующаго за переворотами въ гражданскомъ и хозяйственномъ устройствѣ, выйдетъ болѣе сильною и богатою, чѣмъ когда-либо".

Эта записка, несмотря на реакціонное настроеніе самого Александра, сильно поддерживавшееся въ немъ Шуваловымъ и другими окружавшими его въ это время реакціонерами, принята была имъ благосклонно и не только, какъ пишетъ Рейтернъ въ позднѣйшемъ примѣчаніи къ ней, положила конецъ нападкамъ реакціонеровъ лично на него, но и дала ему возможность развивать ту, въ сущности прогрессивную для того момента, финансовую политику, которая такъ не соотвѣтствовала всему реакціонному настроенію правительства.

Изъ тѣхъ же побужденій были приняты и приведены въ исполненіе и нѣкоторыя такія преобразованія, которыя не успѣли осуществиться въ эпоху реформъ. Это были: городская реформа, начало которой связано съ нѣкоторыми преобразованіями, затѣянными въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ еще въ 40-хъ годахъ, а затѣмъ цѣлый рядъ весьма крупныхъ преобразованій въ сферѣ военнаго вѣдомства, необходимость которыхъ особенно ярко доказывалась неудачной Крымской войной и которыя задержаны были въ своемъ осуществленіи, главнымъ образомъ плохимъ состояніемъ финансовъ, потому что эти преобразованія въ военномъ вѣдомствѣ, въ особенности реорганизація арміи, требовали прежде всего довольно значительныхъ средствъ, которыхъ, какъ разъ, не было.

ЛЕКЦІЯ XXX.

Выработка новаго городового положенія. Прежнее устройство нашихъ городовъ по закону и на дѣлѣ. Работы сороковыхъ годовъ. Ходъ работъ по составленію положенія 1870 года. Содержаніе и критика этого положенія. Вопросъ о реорганизаціи арміи. Реформы Д. А. Милютина. Отмѣна рекрутчины и уставъ о всеобщей воинской повинности 1874 года. Общекультурное и просвѣтительное значеніе преобразованій въ военномъ вѣдомствѣ Д. А. Милютина.

Въ своемъ курсѣ (двухъ первыхъ его частяхъ) я о городской реформѣ и вообще о развитіи городовъ въ дореформенное время до сихъ поръ ничего не говорилъ, потому что, въ сущности говоря, и сказать было нечего. Дѣло въ томъ, что городская жизнь, состояніе городского хозяйства, экономическое положеніе городовъ, въ теченіе не только первой половины XIX-го вѣка, но, въ сущности, до 60-хъ г.г. включительно, оставались, можно сказать, почти безъ измѣненія, такъ что и то устройство городского самоуправленія, которое было дано Екатериной, не только не развивалось, но, какъ вы сейчасъ увидите, въ сущности говоря, замерло и пришло въ значительный упадокъ. Чтобы вамъ ясно представить картину городовъ и городской жизни въ началѣ XIX-го вѣка, я приведу нѣсколько статистическихъ данныхъ, собранныхъ по официальнымъ источникамъ въ одной изъ статей лучшаго знатока дореформеннаго и пореформеннаго городского хозяйства, профессора Дитятина. Эти статистическія данныя собирались въ теченіе XIX-го вѣка три раза; именно, министерство внутреннихъ дѣлъ собирало ихъ въ 1825-омъ году, потомъ онѣ были собраны въ 1852-омъ году и, наконецъ, въ 1867-мъ году. И замѣчательно, что во всѣ эти три срока данныя эти давали почти ту же, безъ перемѣны, картину затхлой, неподвижной и какъ бы остановившейся въ своемъ развитіи городской жизни.

По статистическимъ таблицамъ, составленнымъ въ 1825-мъ году, оказывается, что изъ 42 губернскихъ городовъ,—въ томъ числѣ и городовъ, бывшихъ отдѣльными единицами, равными въ административномъ отношеніи губерніямъ, какъ Одесса,—только въ двухъ, Одессѣ и Вильнѣ,—и надо замѣтить, что оба эти города были окраинными, почти не русскими,—каменныя постройки преобладали надъ деревянными,—въ Одессѣ собственно потому, что камень тамъ гораздо дешевле дерева. Въ Петербургѣ въ это время деревянныхъ построекъ было въ 2 раза, а въ Москвѣ въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ каменныхъ. Въ остальныхъ губернскихъ городахъ отношеніе было гораздо хуже: одинъ къ пяти—въ одномъ городѣ, одинъ къ семи—въ двухъ, къ восьми—въ трехъ, къ десяти—въ двухъ и, наконецъ, въ Самарѣ на одну каменную постройку приходилось 784 деревянныхъ! Вотъ каково было положеніе въ этомъ отношеніи.

Почти черезъ тридцать лѣтъ, въ 1852-омъ году, когда появились новыя статистическія данныя, онѣ давали ту же картину, и почти ту же картину повторяютъ въ этомъ отношеніи и данныя 1867-го года. И въ законодательствѣ остался рѣзкій слѣдъ этого положенія,—именно въ XII-мъ томѣ свода законовъ, гдѣ помѣщенъ строительный уставъ, указано, что въ цѣломъ рядѣ городовъ допускается, въ видѣ исключенія, крыть дома соломой съ растворомъ глины и навоза, и это настолько являлось потребностью, что цѣлый рядъ губернскихъ начальствъ хлопоталъ о распространеніи этого разрѣшенія и на ихъ города!

Вотъ какова была бѣдность и некультурность городскихъ поселеній въ это время. Однако, городамъ въ Россіи, какъ вы знаете, Екатериной еще въ 1785-омъ году было даровано самоуправленіе, и самоуправленіе какъ будто даже довольно широкое. Всѣ городскія сословія, которыхъ тогда считалось шесть, были допущены къ выборамъ; они выбирали общую думу и затѣмъ эта общая дума должна была выбирать свой исполнительный органъ,—шестигласную думу, гдѣ опять-таки было представлено каждое изъ сословій. Эта шестигласная дума и должна была завѣдывать городскимъ хозяйствомъ. Таково было положеніе дѣлъ по закону. На дѣлѣ, какъ вы увидите, оказалось иное.

Вы помните, что Павелъ Петровичъ это положеніе Екатерины отмѣнилъ прежде, чѣмъ оно успѣло войти въ жизнь;

онъ находилъ,—независимо отъ того, что онъ все отмѣнилъ, что дѣлала его мать,—что эта грамота городамъ, говорящая о вольностяхъ и правахъ городскихъ жителей, особенно противорѣчитъ самодержавному строю, руководителемъ котораго онъ желалъ быть. Правда, какъ только миновало бурное и нелѣпое правленіе Павла Петровича, Александръ I-й возстановилъ полностью жалованную грамоту Екатерины. Такимъ образомъ, по закону самоуправленіе возстановилось съ самаго же начала XIX-го вѣка, но отсюда было бы ошибочно сдѣлать заключеніе, что оно возстановилось или когда-либо существовало на самомъ дѣлѣ. Изъ изслѣдованій министерства внутреннихъ дѣлъ мы видимъ, что не только въ захолустныхъ городахъ, гдѣ и по своду законовъ полагалось упрощенное управленіе, но даже и въ губернскихъ городахъ, даже въ столицахъ, городскія учрежденія существовали только на бумагѣ. Мы видимъ, что и въ Петербургѣ и въ Москвѣ не существовало нѣкоторыхъ учрежденій, указанныхъ въ законѣ, какъ, напримѣръ, городского депутатскаго собранія, которое должно было вести особыя книги учета горожанъ, пользовавшихся избирательными правами, и которое могло бы регулировать правильное участіе избирателей въ выборахъ,—этихъ депутатскихъ собраній не было и никакихъ книгъ не велось, такъ что даже трудно представить себѣ, какъ производились выборы, и можно думать, что когда они бывали,—а они бывали во всякомъ случаѣ для избранія городского головы, который избирался тѣми же избирателями, которые должны были выбирать и общую думу,—можно думать, что они производились совершенно произвольно, случайно приходящими лицами, правъ которыхъ никто не провѣрялъ. Затѣмъ, есть довольно опредѣленныя свѣдѣнія, что изъ избирателей, которые должны были пользоваться своими избирательными правами, участвовала максимумъ $^1/_{10}$, а чаще $^1/_{20}$ часть. По сословіямъ процентъ участвовавшихъ въ выборахъ разнился, и профессоръ Дитятинъ указываетъ, что въ Москвѣ, въ 40-хъ годахъ, въ выборахъ городского головы изъ мѣщанъ-избирателей обычно участвовало отъ $^1/_2\,\%$ до $^1/_{10}\,\%$,—настолько слабо было использованіе ими своихъ правъ. Но этимъ дѣло не ограничивалось. Ревизія городского самоуправленія, которая была предпринята министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 40-хъ годахъ, показала, что не только такъ плохо

были поставлены выборы городскихъ головъ, но что, въ сущности говоря, съ общими думами дѣло обстояло еще хуже: онѣ на практикѣ почти нигдѣ не существовали, а часто и совсѣмъ не выбирались; такъ, напримѣръ, даже въ Москвѣ съ начала XIX-го вѣка общая дума фактически не существовала.

Такимъ образомъ, можно думать, что городскіе обыватели сами отказались отъ пользованія тѣми правами, которыя имъ были предоставлены по закону. Наряду съ этимъ, такъ какъ кое-какое городское хозяйство все-же существовало, хотя и при невѣроятно плохомъ его веденіи, то взамѣнъ учрежденій, установленныхъ закономъ, возникали, какъ открыла ревизія, самочинныя учрежденія, которыя существовали годами, которымъ администрація, вовсе съ ними не церемонившаяся, а пользовавшаяся ими, какъ своими канцеляріями и своими второстепенными органами, нисколько не препятствовала существовать. Учрежденія же эти должны были не облагать жителей налогами, а выпрашивать подаяніе на поддержаніе убогаго благоустройства у богатыхъ людей. Эти самочинныя учрежденія возникали въ самыхъ разнообразныхъ видахъ; такъ, напримѣръ, ревизовавшіе чиновники въ городѣ Крестцахъ открыли въ сороковыхъ годахъ особое „городскихъ дѣлъ учрежденіе“. Въ самой Москвѣ существовалъ какой-то непредусмотрѣнный законами „домъ московскаго городского общества“,— не просто домъ, а учрежденіе, замѣнявшее общую думу, невѣдомо какъ составлявшееся и являвшееся самой захудалой заурядной канцеляріей, въ совершенно покорномъ повиновеніи у московской полиціи, при которой оно могло замѣнять то яко бы самоуправленіе, которое должно было существовать по закону!

Вотъ до какой степени расходилась дѣйствительность съ тѣми громкими фразами, которыя входили въ Екатерининское законодательство, долженствовавшее обезпечивать свободу и права горожанъ, а въ дѣйствительности сводившееся къ полному запустѣнію.

Объясненіе этому, я думаю, можно прежде всего найти въ томъ, что общій строй отношеній власти къ подданнымъ и вообще строй всего государства былъ таковъ, что та всемогущая опека, которая проявлялась со стороны представителей власти, т.-е. полиціи, совершенно уничтожала охоту принимать участіе въ мнимомъ самоуправленіи у людей, сколько-нибудь самостоя-

тельныхъ. Еще большее значеніе имѣло то обстоятельство, что по Екатерининскому законодательству этому самоуправленію не было предоставлено никакого права самообложенія, а, разумѣется, безъ него какое же можетъ быть самоуправленіе? Было сказано, что эти учрежденія должны будутъ заботиться о собираніи средствъ, но это значило только, что они могутъ собирать пожертвованія и на нихъ мостить улицы и ставить фонари, если денегъ хватитъ. Понятно, что къ этому никакого вкуса у наиболѣе развитыхъ обывателей не было и поэтому это самоуправленіе и должно было захирѣть и заглохнуть.

И вотъ, когда въ 40-хъ годахъ, еще при крѣпостномъ строѣ, появились нѣкоторые симптомы развитія экономической жизни въ Россіи и когда правительство начало до нѣкоторой степени поощрять развитіе капиталистическаго хозяйства и производства, то оно нѣсколько встревожилось такимъ плачевнымъ состояніемъ городовъ и въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ довольно просвѣщенный человѣкъ, Л. А. Перовскій, нашелся тогда очень молодой и талантливый человѣкъ, служившій начальникомъ отдѣленія хозяйственнаго департамента, человѣкъ, о которомъ я уже много разъ упоминалъ,—Н. А. Милютинъ. Онъ отыскалъ „дѣло“ о положеніи городовъ, начатое въ 1825-мъ году, и, благодаря его энергіи, а также его личнымъ связямъ въ тогдашнемъ интеллигентномъ обществѣ, къ этому дѣлу были привлечены такіе незаурядные люди, какъ Ю. Самаринъ, Ив. Аксаковъ и др.; они поѣхали по разнымъ городамъ Россіи, прежде всего для того, чтобы собрать свѣдѣнія о положеніи городского хозяйства и его потребностяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ и тѣмъ дать матеріалъ министерству для разработки новаго городового положенія. Энергія Милютина пошла такъ далеко, что если и не было выработано новаго городового положенія для всѣхъ городовъ русскихъ, то ему удалось все-же выработать новое городовое положеніе для Петербурга, что уже было фактомъ весьма исключительнымъ, такъ какъ вы помните, что 40-е годы въ царствованіе Николая Павловича были вѣдь совершенно реакціонной эпохой. Но, именно, благодаря тому, что со стороны несчастнаго городского представительства правительство не привыкло и не могло опасаться никакихъ волненій и безпокойствъ, самъ Николай Павловичъ позволилъ министерству внутреннихъ

дѣлъ довести это дѣло до конца, и вотъ для Петербурга было выработано совершенно необычное положеніе, которое прошло черезъ государственный совѣтъ и было утверждено императоромъ.

По этому положенію возстановлена была несуществовавшая въ дѣйствительности общая городская дума. Милютинъ, будучи въ это время человѣкомъ совершенно неопытнымъ, не имѣя никакихъ образцовъ самоуправленія въ дѣйствительной русской жизни, но искренно желая его обновить, объяснялъ себѣ запущенность городскихъ дѣлъ некультурностью тѣхъ слоевъ населенія, которымъ это дѣло было ввѣрено, и поэтому онъ поставилъ на первый планъ задачу влить въ составъ городского самоуправленія наиболѣе культурныя и просвѣщенныя силы страны; и такъ какъ такимъ наиболѣе культурнымъ слоемъ тогда было дворянское сословіе, то онъ и захотѣлъ привлечь къ этому дѣлу тѣхъ изъ дворянъ, которые жили въ городахъ. Поэтому онъ, вмѣсто прежняго дѣленія на шесть весьма схоластически сформированныхъ сословій, установилъ новое дѣленіе на пять городскихъ сословій, при чемъ первымъ изъ этихъ сословій были потомственные дворяне, имѣвшіе въ городахъ какое-нибудь недвижимое имущество или чѣмъ-либо прикосновенные къ хозяйственной городской жизни; затѣмъ шло второе сословіе—личные дворяне и разночинцы, т.-е. главнымъ образомъ чиновники, затѣмъ сословіе купцовъ, сословіе мѣщанъ и сословіе цеховыхъ ремесленниковъ, непринадлежащихъ къ мѣщанамъ. Представителей этихъ пяти сословій Милютинъ ввелъ въ составъ городского общества, надѣясь особенно на дворянъ. Сословія эти должны были выбирать всесословную думу, причемъ замѣчательны размѣры этой думы: было предоставлено каждому сословію право выбирать отъ 100 до 150 представителей; такимъ образомъ, общіе размѣры этой думы были довольно величественны (болѣе 500 чел.) и всего удивительнѣе, что именно въ такихъ размѣрахъ Николай Павловичъ допустилъ это городское представительство.

Эта дума должна была выбирать особую „распорядительную“, въ сущности—исполнительную, думу, которая должна была на практикѣ вести все хозяйство. Во главѣ думы попрежнему поставленъ былъ городской голова, который опять-таки избирался всѣми сословіями. Въ сущности говоря, вы видите, что

Фактически это новое положеніе не представляло собой ничего особенно новаго въ сравненіи съ Екатерининскимъ законодательствомъ, а скорѣе это была доброжелательная, но неудачная попытка возстановить или установить на дѣлѣ то, что ранѣе было дано по закону, и хотя, конечно, изъ дворянъ, жившихъ въ столицѣ, можно было бы привлечь и довольно просвѣщенныхъ лицъ, въ общемъ они оказались достаточно равнодушными къ этому дѣлу; дума, правда, собиралась теперь, выбирала распорядительную думу, но, не имѣя должной самостоятельности и, *въ особенности не пользуясь правомъ самообложенія*, которое не было дано и на этотъ разъ, это городское самоуправленіе было обречено на полный неуспѣхъ. Тѣмъ не менѣе мы видимъ, что когда наступаютъ новыя вѣянія, когда стало чувствоваться движеніе впередъ, правительство начинаетъ пугаться и этого самоуправленія. Именно петербурскаго генералъ-губернатора Игнатьева уже при Александрѣ II, въ концѣ 50-хъ гг., пугаютъ *размѣры* думы, которые установилъ Милютинъ въ 1846 г. Эти размѣры наталкивали власти въ концѣ 50-ыхъ гг. на тревожныя мысли и на воспоминанія о 48-омъ годѣ, когда почти вездѣ въ большихъ европейскихъ центрахъ общественное движеніе исходило отъ большихъ городскихъ думъ. Сходство, конечно, здѣсь было только внѣшнее, но оно настолько встревожило правительство, что составъ и порядокъ выборовъ въ городскую думу были пересмотрѣны въ государственномъ совѣтѣ; размѣры думы были уменьшены до 250 человѣкъ и затѣмъ самый порядокъ избранія гласныхъ былъ установленъ двухстепенный, а не прямой, при помощи особыхъ собраній выборщиковъ, даваемыхъ сословными куріями.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда остальные города Россійской имперіи, движимые общимъ либеральнымъ движеніемъ, общимъ сознаніемъ всего русскаго общества необходимости проявленія извѣстной самостоятельности, желая вырваться изъ административной опеки послѣ Крымской войны,—стали въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ просить о распространеніи на нихъ петербургскаго положенія, которое они, конечно, довольно плохо знали и понимали, но которое казалось имъ много-обѣщающимъ. Правительство и распространило это положеніе въ 1863-емъ году на Москву и Одессу. Сверхъ того, когда правительство увидѣло, что такія ходатайства продолжаютъ по-

стулать, при томъ не только со стороны городовъ, но даже и отъ многихъ дворянскихъ провинціальныхъ обществъ, то это на него подѣйствовало, ибо въ то время въ правительствѣ преобладало еще прогрессивное настроеніе, и тогда же рѣшено было выработать новое городовое положеніе: 20-го іюля 1862-го года послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы безотлагательно приступить къ выработкѣ новаго городового положенія для всѣхъ городовъ въ Россіи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, которымъ тогда уже былъ Валуевъ, тотчасъ же издалъ циркуляръ губернаторамъ, которымъ предлагалъ учредить особыя комиссіи для обсужденія и выясненія этого вопроса. Такимъ образомъ, правительство предоставило въ этомъ случаѣ самимъ представителямъ общества довольно широкое участіе въ первоначальномъ обсужденіи этого дѣла и мы видимъ, что такихъ мѣстныхъ комиссій было образовано цѣлыхъ 509; всѣ онѣ представили свои соображенія, свои пожеланія, которыя, въ сущности говоря, не основывались ни на какомъ опытѣ, свидѣтельствовали въ большинствѣ случаевъ о плохомъ представленіи членовъ этихъ комиссій относительно возможныхъ формъ городского самоуправленія, но были одушевлены либеральными стремленіями, при чемъ въ нихъ правильно указывалось на связь существующаго строя и его всепроникающаго административнаго попеченія съ тогдашнимъ печальнымъ положеніемъ городского хозяйства; однако, дальше общихъ мѣстъ эти пожеланія не шли и въ нихъ не было даже опредѣленнаго требованія, чтобы прежде всего городское самоуправленіе пользовалось правомъ самообложенія, безъ котораго на дѣлѣ ничего не могло выйти.

Когда министерство внутреннихъ дѣлъ получило всѣ эти работы, оно сдѣлало изъ нихъ сводку и, на основаніи этой сводки и общихъ теоретическихъ данныхъ и свѣдѣній объ устройствѣ городского самоуправленія на западѣ, выработало общій проектъ, который былъ готовъ въ 1864 г. Этотъ проектъ поступилъ на заключеніе барона Корфа, тогдашняго главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ, который сообщилъ на него нѣсколько болѣе или менѣе дѣльныхъ замѣчаній, съ которыми проектъ этотъ и былъ внесенъ въ государственный совѣтъ 31 марта 1866 года. Но черезъ нѣсколько дней—4-го апрѣля—послѣдовалъ выстрѣлъ Каракозова, который, какъ мы видѣли, внесъ

въ умы необыкновенное смущеніе и далъ опору реакціи, утвердившейся въ это время. Государственный совѣтъ, смущенный новымъ правительственнымъ настроеніемъ, оставилъ дѣло безъ разсмотрѣнія, и оно пролежало такъ вплоть до 1868-го года, т.-е. цѣлыхъ два года, а затѣмъ, когда оно было наконецъ поставлено на обсужденіе совѣта, то министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ уже Тимашевъ, настроенный болѣе реакціонно, чѣмъ Валуевъ. Государственный совѣтъ вернулъ ему для ознакомленія проектъ его предшественника. Тимашевъ продержалъ у себя этотъ проектъ около года, и въ 1869-омъ году внесъ его опять въ государственный совѣтъ безъ существенныхъ измѣненій. Тогда государственный совѣтъ, приступивъ къ его разсмотрѣнію по существу, нашелъ, что этотъ проектъ былъ составленъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ безъ участія представителей городскихъ обществъ и, придравшись къ этому, постановилъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ должно пригласить къ его обсужденію представителей этихъ обществъ. Были приглашены шесть провинціальныхъ городскихъ головъ и два столичныхъ и при ихъ участіи проектъ былъ снова разсмотрѣнъ. Можно думать, однако, что едва ли это участіе представителей общества поправило въ данномъ случаѣ проектъ къ лучшему, ибо именно въ этой комиссіи было заявлено о томъ, что опасно безъ оговорокъ вводить всесословное, хотя бы и цензовое, избирательное право, и такъ какъ по министерскому проекту предполагалось ввести въ составъ избирателей всѣхъ плательщиковъ какихъ бы то ни было городскихъ налоговъ, то въ этой комиссіи было указано, что можетъ быть этотъ мелкій демократическій элементъ своею численностью подавитъ болѣе зажиточные слои и тутъ-то было введено чрезвычайно вредное новшество, заимствованное изъ Пруссіи, которое несомнѣнно испортило проектъ и исказило городское самоуправленіе. Это была такъ называемая *прусская классовая система*, которая заключалась въ томъ, что предложено было всѣхъ плательщиковъ налога раздѣлить на три класса, изъ которыхъ каждый долженъ былъ составить особую курію. Раздѣленіе это должно было быть сдѣлано соотвѣтственно размѣру платимыхъ избирателями податей: должны были составляться въ нисходящемъ порядкѣ списки всѣхъ плательщиковъ городскихъ налоговъ, при чемъ по этимъ спискамъ

сперва должны были отсчитываться лица, платящія высшіе налоги, пока, такимъ образомъ, не составлялась одна треть суммы всѣхъ налоговъ; эти лица и составляли первую курію. Эту первую треть налоговъ уплачивали въ городахъ очень немногіе крупные плательщики, и первая курія должна была, такимъ образомъ, составляться изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ. Затѣмъ плательщики, платившіе слѣдующую треть городскихъ налоговъ, составляли вторую курію—ихъ могло быть нѣсколько сотенъ, и, наконецъ, всѣ остальные плательщики, уплачивавшіе послѣднюю треть,—а ихъ, очевидно, были въ значительныхъ городахъ уже тысячи—составляли третью курію, и каждая курія должна была выбирать равное число гласныхъ. Такимъ образомъ, одна треть состава городской думы ставилась въ зависимость отъ выбора нѣсколькихъ десятковъ богатыхъ людей, другая отъ выбора нѣкоторой группы лицъ среднесостоятельныхъ и только одна треть отдавалась на долю многолюдной городской цензовой мелкоты.

Вотъ на какихъ, въ концѣ-концовъ, основаніяхъ былъ выработанъ новый проектъ, который былъ затѣмъ внесенъ въ государственный совѣтъ, здѣсь былъ обсужденъ, опять-таки при участіи двухъ столичныхъ городскихъ головъ, и, наконецъ, 18-го іюня 1870-го года получилъ силу закона.

Одинъ существенный недостатокъ положенія 1870-го года заключался, такимъ образомъ, именно въ томъ, что искажено было начало всесословнаго участія населенія въ выборахъ въ городскую думу. Другимъ, принципіально не менѣе важнымъ требованіемъ, которое выставлялось съ самаго начала участниками реформы, на ряду съ принципомъ *всесословности*, было требованіе *самостоятельности* городского самоуправленія. Дѣйствительно, вѣдь безъ самостоятельности всякое самоуправленіе превращается въ фикцію; всякое самоуправленіе, подчиненное полицейской власти, является, въ сущности, системой выборныхъ должностныхъ лицъ, какъ бы поставляемыхъ населеніемъ на службу администраціи. Надо сказать, что въ данномъ случаѣ составители городового положенія стремились къ тому, чтобы сдѣлать городскія думы самостоятельными; онѣ не были подчинены мѣстной администраціи, а прямо сенату, губернаторамъ же предоставлено было по закону только смотрѣть за законностью постановленій городскихъ думъ, такъ что съ этой

формальной точки зрѣнія какъ будто бы эти новыя городскія учрежденія были самостоятельными. Но несомнѣнно, что дѣйствительная самостоятельность органовъ самоуправленія всегда тѣсно связана еще съ правомъ самообложенія, послѣдствія отсутствія котораго мы и видѣли на исторіи нашего городского екатерининскаго самоуправленія.

По положенію 1870-го года городскія думы формально были надѣлены правомъ самообложенія, но надо сказать, что именно въ этой сферѣ права ихъ были чрезвычайно ограничены. Именно, имъ предоставлены были не всѣ источники городского обложенія въ ихъ распоряженіе, а только опредѣленные, весьма строго нормированные источники, въ самомъ законѣ перечисленные. Этими источниками являлись, прежде всего, недвижимыя имущества, дома, которые могли облагаться по закону не выше 1% со стоимости,—стоимости, опредѣляемой самими же гласными думы, изъ которыхъ большинство несомнѣнно являлось заинтересованными въ томъ, чтобы преуменьшить эту стоимость, особенно крупныхъ зданій, такъ какъ они сами же и были часто ихъ владѣльцами. Затѣмъ другой источникъ городскихъ доходовъ составляла торговля и промышленность, т.-е. тѣ торговыя свидѣтельства, тѣ патенты на торговлю и тѣ торговые документы, которые облагались опредѣленнымъ сборомъ въ казну, при чемъ городскія думы могли облагать эти свидѣтельства и торговые документы опять-таки не свыше извѣстнаго процента того обложенія, которое налагалось на нихъ казной.

Такимъ образомъ, независимо отъ *скудости* средствъ, которыя давались въ распоряженіе городского управленія, это отражалось и на *самостоятельности* его, потому что какое же это право самообложенія, если оно такъ строго нормировано закономъ и не даетъ возможности сообразоваться съ нуждами городского хозяйства и благоустройства. Но еще большія стѣсненія заключались въ этомъ отношеніи въ томъ, что всѣ расходы городского самоуправленія на собственныя нужды были чрезвычайно ограничены тѣмъ, что на него былъ наложенъ рядъ обязанностей, удовлетвореніе которыхъ, въ сущности, весьма мало относилось къ нуждамъ мѣстнаго населенія, а представляло казенную повинность, какъ напримѣръ, содержаніе въ нѣкоторой долѣ мѣстнаго гражданскаго управленія, содержаніе городской полиціи и т. п. За удовлетвореніемъ этихъ

обязанностей, главнымъ образомъ, важныхъ не для населенія, а для правительства, въ концѣ-концовъ, при ограниченности источниковъ доходовъ, въ кассѣ городского самоуправленія оставались весьма небольшія суммы на удовлетвореніе всѣхъ прочихъ культурныхъ нуждъ городского хозяйства и благоустройства, въ особенности народнаго просвѣщенія и медицины. Эти ограниченія были проведены по аналогіи съ положеніемъ земства по закону 21 ноября 1866 г., но тутъ стѣсненія были еще гораздо болѣе значительны, чѣмъ тамъ.

Наконецъ, городскому самоуправленію предоставлено было право изданія обязательныхъ для жителей постановленій, но, во-первыхъ, ихъ область была чрезвычайно сужена; постановленія эти могли касаться только вопросовъ гигіены и благоустройства въ тѣсномъ смыслѣ. Затѣмъ, самое исполненіе этихъ постановленій поставлено было въ условія, довольно проблематичныя, ибо городское самоуправленіе не имѣло для настоянія на исполненіи населеніемъ этихъ постановленій никакихъ средствъ. Хотя оно и платило значительныя суммы на полицію, но эта полиція, въ сущности говоря, совсѣмъ не считала себя обязанной наблюдать за исполненіемъ обязательныхъ постановленій городского самоуправленія, такъ что, въ концѣ-концовъ, они оставались обыкновенно мертвой буквой, пока по новому положенію (1892) не были поставлены въ иныя условія, когда они сдѣлались обязательными постановленіями не городского самоуправленія, а стали издаваться мѣстными губернаторами лишь по иниціативѣ городского самоуправленія,—тогда за ихъ исполненіемъ стала наблюдать подчиненная губернатору полиція. Такимъ образомъ, вы видите, что и самостоятельность этому городскому самоуправленію была дана лишь въ чрезвычайно ограниченномъ размѣрѣ.

Во главѣ городского самоуправленія попрежнему остался городской голова, который явился, съ одной стороны, главой исполнительнаго органа, управы, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ, а съ другой стороны онъ же предсѣдательствовалъ и въ думѣ и при этомъ власть ему была дана столь же обширная, какъ и предсѣдателямъ земскихъ собраній, которыми были предводители дворянства. Въ то же время въ отношеніи поддержанія порядка въ засѣданіяхъ думы голова получилъ не только большую власть по отношенію къ гласнымъ, но и самъ былъ

поставленъ въ большую зависимость и подлежалъ большой отвѣтственности передъ правительствомъ. Такимъ образомъ, благодаря соединенію и исполнительныхъ функцій и предсѣдательствованія въ городской думѣ въ лицѣ головы, въ значительной степени умалялась возможность свободнаго обсужденія и рѣшенія дѣлъ въ самой городской думѣ.

Вотъ тѣ главные недостатки, которые были допущены въ самомъ законѣ; какъ это самоуправленіе развилось на практикѣ, какія оно впослѣдствіи встрѣтило препятствія въ жизни, мнѣ придется говорить, когда я проведу свое изложеніе дальше.

Теперь я обращусь къ тѣмъ чрезвычайно важнымъ реформамъ въ военномъ министерствѣ, о которыхъ я уже упоминалъ.

Вопросъ о реорганизаціи арміи, вопросъ о радикальномъ преобразованіи всѣхъ средствъ обороны страны, поставленъ былъ чрезвычайно серьезно и даже, можно сказать, грозно послѣ Крымской войны, которая воочію показала, до какой степени мы въ этомъ отношеніи отстали и технически, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, отъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ и до какой степени, несмотря на численное могущество имперіи, слабо поставлено было дѣло ея обороны. Но тѣ недостатки, которые сказались въ Крымской кампаніи и которые въ первую голову заключались въ чрезвычайно отсталомъ и плохомъ вооруженіи, а также въ совершенномъ отсутствіи дорогъ, которое въ свою очередь дѣлало невозможнымъ быстрый и своевременный подвозъ провіанта, военныхъ и боевыхъ припасовъ и самихъ людей —хотя и были очевидны, но ихъ исправленіе требовало огромныхъ средствъ, а такъ какъ послѣ Крымской войны наши финансы были какъ разъ чрезвычайно подорваны, то дѣло реформъ и затянулось, тѣмъ болѣе, что военное вѣдомство сперва было занято вопросомъ приведенія арміи въ мирный составъ. Дѣло въ томъ, что къ 1856-ому году мы успѣли вызвать подъ ружье цѣлыхъ 2.200 тыс. человѣкъ, на содержаніе которыхъ тратились, конечно, огромныя суммы. И вотъ, первой задачей военнаго вѣдомства было распустить значительную часть этой огромной махины, и на это ушли первые два года послѣ войны. Прежде всего было распущено ополченіе, при чемъ роспускъ его сопряженъ былъ съ массой волненій и затрудненій среди ополченцевъ, а затѣмъ стали приступать и къ роспуску (въ видѣ временнаго и безсрочнаго отпуска) значитель-

ной части взятыхъ по набору нижнихъ чиновъ; ихъ было распущено до 400.000, и въ концѣ-концовъ армія была сведена къ $1^1/_2$ милліонамъ людей. Предполагалось дальнѣйшее ея уменьшеніе, но какъ разъ въ 1859-омъ году въ Европѣ вспыхнули различныя международныя осложненія, и эти осложненія задержали роспускъ вооруженныхъ силъ. Наконецъ, въ 1862—63 гг. польское возстаніе опять грозило возможностью вмѣшательства иностранныхъ державъ, и это потребовало даже дополнительной мобилизаціи войскъ,—на западной границѣ было поставлено на военную ногу цѣлыхъ пять корпусовъ.

Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, затруднявшимъ работу военнаго министерства и вмѣстѣ съ тѣмъ поглощавшимъ средства, которыя могли быть употреблены на самую реорганизацію арміи, присоединилось еще то, что во главѣ военнаго министерства стоялъ весьма заурядный николаевскій генералъ Сухозанетъ,—человѣкъ твердый, но совершенно негодный для разработки и проведенія преобразованій. Только въ 1861-омъ году его замѣнилъ Д. А. Милютинъ, братъ Н. А. Милютина, въ лицѣ котораго императору Александру, наконецъ, удалось найти среди тогдашнихъ военныхъ человѣка, пригоднаго для проведенія реформы. Д. А. Милютинъ былъ ранѣе профессоромъ академіи генеральнаго штаба, а затѣмъ начальникомъ штаба кавказской арміи, и получилъ, такимъ образомъ, и теоретическую и боевую подготовку, а кромѣ того обладалъ выдающимися личными дарованіями.

Началъ Милютинъ съ того, что прежде всего старался облегчить службу солдата,—улучшить его положеніе и, по возможности, сократить тотъ срокъ службы, который тогда существовалъ и который дѣлалъ воинскую повинность почти пожизненной: срокъ этотъ былъ 25-тилѣтній, при чемъ лица, взятыя въ солдаты, считались изъятыми изъ гражданскаго состоянія до такой степени, что они исключались изъ списковъ своего состоянія и когда доживали до отставки, то составляли особое сословіе отставныхъ солдатъ, и должны были или „избрать родъ жизни“, т.-е. записаться въ какое-нибудь податное сословіе, или быть поселенными на какомъ-нибудь клочкѣ казенной земли, буде такая находилась въ той мѣстности, гдѣ селился отставной нижній чинъ, а въ случаѣ дряхлости или неспособности къ труду, получали ничтожную пенсію въ 36 руб. въ годъ. Раз-

умѣется, такая организація военной службы составляла страшное бремя, лежавшее всецѣло на плечахъ податныхъ сословій, потому что неподатныя сословія, а также и купцы, были освобождены отъ нея. Затѣмъ, при тяжести тогдашней солдатской службы, которая составляла настоящую каторгу, всеобщее сознаніе было таково, что быть сданнымъ въ солдаты или, какъ тогда выражались, „быть забритымъ“ или „попасть подъ красную шапку“, считалось самымъ тяжелымъ видомъ уголовнаго наказанія, даже для крѣпостныхъ крестьянъ, и сдачи въ солдаты всѣ боялись, какъ огня. Это обстоятельство, не говоря уже о самой тяжести солдатской службы, дѣлало положеніе солдата и чрезвычайно приниженнымъ, такъ какъ онъ приравнивался въ общемъ сознаніи почти что къ каторжнику, къ уголовному преступнику. Это чрезвычайно должно было отражаться и на духѣ войска, на его развитіи и несомнѣнно понижало, независимо отъ плохого вооруженія, боевую способность арміи.

Милютинъ задался цѣлью, съ одной стороны, технически перестроить армію, привести ее въ такое положеніе, въ которомъ она болѣе соотвѣтствовала бы потребностямъ времени, а съ другой стороны, всемѣрно облегчить участь солдата. Онъ прежде всего добился сокращенія срока службы до 16-ти лѣтъ. Были отмѣнены затѣмъ всякія тѣлесныя наказанія, которыя раньше примѣнялись въ очень тяжелой формѣ, начиная съ кнута, плетей, кошекъ, шпицрутеновъ и до розогъ, которыя считались тогда самымъ легкимъ наказаніемъ. Все это было отмѣнено въ первые же годы министерства Милютина. Далѣе онъ стремился къ перемѣнѣ отношенія офицеровъ къ солдатамъ, которое раньше было совершенно негуманное,—вообще онъ старался возвысить положеніе солдата до почетнаго положенія защитника своей родины изъ того безправнаго положенія, въ которомъ онъ былъ раньше. Затѣмъ онъ рѣшилъ реорганизовать и самое управленіе военнымъ министерствомъ: отчасти въ цѣляхъ экономіи, а отчасти и въ цѣляхъ болѣе разумнаго административнаго устройства, онъ предложилъ уничтожить существовавшіе тогда въ мирное время штабы отдѣльныхъ армій, указывая, что дѣленіе войска на арміи вовсе не нужно для мирнаго времени, такъ какъ въ военное время отдѣльныя части все равно приходится перетасовывать и онѣ

выходятъ изъ того командованія, въ которомъ онѣ были до войны. Онъ уничтожилъ и дѣленіе на корпуса, находя, что это тоже слишкомъ большія единицы для мирнаго времени, такъ что наибольшей военной единицей въ мирное время стали дивизіи (въ 4 полка каждая). Это же дало возможность устроить цѣлесообразнѣе и самую военную администрацію. Большая власть была дана военному министру, съ одной стороны, а съ другой стороны, допущена была въ административномъ отношеніи и нѣкоторая децентрализація, въ видѣ военныхъ округовъ, командующіе которыми въ мирное время являлись довольно самостоятельными органами, соединяя въ своемъ лицѣ права корпусныхъ командировъ и права военныхъ генералъ-губернаторовъ по отношенію къ войскамъ.

Затѣмъ, важную реформу составило полное преобразованіе военныхъ судовъ. Въ связи съ уничтоженіемъ позорныхъ и тяжкихъ наказаній былъ переработанъ военно-уголовный кодексъ и самое судопроизводство было основано на новыхъ воззрѣніяхъ и гуманныхъ началахъ, на которыхъ были устроены гражданскіе суды послѣ реформы 1864-го года,—и, именно благодаря тому, что все это находилось подъ охраной Милютина, пользовавшагося большимъ довѣріемъ Александра, этимъ реформамъ въ военной юстиціи не пришлось подвергнуться и въ реакціонное время тѣмъ искаженіямъ, какія пришлось претерпѣть въ смутные годы реакціи гражданскимъ судебнымъ мѣстамъ.

На ряду съ этимъ надо поставить и ту реформу военно-учебныхъ заведеній, которую предпринялъ Милютинъ и которая заключалась въ томъ, что спеціальные военные корпуса, подготовлявшіе офицеровъ, какъ членовъ особой касты, и воспитывавшіе ихъ въ военной обстановкѣ и военномъ духѣ съ самаго малолѣтства, были преобразованы въ военныя гимназіи, которыя совершенно измѣнили свой видъ и сдѣлались весьма близкими къ общей средней школѣ; въ нихъ былъ повышенъ образовательный уровень и изъ нихъ была изгнана излишняя военщина; а для спеціальной военной подготовки были предназначены высшія юнкерскія училища, которыя или подготовляли военныхъ спеціалистовъ, какъ инженерное и артиллерійское училища, или образованныхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ, какъ павловское, александровское, константиновское и

николаевское училища. Это преобразованіе имѣло весьма серьезное значеніе, такъ какъ оно, съ одной стороны, усилило образованность офицерскаго состава, а съ другой вело къ смягченію военныхъ нравовъ, необходимому для того, чтебы уничтожить тѣ ужасныя отношенія, которыя раньше существовали между офицерами и солдатами.

Всѣ эти реформы, какъ они ни были важны и существенны для самаго техническаго устройства арміи, имѣли, все-таки, болѣе или менѣе второстепенное значеніе. Главная реформа, къ которой предстояло обратиться Милютину, состояла въ коренномъ измѣненіи самой системы воинской повинности, въ полномъ уничтоженіи тогдашней рекрутчины, которая такъ тяжело ложилась на плечи народа, и, разумѣется, эта задача изъ всѣхъ милютинскихъ реформъ являлась важнѣйшей съ точки зрѣнія общенародныхъ интересовъ, ибо она вносила въ русскую жизнь демократизирующее начало огромнаго значенія. Съ другой стороны, эта же самая реформа воинской повинности была и технически необходима для организаціи наиболѣе сильной арміи при наименьшей затратѣ народныхъ средствъ, организаціи, которая отвѣчала бы больше устройству арміи всѣхъ остальныхъ цивилизованныхъ странъ. Дѣло въ томъ, что во всей Европѣ въ это время рекрутчина или вербовка и другія архаическія системы комплектованія армій были замѣнены системой всеобщей воинской повинности, при чемъ эта система важна была не только тѣми условіями равноправія, которыя она вводила и которыя соотвѣтствовали новому строю общества, повсемѣстно введенному въ XIX-омъ вѣкѣ, но и въ техническомъ, военномъ и экономическомъ отношеніяхъ она представлялась гораздо болѣе выгодной.

Прототипомъ этой системы послужила та реорганизація арміи, которая была выработана послѣ Тильзитскаго мира для Пруссіи талантливымъ прусскимъ генераломъ Шарнгорстомъ. Задача, которая стала тогда передъ прусскими военными законодателями и администраторами, заключалась въ слѣдующемъ: имъ надо было, придерживаясь договора съ Наполеономъ, не увеличивать состава войскъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ свыше 42.000 и въ то же время надо было создать возможность, когда наступитъ минута реванша, сразу выставить противъ Наполеона хорошо обученное и вооруженное войско въ

нѣсколько разъ превышающее по численности то, которое они могли содержать въ мирное время по договору. И вотъ Шарнгорсту пришла въ голову остроумная мысль достигнуть этого замѣной прежней долгосрочной повинности краткосрочною трехлѣтнею повинностью, причемъ каждый солдатъ по окончаніи службы зачислялся въ запасъ, изъ котораго лишь призывался иногда на короткіе сроки въ учебные сборы. Такимъ образомъ открывалась возможность провести черезъ армію въ сравнительно короткое время значительную часть населенія, которая всегда могла быть затѣмъ быстро призвана подъ ружье, благодаря чему сорокатысячная армія мирнаго состава легко могла быть увеличиваема въ военное время въ нѣсколько разъ. Примѣненіе этой мысли давало въ то же время возможность сдѣлать большія сбереженія и серьезно облегчить службу солдата, такъ какъ каждый солдатъ не отрывался такимъ образомъ на всю жизнь отъ семьи, а возвращался домой послѣ короткой трехлѣтней службы.

Эта идея и легла въ основу всеобщей воинской повинности, принятой въ первой половинѣ XIX вѣка въ большей части европейскихъ державъ. Однако, въ началѣ вѣка система эта не вездѣ могла быть примѣнена. Для Пруссіи эта система была хороша уже и тогда, ибо мобилизація запаса здѣсь была весьма облегчена небольшими размѣрами государства и хорошими путями сообщенія, а также и сравнительно высокой культурностью населенія. Примѣненіе этой системы къ Россіи, *пока у насъ не было хорошихъ дорогъ*, при громадности нашего отечества, было совершенно невозможнымъ. Это, именно, и заставило, какъ вы знаете, императора Александра I-го, когда онъ думалъ о предоставленіи и солдату лучшей жизни и облегченіи для государства содержанія большой арміи, обратиться къ несчастной идеѣ военныхъ поселеній. Поэтому же мы и при Николаѣ I-мъ держали милліонную армію, хотя населеніе было тогда въ три раза меньше нынѣшняго и это, конечно, ложилось на него непосильнымъ бременемъ.

Вопросъ о реорганизаціи русской арміи по очерченному образцу связывался, такимъ образомъ, прежде всего съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, и когда, въ началѣ 70-хъ годовъ, наша желѣзнодорожная сѣть получила значительное развитіе, то явилась и возможность приступить къ реорганизаціи арміи. И вотъ Милютинъ въ 1870 году представилъ докладъ импера-

тору Александру о необходимости соотвѣтствующаго преобразованія арміи, получилъ его одобреніе и, разработавъ на этомъ основаніи новый уставъ о воинской повинности, удачно провелъ его черезъ государственный совѣтъ, послѣ чего онъ сдѣлался закономъ 1 января 1874 года.

По этому уставу рекрутчина была отмѣнена и замѣнялась всеобщей воинской повинностью, одинаковой для всѣхъ классовъ и сословій народа, при чемъ являлась возможность значительнаго облегченія этой повинности. Если въ прежнее время въ наборъ вообще призывались лица отъ 20 до 34-лѣтняго возраста, и слѣдовательно, нерѣдко попадали въ войска отцы семействъ, которыхъ семьи лишались въ сущности навсегда, то теперь ежегодно должны были призываться лишь молодые люди 20-лѣтняго возраста всѣхъ сословій, при чемъ срокъ службы для нихъ назначался не свыше шести лѣтъ, послѣ чего они зачислялись на 9 лѣтъ въ запасъ и затѣмъ до 40 лѣтъ отъ роду должны были числиться въ ополченіи. При этомъ допускались для всѣхъ сословій одинаковыя льготы. Прежде всего, льготы давались по семейному положенію. Исходя изъ потребностей трудовыхъ массъ, Милютинъ предоставилъ льготу перваго разряда единственному сыну у родителей, или единственному внуку у бабки и дѣда и единственному брату-кормильцу при малолѣтнихъ сиротахъ—братьяхъ и сестрахъ. Льгота второго разряда предоставлялась тѣмъ, у кого были лишь братья, не достигшіе 18-лѣтняго возраста. Затѣмъ, льгота третьяго разряда предоставлялась лицамъ, непосредственно слѣдующимъ за братомъ, уже взятымъ въ военную службу, хотя бы въ семьѣ были и другіе способные къ труду братья.

Всѣ, не пользовавшіеся льготой, признанные здоровыми и годными въ войска, должны были по жребію зачисляться въ число новобранцевъ въ порядкѣ вынутыхъ номеровъ жребія, пока они не давали извѣстнаго количества ежегодно установляемаго по статистическимъ даннымъ для каждаго округа. Если однихъ безльготныхъ не хватало для пополненія назначеннаго контингента, то призывались, опять таки въ порядкѣ вытянутаго жребія, имѣвшіе льготу третьяго разряда, а затѣмъ даже и второго разряда; но имѣвшіе льготу перваго разряда могли быть призваны въ войска только по особому высочайшему повелѣнію.

Были установлены льготы относительно срока отбыванія повинности и по образованію. Нормальный срокъ, какъ я сказалъ, былъ установленъ шестилѣтній. Но для лицъ, получившихъ высшее образованіе, срокъ этотъ сокращался до полугода; для лицъ, получившихъ среднее образованіе, до двухъ лѣтъ, а для кончившихъ городское училище, или уѣздное училище или четырехклассную прогимназію, срокъ службы назначенъ былъ трехлѣтній. Наконецъ, всѣ кончившіе начальныя училища должны были служить четыре года. Для лицъ, получившихъ среднее и высшее образованіе, допускалось еще отбываніе воинской повинности въ качествѣ вольноопредѣляющихся, при чемъ срокъ сокращался еще вдвое, такъ что для получившихъ высшее образованіе онъ доводился всего до трехъ мѣсяцевъ.

Вотъ основныя черты главной реформы Милютина, явившейся однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ той демократизаціи русскаго общества, которая связана была съ реформами шестидесятыхъ годовъ вообще, и вмѣстѣ съ тѣмъ бывшей одной изъ наиболѣе гуманныхъ реформъ царствованія Александра II-го, ибо она, уничтоживъ разъ навсегда прежній безчеловѣчный способъ пополненія арміи при помощи рекрутскихъ наборовъ, уничтожила, въ сущности, военное рабство.

Съ 1875 года Милютинъ ввелъ новыя правила обученія солдатъ, взятыхъ на дѣйствительную службу, при чемъ это обученіе касалось не только военныхъ предметовъ и фронтовой выправки, но начиналось съ грамоты. Въ отношеніи грамотности составъ арміи, конечно, улучшился уже тѣмъ, что въ нее введены были лица высшихъ сословій; въ нашу армію до реформы 1874 года грамотныхъ поступало не болѣе 13%, а въ 1874 году этотъ процентъ сразу повысился до 20. Затѣмъ, благодаря правиламъ 1875 года, благодаря систематическому и все улучшавшемуся обученію въ полкахъ, почти каждый взятый въ военную службу человѣкъ возвращался домой черезъ нѣсколько лѣтъ обученнымъ грамотѣ и, такимъ образомъ, армія въ рукахъ Милютина сдѣлалась весьма значительнымъ суррогатомъ школъ, которыхъ какъ разъ не хватало въ Россіи. Армія сдѣлалась для населенія своего рода школой.

Замѣчательно, что при проведеніи этой реформы въ государственомъ совѣтѣ противниками льготъ по образованію и

другихъ либеральныхъ статей этой реформы явились тѣ министры, которые, казалось бы, должны были занимать обратную позицію. Именно графъ Толстой, министръ народнаго просвѣщенія, отрицалъ желательность особыхъ льготъ для лицъ, получившихъ высшее образованіе, а министръ юстиціи, графъ Паленъ, явился противникомъ подчиненія вопросовъ объ уклоненіи отъ воинской повинности суду присяжныхъ, такъ что Милютину, военному генералу и военному министру, приходилось настаивать на неприкосновенности либеральныхъ принциповъ противъ нападокъ тѣхъ лицъ, которыя, казалось бы, должны были взять на себя отстаиваніе этихъ принциповъ. Тѣмъ не менѣе Милютинъ, пользуясь большимъ престижемъ у императора Александра, отстоялъ свою реформу вполнѣ и не только провелъ ее въ государственномъ совѣтѣ, но, въ противоположность всѣмъ остальнымъ министрамъ-реформаторамъ царствованія Александра II-го, получилъ возможность *лично ввести ее въ жизнь*, такъ какъ онъ не былъ уволенъ подобно Ланскому и своему брату Николаю въ отставку, а продолжалъ оставаться военнымъ министромъ до конца царствованія Александра II го.

ЛЕКЦІЯ XXXI.

Дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія послѣ 1866 г. Гр. Д. А. Толстой и Д. А. Милютинъ, какъ выразители двухъ противоположныхъ сторонъ царствованія Александра II. Взгляды Толстого. Толстой и Катковъ. Вопросъ о реформѣ средней школы. Борьба за введеніе классицизма. Сущность и значеніе реформы 1871 года. Планы Толстого относительно университетовъ и принятыя имъ мѣры. Развитіе женскаго образованія въ періодъ 1866—1878 гг. Начальное образованіе. Уставы 1864 и 1874 годовъ. Борьба министерства народнаго просвѣщенія съ земствомъ. Исторія земской школы въ 1866—1880 гг.

Въ прошлой своей лекціи я охарактеризовалъ демократизирующее и просвѣтительное значеніе дѣятельности бывшаго военнаго министра генерала Д. А. Милютина въ сферѣ военнаго министерства,—дѣятельности, которая вполнѣ сохранила, какъ вы видѣли, этотъ свой характеръ и въ эпоху реакціи 70-хъ гг.

Совершенно обратное значеніе и совершенно противоположный характеръ имѣла ярко реакціонная и спеціально направленная, якобы, на борьбу съ нигилизмомъ, а въ сущности на борьбу съ распространеніемъ либеральныхъ и демократическихъ идей вообще, дѣятельность тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого. Это была какъ разъ та сторона правительственной дѣятельности того времени, которая въ особенности соотвѣтствовала реакціонному настроенію, охватившему правительство Александра II-го послѣ выстрѣла Каракозова.

Вообще надо сказать, что графъ Толстой и Милютинъ это два такихъ лица, которыя чрезвычайно ярко характеризовали двѣ противоположныхъ стороны, двѣ противоположныхъ, даже какъ бы взаимно исключающихъ другъ друга, тенденціи царствованія императора Александра II-го. Можно даже изумлять-

ся тому, что въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ *послѣ 1866 года* эти два крупныхъ политическихъ дѣятеля неизмѣнно пребывали оба въ числѣ сотрудниковъ Александра II-го и оба, повидимому, пользовались его полнымъ довѣріемъ. Объяснить это можно только тѣмъ, что въ самомъ императорѣ Александрѣ были—въ сущности въ теченіи всего его царствованія—въ непрестанной борьбѣ между собою именно эти два противоположныя начала:—съ одной стороны, онъ чувствовалъ и признавалъ, совершенно сознательно, полную необходимость проведенія весьма прогрессивныхъ и рѣзко мѣняющихъ прежній общественный строй реформъ, а съ другой стороны, онъ былъ подъ постояннымъ гнетомъ и страхомъ развивающагося революціоннаго движенія и въ постоянномъ сознаніи необходимости дѣятельной борьбы съ этимъ революціоннымъ движеніемъ. Вы видѣли, что послѣ того, какъ реакціонное настроеніе правительства опредѣлилось, все-таки сама жизнь, складывавшаяся опредѣленнымъ образомъ, экономическія и техническія потребности государства властно требовали продолженія реформъ. Вы видѣли, что и послѣ 1866 года проведены были такія реформы, какъ городовое положеніе и въ особенности какъ истинно-либеральная и демократическая реформа воинской повинности.

Графъ Толстой непрерывно и постоянно съ 1866 года являлся представителемъ реакціонныхъ настроеній и требованій, подъ натискомъ которыхъ все время пребывалъ императоръ Александръ II-ой. Толстой, если угодно, не былъ врагомъ просвѣщенія по существу. Если его сравнить съ другими министрами народнаго просвѣщенія, бывшими въ XIX-омъ вѣкѣ въ Россіи,—а вы знаете, что многіе изъ нихъ были несомнѣнными реакціонерами и иногда даже обскурантами,—то, сравнивъ Толстого, напримѣръ, съ Голицынымъ, можно сказать, что Толстой никогда не былъ ни такимъ мистикомъ, или даже такимъ клерикаломъ, какимъ былъ въ свое время Голицынъ; если мы будемъ сравнивать Толстого съ самыми заядлыми и дикими реакціонерами и обскурантами, какимъ былъ, напримѣръ, князь Ширинскій-Шихматовъ въ концѣ царствованія Николая Павловича, то мы увидимъ, что Толстой опять-таки не былъ такимъ дикимъ и отчаяннымъ обскурантомъ. Въ сущности говоря, по своему направленію и личнымъ вкусамъ, по своей приверженности къ классицизму Толстой внѣшнимъ обра-

зомъ напоминалъ скорѣе изъ числа министровъ николаевскаго времени графа Уварова, которому, несмотря на его отрицательныя стороны, Россія многимъ обязана, потому что просвѣщеніе онъ все-таки двинулъ, а не задержалъ, хотя и хвалился задержать общее развитіе Россіи на 50 лѣтъ. Но Толстой, несомнѣнно, былъ гораздо менѣе умнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ, чѣмъ Уваровъ и въ то же время отличался отъ него по цѣльности и рѣзкости своего характера и былъ гораздо болѣе твердымъ защитникомъ и проводникомъ своихъ идей, нежели графъ Уваровъ, который былъ, собственно говоря, человѣкомъ компромисса и карьеры прежде всего.

Уваровъ даже среди своихъ принципіальныхъ противниковъ, какъ я только что сказалъ, оставилъ по себѣ такую память, что никто не станетъ отрицать, что его дѣятельность кое въ чемъ можно помянуть и добромъ; наоборотъ, Толстой оставилъ память о себѣ, какъ о гасителѣ и врагѣ просвѣщенія. Между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, врагомъ просвѣщенія онъ собственно не былъ, но онъ былъ зато постояннымъ, послѣдовательнымъ и злостнымъ врагомъ народа и, будучи министромъ, постоянно, настойчиво и упорно попиралъ самыя священныя права и интересы *народа* во имя интересовъ и прерогативъ того правящаго *класса,* къ которому онъ самъ принадлежалъ. Именно поэтому онъ былъ самымъ яркимъ защитникомъ того государственнаго и общественнаго строя, съ которымъ эти прерогативы были связаны. Мы видимъ, поэтому, что среди всѣхъ министровъ Александра II-го, если мы возьмемъ и самый реакціонный періодъ его царствованія, не было другого такого завзятаго и принципіальнаго сторонника реакціи, какимъ былъ Толстой. Вы видѣли, что Рейтернъ, который самъ себя считалъ принадлежащимъ къ числу сторонниковъ прогрессивныхъ реформъ, указывалъ, что Шуваловъ и Валуевъ вели политику „псевдо-либеральную", какъ онъ выразился, а на самомъ дѣлѣ реакціонную. Въ отношеніи Толстого этого никто не могъ бы сказать; онъ всегда велъ политику открыто и ярко реакціонную и одинъ, среди министровъ Александра II-го, *открыто былъ врагомъ преобразованій 60-хъ годовъ.* Ему не приходилось поэтому вступать съ самимъ собою въ какіе-нибудь компромиссы, измѣнять своей точкѣ зрѣнія, какъ Валуеву, который въ либеральную эпоху старался казаться либера-

ломъ, а въ реакціонную реакціонеромъ. Нѣтъ, Толстой былъ всегда убѣжденнымъ реакціонеромъ; когда проводилась крестьянская реформа, онъ рѣзко протестовалъ противъ нея, подавалъ записку, вызвавшую весьма рѣзкую резолюцію императора Александра и, въ сущности, былъ призванъ на постъ министра народнаго просвѣщенія какъ *признанный* реакціонеръ, именно тогда, когда такой реакціонеръ, по мнѣнію императора Александра, потребовался на этомъ посту.

Самъ Толстой въ своей дѣятельности опирался на теоретическія основанія, которыя ему давали весьма видные тогдашніе публицисты М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ—редакторы-издатели „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“. Катковъ явился тогда, какъ вы знаете, самымъ завзятымъ врагомъ того нигилистическаго направленія, которое развилось и въ значительной степени продолжало дѣйствовать въ концѣ 60-хъ годовъ. [1])

Будучи врагомъ нигилизма съ одной стороны, съ другой стороны, тѣхъ сепаратистическихъ или окраинныхъ стремленій, которыя тогда проявлялись въ нѣкоторыхъ частяхъ русскаго государства, въ особенности въ западныхъ провинціяхъ, Катковъ послѣ польскаго возстанія и, въ особенности, послѣ каракозовскаго покушенія сталъ рѣзко склоняться направо. Вѣдь вы знаете, что въ началѣ эпохи реформъ онъ еще считался, и довольно основательно, въ числѣ либераловъ англійскаго пошиба. Англоманство долею осталось у него и дальше, но его политическое направленіе становилось все болѣе и болѣе консервативнымъ и даже реакціоннымъ. Толстой относительно системы просвѣщенія, какая, по его мнѣнію, была необходима Россіи, также исходилъ, по внѣшности по крайней мѣрѣ, изъ англійскихъ или англоманскихъ представленій и поэтому о Толстомъ также говорилось, что онъ желаетъ насадить въ Россіи систему англійскаго просвѣщенія. Связывалось это съ тѣмъ, что англійское просвѣщеніе—а въ особенности въ прошломъ—имѣло ярко аристократическій характеръ и что именно эта сторона прельщала и привлекала Толстого.

---

[1]) Срав. *мой* „Курсъ“, ч. II, стр. 234 и слѣд.; *мою* книгу „Общест. движеніе при Александрѣ II“, стр. 163—164 и 175; а также *Невѣдомскаго* „Катковъ и его время“, стр. 497 и слѣд.

Это, однако, можно принять развѣ съ большими оговорками, потому что англійская система, несомнѣнно аристократическая, въ то же время согласовалась съ совершенно опредѣленнымъ англійскимъ политическимъ строемъ, гдѣ этотъ аристократизмъ являлся хотя и консервативнымъ, но въ то же время конституціоннымъ началомъ, гдѣ аристократія, завоевавшая себѣ преобладающее политическое положеніе и особыя прерогативы, всегда являлась вмѣстѣ съ тѣмъ оберегательницей признанныхъ народныхъ правъ и свободъ противъ королевскаго самодержавія, съ которымъ она боролась и которое поборола. Въ Россіи аристократизмъ, который хотѣли создать Толстой и Катковъ, являлся совершенно другимъ. Аристократія, которую представлялъ Толстой, сама стремилась подавлять интересы народа подъ крылышкомъ самодержавной власти. Это различіе между аристократіей въ Англіи и Россіи очень хорошо было отмѣчено и указано именно по поводу толстовской системы народнаго просвѣщенія княземъ А. И. Васильчиковымъ въ его запискѣ, которую онъ напечаталъ послѣ введенія въ Россіи классической системы, въ 1875 году въ Берлинѣ [1]). Вообще надо сказать, что хотя несомнѣнно, что толстовская система имѣла аристократическія тенденціи, въ самомъ непривлекательномъ смыслѣ этого слова,—но все-таки главная и самая существенная ея идея заключалась не въ этомъ, а въ борьбѣ съ нигилизмомъ, съ тѣмъ міросозерцаніемъ, которое тогда быстро развивалось въ русскомъ обществѣ и которому приписывалось такое важное революціонизирующее значеніе. Именно съ этой стороны подходилъ и Катковъ къ критикѣ существовавшей раньше системы народнаго просвѣщенія.

Подъ нигилизмомъ, съ которымъ и Катковъ и Толстой боролись, подразумѣвалось тогда распространеніе матеріалистическаго міросозерцанія, которое было, въ свою очередь, связываемо съ ознакомленіемъ широкихъ круговъ интеллигенціи и учащейся молодежи съ послѣдними выводами естествознанія, о чемъ особенно хлопоталъ Писаревъ и другіе публицисты „Русскаго Слова“, являвшагося главнымъ органомъ тогдашняго нигилизма.

---

[1]) „Письмо министру народнаго просвѣщенія графу Толстому отъ *князя А. Васильчикова*“, Берлинъ 1875. (B. Beher Buchhandlung).

Толстой полагалъ, что это міросозерцаніе всего легче прививается къ молодежи, воспитавшейся на усвоеніи выводовъ естествознанія и привыкшей, какъ онъ утверждалъ, къ скороспѣлымъ и поспѣшнымъ заключеніямъ. Именно съ этой стороны и Катковъ нападалъ на головнинскій уставъ 1864 года; онъ нападалъ даже на увеличеніе числа часовъ, посвященныхъ преподаванію *исторіи* и *русской словесности* въ гимназіяхъ, причемъ называлъ въ своихъ статьяхъ преподаваніе этихъ предметовъ „сущимъ зломъ", указывая, что здѣсь ученики пріучаются къ безсмысленному верхоглядству и къ толченію воды. Вообще онъ возставалъ противъ такихъ предметовъ, которые способствовали легкому и быстрому развитію самостоятельнаго образа мыслей, требуя взамѣнъ этого такихъ знаній, которыя одни, какъ онъ выражался, способны подготовить умъ и чувства къ правильной работѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предохранить отъ легкаго усвоенія нигилистическихъ мыслей и матеріалистическихъ ученій, которыя легче всего проникали по его мнѣнію въ умы, привыкшіе къ поверхностному умствованію, въ особенности развивавшемуся либеральными учителями словесности.

Соотвѣтственно съ этимъ основное требованіе Каткова заключалось въ томъ, чтобы въ средней школѣ проведена была такая система, которая бы пріучала умъ учащихся исключительно къ усвоенію этихъ знаній и точныхъ понятій и не давала бы простора для разныхъ умствованій. Отсюда ясно, что вполнѣ отвѣчающей этимъ требованіямъ системой являлась бы такая, которая сокращала бы число часовъ тѣхъ предметовъ, которые посвящались общему умственному развитію учащихся, и спеціально давала бы только точныя и опредѣленныя знанія. Въ качествѣ важнѣйшихъ предметовъ выдвигались поэтому древніе языки, а затѣмъ математика, потому что она опять-таки давала лишь точныя знанія. Вотъ это и было положено въ основу той системы русскаго классицизма, которую обосновалъ въ своихъ тогдашнихъ писаніяхъ Катковъ и которую взялся проводить Толстой.

Съ самаго вступленія въ министерство, Толстой былъ сторонникомъ этой системы, но провести ее ему было нелегко, такъ какъ прежде всего у него не было достаточныхъ средствъ, не было достаточнаго контингента учителей латинскаго и особенно греческаго языковъ, которые бы могли сразу взять на себя

преподаваніе въ измѣненныхъ гимназіяхъ. Съ другой стороны, и матеріальныя средства, которыя при тогдашнемъ финансовомъ положеніи ему можно было отпустить, были довольно скудны; а, главное, Толстой, конечно, чувствовалъ, что не только въ широкихъ слояхъ общества, но даже и на верхахъ его, въ той высшей бюрократической средѣ, гдѣ ему приходилось проводить свои идеи, онъ встрѣтитъ несочувствіе и противодѣйствіе,— даже въ средѣ тогдашняго государственнаго совѣта, который былъ настроенъ либерально, въ значительной мѣрѣ потому, что государственный совѣтъ былъ пополняемъ, главнымъ образомъ, отставными министрами, а такъ какъ въ это время, слѣдовавшее за эпохой реформъ, *бывшіе* министры часто бывали и сравнительно либеральными людьми, то въ государственномъ совѣтѣ тогда складывалось настроеніе въ защиту вообще эпохи *реформъ* и въ частности идей Головнина, противникомъ которыхъ явился Толстой.

Поэтому Толстой взялся за дѣло исподволь; сперва онъ сдѣлалъ циркулярный запросъ попечителямъ округовъ о томъ, какія у нихъ имѣются наблюденія относительно недостатковъ существующей системы преподаванія. Ясно, что попечители, зная взгляды и идеи Толстого, должны были отыскать соотвѣтственные недостатки въ системѣ Головнина. Затѣмъ Толстой образовалъ новое высшее учебное заведеніе, филологическій институтъ, который долженъ былъ давать хорошо подготовленныхъ учителей древнихъ языковъ. Впослѣдствіи, онъ преобразовалъ и нѣжинскій лицей, основанный Безбородкомъ, по тому же плану; въ то же время онъ завелъ дѣятельныя сношенія съ заграничными учебными сферами, стараясь организовать приглашеніе въ Россію учителей изъ-за границы, въ особенности изъ Австріи, гдѣ было много филологовъ изъ славянъ, которые легко могли изучить русскій языкъ и стать преподавателями древнихъ языковъ въ Россіи. Вскорѣ этихъ учителей наѣхало въ Россію довольно много изъ Чехіи и Галиціи.

Въ то же время въ министерствѣ сталъ разрабатываться проектъ новаго устава, и хотя въ 1871 году, черезъ пять лѣтъ по вступленіи своемъ на постъ министра, Толстой рѣшился это дѣло двинуть впередъ. Онъ сдѣлалъ обстоятельный докладъ императору Александру II, указавъ на значеніе классическаго образованія, какъ средства борьбы съ тѣмъ нигилистическимъ

настроеніемъ молодежи, которое являлось въ глазахъ Александра такимъ опаснымъ зломъ и на которое самъ императоръ указывалъ уже въ рескриптѣ своемъ 1866 г. на имя кн. Гагарина, опубликованномъ послѣ каракозовскаго покушенія.

Александръ поэтому сочувственно отнесся къ общимъ тенденціямъ доклада Толстого, но такъ какъ онъ самъ отнюдь не былъ классикомъ,—его древнимъ языкамъ почти и не обучали,—то и повелѣлъ это дѣло обсудить знатокамъ. Была составлена особая комиссія, куда вошли Валуевъ, Тройницкій, самъ Толстой, нѣсколько спеціалистовъ изъ его министерства и графъ С. Г. Строгановъ. Самъ Толстой почувствовалъ тоже необходимость подготовиться въ этомъ отношеніи какъ можно основательнѣе и даже сталъ брать уроки греческаго языка у директора 3-ьей петербургской гимназіи Лемоніуса.

Эта комиссія довольно быстро выработала подробный проектъ новаго устава, который и поступилъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, при чемъ онъ былъ направленъ не въ одинъ изъ его департаментовъ, какъ полагалось, а въ спеціально образованное для этой цѣли особое присутствіе государственнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ графа Строганова изъ 15-ти лицъ, въ числѣ которыхъ были всѣ министры, завѣдующіе учебными заведеніями,—среди нихъ нѣсколько либераловъ, съ Д. А. Милютинымъ во главѣ. Съ другой стороны, туда вошли и бывшіе министры народнаго просвѣщенія Ковалевскій и Головнинъ, а также графъ Панинъ, бывшій министръ юстиціи, и цѣлый рядъ другихъ лицъ.

Въ этомъ присутствіи, которое разсматривало вопросъ на правахъ департамента государственнаго совѣта, голоса раздѣлились; девять человѣкъ было на сторонѣ Толстого, нѣкоторые, быть можетъ, потому что самъ императоръ Александръ напередъ относился къ этому проекту одобрительно, другіе—потому что проектъ соотвѣтствовалъ ихъ собственнымъ реакціоннымъ стремленіямъ. Но шесть человѣкъ,—въ числѣ которыхъ самымъ выдающимся былъ Д. А. Милютинъ, затѣмъ графъ Литке, просвѣщенный адмиралъ, бывшій воспитатель великаго князя Константина Николаевича, бывшій министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, академикъ Я. К. Гротъ и, къ удивленію всѣхъ, графъ В. П. Панинъ, который конечно, болѣе по не-

доразумѣнію оказался на этотъ разъ въ числѣ либераловъ,— оказали проекту Толстого энергическое сопротивленіе.

Милютинъ и Головнинъ рѣзко нападали на Толстого и указывали, что и въ самой Англіи, и въ Пруссіи, на которыя Толстой ссылался какъ на страны съ классической системой образованія, гдѣ процвѣтала, якобы, эта рекомендуемая имъ система, въ сущности уже классицизмъ сталъ считаться системой отживающей, и что въ послѣднее время и тамъ открываютъ реальныя гимназіи на равныхъ правахъ съ классическими, причемъ выборъ той или другой школы предоставляется родителямъ и, какъ изъ тѣхъ, такъ и изъ другихъ, открывается доступъ въ университетъ. При этомъ Милютинъ доказывалъ, что невѣренъ и тотъ взглядъ, который приписываетъ именно реальной системѣ обученія связь съ матеріализмомъ и нигилизмомъ, а въ классической системѣ видитъ противъ нихъ противоядіе. Милютинъ указывалъ, что всѣ дѣятели великой французской революціи, всѣ матеріалисты конца XVIII вѣка, которые такъ рѣзко дѣйствовали въ свое время во Франціи, какъ разъ воспитывались на классицизмѣ, который тогда царилъ во Франціи; а съ другой стороны, онъ утверждалъ, что и реальная система образованія можетъ быть поставлена такъ серьезно, что отнюдь нельзя будетъ ее аттестовать, какъ спеціально воспитывающую то легкомысліе, на которое жаловался Толстой. Въ особомъ присутствіи однако же побѣдилъ Толстой.

Но въ общемъ собраніи государственнаго совѣта,—гдѣ обычно дѣла разсматривались только для проформы, такъ какъ обыкновенно общее собраніе присоединялось къ заключенію департамента или соединеннаго присутствія,—въ данномъ случаѣ получилось нѣчто иное. Въ общемъ собраніи члены государственнаго совѣта, движимые, какъ остроумно замѣтилъ Васильчиковъ, однимъ изъ наиболѣе сильныхъ человѣческихъ чувствъ, чувствомъ родительской любви, отвергли большинствомъ 29-ти голосовъ противъ 19 предложеніе Толстого. Но Александръ присоединился къ мнѣнію меньшинства и проектъ Толстого 15 мая 1871 года получилъ силу закона [1]).

Произведенная въ 1871 году Толстымъ реформа средняго

---

[1]) *С. В. Рождественскій*, н. с., *С. С. Татищевъ* „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе", т. II, стр. 265 и слѣд.

школьнаго образованія сводилась къ введенію новаго типа классическихъ гимназій, въ которыхъ, съ одной стороны, введены были латинскій и греческій языки въ огромномъ объемѣ, а съ другой стороны, вовсе исключено естествознаніе и произведены въ преподаваніи русскаго языка и въ самой программѣ этого предмета значительныя измѣненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожены были реальныя гимназіи и на мѣсто ихъ, или даже скорѣе не на мѣсто ихъ, а только въ связи съ ихъ уничтоженіемъ, введены были реальныя училища, которыя, какъ вы увидите, получили совершенно другое значеніе.

Въ классическихъ гимназіяхъ новаго типа древніе языки заняли такое мѣсто, что для латинскаго языка было отдано 49 часовъ въ недѣлю, а для греческаго языка 36 часовъ въ недѣлю во всѣхъ классахъ, такъ что латинскій языкъ, при восьмиклассной системѣ (такъ какъ былъ введенъ восьмой классъ), не только преподавался ежедневно во всѣхъ классахъ, но въ первомъ классѣ даже 8 ч. въ недѣлю; греческій же языкъ начинался съ третьяго класса и, слѣдовательно, преподавался шесть лѣтъ. Вмѣстѣ съ этимъ самая система преподаванія этихъ языковъ состояла, главнымъ образомъ, въ изученіи грамматики, въ изученіи различныхъ грамматическихъ и синтаксическихъ тонкостей; ученики должны были доходить до такого знанія этихъ тонкостей, чтобы быть въ состояніи подъ диктовку по-русски бѣгло переводить письменно на латинскій или греческій языкъ диктуемое, при чемъ въ эти диктанты должны были подбираться именно такіе обороты рѣчи, правильный переводъ которыхъ доказывалъ бы знаніе всѣхъ грамматическихъ особенностей и тонкостей этихъ языковъ,—это были знаменитыя такъ называемыя extemporalia.

Затѣмъ сильно увеличенъ былъ курсъ математики, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы дать мѣсто этому расширенному преподаванію древнихъ языковъ и математики, согласно съ тѣми нападками, которыя Катковъ дѣлалъ на словесность и исторію, сильно сокращено было число часовъ русскаго языка и, въ особенности, исторіи словесности въ старшихъ классахъ; былъ введенъ еще церковно-славянскій языкъ въ счетъ часовъ и безъ того сокращеннаго русскаго языка. Далѣе, было уменьшено число часовъ исторіи, географіи и новыхъ языковъ, при чемъ послѣдніе были объявлены предметами второстепенными,

такъ что обученіе двумъ новымъ языкамъ даже стало не обязательнымъ.

Наряду съ этимъ измѣнилась и самая воспитательная система въ гимназіяхъ. Ученики должны были дрессироваться такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ спеціально выходили ультрадисциплинированные люди, которые пріучались бы главнымъ образомъ къ безпрекословному повиновенію, при чемъ отъ нихъ въ то же время требовалось „особое довѣріе“ и „откровенность“ съ учителями, что, конечно, было недостижимо при такомъ режимѣ и вырождалось въ форму поощренія шпіонства и наушничества.

Самое положеніе педагогическихъ совѣтовъ совершенно измѣнилось; они потеряли свои руководящія права и эти права и вся распорядительная власть перешли единолично къ директорамъ. Затѣмъ, какъ только оказался достаточный подборъ учителей древнихъ языковъ, то изъ нихъ стали назначаться какъ директора, такъ и инспектора, и число ихъ изъ учителей древнихъ языковъ достигло вскорѣ 70—80% общаго числа этихъ начальствующихъ лицъ.

Наряду со всѣмъ этимъ, реальныя гимназіи, какъ я уже сказалъ, были уничтожены; вмѣсто нихъ были введены реальныя училища, курсъ которыхъ былъ понижен до шестилѣтняго и назначеніе которыхъ было не подготовлять къ высшей школѣ, а давать спеціальное, техническое или промышленное, образованіе, которое, какъ казалось Каткову и Толстому, удовлетворяло бы потребностямъ воспитанія дѣтей высшихъ промышленныхъ классовъ, т.-е. купцовъ и богатыхъ мѣщанъ. При этомъ замѣчательно, что не только изъ классическихъ гимназій, но и изъ реальныхъ училищъ, старательно вытравливались всѣ общеобразовательные элементы, или элементы дававшіе общее развитіе. Такъ какъ въ реальныхъ училищахъ нельзя было ввести древнихъ языковъ, то было введено огромное количество черченія,—болѣе 40 часовъ въ недѣлю. Затѣмъ вводился значительный курсъ математики и въ очень умѣренной дозѣ оставлено было естествознаніе, при чемъ въ объяснительной запискѣ къ программѣ было указано, что оно должно было преподаваться не научно, а „технологически“,—трудно даже представить себѣ, что это должно было значить. Такимъ образомъ совершенно открыто главной задачей производимаго преобразованія вовсе

не ставилось повышеніе уровня знанія и просвѣщенія. Дѣло шло, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы замѣнить всякіе общеобразовательные предметы такими, которые, по мнѣнію авторовъ этой системы, хорошо дисциплинируютъ умъ,—именно это и было главной задачей всего преобразованія.

Разумѣется, уже въ самый моментъ его обсужденія поднялись большія нападки на него въ печати въ передовыхъ органахъ и даже не особенно лѣвыхъ,—самые лѣвые, какъ „Современникъ“ и „Русское Слово“, были тогда уже закрыты,—а въ такихъ, какъ „Вѣстникъ Европы“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Голосъ“; всѣ они печатали рѣзкія статьи, поскольку это было возможно, направленныя противъ этой системы. Но Толстой, какъ только его проектъ былъ доведенъ до конца и внесенъ въ государственный совѣтъ, исхлопоталъ высочайшее повелѣніе, чтобы печати было воспрещено обсуждать, или, какъ было тамъ сказано, „порицать“ планы правительства и, разумѣется, такимъ образомъ, печати былъ закрытъ ротъ [1]). Какъ вы видѣли, большинство въ государственномъ совѣтѣ высказалось противъ толстовской системы, что не помѣшало, однако, проведенію ея въ жизнь.

Въ соотвѣтственномъ духѣ Толстой, конечно, желалъ преобразовать и высшія школы въ Россіи, и съ самаго начала у него явилось, разумѣется, стремленіе измѣнить уставъ 1863 года. Но такъ какъ этотъ уставъ былъ только что проведенъ, при чемъ онъ прошелъ черезъ государственный совѣтъ въ „очищенномъ“ въ комиссіи гр. Строгонова видѣ, то поколебать этотъ уставъ было не такъ легко и за него была большая партія не только въ обществѣ, но и среди государственнаго совѣта. Поэтому Толстой сразу не рѣшился поднять вопросъ о полномъ измѣненіи устава, а началъ вводить только новыя, добавочныя правила. Такъ, въ 1867 году введены были правила, о которыхъ я уже упоминалъ, для студентовъ; при этомъ, собственно, хотѣли достичь бдительнаго надзора за студентами, какъ въ университетѣ, такъ и внѣ его; этотъ надзоръ былъ точно регламентированъ, при чемъ сужена была компетенція и независимость университетскихъ совѣтовъ.

[1]) *К. К. Арсеньевъ* „Законодательство о печати“, Спб. 1903, стр. 92 и 99. Срав. „М. М. Стасюлевичъ и его современники“, т. II, passim и, особенно, стр. 145 и 205.

Однако, несмотря на строгость введенныхъ правилъ, студенческія волненія вспыхивали при Толстомъ нѣсколько разъ и принимали весьма значительные размѣры: въ особенности въ 1869 году, а также въ 1874 и 1878. И вотъ, въ борьбѣ съ этими студенческими волненіями, постоянно обвиняя въ послабленіяхъ, или даже въ пособничествѣ и попустительствѣ, профессоровъ, Толстой тщательно подготовлялъ полную реформу университетскаго устава и настраивалъ въ этомъ отношеніи императора Александра. Однако, Толстому, до конца его пребыванія министромъ народнаго просвѣщенія, достичь этого не удалось, несмотря на дѣятельную поддержку Каткова въ печати. Въ концѣ своего пребыванія министромъ въ 1879 году, Толстому удалось лишь провести довольно важныя частичныя измѣненія въ уставѣ 1863 года,—именно восполненіе, а отчасти и замѣну тѣхъ профессорскихъ органовъ по отношенію къ надзору за студентами, которые существовали по уставу, въ лицѣ ректора, проректора и особаго университетскаго суда, новымъ учрежденіемъ, инспекціей, которая явилась для университета учрежденіемъ постороннимъ и введеніе которой сопровождалось новыми студенческими волненіями [1]).

Тѣ элементы новаго устава, которые подготовлялъ Толстой во все время своего министерства, впослѣдствіи получили ходъ и практическое осуществленіе уже при его преемникѣ, Деляновѣ, въ 1884 году, когда для этого созрѣла подходящая конъюнктура,—но объ этомъ рѣчь впереди.

Наряду со всѣми этими преобразованіями мужскихъ учебныхъ заведеній, Толстой часто вмѣшивался и въ дѣло завѣдыванія женскими учебными заведеніями, которыя тогда ему были въ сущности неподвѣдомственны: только что открытыя тогда женскія училища были подчинены вѣдомству императрицы Маріи. Впрочемъ вскорѣ въ составѣ министерства народнаго просвѣщенія тоже были открыты женскія училища перваго и второго разряда, которыя и были затѣмъ преобразованы Толстымъ въ гимназіи, такъ что на первый взглядъ въ этомъ отношеніи имъ предпринятъ былъ даже какъ будто-бы прогрессивный шагъ, такъ какъ курсъ этихъ женскихъ гимназій былъ

---

[1]) *С. В. Рождественскій* „Исторія министерства народ. просвѣщенія съ 1802—1902“ Спб. 1902. Срав. „Сборникъ постановленій по м-ву н. пр.“, т. IV.

нѣсколько приближенъ къ курсу мужскихъ учебныхъ заведеній. Однако, въ отношеніи программы, введенной въ преподаваніе въ женскихъ училищахъ, Толстой, даже въ вѣдомствѣ императрицы Маріи, производилъ такое давленіе въ сторону сокращенія программы естествознанія, что лицо, завѣдывавшее этими заведеніями, весьма выдающійся педагогъ Н. А. Вышнеградскій, долженъ былъ въ концѣ-концовъ покинуть свой постъ. Затѣмъ отрицательное отношеніе къ женскому образованію, въ особенности высшему, рѣзко проявилось у Толстого, какъ только возникъ вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи женскаго образованія и о допущеніи въ какой-нибудь формѣ высшаго образованія для женщинъ. Такія попытки пріобщенія женщинъ къ высшему образованію, въ сущности, начались еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ самочинно. Женщины, хотя и въ небольшомъ числѣ, самочинно проникли тогда въ университеты и, вплоть до утвержденія устава 1863 года, фактически, въ столичныхъ, по крайней мѣрѣ, университетахъ, мы видимъ женщинъ, вольно-слушательницъ. Затѣмъ, по проекту устава 1863 года предположено было, въ примѣчаніи къ параграфу 100-ому, допускать женщинъ, выдержавшихъ особыя испытанія, наравнѣ съ мужчинами, въ университеты. Но въ комиссіи, разсматривавшей этотъ уставъ, примѣчаніе это было отвергнуто. Поэтому даже Милютинъ не рѣшился допустить женщинъ въ подчиненную ему военно-медицинскую академію. Тогда группа передовыхъ женщинъ, съ Трубниковой, Стасовой и Философовой во главѣ, предприняла рядъ ходатайствъ объ организаціи высшаго образованія для женщинъ. Сперва онѣ подали просьбу ректору петербургскаго университета объ организаціи для нихъ лекцій профессорами университета въ свободное отъ университетскихъ занятій время. Ректоръ долженъ былъ обратиться за разрѣшеніемъ къ министру, и Толстой тогда рѣшительно отказалъ, указавъ, что для настоящаго времени онъ не находитъ возможнымъ допустить даже организацію *частныхъ* лекцій университетскими профессорами, и послѣ долгихъ переговоровъ согласился на то, чтобы эти профессора стали читать публичныя лекціи для лицъ обоего пола. Въ сущности и на это онъ согласился лишь потому, что, въ виду невозможности получать университетское образованіе въ Россіи, въ началѣ семидесятыхъ годовъ многія женщины стали для этого ѣздить въ Швейцарію, гдѣ онѣ легко подпа-

дали, къ неудовольствію правительства, подъ дѣйствіе соціалистической и анархической пропаганды. Поэтому именно съ охранительной точки зрѣнія представлялось желательнымъ дать имъ хоть нѣкоторую возможность получать высшее или спеціальное образованіе дома. Такимъ образомъ и возникли послѣ многихъ хлопотъ Аларчинскіе курсы, главный контингентъ слушателей которыхъ составляли все-таки женщины. Съ этихъ поръ началось въ Петербургѣ пріобщеніе женщинъ къ высшему образованію.

Въ Москвѣ въ 1870 г. уже были образованы такіе же курсы, спеціально для женщинъ, потому что здѣсь ректору московскаго университета удалось этого добиться при содѣйствіи московскаго генералъ-губернатора. Эти первые московскіе курсы, подъ названіемъ Лубянскихъ, получили характеръ естественнаго факультета. Въ 1871 году, по иниціативѣ профессора Герье, были образованы здѣсь и другіе курсы, имѣвшіе характеръ историко-филологическаго факультета. Въ Петербургѣ лишь въ 1878 г. проф. Бестужеву-Рюмину удалось наконецъ устроить частные курсы для женщинъ съ физико-математическимъ и историко-филологическимъ отдѣленіями; эти курсы стали функціонировать съ зимы 1878—79 года, при чемъ съ большимъ трудомъ допущено было тогда же и образованіе особаго общества для доставленія средствъ этимъ курсамъ. Благодаря энергіи этого общества и лицъ, стоявшихъ во главѣ дѣла, эти курсы развились въ Высшіе Женскіе Курсы, существующіе въ настоящее время [1]).

Особую судьбу имѣло женское медицинское образованіе. Толстой не согласился разрѣшить открыть медицинскіе курсы для женщинъ въ своемъ вѣдомствѣ; но тутъ на помощь этому дѣлу пришелъ опять-таки военный министръ Д. А. Милютинъ и при его содѣйствіи, въ спеціальномъ помѣщеніи, отведенномъ имъ при Николаевскомъ госпиталѣ, въ 1872 году открыты были высшіе женскіе медицинскіе курсы. Въ 1881 году военный министръ Ванновскій нашелъ, однако, ихъ существованіе при военномъ госпиталѣ неумѣстнымъ, они были тогда закрыты и только черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1897 году, имъ удалось

---

[1]) Срав. „С.-Петербургскіе высшіе курсы за 25 лѣтъ", Спб. 1904; особенно „Историческій очеркъ", составленный А. Н. Анненской.

возобновиться въ формѣ и нынѣ существующаго женскаго медицинскаго института.

Таковы были судьбы средней и высшей школы при графѣ Толстомъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ параллель съ этимъ какъ разъ тѣ военныя гимназіи въ вѣдомствѣ военнаго министерства, въ которыя преобразовалъ Милютинъ прежніе кадетскіе корпуса, являлись тогда въ сущности единственнымъ у насъ типомъ среднихъ учебныхъ заведеній общеобразовательнаго характера; ибо тогда какъ Толстой отнялъ общеобразовательный характеръ у всѣхъ типовъ подчиненной ему средней школы, Милютинъ стремился, наоборотъ, придать именно характеръ общеобразовательной школы подчиненнымъ ему военнымъ гимназіямъ.

Что касается начальнаго образованія, то въ этомъ отношеніи дѣятельность Толстого была такъ же рѣзка и энергична и имѣла тотъ же отрицательный характеръ, какъ и въ отношеніи средней и высшей школы. Начальное образованіе было тогда, какъ вы знаете, дѣломъ новымъ, начавшимъ развиваться лишь послѣ крестьянской реформы. По Головнинскому уставу 1864 года министерство народнаго просвѣщенія не взяло на себя организаціи этихъ школъ, а предоставило учрежденіе ихъ частной иниціативѣ,—иниціативѣ частныхъ лицъ, обществъ, городовъ, земствъ и различныхъ другихъ установленій. На себя же министерство народнаго просвѣщенія приняло только надзоръ за правильной постановкой ученія въ открываемыхъ школахъ, при чемъ, однако, въ распоряженіе министерства должны были быть отпущены отъ казны и нѣкоторыя средства, именно сто тысячъ въ первый годъ, двѣсти во второй и триста тысячъ рублей въ третій на пособія дѣлу распространенія начальныхъ школъ. Впрочемъ только первый изъ этихъ отпусковъ денежныхъ суммъ былъ дѣйствительно сдѣланъ въ 1864 году; а въ послѣдующіе годы деньги на школы отпускались лишь на западную окраину, спеціально для борьбы съ полонизмомъ, и эти отпуски имѣли, такимъ образомъ, особую чисто политическую цѣль. Ассигнованные для русскихъ губерній сто тысячъ рублей должны были быть распредѣлены между губернскими училищными совѣтами, которые и являлись главными органами надзора за образованіемъ въ низшей школѣ.

Такъ какъ этихъ совѣтовъ было въ земскихъ губерніяхъ 34,

то приходилось всего по три тысячи руб. на каждый изъ нихъ; но и этихъ суммъ они, въ сущности, не получили, такъ какъ Толстой, взявъ деньги въ свои руки, далъ имъ другое назначеніе и частью пустилъ на организацію кое-гдѣ образцовыхъ министерскихъ училищъ, а отчасти на учрежденіе учительскихъ институтовъ или семинарій для учителей низшихъ школъ.

Фактически главную роль въ открытіи училищъ сыграли земства, хотя по положенію 1864 года такая ихъ дѣятельность въ сущности вовсе не предусматривалась, ибо въ земскомъ положеніи была одна лишь статья, включенная въ него по иниціативѣ петербургскаго и нижегородскаго дворянства, поддержанной графомъ М. А. Корфомъ, по которой земствамъ предоставлялось заботиться лишь о доставленіи матеріальныхъ средствъ для развитія начальнаго образованія въ земскихъ губерніяхъ и уѣздахъ. Но земства съ самаго начала распространительно толковали эту статью и считали одною изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей всестороннее попеченіе о распространеніи народнаго образованія въ Россіи. Однако такъ какъ они обладали на первыхъ порахъ весьма скудными средствами, то, конечно, первое время тутъ примѣнялись иногда и не совсѣмъ удачные способы. Между прочимъ, по иниціативѣ князя Васильчикова, большую роль въ этомъ дѣлѣ сыграла такъ называемая поощрительная система, — состоявшая въ томъ, что земства сами не давали полнаго содержанія на школы, а давали лишь субсидіи тѣмъ сельскимъ обществамъ, которыя у себя соглашались открывать школы. Но уже скоро земства убѣдились, что, по своему экономическому положенію и малокультурному состоянію, крестьяне не могутъ и не хотятъ отпускать средствъ на школы, и что максимумъ, что они могли дѣлать,—это приглашать для обученія своихъ дѣтей отставныхъ унтеровъ и пономарей, т.-е. учреждать весьма плохо поставленныя, такъ называемыя, школы грамоты. Земства поэтому пришли очень скоро къ убѣжденію, что имъ приходится дѣло начальнаго просвѣщенія народа взять цѣликомъ въ свои руки.

Такъ какъ во главѣ этого дѣла, по уставу 1864 года, были поставлены училищные совѣты, то, конечно, отъ состава ихъ и отношенія къ земству многое зависѣло. Училищные совѣты были губернскіе и уѣздные. Губернскіе совѣты были органа-

ми, чрезвычайно неудачно устроенными. При проектированіи ихъ Головнину приходилось бороться съ тѣми покушеніями, которыя дѣлало, при первоначальномъ обсужденіи этого дѣла въ 1861 году, духовное вѣдомство, которое тогда требовало, чтобы въ его руки было совершенно передано все дѣло начальнаго народнаго образованія, при чемъ на сторонѣ духовенства былъ, между прочимъ, и консервативно настроенный предшественникъ Головнина графъ Путятинъ. Чтобы избѣжать этого, Головнинъ пошелъ тогда на компромиссъ и согласился, чтобы предсѣдателями губернскихъ совѣтовъ были архіереи, а членами ихъ были: губернаторъ, два представителя министерства народнаго просвѣщенія и два члена отъ земства, но чтобы за то самые совѣты состояли въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Эти совѣты были, конечно, весьма неповоротливыми и въ сущности мертвыми учрежденіями, такъ какъ и архіерей и губернаторъ были поглощены своими прямыми дѣлами. Уѣздные училищные совѣты составлены были изъ представителя министерства народнаго просвѣщенія, обыкновенно завѣдующаго мѣстнымъ уѣзднымъ училищемъ, представителя министерства внутреннихъ дѣлъ, котораго рекомендовалось избирать изъ мѣстнаго дворянства, и двухъ членовъ отъ земства. Предсѣдателей своихъ уѣздные совѣты выбирали *сами* и обычно это и былъ одинъ изъ членовъ отъ земства. Эти совѣты склонны были дѣйствовать рука объ руку съ земствомъ и это упрочивало съ самаго же начала позицію послѣдняго въ дѣлѣ школьной политики и борьбы.

Когда въ 1866 году Толстой вступилъ на постъ министра народнаго просвѣщенія, онъ подвергъ это положеніе дѣлъ рѣзкой критикѣ и немедленно составилъ проектъ учрежденія въ каждой губерніи должности особаго министерскаго инспектора, который долженъ былъ бы смотрѣть за тѣмъ, чтобы дѣло не попадало въ „злоумышленныя“ руки. Эти инспектора были учреждены въ 1869 г., при чемъ Толстой черезъ годъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи учебнаго дѣла, уже позволилъ себѣ утверждать, что дѣятельность училищныхъ совѣтовъ и земства никуда не годится, а одни только инспектора исполняютъ свое дѣло прекрасно. Но, конечно, самаго поверхностнаго взгляда достаточно, чтобы понять, что одинъ инспекторъ на губернію не могъ даже фактически ознакомиться съ

этимъ дѣломъ и въ сущности являлся безсильнымъ даже и въ смыслѣ надзора за школами.

Толстой, стремясь, однако, отобрать у совѣтовъ дѣло начальнаго образованія, скоро выхлопоталъ другое высочайшее повелѣніе, утвердившее особую инструкцію о дѣятельности этихъ инспекторовъ, при составленіи которой уже значительно вышелъ изъ рамокъ существовавшаго устава. По уставу училищные совѣты были поставлены довольно независимо. На губернскіе совѣты жалобы могли подаваться только въ сенатъ и даже попечители учебныхъ округовъ могли сноситься съ ними только, какъ съ посторонними, неподчиненными имъ учрежденіями, и не могли имъ давать предложеній, и, въ свою очередь, совѣты не обязаны были представлять попечителямъ отчетовъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Несмотря на это независимое, по уставу, положеніе совѣтовъ, Толстой стремился при помощи своихъ агентовъ, инспекторовъ, прибрать дѣла совѣтовъ къ рукамъ. Для этого въ инструкціи инспекторамъ онъ стремился въ ихъ руки передать не только надзоръ, но и завѣдываніе учебной частью, а отчасти и назначеніемъ учителей, которое по уставу 1864 года всецѣло зависѣло отъ содержателей школъ, при чемъ ихъ право самостоятельнаго выбора учителей, по уставу, ограничивалось лишь тѣмъ, что они должны были выбирать ихъ изъ числа лицъ, получившихъ право быть учителемъ отъ этихъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ. Но, конечно, всѣ кончившія какое-либо учебное заведеніе лица такое право легко получали, и выборъ, такимъ образомъ, былъ довольно широкъ.

Послѣ изданія инструкціи 1871 г. инспектора стали вмѣшиваться въ дѣло назначенія учителей, а въ тѣхъ случаяхъ, когда земства или учредители школъ съ ними не соглашались, стали писать доносы. Но Толстой этимъ не удовольствовался и вскорѣ вознамѣрился предпринять болѣе коренную реформу всего дѣла, какъ только убѣдился, что вмѣшательство инспекторовъ лишь обостряло борьбу между земствомъ и министерствомъ. Онъ понялъ, что при недостаточномъ числѣ инспекторовъ и при существовавшемъ уставѣ инспектора эти не могутъ фактически захватить начальной школы въ свои руки. Поэтому въ 1873 году Толстой выступилъ съ проектомъ новаго устава. По новому уставу предполагалось во

главѣ губе́рнскихъ училищныхъ совѣтовъ поставить директора народныхъ училищъ, а во главѣ уѣздныхъ совѣтовъ—инспекторовъ, причемъ должности этихъ послѣднихъ образовать въ каждомъ уѣздѣ. По отношенію къ попечителямъ округовъ реформированные совѣты должны были занять подчиненное положеніе.

Однако это преобразованіе, хотя оно и было впередъ одобрено императоромъ Александромъ, встрѣтило въ государственномъ совѣтѣ большое сопротивленіе. Толстой, неожиданно для себя, столкнулся съ дворянскимъ теченіемъ, которое возмутилось противъ его стремленія отобрать народную школу въ руки бюрократіи. Это теченіе нашло доступъ и къ императору Александру, и Толстой, повидимому неожиданно, получилъ 25 декабря 1873 г. высочайшій рескриптъ, гдѣ ему указывалось, что надзоръ за школами прежде всего долженъ быть ввѣренъ на мѣстахъ первенствующему сословію,—дворянству. Въ соотвѣтствіи съ этимъ рескриптомъ Толстому пришлось передѣлать свой проектъ и замѣнить въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ архіерея не директоромъ училищъ, а губернскимъ предводителемъ дворянства, а въ уѣздномъ совѣтѣ прежняго выборнаго предсѣдателя не инспекторомъ училищъ, а уѣзднымъ предводителемъ дворянства. А такъ какъ этотъ предводитель дворянства имѣлъ ближайшее отношеніе къ земству, то во многихъ мѣстахъ предсѣдатели совѣтовъ оказались и теперь на сторонѣ земства.

Что касается до числа инспекторовъ, то Толстому удалось увеличить это число только до двухъ инспекторовъ на губернію въ виду финансовыхъ затрудненій.

Поэтому министерству народнаго просвѣщенія пришлось уже при Деляновѣ въ 80-хъ годахъ продолжать ту борьбу, которую началъ Толстой. При Толстомъ борьба эта велась въ очень рѣзкихъ формахъ; земства иногда выступали по необходимости изъ границъ скромной власти, предоставленной имъ по уставу 1864 года. Столкновенія происходили и должны были естественно происходить; земства въ лицѣ своихъ представителей входили, конечно, не только въ обсужденіе хозяйственной стороны дѣла, но и въ вопросы преподаванія, тѣмъ болѣе, что вопросы эти ставились часто довольно остро, такъ какъ инспектора всячески стремились ограничивать и урѣзывать образованіе, получаемое крестьянскими дѣтьми въ школахъ и въ этомъ отношеніи очень портили установившіяся традиціи. Между тѣмъ,

въ училищныхъ совѣтахъ тѣ члены отъ земства, которые по новому закону (1874 г.) какъ будто не имѣли никакихъ правъ и были поставлены на второстепенное мѣсто по сравненію съ инспекторами народныхъ училищъ, фактически получили неожиданно большое значеніе, благодаря изданію закона о всеобщей воинской повинности, потому что лицъ, желающихъ получить по этому закону льготу четвертаго разряда по образованію, приходилось экзаменовать въ начальныхъ школахъ и такъ какъ школъ было много, то, очевидно, должны были на этихъ экзаменахъ присутствовать всѣ члены уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ по очереди. Такимъ образомъ и членовъ по выбору отъ земства приходилось допустить къ этой роли и они, являясь экзаменаторами, не могли уже быть совершенно устранены отъ обсужденія постановки учебной части въ школахъ и могли поэтому дѣятельно проявлять оппозицію политикѣ министерства народнаго просвѣщенія въ этомъ отношеніи.

Въ концѣ-концовъ распря между земствомъ и агентами министерства народнаго просвѣщенія обострялась иногда такъ сильно, что въ губерніяхъ, гдѣ представители министерства народнаго просвѣщенія особенно рѣзко стремились оттѣснить земство отъ управленія школами, земства иногда отказывали въ ассигнованіи средствъ на содержаніе уже открытыхъ школъ, а въ 1879 году въ тверскомъ земствѣ состоялось даже постановленіе о прекращеніи всякаго отпуска денегъ на дѣло народнаго образованія. Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, если бы не подошла эпоха „диктатуры сердца“ и если бы Лорисъ-Меликову не удалось выхлопотать въ 1880 г. отставки графа Толстого. Только послѣ этого земству пришлось вздохнуть нѣсколько свободнѣе, при болѣе либеральныхъ министрахъ А. А. Сабуровѣ и баронѣ Николаи, которые впрочемъ продержались на своихъ постахъ очень недолго (Сабуровъ съ конца 1880 до весны 1881 г., баронъ Николаи съ мая 1881 до мая 1882 года) [1]).

---

[1]) При изложеніи политики Толстого по отношенію къ начальной школѣ и исторіи борьбы его съ земствомъ я воспользовался въ значительной мѣрѣ данными, сообщенными мнѣ извѣстнымъ земскимъ дѣятелемъ и педагогомъ *Ф. Ф. Ольденбургомъ*. Сравн. неоффиц. изданіе „Положенія 1874 года о начальныхъ народныхъ училищахъ въ связи съ инструкціей инспекторамъ 1871 г., проектомъ наказа училищнымъ совѣтамъ и нѣкоторыми другими законоположеніями“. Спб. 1901: а также *С. В. Рождественскаго* и, с,

ЛЕКЦІЯ XXXII.

Развитіе земскихъ учрежденій съ 1866 по 1878 годы. Область дѣятельности земствъ. Ихъ задачи и средства. Земскіе сборы и повинности во времена дореформенныя. Бюджеты земствъ. Стремленіе къ обложенію торговли и промышленности и столкновеніе на этомъ пути съ правительствомъ. Расходы земствъ и ростъ этихъ расходовъ. Классовые интересы въ земствахъ. Вопросъ о натуральныхъ повинностяхъ и раскладка земскихъ сборовъ. Вопросъ о податной реформѣ и проекты земствъ въ этой области. Борьба правительства съ земствомъ и ограниченіе его дѣятельности.

Я уже говорилъ, правда въ самыхъ общихъ чертахъ, при какихъ условіяхъ пришлось развиваться земскому самоуправленію, введеніе котораго въ большей части такъ называемыхъ земскихъ губерній совпало съ рѣзкой реакціей въ правительственныхъ сферахъ; я упомянулъ мимоходомъ и о томъ, что реакція эта очень сильно отразилась на положеніи земства и выразилась въ разнаго рода законодательныхъ ограниченіяхъ, стѣснившихъ дѣятельность земства, а затѣмъ вообще во враждебныхъ отношеніяхъ между земствомъ и правительственными административными учрежденіями, какъ центральными, такъ и мѣстными.

Теперь я намѣренъ подробнѣе познакомить васъ съ жизнью и дѣятельностью самого земства, начиная съ первыхъ шаговъ. Для этого необходимо, конечно, прежде всего напомнить вамъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, въ чемъ заключалась самая сфера дѣятельности земскихъ учрежденій, каковы были тѣ средства, которыми земство располагало, и какова была та доля правительственной власти, которая земскимъ учрежденіямъ была дана по закону, и затѣмъ въ какой мѣрѣ они располагали этою властью въ дѣйствительности.

Органы земскаго самоуправленія были введены для завѣдыванія мѣстнымъ хозяйствомъ, губернскимъ и уѣзднымъ, для

самостоятельнаго удовлетворенія мѣстныхъ общеземскихъ нуждъ, при помощи средствъ, которыя были имъ даны, и пользуясь извѣстной долей правительственной власти, которая была имъ предоставлена по закону. Вся область дѣятельности земствъ указана во 2-ой статьѣ земскаго положенія 1864 года. Сюда относятся прежде всего различныя, такъ называемыя земскія, повинности: дорожная, подводная, постойная, т.-е обязанность содержать дороги въ исправности, проводить новыя дороги въ случаѣ надобности, содержать такъ называемую земскую почтовую гоньбу, т.-е. земскихъ почтовыхъ лошадей и станціи для внутренняго сообщенія въ уѣздахъ, и затѣмъ отводить помѣщенія для чиновниковъ, командируемыхъ на мѣста, и для проходящихъ войскъ. Къ числу земскихъ дѣлъ отнесено и продовольственное дѣло, т.-е. забота о народномъ продовольствіи; сюда же отнесено и „общественное призрѣніе“, въ широкомъ смыслѣ слова, попеченіе о калѣкахъ, неимущихъ людяхъ, и вообще о лицахъ, нуждающихся въ общественной помощи, а также и содержаніе соотвѣтствующихъ общественно-филантропическихъ учрежденій. Сюда же включено и попеченіе о развитіи торговли, промышленности и, въ особенности, сельскаго хозяйства на мѣстахъ, а также страхованіе имуществъ. Сюда же отнесено было и попеченіе о народномъ здравіи, т.-е. санитарно-медицинская часть на мѣстахъ, и, наконецъ, попеченіе о народномъ образованіи въ губерніяхъ и уѣздахъ, о постройкѣ церквей и о содержаніи мѣстъ заключенія.

Вотъ тѣ задачи, которыя очерчены 2-ой статьей земскаго положенія. Надо сказать, что почти всѣ эти задачи не созданы вновь, а существовали и раньше, и, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, признавались и дореформеннымъ законодательствомъ. Тѣ *земскія повинности*, о которыхъ я упомянулъ, удовлетворялись и въ дореформенное время при помощи различныхъ мѣстныхъ полицейско-бюрократическихъ и сословныхъ учрежденій, которыя пользовались для этого опредѣленными *земскими сборами*, а затѣмъ имѣли въ своемъ распоряженіи и весьма существенныя *натуральныя повинности*, которыя населеніе отбывало по назначенію губернскихъ и уѣздныхъ властей для удовлетворенія этихъ нуждъ. Затѣмъ *продовольственное дѣло* находилось опять-таки въ завѣдываніи цѣлаго ряда отчасти бюрократическихъ, отчасти сословныхъ учрежденій, начиная отъ комитета министровъ

вверху и вплоть до помѣщичьей власти внизу. Что касается до попеченія объ *общественномъ призрѣніи*, то оно было сосредоточено въ вѣдомствѣ спеціальныхъ бюрократическихъ установленій, учрежденныхъ еще Екатериной, именно губернскихъ *приказовъ общественнаго призрѣнія*, которые обладали особыми капиталами, главнымъ образомъ образовавшимися изъ частныхъ пожертвованій. На эти капиталы содержались такъ называемыя благотворительныя учрежденія, въ очень широкомъ смыслѣ слова, потому что въ то время благотворительными учрежденіями считались больницы и сумасшедшіе дома, а также и такія учрежденія, какъ рабочіе и смирительные дома, т.-е., въ сущности говоря, тюрьмы, въ которыхъ содержались извѣстнаго рода преступники и порочные элементы населенія.

Что касается *народнаго просвѣщенія*, то первоначально, при Екатеринѣ, предполагалось, что имъ будутъ завѣдывать на мѣстахъ тѣ же приказы общественнаго призрѣнія, а низшее образованіе, какъ вы знаете, ни въ чьемъ завѣдываніи тогда не состояло, а развивалось, какъ Богъ послалъ, въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ.

Какими же *средствами и способами* должны были земства удовлетворять всѣ эти насущныя нужды и исполнять всѣ эти нелегкія повинности? До реформы земскія повинности, по закону 1851 года, по „уставу о земскихъ повинностяхъ“, раздѣлены были на *государственныя и губернскія*, и соотвѣтственно этому и тотъ земскій сборъ, который шелъ на удовлетвореніе этихъ повинностей, дѣлился на *государственный* и *губернскій земскій сборъ*. Къ числу первыхъ повинностей, государственныхъ, отнесено было, во-первыхъ, содержаніе почтовыхъ станцій на большихъ трактахъ, затѣмъ постройка и содержаніе главныхъ шоссейныхъ дорогъ, магистральныхъ линій, затѣмъ содержаніе земской полиціи, содержаніе главнѣйшихъ этаповъ и та особая воинская повинность, которая вызывалась рекрутчиной, т.-е. содержаніе помѣщеній для призывавшихся рекрутовъ и доставка взятыхъ рекрутовъ въ тѣ части, куда они были назначены.

Къ числу вторыхъ, т.-е. повинностей, содержимыхъ на губернскій земскій сборъ,—было отнесено содержаніе такъ называемыхъ губернскихъ дорогъ, второразрядныхъ и третьяго разряда, содержаніе почтовой гоньбы, квартирная повинность,

содержаніе тѣхъ чиновниковъ разныхъ мѣстныхъ казенныхъ учрежденій, которые завѣдывали перепиской по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ, расходы по полюбовному межеванію, расходы на оспопрививаніе и, наконецъ, выписка *сенатскихъ вѣдомостей*, гдѣ публиковались законы и правительственныя распоряженія.

Вотъ тѣ относительно немногочисленныя повинности, которыя были отнесены на содержаніе губернскаго земскаго сбора. Размѣры земскаго сбора въ 1814 году,—когда впервые была опубликована земская смѣта и когда сборъ этотъ не былъ раздѣленъ на государственный и губернскій,—достигали 4 милліоновъ 450 тысячъ рублей, а черезъ 50 лѣтъ выражались уже въ цифрѣ 23 милл. 900 т. рублей. Изъ этой послѣдней цифры 19 милл. было отнесено на государственный сборъ и только 4 милл. 800 тыс. на губернскій сборъ. При періодическомъ—разъ въ 3 года—опредѣленіи тѣхъ суммъ, которыя ассигновались на государственныя и губернскія земскія повинности, составлялась особая смѣта; составлялась она особымъ комитетомъ о земскихъ повинностяхъ, гдѣ были и общественные (конечно сословные) представители, но который функціонировалъ, какъ учрежденіе чисто бюрократическое. Дѣятельность его по составленію смѣты была, конечно, не широка; смѣты должны были составляться сообразно строго опредѣленнымъ штатамъ, никакихъ новыхъ нуждъ, безъ новаго законодательнаго опредѣленія, въ нихъ включать было нельзя; затѣмъ, смѣты, составляемыя такимъ образомъ на мѣстахъ, утверждались каждый разъ на три года законодательнымъ же порядкомъ, а затѣмъ уже обращались къ исполненію на мѣста. Исполнительными органами по исполненію повинностей являлись частью сословныя, частью бюрократическія учрежденія. Существовалъ и извѣстнаго рода общественный контроль, но существовалъ въ сущности лишь на бумагѣ, то-есть допущено было въ законѣ контролированіе отчетности со стороны представителей дворянства и городскихъ сословій, но на самомъ дѣлѣ этотъ контроль почти не практиковался и являлся чистой фикціей.

При учрежденіи земствъ весь *государственный земскій сборъ* былъ удержанъ въ распоряженіи центральныхъ органовъ правительства, а на него, какъ вы видѣли, приходилось больше трехъ четвертей всего дореформеннаго земскаго сбора, и какъ

разъ онъ весь цѣликомъ былъ удержанъ на тѣ надобности, на которыя онъ расходовался и раньше и которыя были изъяты изъ круга вѣдомства земскихъ учрежденій. Взамѣнъ *губернскаго земскаго сбора* въ казну, который, конечно, долженъ былъ прекратиться тамъ, гдѣ были введены земскія учрежденія, земства получили право *самообложенія*, т.-е. право налагать на мѣстное населеніе опредѣленные налоги. Налоги эти, дѣлившіеся на *губернскій* и *уѣздный земскій сборъ*, въ зависимости отъ того, какими учрежденіями, губернскими или уѣздными, они налагались, по закону могли быть налагаемы какъ на землю, такъ и на торгово-промышленныя заведенія; кромѣ того, цѣликомъ перешли въ руки земства и всѣ тѣ натуральныя повинности, которыми пользовались дореформенныя учрежденія.

Вмѣстѣ съ этимъ переданы были земствамъ изъ приказовъ общественнаго призрѣнія вмѣстѣ съ состоявшими въ ихъ завѣдываніи учрежденіями и тѣ капиталы, на содержаніе, главнымъ образомъ, больницъ, богадѣленъ, рабочихъ и смирительныхъ домовъ и всѣхъ остальныхъ учрежденій, которыми приказы общественнаго призрѣнія распоряжались. Надо замѣтить, что несмотря на то, что приказы общественнаго призрѣнія не имѣли никакихъ опредѣленныхъ доходовъ, взимаемыхъ съ населенія, все-таки капиталы, бывшіе въ ихъ распоряженіи, и пожертвованія, которыя они собирали, давали имъ возможность содержать довольно значительное число установленій, въ особенности, если судить по тогдашнему дореформенному масштабу. Оказалось, что такихъ установленій, перешедшихъ къ земствамъ, было 785, при чемъ изъ числа ихъ главнѣйшими были больницы, которыхъ было 519 съ 5-ю отдѣленіями и съ 17 съ лишнимъ тыс. кроватей. Затѣмъ было около 1500 кроватей въ сумасшедшихъ домахъ, которыхъ было всего 29. Внутреннее состояніе всѣхъ этихъ учрежденій было, правда, ужасное. Всѣхъ капиталовъ приказовъ общественнаго призрѣнія, переданныхъ земствамъ, числилось около девяти милліоновъ рублей; слѣдовательно, на всѣ 33 губерніи, гдѣ были тогда введены земства, приходилось ежегодно дохода на содержаніе всѣхъ этихъ учрежденій до 400 съ небольшимъ тысячъ рублей, т.-е. въ среднемъ тысячъ по 12—13 на губернію.

Что касается до *продовольственнаго дѣла*, то оно финанси-

ровалось и осуществлялось при помощи разнаго рода складокъ и капиталовъ, собиравшихся съ населенія въ видѣ, во-первыхъ, натуральныхъ запасовъ зерна въ общественные магазины, а затѣмъ и въ видѣ денежныхъ капиталовъ, образовавшихся изъ продажи части зерновыхъ запасовъ и отъ спеціальнаго постояннаго денежнаго сбора (съ 1842 г.). Эти капиталы, въ размѣрѣ тоже около 9-ти милл. руб., были переданы земствамъ, кромѣ суммъ, отчисленныхъ въ общій продовольственный капиталъ, который остался въ распоряженіи правительства и составлялъ тогда около милліона рублей въ наличности и 20 милл. въ долгахъ и недоимкахъ за населеніемъ.

Губернскій земскій сборъ, который собирался въ губерніяхъ, получившихъ самоуправленіе, исчисленъ былъ къ 1 января 1864 года въ 2,2 мил. руб. (изъ числа 4,8 милл. рублей, приходившихся на всѣ губерніи, какъ земскія, такъ и неземскія).

Земства открывались, какъ вы знаете, не одновременно во всѣхъ 33-хъ губерніяхъ, гдѣ ихъ предназначено было открыть по положенію 1864 года. [1]) Открытіе ихъ зависѣло отъ министра внутреннихъ дѣлъ, который долженъ былъ соображаться съ имѣющимися у него свѣдѣніями о ходѣ въ этихъ губерніяхъ подготовительныхъ распоряженій. Поэтому, собственно, въ 1865 году, т.-е. въ теченіе второго года послѣ опубликованія закона о земскомъ самоуправленіи, земства были открыты лишь въ 19-ти губерніяхъ, въ теченіе 1866 года еще въ 9-ти губерніяхъ, такъ что къ 1 января 1867 года земства были открыты въ 28-ми губерніяхъ, къ 1 января 1868-го въ 30, къ 1871-му въ 33, и наконецъ, въ уфимской губерніи—послѣ ея выдѣленія изъ оренбургской—земство начало дѣйствовать въ 1876 г.

Что касается бюджета этихъ земствъ, то, разумѣется, тѣ средства, которыя были въ дореформенное время расходуемы на мѣстныя нужды, сразу оказались совершенно недостаточными, такъ что мы видимъ, что въ 1865 году, когда открыты были первыя земства въ 19 губерніяхъ, то уже тогда расходный земскій бюджетъ въ этихъ губерніяхъ достигалъ 5 милл. 600 т. руб. Затѣмъ, въ 1867 году, когда земства были открыты уже въ 28-ми губерніяхъ, этотъ бюджетъ возросъ до 10 милл. 309 тыс., а въ 1868 году, при существованіи земства въ 30

[1]) См. *мой* „Курсъ“, т. II, стр. 257.

губерніяхъ, земскій бюджетъ былъ уже 14,5 милл. руб., въ 1871 году онъ равнялся 21,5 милл. руб., въ 1876—30,5 милл. руб. и къ восьмидесятымъ годамъ, несмотря на то, что передъ этимъ какъ разъ была пережита русско-турецкая война, которая въ значительной мѣрѣ разстроила опять и финансовое и общее экономическое положеніе Россіи, земскіе сборы достигли 36 милл. руб. Такимъ образомъ, въ 1880 году, т.-е. черезъ 16 лѣтъ послѣ опубликованія земскаго положенія, земскіе сборы увеличились болѣе, нежели въ 16 разъ, по сравненію съ дореформеннымъ земскимъ сборомъ на губернскія надобности; но несмотря на такой ростъ земскихъ сборовъ, если мы сравнимъ ихъ съ тѣми потребностями, которыя предъявлялись къ удовлетворенію самой жизнью, то увидимъ, что и эти размѣры роста земскаго бюджета оказывались на практикѣ совершенно недостаточными.

Надо сказать, что земства съ самаго начала своей дѣятельности попали въ очень тяжелыя условія. Независимо отъ реакціи, которая въ это время распространилась въ странѣ и, въ особенности, въ правительственныхъ сферахъ, и которая мѣшала въ административномъ и политическомъ отношеніи развитію дѣятельности земствъ, не менѣе, если не болѣе, серьезнымъ препятствіемъ являлись тѣ вообще плохія финансовыя и экономическія условія, въ которыхъ тогда была Россія и о которыхъ я вамъ разсказывалъ, когда характеризовалъ дѣятельность и планы тогдашняго министра финансовъ, Рейтерна.

Въ виду этого, земства съ самаго начала встрѣтили большія препятствія въ развитіи своей дѣятельности. Вы помните, что состояніе, какъ крестьянскаго, такъ и помѣщичьяго хозяйства, послѣ крестьянской реформы, представляло настолько глубокій кризисъ, что всякое увеличеніе обложенія земли, помѣщичьей или крестьянской, разумѣется, представлялось дѣломъ весьма труднымъ. И мы видимъ, что въ самомъ началѣ земской работы одинъ изъ самыхъ преданныхъ земскому дѣлу людей и, несомнѣнно, одинъ изъ лучшихъ земскихъ работниковъ, князь А. И. Васильчиковъ, такъ характеризовалъ тогдашнія русскія условія:

„Русская земля,—писалъ онъ,—бѣдна, потому что она, т.-е. земля, почва въ буквальномъ смыслѣ слова, платитъ сверхъ силъ, сверхъ того, что производитъ; потому

что она оплачиваетъ высшія государственныя пользы сборами съ низшихъ разрядовъ плательщиковъ, всего менѣе участвующихъ въ выгодахъ государственнаго устроенія; потому что тягло частное, земское и казенное испоконъ вѣку лежало и продолжало лежать въ Россіи на земледѣліи, угнетая трудъ, и преимущественно трудъ хлѣбопашества, т.-е. ту самую вѣтвь народной производительности, которая наиболѣе требуется для воздѣлыванія и оплодотворенія необъятной площади русской имперіи".

„Сліяніе сословій, улучшеніе повинностей, поощреніе сельскаго хозяйства, всѣ эти высокопарныя заглавія, которыя подписываются на всѣхъ современныхъ реформахъ, сводятся окончательно къ тому, чтобы найти кромѣ земли и земледѣлія другіе источники доходности и распредѣлить тягость сообразно этой доходности".

„Этотъ трудъ, это раскрытіе, можетъ быть произведено только посредствомъ земскихъ и общественныхъ учрежденій, дѣйствующихъ на полныхъ правахъ мѣстнаго самоуправленія".

И вотъ, что касается прежде всего использованія права самообложенія, то въ самомъ началѣ своей дѣятельности, съ этой точки зрѣнія, земства были поставлены въ невозможность взять съ земли, именно при такомъ тяжеломъ ея положеніи, сколько-нибудь значительные доходы. Понятно, что первые земскіе дѣятели, пользуясь, въ особенности, тѣмъ, что въ ихъ средѣ преобладали представители земледѣлія, а не представители промышленности, попробовали эксплоатировать въ значительной мѣрѣ промышленность и торговлю. На первыхъ шагахъ своей дѣятельности земства, несомнѣнно, съ чрезмѣрнымъ увлеченіемъ начали облагать торговлю и промышленность. Пользуясь тѣмъ, что въ законѣ на этотъ счетъ было сказано довольно глухо и имъ предоставлялись довольно обширныя права, они начинаютъ облагать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гильдейскія свидѣтельства въ $2^1/_2$ раза высшими сборами, нежели сборы, взимаемые съ нихъ казной. Въ другихъ мѣстахъ они начинаютъ такъ сильно облагать лѣсопромышленниковъ, что тѣ иногда сокращаютъ свою дѣятельность и даже, по утвержденію министерства финансовъ, разоряются.

Затѣмъ, въ отношеніи фабрикъ и заводовъ, передъ земствами

возникаетъ вопросъ, на что они могутъ налагать свои налоги, —только ли на доходность фабричныхъ и заводскихъ *зданій* и на другую *недвижимую собственность*, или же и на тѣ *обороты*, которые совершаютъ въ этихъ заведеніяхъ промышленные капиталы. И вотъ, истолковавъ свои права въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, земства начинаютъ весьма значительно облагать фабрики и заводы.—

Но, разумѣется, уже въ 1866 году, какъ только земства обнаружили такія тенденціи, министерство финансовъ, во главѣ котораго стоялъ тогда Рейтернъ, всячески старавшійся поощрять и оберегать крупную промышленность, увидѣло въ такихъ стремленіяхъ земствъ угрозу всѣмъ своимъ планамъ, не говоря уже о прямомъ подрывѣ возможности обложенія этихъ же заведеній и промышленнаго капитала со стороны казны, которая, какъ вы знаете, была въ это время въ очень трудномъ положеніи. Поэтому Рейтернъ съ самаго начала поднялъ шумъ противъ такой дѣятельности земствъ, и вотъ 21 ноября 1866 года, по иниціативѣ Рейтерна, внезапно изданъ былъ новый законъ, который совершенно уничтожилъ всякій произволъ земствъ въ этой области. Именно, было установлено, что земства, во-первыхъ, могутъ облагать только недвижимую собственность фабрикъ и заводовъ, совершенно въ той же мѣрѣ, въ какой облагается всякая другая недвижимая собственность въ данномъ районѣ, совершенно не касаясь торговыхъ и промышленныхъ капиталовъ, имѣющихъ въ данныхъ заведеніяхъ оборотъ и обусловливающихъ высокую доходность этихъ заведеній. Что же касается торговыхъ и промысловыхъ капиталовъ и предпріятій вообще, то земствамъ предоставлялось право облагать только торговыя и промысловыя свидѣтельства и документы, но не выше 10—25% того обложенія, которое беретъ съ нихъ казна. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы получать въ иныхъ случаяхъ въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ казна, земствамъ была предоставлена максимумъ четверть того обложенія, которое могло взиматься съ этихъ заведеній казною,—а съ нѣкоторыхъ документовъ не болѣе 10% казеннаго обложенія.

Это, разумѣется, сразу поставило земства въ финансовомъ отношеніи въ чрезвычайно трудное положеніе, потому что оказалось, что во многихъ мѣстахъ у нихъ была урѣзана возможность расширять свой бюджетъ, такъ какъ, хотя землю они

могли облагать безпредѣльно, но, будучи сами представителями земли, они знали, что много съ нея взять нельзя, а та сфера, гдѣ они думали взять львиную долю, была для нихъ закрыта закономъ.

Земства чрезвычайно раздражительно отнеслись къ этому закону и увидѣли здѣсь одинъ изъ симптомовъ враждебнаго отношенія къ своимъ задачамъ и дѣятельности со стороны правительства, но едва ли были въ этомъ даже правы, потому что мы видѣли, что инициатива въ изданіи этого закона принадлежала тому министру, который не былъ въ сущности реакціонеромъ и который, напротивъ того, былъ сторонникомъ земскаго самоуправленія, но наложилъ свою руку на самостоятельность земскихъ учрежденій въ данномъ случаѣ просто изъ боязни, что они подорвутъ возможность выполненія его обще-государственныхъ финансовыхъ плановъ.

На этой почвѣ развилось много столкновеній между земствами и правительствомъ и здѣсь уже, конечно, достаточно ярко выразилось въ дальнѣйшемъ и то реакціонное настроеніе правительства, которое вообще такъ рѣзко тогда проявлялось, такъ что, напримѣръ, въ петербургской губерніи, гдѣ земство особенно упрямо и рѣзко протестовало противъ закона 21-го ноября 1866 года, и попробовало даже уклониться отъ его исполненія, была принята по отношенію къ земству максимальная кара: тамъ на нѣкоторое время земство было закрыто и все его дѣло передано въ руки дореформенныхъ учрежденій. Это стѣсненіе земскихъ правъ и отнятіе у земства важнаго источника земскихъ средствъ весьма разочаровало многихъ и въ значительной степени повліяло на упадокъ земской дѣятельности.

Въ это время, въ сущности, главнѣйшія задачи земствъ сводились, какъ вы уже видѣли изъ только что мною перечисленнаго, прежде всего къ *народному образованію*, потребность въ которомъ сознавалась тогда такъ остро, затѣмъ къ улучшенію попеченія о *народномъ здравіи*, которое въ дореформенное время выражалось только въ городскихъ учрежденіяхъ и то, главнымъ образомъ, въ больницахъ, тогда какъ въ сельскихъ мѣстностяхъ отсутствовала всякая медицинская помощь, а мѣры предупредительныя и защитныя выражались въ одномъ оспопрививаніи. Затѣмъ шли вопросы *общественнаго призрѣнія*,— вопросъ о призрѣніи нищихъ въ нѣкоторыхъ земствахъ ставился

тогда особенно остро, благодаря, въ значительной степени, тому, что какъ разъ послѣ крестьянской реформы было выкинуто на улицу много безпомощныхъ людей въ лицѣ бывшихъ дворовыхъ, освобожденныхъ отъ крѣпостного права, но въ то же время лишенныхъ и всякаго имущественнаго обезпеченія. Поэтому передъ многими земствами этотъ вопросъ всталъ чрезвычайно серьезно въ первые же годы ихъ дѣятельности [1]).

Но особенно серьезно и неотложно всталъ передъ земствами финансовый вопросъ, вопросъ о томъ, какъ при необходимости увеличить свои доходы, въ то же время не подорвать силъ тѣхъ плательщиковъ, которые эти доходы уплачиваютъ. Земства очень хорошо сознавали, что главная масса податной тяжести—въ дѣйствительности почти вся—лежала на податныхъ классахъ. Мы видѣли, какова была раскладка сборовъ въ моментъ введенія земскихъ учрежденій. Князь Васильчиковъ попытался дать приблизительный разсчетъ тѣхъ тягостей, которыя населеніе несло до реформированія земскихъ повинностей. Для этого онъ перевелъ на деньги существовавшія натуральныя повинности,—по весьма, вѣроятно, преуменьшенной оцѣнкѣ,—и у него вышло, что наканунѣ введенія земскихъ установленій на удовлетвореніе земскихъ повинностей, земскихъ нуждъ, страна тратила всего 35 милл. 598 т. рублей. Какъ же распредѣлялось взиманіе этихъ средствъ съ населенія?—Оказалось, что изъ этой суммы на 109 милліонахъ десятинъ крестьянской земли лежало 35.000.000 руб.; на 70 милл. десят. помѣщичьей земли лежало всего лишь 500.000 руб., а на 113 милл. дес. казенной земли лежало только 36.000 руб. Такимъ образомъ, казенная земля въ это время уплачивала земскихъ сборовъ въ тысячу разъ меньше, а помѣщичья въ 70 разъ меньше на десятину, чѣмъ крестьянская земля. Вотъ до какой степени достигала неравномѣрность въ этомъ распредѣленіи налоговой тяжести между категоріями плательщиковъ. Ясное дѣло, что передъ земствами сразу всталъ вопросъ, какъ урегулировать эти платежи, которые имъ приходилось налагать на населеніе, такимъ образомъ, чтобы освободить отъ нихъ наиболѣе бѣдное крестьянское населеніе,—освободить его отъ той несообразно неравномѣрной тяжести, которая на него нала-

---

[1]) Срав. „Современникъ“ за 1866 г. т. CXII, „Провинціальное обозрѣніе“, стр. 54 и слѣд. („Докладъ одесской земской управы по вопросу о нищенствѣ“).

галась,—и въ то же время освободить крестьянъ и мѣщанъ и отъ тѣхъ натуральныхъ повинностей, которыя по закону отбывали только податные классы и которыя законъ не дозволялъ налагать на сословія привиллегированныя. Очевидно, что послѣднее можно было исправить по волѣ земства, только переведя эти натуральныя повинности въ денежныя, т.-е. установивъ вмѣсто отбытія ихъ натурой соотвѣтственные денежные сборы. Вотъ этимъ дѣломъ земствамъ и пришлось заняться въ первую голову послѣ ихъ открытія.

Но чтобы представить себѣ вполнѣ ясно то положеніе, въ которомъ находились земства въ финансовомъ отношеніи, надо еще вспомнить тѣ правила, которымъ они подчинялись въ отношеніи составленія своего бюджета и въ отношеніи именно бюджета расходнаго. *Всѣ расходы* земствъ раздѣлялись—и до сихъ поръ раздѣляются—на *обязательные* и *необязательные*. Обязательные расходы это прежде всего удовлетвореніе тѣхъ, такъ называемыхъ, земскихъ повинностей, которыя перешли къ земствамъ отъ дореформеннаго времени. Затѣмъ еще къ этимъ повинностямъ присоединились, послѣ реформы, расходы на содержаніе крестьянскихъ учрежденій (мировыхъ съѣздовъ и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ) и расходы на содержаніе мировой юстиціи. Эти два расхода были настолько значительны, что составляли почти половину всѣхъ тогдашнихъ обязательныхъ расходовъ. Что же касается того, какое мѣсто всѣ эти обязательные расходы занимали въ общей суммѣ расходныхъ бюджетовъ земствъ, то это видно изъ цифръ, которыя я вамъ сейчасъ сообщу. Изъ смѣты 1868 года, когда земства были открыты въ 30 губерніяхъ, на обязательные расходы приходилось 63,6%. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ бюджеты земствъ росли, конечно, процентное отношеніе обязательныхъ расходовъ по всему расходному бюджету становилось нѣсколько болѣе благопріятнымъ, т.-е. обязательные расходы, оставаясь абсолютно такими же, поглощали нѣсколько меньшую часть всего бюджета. Такъ, въ 1871 году обязательные расходы составили уже 57%, въ 1872 году—55%; въ 1873—51%, въ 1877—44,8%, въ 1878 году обязательные расходы увеличились вслѣдствіе войны, потому что приходилось содержать турецкихъ плѣнныхъ, содержать своихъ раненыхъ и т. д.,—они поднялись до 46,5%, а въ 1880 году опять упали до 43%.

Все-таки вы видите, что и черезъ 15 лѣтъ послѣ введенія земскихъ учрежденій эти обязательные расходы составляютъ почти половину всѣхъ земскихъ расходовъ. Къ этому надо прибавить, что земскія учрежденія должны были съ самаго начала тратить весьма значительныя средства на содержаніе своихъ административныхъ органовъ, — на содержаніе управъ. Тутъ было жалованье членамъ управъ и ихъ предсѣдателямъ,—надо сказать, вначалѣ очень умѣренное: предсѣдателямъ иногда 600 руб. въ годъ, членамъ уѣздныхъ управъ во многихъ мѣстахъ 500—600 руб. въ годъ,—но въ виду незначительности первыхъ земскихъ бюджетовъ и этотъ расходъ, при всей умѣренности окладовъ, все-таки составлялъ вмѣстѣ съ канцелярскими расходами около 19% всей смѣты; такъ что если вы для 1868 года къ тѣмъ 63,6%, которые тратились на обязательные расходы, присоедините эти 19,2%, то вы увидите, что 82,8% земскихъ бюджетовъ расходовалось на такія вещи, которыя, собственно, отнюдь не являлись удовлетвореніемъ самыхъ главныхъ культурныхъ нуждъ населенія,—тутъ нѣтъ расходовъ на народное здравіе, народное образованіе, агрономію и вообще улучшеніе условій сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. На всѣ эти, какъ и остальныя культурныя нужды, земства, такимъ образомъ, имѣли возможность тратить только 17% своего бюджета. Поэтому на медицину имъ приходилось тратить въ 1868 году 8%, на народное образованіе 5%. Понятно отсюда, что земствамъ приходилось въ сферѣ народнаго образованія, напримѣръ, изобрѣтать такія системы, какъ поощрительную, на которую потомъ очень нападали и которая, дѣйствительно, оказалась очень неудобной—она заключалась, какъ вы видѣли, въ томъ, что земства ассигновали средства на открытіе школъ не въ полной мѣрѣ а только въ добавленіе къ уже ассигнуемымъ, хотя бы и небольшимъ, суммамъ, со стороны сельскихъ обществъ или волостей. Но при тогдашнемъ положеніи крестьянства, весьма плохомъ въ финансовомъ и вообще экономическомъ отношеніи, при тогдашней его некультурности, трудно было ожидать, чтобы крестьяне въ какой нибудь долѣ могли дѣлать эти ассигнованія, такъ что земствамъ скоро пришлось придти къ убѣжденію, что крестьяне, можетъ быть, и будутъ заводить свои школы грамотности съ пономарями и унтерами вмѣсто учителей, но что настоящія школы земствамъ

придется взять на себя цѣликомъ. Но одно дѣло сознавать это, а другое дѣло имѣть средства на выполненіе этой задачи...

Точно то же по отношенію къ медицинѣ. Земства, какъ вы видѣли, получили отъ дореформеннаго времени цѣлый рядъ больницъ, губернскихъ въ особенности, и немного уѣздныхъ. Никакой земской медицины не было, не было не только никакихъ пріемныхъ покоевъ и сельскихъ больницъ, но даже и амбулаторныхъ помѣщеній; не было возможности принимать больныхъ даже при помощи разъѣздовъ. А въ добавленіе къ полученнымъ капиталамъ и, слѣдовательно, на развитіе всей этой необходимой помощи, земствамъ приходилось тратить только свои ничтожныя крохи. Отсюда понятно, что земства именно въ эти первые годы ихъ дѣятельности и въ медицинскомъ дѣлѣ доходили до того, что пробовали брать дополнительные доходы въ видѣ платы за рецепты и за отпускаемыя лекарства. Но, конечно, и это все было очень скоро оставлено, и всѣ эти пріемы, конечно неумѣлые, отнюдь не свидѣтельствуютъ о томъ, чтобы земства въ той или иной степени не сознавали тогда необходимости болѣе рѣшительно приходить на помощь народу; если они не могли развить такъ скоро этой дѣятельности, то именно прежде всего благодаря своей нищетѣ. Поэтому мнѣ, во всякомъ случаѣ, представляются неправильными тѣ нареканія, которыя въ настоящее время дѣлаются по адресу первыхъ шаговъ тогдашнихъ земствъ въ литературѣ,—въ особенности въ сочиненіи Б. Б. Веселовскаго, самомъ большомъ и полномъ по исторіи земства, авторъ котораго утверждаетъ, что на первыхъ порахъ дѣятельности земства въ ней, будто бы, особенно ярко сказывались классовые интересы, отражавшіе крѣпостнически-барскіе взгляды, которые тогдашніе дѣятели земства развивали и въ крестьянскомъ вопросѣ. Этотъ упрекъ мнѣ кажется въ данномъ случаѣ несправедливымъ, потому что самыми вліятельными дѣятелями въ большей части первыхъ земскихъ учрежденій явились люди болѣе или менѣе идейные, которые руководились не своими классовыми интересами, а тѣми стремленіями принести извѣстную пользу народу, которыя въ тотъ моментъ были довольно сильно распространены въ передовыхъ слояхъ русскаго общества. И мы видимъ, въ дѣйствительности, довольно много такихъ весьма идейно настроенныхъ и въ то же время имѣвшихъ значительный запасъ жизненнаго

опыта и необходимыхъ знаній людей, которые отдавали себя цѣликомъ земской дѣятельности, отказываясь для нея отъ всякой государственной службы и вообще болѣе блестящей, а иногда и болѣе широкой дѣятельности.

Если же существовали въ то время и классовые интересы въ земской средѣ, то, конечно, этому удивляться отнюдь нельзя: вѣдь, конечно, земская среда была средой, въ которой, по составу земскихъ собраній, по составу гласныхъ, землевладѣльческіе классовые интересы могли и должны были проявляться довольно ярко; и мы видѣли, до какой степени ярко и сильно незадолго передъ тѣмъ эти интересы проявлялись въ губернскихъ комитетахъ по крестьянскому дѣлу, когда помѣщичьи интересы затрагивались по существу весьма рѣзко. Однако, въ губернскихъ комитетахъ были затронуты не только карманные интересы помѣщиковъ, но и самое существованіе помѣщичьяго класса и тогда эти интересы проявились съ особенной яркостью и силою. Въ сферѣ же дѣятельности земскихъ учрежденій, конечно, и классовые интересы имѣли свое значеніе, но они были гораздо ничтожнѣе, чѣмъ въ сферѣ вопросовъ, разсматривавшихся въ губернскихъ комитетахъ по крестьянскому дѣлу и, поэтому, проявились здѣсь гораздо слабѣе.

Кромѣ того, надо сказать, что положеніе тѣхъ земскихъ дѣятелей, которые въ то время были во главѣ земствъ, въ значительной степени опредѣлялось еще тѣмъ, что съ первыхъ же шаговъ имъ приходилось вести борьбу съ правительственной реакціей, съ бюрократіей—центральной и мѣстной,—и несомнѣнно, что тѣ изъ нихъ, которые были наиболѣе сознательны по своей подготовкѣ и взглядамъ, хорошо понимали, что результатъ этой борьбы, самая возможность ея веденія и самый объемъ этой борьбы зависитъ отъ тѣхъ отношеній между народомъ и земствомъ, отъ того участія, которое примутъ или не примутъ въ этой борьбѣ сами народныя массы,—что, между прочимъ, въ свою очередь зависитъ отъ отношеній между этими массами и земствомъ. Поэтому дѣятели эти хорошо понимали, какъ важно освободить, даже съ этой боевой точки зрѣнія даннаго момента, массы отъ той тяжести, подъ которой онѣ находились. Имъ очевидно было, что вопросъ повышенія культурнаго уровня массъ населенія являлся вопросомъ, стоявшимъ вообще на очереди въ русской жизни, и что отъ его разрѣшенія зависѣла

вообще возможность правильнаго поступательнаго развитія и всяческаго прогресса, и, въ частности, прогресса политическаго, такъ что нѣтъ никакого сомнѣнія, что прогрессивные дѣятели, находившіеся во главѣ значительной части тогдашнихъ земствъ, очень ясно и хорошо понимали связь этихъ явленій и необходимость дѣйствовать въ земствѣ демократически, въ духѣ народныхъ массъ, потому что иначе они должны были повиснуть въ воздухѣ и не смогли бы вести и своей тяжбы съ правящей бюрократіей.

Вотъ почему эти классовые интересы, особенно, если разумѣть подъ ними простые карманные интересы (при томъ не богъ вѣсть какого размѣра), не могли имѣть особаго значенія. Но, конечно, въ составъ земствъ, въ число земскихъ гласныхъ, попадали разные элементы, попадали и довольно заядлые крѣпостники и довольно малокультурные люди, для которыхъ вся эта сторона дѣла была неясна и неинтересна, а иногда и прямо антипатична, и которымъ были ближе простые карманные интересы и сохраненіе тѣхъ привиллегій, которыя сохранить представлялось еще возможнымъ послѣ уничтоженія главной, основной привиллегіи, послѣ паденія крѣпостного права. Эти элементы, конечно, боролись противъ всякаго прогрессивнаго движенія въ земской средѣ и, когда, напримѣръ, передъ ними всталъ вопросъ объ уничтоженіи натуральныхъ повинностей, о переводѣ ихъ въ денежныя, т.-е. о переложеніи главной тяжести—подводной и дорожной повинностей—на всѣ классы населенія, то противъ этого, разумѣется, оказались лица, которыя готовы были выдержать довольно значительную борьбу, и тутъ, въ дѣйствительности, происходила борьба классовыхъ интересовъ.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе корыстно и именно въ защиту помѣщичьихъ интересовъ настроенные гласные имѣли на своей сторонѣ то законодательство, которое тогда существовало и на которое они могли опираться. При введеніи земскихъ учрежденій никакихъ, собственно, новыхъ правилъ о составленіи земскихъ бюджетовъ прямо издано не было, а въ „правилахъ о введеніи земскихъ учрежденій“ была 108-ая статья, которая содержала ссылку на старый уставъ о земскихъ повинностяхъ, а этотъ уставъ, изданный въ крѣпостное время, весьма значительную долю отводилъ натуральнымъ повинностямъ и стоялъ на той, весьма опредѣленной, точкѣ зрѣнія, что нату-

ральныя повинности могутъ отбывать только низшіе классы населенія, податныя сословія; для классовъ же привиллегированныхъ это представлялось въ крѣпостное время несовмѣстнымъ съ ихъ достоинствомъ.

Поэтому, ссылаясь на эту статью „временныхъ правилъ", нѣкоторые наиболѣе косно настроенные гласные заявляли, что прогрессивные гласные желаютъ лишить ихъ нѣкоторыхъ правъ состоянія и съ большимъ азартомъ они отстаивали эти „права состоянія" т.-е. свои привиллегіи.

Но надо сказать, что съ самаго начала настроеніе въ земствѣ создалось такое, что побѣждать начали во многихъ мѣстахъ люди прогрессивно настроенные, и мы видимъ, что несмотря на то, что къ 1868-му году изъ тѣхъ земствъ, которыя тогда были открыты, многія существовали только по нѣсколько мѣсяцевъ, тѣмъ не менѣе, уже въ этомъ году $^1/_8$ часть тогдашнихъ земскихъ уѣздовъ сдѣлала постановленіе о полномъ прекращеніи примѣненія натуральныхъ повинностей, по крайней мѣрѣ—дорожной, и о замѣнѣ ихъ денежными сборами. Затѣмъ это дѣло, идя иногда путемъ довольно упорной борьбы, развивалось мало по малу и въ другихъ земствахъ,—конечно въ различныхъ земствахъ съ разнымъ успѣхомъ,—но, какъ бы то ни было, къ срединѣ 80-хъ годовъ въ двухъ третяхъ всѣхъ уѣздовъ земскихъ губерній всѣ натуральныя повинности были замѣнены денежными сборами, а изъ остальныхъ уѣздовъ во многихъ мѣстахъ нѣкоторыя натуральныя повинности были замѣнены денежными, нѣкоторыя же земства давали болѣе или менѣе значительныя ассигнованія на помощь населенію въ отбываніи сохранившихся натуральныхъ повинностей [1]).

Не менѣе важную и интересную иллюстрацію къ этому вопросу представляетъ новая раскладка земскихъ денежныхъ налоговъ, которая была принята земствами. Я уже указывалъ, какова была правительственная раскладка земскихъ платежей и повинностей въ самый моментъ введенія земскихъ учрежденій, когда десятина казенной земли облагалась въ 1000 разъ меньше, а десятина помѣщичьей въ 70 разъ меньше, нежели

---

[1]) *Б. Б. Веселовскій* „Исторія земства за 40 лѣтъ", т. I, стр. 182. Срав. *мой* отзывъ о его книгѣ въ „Извѣстіяхъ спб. политехнич. института" за 1910 г. Отд. оттискъ стр. 46 и слѣд.

десятина крестьянской земли. Теперь въ этомъ отношеніи дѣло измѣнилось чрезвычайно рѣзко. Именно, если вы возьмете земскія смѣты 1868 года въ 14.570.000 руб. и исключите отсюда доходы земствъ отъ разныхъ своихъ капиталовъ, то получится, что всѣ остальные сборы, составляющіе, такъ сказать, прямыя (окладныя) подати въ земствѣ, составляли 12 милл. 840 тыс. руб. Изъ нихъ около 9 милл. 700 тыс. руб., или 75%, ложилось на землю; остальные сборы распредѣлялись въ видѣ налоговъ на недвижимыя имущества въ городахъ—3,4%, въ видѣ сборовъ съ торговыхъ и промышленныхъ помѣщеній, фабрикъ и заводовъ—8,3% и сбора съ торгово-промышленныхъ документовъ—12,7%. Тѣ 9 милл. 700 тыс., которыя падали на землю, распредѣлялись такъ: съ 75 милл. дес. помѣщичьей, казенной и удѣльной земли было взято 4 милл. 800 тыс. руб. и съ 70 милл. дес. крестьянской земли почти столько же [1]).

Ясно, что раскладка была совершенно иная, чѣмъ прежняя, и распредѣлявшаяся несравненно равномѣрнѣе. Поэтому правъ былъ князь Васильчиковъ, когда изъ этого заключалъ (1871 г.), что „земскія учрежденія честно исполнили свой долгъ". Дѣйствительно о смѣтахъ 1868 года это вполнѣ можно сказать. Впослѣдствіи критики земскихъ бюджетовъ указывали, что и тогда и въ дальнѣйшемъ была, однако, нѣкоторая неравномѣрность въ обложеніи помѣщичьей и крестьянской земли, заключавшаяся въ томъ, что, если взять *всѣ* крестьянскія и *всѣ* помѣщичьи земли, то окажется, что крестьянскія облагались все же нѣсколько выше. Но если нѣсколько внимательнѣе къ этому отнестись, то будетъ ясно, что сравнивается здѣсь не одно и то же. Крестьянскія земли—это почти все обрабатываемыя земли, а въ числѣ помѣщичьихъ земель было много бездоходныхъ тогда лѣсовъ и пустырей, которые не обрабатывались; понятно, что эти категоріи земли не могли выдержать одинаковаго обложенія съ обрабатываемой землей, а если мы будемъ сравнивать обложеніе однихъ обрабатываемыхъ земель, то оно окажется довольно равномѣрнымъ. Были даже такіе уѣзды, какъ, напримѣръ, Новоторжскій, въ которомъ земство прямо постановило, что крестьянскія земли вообще хуже помѣщичьихъ, а потому ихъ надо облагать меньше. Но это уже было, конечно,

---

[1]) *Кн. А. И. Васильчиковъ* „О самоуправленіи" т. III, стр. 235.

благородное исключеніе; вообще же обложеніе крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель было довольно равномѣрно, лишь въ томъ грубомъ смыслѣ, въ какомъ это можно было признать безъ правильнаго кадастра земель, до котораго было еще тогда далеко.

Затѣмъ, если мы сравнимъ тѣ способы обложенія или раскладки налоговъ, которые мы встрѣчаемъ въ земствахъ, съ тѣми способами обложенія, которые практиковались въ то время казной, то тутъ уже разница окажется прямо, разумѣется, въ пользу земства. Несмотря на то, что во главѣ министерства финансовъ стоялъ съ 1862 года человѣкъ съ довольно прогрессивными взглядами, мы видимъ, что, несмотря на это и несмотря на то, что передъ правительствомъ еще со времени проведенія крестьянской реформы ставился ярко вопросъ о необходимости коренной податной реформы, о невозможности поддержанія прежняго распредѣленія налоговъ, всецѣло складывавшаго всѣ прямые налоги на крестьянъ и мѣщанъ, что, несмотря на ясность необходимости реформы въ этомъ отношеніи, министерство финансовъ медлило съ какой бы то ни было реформой въ этомъ направленіи.

Податная комиссія, которая была учреждена еще въ 1859 году, въ теченіе цѣлыхъ 11 лѣтъ не давала никакихъ результатовъ своей работы, и, мало этого, мы видимъ, что въ томъ самомъ докладѣ министра финансовъ въ 1866 году, на который я уже ссылался, Рейтернъ говоритъ о крайней необходимости усилить налоги и, указывая, что поземельный сборъ нельзя въ этомъ случаѣ усилить, потому что помѣщичье хозяйство переживаетъ кризисъ, указывая, что чрезвычайно осторожно надо обходиться и съ повышеніемъ налоговъ на промышленные и торговые капиталы и заведенія, приходитъ къ изумительному заключенію, что изъ числа прямыхъ налоговъ единственный, который можно повысить, это подушный сборъ—это несмотря на то, что онъ ясно понималъ всю неравномѣрность и несправедливость этого сбора. Вмѣсто того, чтобы поставить вопросъ объ уничтоженіи этого сбора, Рейтернъ такимъ образомъ еще въ 1866 г. ставилъ вопросъ о развитіи его, о повышеніи его на 10 милл. руб. въ годъ, а между тѣмъ изъ его же мотивировки мы видимъ, какъ этотъ сборъ былъ тяжелъ для населенія. Онъ указываетъ въ докладѣ, что если сравнить поступленіе податей, наложенныхъ

на крестьянство, за пять лѣтъ, слѣдующихъ непосредственно послѣ Крымской войны, съ поступленіемъ ихъ за пятилѣтіе 1861—1866 годовъ, то оказывается, что въ это второе пятилѣтіе, несмотря на повышеніе земскаго государственнаго сбора на 22 копейки съ души, поступленіе податей не сдѣлалось хуже, а въ нѣкоторой степени сдѣлалось даже лучше, чѣмъ въ предыдущее пятилѣтіе, и это уже даетъ ему поводъ заключить, что если наложить еще по 50 копеекъ съ души, то, можетъ быть, населеніе выдержитъ и это... а разъ можно, то и надо наложить эти 50 копеекъ! Вотъ результаты, къ которымъ приходитъ министръ финансовъ въ 1866 году.

Вся работа податной комиссіи привела также къ весьма неожиданному результату; именно, сознавая невозможность сохраненія *подушной* подати, министерство финансовъ предложило ее замѣнить *подворной* податью, которая лежала бы опять-таки на томъ же податномъ населеніи. Но проектъ этотъ поступилъ въ 1870 году на разсмотрѣніе земскихъ собраній и вотъ тутъ сказалась разница между ними и бюрократіей, хотя бы и „просвѣщенной“. Почти всѣ существовавшія тогда земскія собранія съ одушевленіемъ принялись за разсмотрѣніе этого проекта и, несмотря на полную неосвѣдомленность многихъ гласныхъ относительно теоретической постановки дѣла въ сферѣ финансовой науки, несмотря на полную неподготовленность, тѣмъ не менѣе, подавляющее большинство земствъ пришло къ тому, что проектъ министерства финансовъ подвергло справедливому забракованію и выразило единодушное заключеніе, что подушная подать должна быть замѣнена повсемѣстно подоходнымъ налогомъ. Разумѣется, этотъ подоходный налогъ проектировался иногда довольно неудачно или фантастически; очень многія земства не доставили необходимыхъ свѣдѣній для его установленія и само министерство финансовъ довольно правильно сослалось на то, что серьезное обоснованіе подоходнаго налога можетъ быть сдѣлано только тогда, когда будетъ произведенъ кадастръ всѣхъ имуществъ и доходовъ, а произвести это было тогда дѣломъ чрезвычайно труднымъ и почти неисполнимымъ, такъ что за этой невозможностью произвести кадастръ министерство финансовъ довольно удачно могло укрываться.

Земства составили свои проекты иногда наивно, иногда мало исполнимо, но, во всякомъ случаѣ, самая идея замѣны подушной

подати подоходнымъ налогомъ была идеей правильной. Поэтому я опять-таки считаю очень неправильной ту критику, которой тотъ же г. Весловскій подвергаетъ работу земскихъ собраній въ этомъ направленіи. Онъ, съ одной стороны, упрекаетъ земства за то, что они не требовали замѣны подоходнымъ налогомъ не одной только подушной подати, а и всѣхъ косвенныхъ налоговъ. Для тѣхъ изъ васъ, кто слушалъ финансовое право и представляетъ себѣ практическую возможность такой перемѣны, какъ замѣна всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ однимъ подоходнымъ, ясно будетъ, что въ шестидесятыхъ годахъ развѣ самые наивные изъ земцевъ могли выдвигать такой планъ. Ясна и достаточна была идея замѣны подушной подати подоходнымъ налогомъ.—Въ концѣ-концовъ и этого земствамъ провести не удалось,—а выставлять такую идею, какъ замѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ подоходнымъ, можно было только безъ всякой надежды на ея осуществленіе и вообще на какія-нибудь практическія послѣдствія.

Съ другой стороны, г. Весловскій упрекаетъ всѣ земскіе проекты замѣны подушной подати подоходнымъ налогомъ въ томъ, что всѣ они произвольно или непроизвольно исходили изъ извѣстныхъ классовыхъ интересовъ, которыми будто бы они диктовались. Онъ это усматриваетъ изъ того, что этотъ налогъ сильнѣе всего легъ бы на торгово-промышленные капиталы,—во всякомъ случаѣ въ большей степени, чѣмъ на помѣщичьи имѣнія. Однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы все-таки помѣщики, если они стояли на классовыхъ интересахъ, рады были на свои имѣнія налагать, въ какой бы то ни было степени, сборы въ замѣну налога, который до тѣхъ поръ платили не они, а крестьяне. Ясно, что земскіе гласные въ данномъ случаѣ, независимо отъ классовыхъ интересовъ, а исходя изъ одной только точки зрѣнія благоразумной справедливости и государственнаго такта, ставили правильно вопросъ о замѣнѣ подушной подати подоходнымъ налогомъ. Здѣсь нѣтъ никакого доказательства господства классовыхъ интересовъ; можно только одно признать, что классовые интересы здѣсь не были черезчуръ рѣзко задѣты и *не помѣшали* гласнымъ-помѣщикамъ правильно рѣшить данный вопросъ—а рѣшеніе его, во всякомъ случаѣ, было въ общемъ правильно. Къ сожалѣнію надо сказать, что, несмотря на единодушіе земскихъ собраній, несмотря на

то, что вопросъ у нихъ былъ поставленъ, казалось бы, твердо, эта замѣна подушной подати подоходнымъ налогомъ совершена не была. Проекты земствъ въ министерствѣ были положены подъ сукно, и вопросъ остался безъ движенія вплоть до восьмидесятыхъ годовъ, когда онъ былъ рѣшенъ гораздо менѣе удовлетворительно, чѣмъ предполагали земскія собранія въ 1870 году.

Таковы были первые шаги земской дѣятельности въ сферѣ финансовой. Что касается отношеній земствъ съ правительствомъ, то надо сказать, что *самые первые шаги* земствъ развивались, въ сущности, безъ особыхъ помѣхъ, и до 1866 года, до выстрѣла Каракозова, правительство, хотя подчасъ и довольно косо смотрѣло на земства и, въ особенности, на попытки нѣкоторыхъ собраній расширить сферу своей дѣятельности и придать ей политическое значеніе,—тѣмъ не менѣе, до 4-го апрѣля 1866 года оно даже такія ходатайства земствъ, какъ ходатайства объ „увѣнчаніи зданія“ и о созывѣ „всероссійскаго земства“, встрѣчало, правда, отрицательно, съ опредѣленнымъ отпоромъ, но все же довольно мягко, и, за исключеніемъ херсонской губерніи, гдѣ былъ неуживчивый губернаторъ, и нѣкоторыхъ другихъ, гдѣ были кое-какія тренія между земствами и администраціей, въ общемъ отношенія между правительствомъ и земствомъ были довольно гладкія.

Но послѣ 1866 года и, въ особенности, послѣ той борьбы, которая завязалась между правительствомъ и земствами на почвѣ закона 21-го ноября 1866 года, сейчасъ же отношенія земства и правительства начали, и притомъ быстро, портиться, и мы видимъ, что уже въ 1867 году изданъ былъ несомнѣнно направленный противъ земства весьма опредѣленный законъ объ усиленіи, съ одной стороны, предсѣдательской власти въ земскихъ собраніяхъ, при чемъ предсѣдатели собраній (предводители дворянства) были облечены не только усиленной властью, но на нихъ налагалась и опредѣленная отвѣтственность передъ правительствомъ въ дѣлѣ устраненія такихъ вопросовъ, которые не подлежали вѣдѣнію земствъ съ точки зрѣнія правительства. Съ другой стороны, была ограничена гласность земскихъ собраній, стѣснено печатаніе всѣхъ земскихъ отчетовъ и земскихъ докладовъ. Они допускались съ этихъ поръ къ печатанію только послѣ губернаторской цензуры, при чемъ это

даже было распространено и на печатаніе ихъ въ общей прессѣ. Всѣ земскіе доклады и отчеты о земскихъ собраніяхъ кромѣ общей цензуры должны были подвергаться цензурѣ губернатора. Это вызвано было тѣмъ, что на первыхъ порахъ, въ особенности въ своихъ предположеніяхъ, земства, естественно, критиковали дореформенное земское хозяйство и губернаторскія дѣйствія, а къ такой критикѣ губернаторы не привыкли, и стали утверждать, что при такихъ условіяхъ имъ невозможно поддерживать спокойствіе и порядокъ въ губерніяхъ... Эти губернаторскіе вопли, при тогдашнемъ настроеніи правительства, легко были услышаны и привели къ изданію вышеупомянутаго закона 13-го іюня 1867 года.

Благодаря этимъ ограниченіямъ, которыя въ 1868—1869 годахъ еще усилились различными частными стѣсненіями и нарочитымъ систематическимъ пренебреженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ къ земскимъ ходатайствамъ и заявленіямъ, самая привлекательность земской дѣятельности сразу понизилась и изъ земствъ ушли многіе, очень полезные работники, разочаровавшись въ возможности сколько-нибудь полезной и продуктивной работы въ земскихъ собраніяхъ.

Самый составъ земскихъ гласныхъ подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ замѣтно понизился и между ними дѣйствительно стали давать себя чувствовать не только классовые интересы, но иногда и болѣе низменныя стремленія. Въ это же время началась та желѣзно-дорожная горячка, то грюндерство, о которомъ я упоминалъ въ своемъ мѣстѣ, когда излагалъ вамъ исторію постройки желѣзныхъ дорогъ. Измѣнился составъ лицъ, шедшихъ на земскія выборныя должности, въ предсѣдатели и члены управъ; появились „партіи“—не въ смыслѣ идейныхъ политическихъ партій, а въ смыслѣ подбора лицъ, стремившихся проводить тѣхъ или иныхъ кандидатовъ къ „общественному пирогу“. Именно въ это тяжелое время реакціи и пошелъ въ ходъ этотъ терминъ, показывавшій, что на общественное дѣло дѣятели извѣстнаго пошиба стали смотрѣть именно, какъ на доступъ къ лакомому пирогу, при чемъ въ лучшемъ случаѣ аппетитъ ихъ удовлетворялся повышенными окладами, а въ худшихъ доходило и до злоупотребленій. Даже то обстоятельство, что отъ земскихъ собраній зависѣло замѣщеніе значительнаго числа довольно хорошо оплачиваемыхъ и доста-

влявшихъ извѣстный общественный вѣсъ и почетъ должностей— (кромѣ членовъ и предсѣдателей управъ земскія собранія избирали мировыхъ судей въ уѣздахъ, а съ 1874 года и непремѣнныхъ членовъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ)—даже это обстоятельство въ ту тяжелую эпоху русской общественной жизни способствовало, въ глазахъ многихъ, все большему усиленію взгляда на земство, какъ на весьма соблазнительный „общественный пирогъ". Понятно, что лишь исключительные единичные люди могли въ этой атмосферѣ продолжать идейную борьбу и, несмотря ни на что, посвящать себя невидной, но плодотворной культурной работѣ, всячески затруднявшейся притомъ различными полицейскими тормазами. При такихъ обстоятельствахъ прогрессивное направленіе могло удержаться, конечно, лишь въ немногихъ губернскихъ и уѣздныхъ земствахъ.

ЛЕКЦІЯ XXXIII.

Открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій и первые ихъ шаги. Борьба съ ними Валуева. Реакціонная дѣятельность гр. Палена. Начало искаженія судебныхъ уставовъ. Положеніе и направленіе прокуратуры. Особый порядокъ возбужденія и рѣшенія дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ. Измѣненіе въ положеніи адвокатуры и вопросъ объ изъятіи различныхъ дѣлъ изъ компетенціи суда присяжныхъ. Положеніе печати въ пореформенное время. Главные органы печати и литературныя направленія послѣ 1866 года. Настроеніе общества.

Въ прошлый разъ я говорилъ вамъ о первыхъ шагахъ и дальнѣйшемъ развитіи въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ земскихъ учрежденій въ Россіи. Сегодня я остановлю ваше вниманіе на исторіи новыхъ судовъ и освобожденной отъ предварительной цензуры печати на первыхъ порахъ ихъ дѣятельности, въ концѣ шестидесятыхъ и первой половинѣ семидесятыхъ годовъ.

Собственно, судебные уставы, какъ вы помните, были утверждены 20-го ноября 1864 года. Но это еще далеко не означало немедленнаго введенія судебной реформы. Вопросъ о введеніи новыхъ судовъ подвергнутъ былъ довольно длительному первоначальному обсужденію сперва въ комитетѣ министровъ, потомъ въ особой комиссіи и затѣмъ въ государственномъ совѣтѣ, и только послѣ этого уже было издано особое повелѣніе о введеніи ихъ въ дѣйствіе.

Еще съ 1862 года, когда соединенные департаменты государственнаго совѣта обсуждали основныя положенія судебной реформы, они ясно себѣ представляли, что введеніе новыхъ судовъ потребуетъ значительныхъ расходовъ. Тогда расходы эти намѣчались единовременно въ количествѣ 9-ти милл. руб., и департаменты государственнаго совѣта при этомъ не сомнѣвались, что какъ ни велика эта сумма, но она будетъ дана,

такъ какъ расходъ этотъ былъ въ ихъ глазахъ не только необходимъ, но и продуктивенъ, даже съ точки зрѣнія финансовой политики, потому что только при улучшенномъ судопроизводствѣ, при правильномъ обезпеченіи правосудія, возможно развитіе того кредита, государственнаго и частнаго, которое составляло предметъ попеченій финансоваго вѣдомства. Но, тѣмъ не менѣе, когда явилась необходимость вводить судебныя учрежденія, положеніе казны было настолько труднымъ, что со стороны министерства финансовъ встрѣтились затрудненія не только въ ассигнованіи 9-ти милліоновъ, но даже и болѣе скромной суммы, которая потребовалась бы на введеніе судебныхъ уставовъ лишь въ нѣсколькихъ округахъ. Кромѣ недостатка денегъ совершенно правильно былъ констатированъ и недостатокъ подготовленныхъ людей для введенія всей реформы, потому что, въ виду особенно несмѣняемости, которая предоставлялась по закону новымъ судебнымъ дѣятелямъ, разумѣется, и назначеніе ихъ должно было быть сдѣлано съ особой осмотрительностью и являлось особенно отвѣтственнымъ.

Вотъ тѣ несомнѣнно серьезныя основанія, которыя заставляли правительство затрудняться съ немедленнымъ осуществленіемъ реформы. Здѣсь нельзя подозрѣвать какихъ-нибудь побочныхъ соображеній, которыя бы просто съ реакціонной точки зрѣнія дѣлали нежелательнымъ для правительства введеніе только что утвержденной реформы: слишкомъ серьезны были потребности, выдвинувшія судебную реформу. Поэтому ясно было, что при введеніи ея потребуется компромиссъ, и, можно сказать, что изъ этой неизбѣжности компромисса правительство вышло довольно удачно, потому что наиболѣе вредный компромиссъ, на который оно могло бы пойти, былъ въ данномъ случаѣ избѣгнутъ. Этимъ вреднымъ компромиссомъ, представлявшимся, однако, въ тогдашнихъ условіяхъ, возможнымъ, было высказанное предложеніе, въ виду отсутствія увѣренности, что вновь назначенныя лица окажутся на высотѣ положенія, не лучше ли на первое время отмѣнить несмѣняемость судей. Разумѣется, такая отмѣна несмѣняемости судей въ самый моментъ введенія судебной реформы была бы самымъ существеннымъ для нея ударомъ и сразу скомпрометировала бы дѣло, тѣмъ болѣе, что неминуемо были бы въ такомъ случаѣ понижены и самыя требованія осмотрительности

и тщательности при выборѣ новыхъ судебныхъ дѣятелей, такъ какъ было бы извѣстно, что назначенный персоналъ можетъ быть смѣненъ. Поэтому нужно привѣтствовать со всѣхъ точекъ зрѣнія то рѣшеніе не измѣнять общихъ принциповъ судебной реформы, на которомъ правительство тогда остановилось.

Что касается финансовыхъ затрудненій, то было высказано два мнѣнія,—одно кн. Гагарина, предсѣдателя комитета министровъ, другое министра юстиціи Замятнина. Гагаринъ предлагалъ ввести новые суды во всѣхъ судебныхъ округахъ имперіи, но, въ виду недостатка средствъ, ограничить ихъ составъ. Это представлялось бы тоже довольно опаснымъ, потому что суды тогда проявляли бы недостаточную энергію, прежде всего быстрота рѣшеній была бы поколеблена, а она являлась, конечно, одной изъ важныхъ чертъ судебной реформы,—обѣщанъ былъ судъ *скорый*, правый и милостивый.

Другое мнѣніе—мнѣніе Замятнина—было, при данныхъ условіяхъ, болѣе практично; а именно: онъ предлагалъ ввести безъ всякаго сокращенія судебные уставы, но пока лишь въ двухъ округахъ: петербургскомъ и московскомъ. Это требовало затраты вмѣсто девяти лишь трехъ милліоновъ рублей, и въ концѣ-концовъ на это министерство финансовъ должно было дать свое согласіе. Государь приказалъ впрочемъ предварительно обсудить оба мнѣнія въ особой комиссіи, въ которую вошли многіе изъ участниковъ разработки судебной реформы. Здѣсь, по большинству голосовъ, было принято мнѣніе Замятнина, хотя въ комиссіи было и меньшинство наиболѣе пламенныхъ сторонниковъ реформы, во главѣ съ сенаторомъ Зарудныхъ, который былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ создателей этой реформы. Это меньшинство полагало, что необходимо именно единовременное, повсемѣстное введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій и если уже нѣтъ достаточныхъ средствъ, то лучше *отсрочить* все введеніе судебной реформы. Теперь надо сказать, что слава Богу, что мнѣніе этого меньшинства, людей несомнѣнно преданныхъ дѣлу, не получило торжества, потому что при той реакціи, которая тогда началась, Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ были бы введены впослѣдствіи судебные уставы, если бы не были они введены въ 1866 году.

Въ концѣ-концовъ государственный совѣтъ тоже присоединился къ мнѣнію большинства, т.-е. къ мнѣнію министра юсти-

діи Замятнина, и было постановлено, что 17-го апрѣля 1866 года новыя учрежденія будутъ введены въ обоихъ столичныхъ округахъ.

Оказалось, что эти полтора года были срокомъ весьма краткимъ и для выбора личнаго персонала и даже для подысканія новыхъ помѣщеній для новыхъ судовъ. Вѣдь новые суды, въ которыхъ вводили гласное разбирательство, требовали и такихъ помѣщеній, которыя бы могли вмѣщать хоть нѣкоторое количество публики; требовались залы, которыхъ не было въ прежнихъ судахъ, которыя были и ненужны въ нихъ, въ виду ихъ канцелярскаго способа разбирательства. Въ концѣ-концовъ, въ Петербургѣ и въ этомъ случаѣ помогъ дѣлу постоянный сторонникъ всѣхъ преобразованій, военный министръ Д. А. Милютинъ, который уступилъ для новаго суда одинъ изъ арсеналовъ у Литейнаго моста, гдѣ и теперь помѣщаются, какъ вы знаете, судебныя учрежденія столицы. Помѣщеніе это пришлось тогда передѣлывать, и только въ началѣ 1866 года оно могло быть открыто для дѣйствія и засѣданія судебныхъ установленій.

Въ Москвѣ нашли помѣщеніе въ Кремлѣ, выстроенное въ концѣ XVIII-го вѣка архитекторомъ М. Ф. Казаковымъ, гдѣ имѣлся прекрасный залъ-ротонда, который былъ, однако, отданъ впослѣдствіи подъ провіантскій складъ, а затѣмъ подъ архивъ, и который, поэтому, пришлось тоже въ значительной степени ремонтировать [1])

Между тѣмъ, прежде чѣмъ введены были судебныя учрежденія, 4-го апрѣля послѣдовалъ выстрѣлъ Каракозова, и, пользуясь паникой, охватившей высшія сферы, реакціонеры сейчасъ же стали выражать мнѣніе, что нужно отсрочить введеніе судебныхъ учрежденій. Но, къ счастью, императоръ Александръ устоялъ на своемъ, принятомъ раньше, рѣшеніи, и 17-го апрѣля судебныя учрежденія въ петербургскомъ и московскомъ округахъ были открыты.

---

[1]) Существовала легенда, что въ этомъ именно зданіи засѣдала екатерининская „Комиссія Уложенія“ въ 1767 г. По точной справкѣ, приведенной у *Джаншіева* („Эпоха великихъ реформъ“, 7-ое изд. стр. 462), зданіе это было построено лишь въ 1787 г., и так. обр. легенда о помѣщеніи въ немъ Комиссіи 1767 г. оказалась невѣрной.

Надо сказать, что весь личный составъ новыхъ учрежденій, за который такъ опасались, былъ подобранъ чрезвычайно удачно. Для этихъ двухъ округовъ приходилось назначить около 400 лицъ, начиная съ судебныхъ слѣдователей и до сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ включительно. Замятнинъ съ толкомъ употребилъ оставшееся время; онъ, постоянно ревизуя старые суды, обращалъ вниманіе на всѣхъ выдающихся и интересующихся дѣломъ лицъ, въ особенности среди молодыхъ и второстепенныхъ чиновниковъ стараго суда, и, дѣйствительно, сумѣлъ подобрать блестящій составъ, такъ что когда были открыты эти первые суды, которые сразу начали примѣнять принципы состязательнаго процесса, то оказалось, что, несмотря на новизну дѣла, несмотря на знакомую новымъ судьямъ лишь теоретически постановку новаго процесса, никакихъ существенныхъ ошибокъ сдѣлано не было, и, наоборотъ, процессы съ самаго начала пошли съ необыкновеннымъ блескомъ.

Надо сказать, что и въ публикѣ отношеніе къ новымъ судамъ было очень повышенное; публика проявляла къ нимъ чрезвычайный интересъ, который можно сравнить развѣ съ тѣмъ интересомъ, который вызывали въ наше время первыя засѣданія первой государственной думы. Публика массой посѣщала эти новыя судебныя установленія, и несмотря на полное сочувствіе этому новому дѣлу, несмотря на хорошее отношеніе ея къ этимъ новымъ учрежденіямъ, предсѣдателямъ было весьма трудно поддерживать должный порядокъ, потому что новыя формы судопроизводства, никогда неслыханныя дотолѣ блестящія рѣчи, которыя публикѣ приходилось выслушивать, дѣлали то, что она, вопреки правиламъ судебныхъ учрежденій, шумно выражала свое одобреніе, такъ что предсѣдателямъ приходилось постоянно умѣрять ея пылъ.

Очень горячо отнеслась къ первымъ шагамъ новыхъ судовъ и печать. Интересно отмѣтить, какъ привѣтствовалъ эти новые суды одинъ изъ самыхъ талантливыхъ тогдашнихъ публицистовъ, который впослѣдствіи сдѣлался ихъ наибольшимъ гонителемъ. Я говорю о Катковѣ, который тогда, хотя и подавшись довольно сильно направо, еще не сдѣлался полнымъ реакціонеромъ. Катковъ тогда былъ сторонникомъ новыхъ судовъ, онъ писалъ:

„Съ этимъ преобразованіемъ входитъ въ нашу жизнь *совершенно новое* начало, которое положитъ явственную грань между прошедшимъ и грядущимъ, которое не замедлитъ отозваться *во всемъ*... Дѣйствіе его не ограничится только сферой собственно судебныхъ установленій; какъ тонкая стихія, оно *разольется повсюду* и всему дастъ новое значеніе, новую силу. Судъ, отправляемый публично и *при участіи присяжныхъ*, будетъ *живою общественною силою*. Судъ независимый и самостоятельный, *не подлежащій административному контролю, возвыситъ и облагородитъ общественную среду*, ибо черезъ него этотъ характеръ независимости сообщится и *всѣмъ проявленіямъ* общественной жизни. Только благодаря этому нововведенію то, что называется законною свободою и обезпеченіемъ права, будетъ уже *не словами*, а дѣломъ.... Вотъ какому великому дѣлу полагается теперь основаніе, вотъ до чего суждено было дожить намъ, вотъ что предоставляется живущему нынѣ поколѣнію *утвердить и ввести въ силу*“ [1]).

И въ другой статьѣ, въ 1867 году, уже послѣ того, какъ суды проявили свою полную подготовленность въ проведеніи этихъ принциповъ, тотъ же Катковъ писалъ:

„По истинѣ, едва вѣрится, чтобы въ столь короткое время,—онъ писалъ это 27-го марта 1867 года—такъ *крѣпко* и такъ *успѣшно* принялось дѣло столь *важное* и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ *основной* мысли и до мельчайшихъ подробностей. *Исторія не забудетъ ни одного имени, связаннаго съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи*“ [2]).

Такъ заканчивалъ онъ эту статью;—теперь едва вѣрится, что это слова Каткова, который впослѣдствіи не находилъ выраженій, чтобы обрушиваться на эти новые суды и чтобы охарактеризовать достаточно ярко то ихъ участіе въ общей крамолѣ, которое они потомъ, по его мнѣнію, въ ней приняли... Но тогда это былъ, какъ выразился одинъ изъ историковъ судебной реформы, *медовый мѣсяцъ* этой реформы [3]) и всѣ дѣятели

---

[1]) Цитировано у *Джаншіева*, в. соч., 7-ое изд. стр. 458.

[2]) Тамъ-же стр. 478.

[3]) *І. В. Гессенъ*. „Судебная реформа“ въ серіи „Великія реформы въ ихъ прошломъ и настоящемъ“. Спб. 1905, стр. 130 и слѣд.

ся, какъ выразился одинъ изъ членовъ новой магистратуры, извѣстный теперь А. Ф. Кони, вкладывали въ эту дѣятельность свою *первую любовь*, первую любовь къ той сферѣ общественной дѣятельности, которая въ это время была наиболѣе свободна [1]). Это была несомнѣнная идиллія, которая, конечно, и не могла въ тотъ моментъ, въ условіяхъ разыгравшейся реакціи, долго продолжаться. И мы видимъ, что довольно скоро въ этомъ медовомъ мѣсяцѣ появляются уже различныя недоразумѣнія и шероховатости, которыя и должны были положить ему конецъ.

Прежде всего явилось рѣзкое недовольство правительства, въ особенности министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, тѣми приговорами судебныхъ учрежденій, которые послѣдовали по дѣламъ о нарушеніи цензурнаго устава. Такія дѣла возникли уже въ 1866 году. Первое изъ нихъ, въ которомъ судился А. С. Суворинъ, тогда тоже бывшій либераломъ, за книгу „Всякіе“, прошло сравнительно благополучно для новыхъ судовъ: авторъ былъ присужденъ къ легкому наказанію и книга изъята изъ обращенія. Но уже слѣдующій процессъ, противъ редактора „Современника“ А. Н. Пыпина и автора статьи „Дѣло молодого поколѣнія“ Ю. Г. Жуковскаго, кончился неблагополучно. Дѣло разбиралось безъ присяжныхъ, но и коронный составъ новаго суда призналъ, что здѣсь не было никакого преступленія, и вынесъ оправдательный приговоръ. Валуевъ былъ совершенно взбѣшенъ и, признавая подобный приговоръ недопустимымъ, утверждалъ, что предсѣдателя суда, Мотовилова, надо уволить въ отставку, несмотря на принципъ несмѣняемости.

Императору Александру помогло удержаться на этотъ разъ на почвѣ закона, можетъ быть, то обстоятельство, что Мотовиловъ былъ въ отпуску и приговоръ суда былъ вынесенъ въ его отсутствіе. Поэтому кончилось дѣло только тѣмъ, что прокуроръ подалъ апелляціонный отзывъ и дѣло перешло въ судебную палату, а здѣсь Пыпинъ и Жуковскій были приговорены къ недѣльному аресту; вопросъ же объ уничтоженіи самой книги журнала не имѣлъ уже значенія, такъ какъ въ это время

---

[1]) Тамъ-же, стр. 130. Срав. *А. Ф. Кони.* „На жизненномъ пути“, т. II, passim и *Н. В. Давыдова* „Изъ прошлаго“, М. 1913.

„Современникъ“ былъ, независимо отъ этой статьи, навсегда закрытъ по высочайшему повелѣнію.

Затѣмъ нашумѣло дѣло нѣкоего Протопопова, мелкаго чиновника, который обвинялся въ оскорбленіи дѣйствіемъ одного изъ своихъ начальниковъ, вице-директора департамента. И вотъ, къ ужасу Валуева, судъ присяжныхъ, послѣ экспертизы врачей, призналъ Протопопова невмѣняемымъ, дѣйствовавшимъ въ припадкѣ умоизступленія, и потому вынесъ ему оправдательный приговоръ. Это окончательно взбѣсило Валуева, а тогдашняя реакціонная печать, въ частности особенно рѣзко газета „Вѣсть“, стала выдвигать на видъ „революціонность“ новыхъ судовъ. Дѣло еще болѣе омрачилось, когда та же газета „Вѣсть“ систематически стала подбирать частые оправдательные приговоры и частое наложеніе легкихъ взысканій мировыми судьями по дѣламъ объ оскорбленіяхъ городовыхъ. Въ этомъ тоже были усмотрѣны революціонные симптомы.

Наконецъ, въ началѣ 1867 года, когда въ петербургскомъ земствѣ происходили публичныя пренія по поводу новаго закона, сузившаго права земства въ отношеніи обложенія, когда произносились въ земскомъ собраніи горячія рѣчи, при чемъ одну изъ такихъ рѣчей произнесъ сенаторъ кассаціоннаго департамента сената М. Н. Любощинскій, участвовавшій въ собраніи въ качествѣ гласнаго, то императоръ Александръ, по докладу Валуева, въ пылу негодованія рѣшилъ уволить этого сенатора отъ службы. Министръ юстиціи Замятнинъ сталъ, однако, доказывать императору Александру, что онъ не можетъ сдѣлать этого безъ прямого нарушенія закона, и Александръ съ неудовольствіемъ, можетъ быть въ первый разъ въ жизни, убѣдился, что и его власть имѣетъ предѣлъ и, повидимому, дѣйствительно ограничена какъ-будто закономъ. Сенаторъ остался на своемъ посту, но министру юстиціи, который не пользовался несмѣняемостью, пришлось подать въ отставку. Замятнинъ и его товарищъ Стояновскій были уволены отъ должностей столь же внезапно, какъ въ 1861 г. были уволены Ланской и Милютинъ послѣ изданія крестьянской реформы. Теперь особенно важенъ былъ выборъ замѣстителя министра юстиціи. Слѣдуя совѣтамъ графа Шувалова, шефа жандармовъ, который явился тогда душою реакціи, Александръ избралъ министромъ юстиціи человѣка, совершенно чуждаго юстиціи и имѣв-

шаго опытъ въ совершенно другой сферѣ,—графа К. И. Палена, который въ то время былъ псковскимъ губернаторомъ, а раньше вице-директоромъ департамента полиціи, и оказался до такой степени неосвѣдомленъ въ сферѣ ввѣреннаго ему министерства, что временно исполненіе его обязанностей, за отсутствіемъ и товарища министра, было возложено на князя Урусова, завѣдывавшаго тогда II отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, а Паленъ долженъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ подготовляться.

Однако, скоро уже онъ выступилъ очень самоувѣренно и сразу взялся критиковать тѣ судебные уставы, которые были отданы подъ его охрану и которыхъ примѣненіемъ онъ долженъ былъ заняться. Еще не вступивъ въ должность министра юстиціи, онъ въ Москвѣ имѣлъ совѣщаніе съ тамошней прокуратурой, ища въ ея средѣ поддержки тѣмъ реакціоннымъ мнѣніямъ, которыя онъ собирался проводить. Въ видѣ пробнаго шара онъ высказалъ тутъ, что, по его мнѣнію, чрезвычайно неосторожно предоставлять несмѣняемость молодымъ людямъ, назначаемымъ судебными слѣдователями, что здѣсь можетъ быть допущена масса ошибокъ, а между тѣмъ несмѣняемость ихъ не даетъ возможности поправить эти ошибки [1]). Однако, Паленъ не нашелъ при этомъ никакого сочувствія въ средѣ тогдашней московской прокуратуры, и всѣ ея члены, напротивъ, удостовѣрили, что персоналъ судебныхъ слѣдователей дѣйствуетъ великолѣпно, и что никакихъ ошибокъ не замѣчается.

Тѣмъ не менѣе, Паленъ настоялъ на своемъ и, такъ какъ все-же признано было неудобнымъ тогда прямо приступить къ отмѣнѣ одного изъ основныхъ принциповъ судебной реформы, именно начала несмѣняемости судебныхъ слѣдователей, то министръ пошелъ обходнымъ путемъ и выхлопоталъ высочайшее повелѣніе, которымъ ему предоставлялось право не назначать судебныхъ слѣдователей, а только исправляющихъ ихъ должность чиновниковъ, которые, какъ таковые, несмѣняемостью, конечно, не пользуются. Такимъ путемъ судебные слѣдователи съ самаго

---

[1]) По закону судебные слѣдователи назначаются изъ лицъ, прошедшихъ четырехлѣтній стажъ въ кандидатахъ на судебныя должности при одномъ изъ судебныхъ установленій.

начала и лишились фактически своей несмѣняемости, и этотъ обходный путь впослѣдствіи очень твердо установился въ практикѣ министерства юстиціи и вплоть до нашего почти времени принято было не назначать судебныхъ слѣдователей, а назначать исправляющихъ ихъ должность; при чемъ нѣкоторые изъ нихъ пребывали въ качествѣ „исправляющихъ должность“ въ теченіе двадцати лѣтъ и болѣе.

Представителемъ правительственной власти въ судебномъ процессѣ по уставамъ 20 ноября является прокуратура, непосредственно подчиненная министру юстиціи (онъ же генералъ-прокуроръ) и не пользующаяся правомъ несмѣняемости. Но такъ какъ та же прокуратура является и вообще спеціальнымъ стражемъ законности и охранителемъ законныхъ правъ и законной свободы и неприкосновенности частныхъ лицъ отъ всякихъ незаконныхъ посягательствъ административной власти, то очевидно, что для того, чтобы достойнымъ образомъ выполнять эту свою роль, прокуратура должна быть проникнута сознаніемъ своей независимости отъ мѣстной административной власти. Это сознаніе могло бы въ ней тѣмъ прочнѣе воспитываться, что рекрутироваться она должна была въ лицѣ младшихъ своихъ членовъ—товарищей прокурора окружнаго суда—изъ младшаго персонала судейскаго званія, пользовавшагося по закону правомъ несмѣняемости—изъ судебныхъ слѣдователей. Понятно поэтому насколько могло отразиться и на составѣ прокуратуры фактическое отнятіе у судебныхъ слѣдователей ихъ прерогативы несмѣняемости. Вѣдь судебные уставы являлись своего рода Habeas corpus act'омъ; они впервые въ Россіи устанавливали, что никто не можетъ быть наказанъ безъ суда, что, какъ было сказано въ первой статьѣ общихъ правилъ уголовнаго судопроизводства (въ „основныхъ положеніяхъ“), „никто не можетъ быть наказанъ за преступленіе или проступокъ, подлежащіе вѣдомству судебныхъ мѣстъ, не бывъ присужденъ къ наказанію приговоромъ подлежащаго суда, вошедшимъ въ законную силу“. Но тутъ же было опредѣлено, что административныя власти принимаютъ мѣры въ установленномъ закономъ порядкѣ къ предупрежденію и пресѣченію преступленій. Когда эти статьи обсуждались въ комиссіи, вырабатывавшей судебные уставы, то одинъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ реформы А. М. Унковскій, бывшій тверской пред-

водитель дворянства, въ напечатанной имъ тогда статьѣ указывалъ, что статьи эти по неопредѣленности своей редакціи, даютъ поводъ сомнѣваться, не будутъ ли онѣ неправильно истолкованы. Онъ писалъ, что указаніе, на „подлежащіе вѣдомству судебныхъ мѣстъ“ преступленія и проступки можетъ подать мысль, что существуютъ какія-то преступленія и проступки ихъ вѣдомству не подлежащіе [1]). Онъ говорилъ далѣе, что принятіе *административной властью* мѣръ къ предупрежденію и пресѣченію преступленій можетъ привести къ нарушенію чиновниками интересовъ частныхъ лицъ, а, вѣдь, чиновники у насъ, въ сущности, неотвѣтственны, такъ какъ даже привлеченіе ихъ къ суду можетъ быть сдѣлано исключительно по постановленію ихъ начальства. Поэтому Унковскій тогда же указывалъ, между прочимъ, что необходимо было бы для поддержанія всего значенія гражданскихъ гарантій, даваемыхъ судебными уставами, установить отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ частными лицами, потерпѣвшими отъ ихъ преступленій по должности. Это однако не было принято.

Охрана правъ частныхъ лицъ въ первую голову предоставлялась прокурорскому надзору; на стражѣ личныхъ правъ гражданъ являлась, такимъ образомъ, какъ я уже сказалъ, прокуратура, отъ которой и зависѣла большая или меньшая обезпеченность гражданскихъ правъ отдѣльныхъ лицъ. Въ виду этого чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ являлся самый подборъ прокурорскихъ властей и установленіе среди нихъ традицій сознанія своей самостоятельности и независимости отъ администраціи.

Паленъ, наоборотъ, старался все время, пока онъ былъ министромъ юстиціи, именно воспитывать прокурорскія власти въ самомъ чиновничьемъ духѣ, духѣ уловленія шедшихъ свыше вѣяній и слѣдованія тѣмъ внушеніямъ, которыя идутъ оттуда, и это отражалось, конечно, и на отношеніяхъ, которыя создавались между прокурорами и губернаторами, потому что при введеніи новыхъ независимыхъ судовъ прокуроры, которымъ была ввѣрена охрана правъ частныхъ лицъ, постоянно должны были сталкиваться и съ губернаторской властью, и съ ея аген-

---

[1]) *Г. А. Джаншіевъ.* „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. М. 1894 г., стр. 175.

тами, и мы видимъ, дѣйствительно, что эти столкновенія проходятъ красной нитью черезъ всѣ семидесятые и восьмидесятые годы.

И вотъ, министерство юстиціи, въ лицѣ графа Палена, всегда внушало прокурорамъ, что они не должны идти на противодѣйствіе губернаторской власти, и, наоборотъ, должны дѣйствовать въ полномъ соотвѣтствіи ея видамъ. Разумѣется, все это отражалось очень существенно на примѣненіи судебныхъ уставовъ и на укорененіи самаго духа ихъ въ мѣстной жизни. Мы видимъ, что на ряду съ дѣятельностью судовъ развивается въ это время—вопреки прямому смыслу судебныхъ уставовъ—огромная карательная дѣятельность со стороны административныхъ властей и учрежденій. Въ особенности это ярко замѣтно въ отношеніи крестьянства, гдѣ продолжала процвѣтать порка и всякія административныя расправы,—именно въ качествѣ тѣхъ *мѣръ предупрежденія и пресѣченія*, которыя такъ неопредѣленно были формулированы въ упомянутой выше статьѣ основныхъ положеній. И въ этомъ случаѣ подборъ лицъ прокурорскаго надзора былъ чрезвычайно важенъ, потому что отъ нихъ, главнымъ образомъ, зависѣло прекращеніе этихъ злоупотребленій и произвола полиціи и администраціи, которые сперва имѣли мѣсто при усмиреніи крестьянскихъ волненій, а потомъ стали обычными и при простомъ поддержаніи „общественной тишины и спокойствія“. Это же отражалось и на дѣлѣ освобожденія неправильно заключенныхъ полиціею лицъ и вообще на возстановленіи правъ тѣхъ лицъ, которыхъ права нарушались административнымъ произволомъ.

Несомнѣнно, что именно при Паленѣ, благодаря настойчивому проведенію его политики въ этой сферѣ, самый составъ прокурорскихъ властей систематически портился—а, вѣдь, изъ прокуроровъ въ свою очередь набирались и судьи, потому что дальнѣйшая карьера лицъ прокурорскаго надзора заключалась въ переходѣ въ судебную палату и сенатъ и, слѣдовательно, личный составъ всѣхъ этихъ учрежденій и всей магистратуры зависѣлъ въ значительной мѣрѣ отъ состава прокурорскихъ властей. И мы, дѣйствительно, видимъ, что общій составъ магистратуры неуклонно, хотя и постепенно, понижался при Паленѣ и при послѣдующихъ продолжателяхъ его политики.

Кромѣ этого, по отношенію къ судебнымъ установленіямъ,

при Паленѣ пошелъ въ ходъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ новеллъ, т.-е., въ сущности, добавленій и измѣненій закона, которыя являлись въ принципіальномъ отношеніи несомнѣнными его искаженіями. Изданіе такихъ новеллъ началось еще съ 1866 года; уже послѣ процесса Пыпина и Жуковскаго Валуевъ настоялъ, чтобы дѣла о литературныхъ преступленіяхъ и проступкахъ судились не окружными судами, а судебными палатами въ первой инстанціи. Это еще была довольно невинная по своему значенію новелла, но при Паленѣ дѣло пошло гораздо дальше; именно, въ 1871 году, когда уже проявились первые симптомы распространенія подпольнаго революціоннаго движенія, послѣ нечаевскаго процесса, по иниціативѣ Палена и шефа жандармовъ Шувалова состоялось коренное измѣненіе и порядка разслѣдованія и дальнѣйшаго прохожденія всѣхъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ; именно, установлено было, что всѣ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ разслѣдуются въ первоначальной стадіи процесса, взамѣнъ предварительнаго слѣдствія, жандармами, а не судебными слѣдователями, лишь при участіи прокурорскихъ властей. Разслѣдованія, сдѣланныя жандармскими офицерами, черезъ прокурора судебной палаты и министра юстиціи поступаютъ, по этому закону, прямо на высочайшее разрѣшеніе, при чемъ каждое такое дѣло можетъ быть направлено однимъ изъ трехъ путей: или по высочайшему повелѣнію оно можетъ быть передано въ судебныя установленія и тогда должно начинаться вновь съ предварительнаго слѣдствія,—но такого направленія эти дѣла почти никогда не получали, исключая, развѣ, тѣхъ, въ которыхъ неизбѣжность суроваго обвинительнаго приговора была несомнѣнна,—или государь могъ повелѣть окончательно прекратить дѣло, или, наконецъ, третій путь, къ которому и прибѣгали на дѣлѣ наиболѣе часто, былъ путь административнаго разрѣшенія дѣла, при помощи административной ссылки въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Этотъ административный путь мотивировался чрезвычайно лицемѣрными соображеніями; указывалось, что правительство должно принимать его потому, что по нашему уголовному кодексу наказанія за государственныя преступленія такъ сильны, что для преступниковъ, изъ которыхъ многіе юностью своею вызываютъ къ себѣ снисхожденіе, единственной возможностью оказать такое

снисхожденіе и являлось рѣшеніе дѣла административнымъ путемъ, при чемъ вмѣсто каторги и ссылки на поселеніе лица эти могутъ попадать во временную административную ссылку безъ ограниченія въ правахъ. Лицемѣрность этихъ соображеній обнаружилась уже вскорѣ, когда былъ поднятъ вопросъ *не о смягченіи, а объ усиленіи* нѣсколькими степенями положенныхъ въ законѣ наказаній за принадлежность къ революціоннымъ сообществамъ, что и было осуществлено закономъ 1874 года.

Самый порядокъ обсужденія тѣхъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, которыя были передаваемы судебнымъ установленіямъ, въ свою очередь постоянно измѣнялся, въ отношеніи подвѣдомственности ихъ той или другой инстанціи. Сперва они должны были разсматриваться судебными палатами, затѣмъ они были переданы на разсмотрѣніе особаго присутствія сената, а по новеллѣ 1878 года, когда правительство обезпечило себѣ долголѣтнимъ подборомъ лицъ возможность большаго вліянія на членовъ судебныхъ палатъ, эти дѣла опять были переданы въ судебныя палаты. Затѣмъ, въ томъ же 1878 году, эти дѣла были переданы военнымъ судамъ, съ тѣмъ, чтобы при ихъ разбирательствѣ примѣнялась статья 279 военно-суднаго устава, которая почти по всѣмъ случаямъ требовала смертной казни, при чемъ въ 1887 году былъ изданъ еще особый циркуляръ, гдѣ военнымъ судамъ прямо запрещалось примѣнять другія мѣры наказанія, кромѣ смертной казни, а если они находили основанія для смягченія приговора, то это могло достигаться лишь ходатайствами ихъ о смягченіи приговора при конфирмаціи.

При той реакціи, которая въ это время овладѣла правительствомъ, и при той сильной борьбѣ, которая развивалась революціоннымъ движеніемъ, можно удивляться, что правительство такъ поздно обратилось къ военнымъ судамъ. Но это объясняется тѣмъ, что военные суды были преобразованы Д. А. Милютинымъ и въ теченіе семидесятыхъ годовъ, пока Милютинъ былъ министромъ, ихъ составъ былъ таковъ, что правительство опасалось, что оно менѣе сильно можетъ вліять на эти суды, чѣмъ на общіе, при томъ составѣ гражданскихъ судей, который въ это время былъ подобранъ и воспитанъ Паленомъ. Уже это одно свидѣтельствуетъ о той порчѣ судебныхъ установленій, которая Паленомъ была достигнута.

Въ числѣ тѣхъ измѣненій, которыя въ это реакціонное время были предприняты въ судебныхъ уставахъ, видное мѣсто занимаетъ походъ противъ адвокатуры, противъ того новаго сословія присяжныхъ повѣренныхъ, которое было совершенно неизвѣстно въ дореформенное время и которое теперь сразу было поставлено въ весьма самостоятельное положеніе по судебнымъ уставамъ. Не говоря уже о той важной и вполнѣ самостоятельной роли, которая предоставляется адвокатурѣ въ въ самомъ процессѣ при состязательной его формѣ, въ самой организаціи сословія присяжныхъ повѣренныхъ былъ проведенъ довольно полно принципъ самоуправленія. По судебнымъ уставамъ дѣла дисциплинарнаго характера, дѣла о проступкахъ, совершенныхъ въ своей профессіональной дѣятельности тѣми или другими адвокатами, подлежали разсмотрѣнію совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, а не общихъ судебныхъ установленій, если только прямо не было основаній для привлеченія того или другого адвоката къ суду за какое-нибудь уголовное преступленіе. Точно также принятіе въ сословіе зависѣло отъ самихъ совѣтовъ, при соблюденіи извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ условій, какъ въ отношеніи юридической подготовки кандидата, такъ и въ отношеніи выполненія извѣстнаго стажа, въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго.

Адвокатское сословіе, независимые совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, независимое поведеніе адвокатовъ въ судѣ, сразу вызвали нареканія, въ особенности со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. И графъ Паленъ со своей стороны не преминулъ начать старанія къ „обузданію“ адвокатовъ, и вотъ, мы видимъ, что прежде всего первыя нападки дѣлаются на ихъ самоуправленіе, и при введеніи судебной реформы въ новыхъ округахъ, въ провинціи, уже сословіе присяжной адвокатуры подчиняется согласно изъятіямъ, установленнымъ въ 1874 году, окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ, а не особымъ совѣтамъ. Затѣмъ, въ 1877-мъ году вырабатывается даже Паленомъ проектъ о предоставленіи министру юстиціи права исключенія изъ сословія. Этотъ проектъ, однако, не прошелъ тогда въ государственномъ совѣтѣ.

Наконецъ, стали собираться въ это время тучи и надъ важнѣйшей стороной новыхъ установленій, надъ судомъ присяжныхъ. Собранъ былъ значительный матеріалъ въ министерствѣ

юстиціи о сравнительно большомъ, будто бы, числѣ оправдательныхъ приговоровъ суда присяжныхъ по дѣламъ, требовавшимъ несомнѣннаго обвиненія, и вотъ стала настойчиво проводиться мысль о томъ, чтобы не только изъять цѣлый рядъ дѣлъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ,—что уже было сдѣлано въ значительной мѣрѣ и раньше,—но прямо объ уничтоженіи суда присяжныхъ вообще, и въ 1878 мъ году только, можетъ быть, записка, составленная по этому поводу А. Ф. Кони,—который долго былъ предсѣдателемъ петербургскаго окружнаго суда, собралъ по этому вопросу большой матеріалъ относительно дѣятельности суда присяжныхъ и обладалъ такимъ образомъ и прямыми статистическими данными, и подавляющей массой личныхъ наблюденій, — заставила гр. Палена усомниться въ вѣрности ходячаго мнѣнія о судѣ присяжныхъ, распространеннаго какъ въ публикѣ, такъ и въ министерствѣ юстиціи. Подача этой записки во всякомъ случаѣ заставила Палена поколебаться. Такимъ образомъ, мы видимъ, что походъ сперва не увѣнчался успѣхомъ, онъ возобновился съ большой силою въ восьмидесятыхъ годахъ, но объ этомъ рѣчь впереди.

Обращаясь къ положенію печати въ этотъ реакціонный періодъ, я прежде всего хочу сообщить вамъ нѣсколько данныхъ о первыхъ шагахъ освобожденной отъ предварительной цензуры печати. 1-го сентября 1865 года, когда въ первый разъ, столичные по крайней мѣрѣ, органы печати вышли безъ предварительной цензуры, это вызвало съ ихъ стороны восторженныя статьи, несмотря на то, что они нимало не скрывали отъ себя трудности своего положенія по новому уставу и нимало не думали сомнѣваться въ тѣхъ, чрезвычайно нерадостныхъ и очень серьезныхъ угрозахъ, которыя новый законъ содержалъ по отношенію къ освобожденной будто бы печати.

Мы видимъ, все-таки, что 1-го сентября 1865 года въ передовыхъ статьяхъ тогдашнихъ газетъ господствующей нотой была нота радости и облегченія, и И. С. Аксаковъ, напримѣръ, который не мало терпѣлъ отъ прежней предварительной цензуры, вымарывавшей ему постоянно цѣлый рядъ мыслей и выраженій изъ его статей, напечаталъ прямо гимнъ облегченія по поводу выхода его „Дня“ безъ предварительной цензуры.

„...Наконецъ-то—писалъ онъ—сегодняшній номеръ выходитъ безъ предварительной цензуры. Сегодня, принимаясь за передовую статью, мы знаемъ, что прочтемъ ее въ печати въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ее напишемъ; сегодня мы не обязаны сообразоваться со вкусомъ, доблестью и міросозерцаніемъ „господъ, команду на заставахъ и шлагбаумахъ имѣющихъ“... Сегодня кошмаръ, въ образѣ цензора, не станетъ мѣшать нашей работѣ, спирать духъ, давить умъ и задерживать перо, и мы получаемъ неслыханное и невиданное право: *не лгать*, *не кривить словомъ*, говорить не фистулой, а своимъ собственнымъ природнымъ голосомъ“ [1])...

Но радость была не продолжительная. Очень скоро пришлось убѣдиться, что и при новомъ законѣ печати далеко до освобожденія даже отъ административнаго произвола. Во-первыхъ, что означало освобожденіе отъ предварительной цензуры?— По временнымъ правиламъ 1865 года ежемѣсячный журналъ, выходившій „безъ предварительной цензуры“ долженъ былъ все-таки за два дня до своего выхода имѣться въ полномъ видѣ у цензора, такъ чтобы цензоръ или цензурный комитетъ могли задержать его до выхода въ свѣтъ или вырѣзать изъ него ту или другую статью или страницу; провинціальные же журналы и газеты очень долго оставались подъ цензурой и только въ Кіевѣ „Кіевлянинъ“ былъ отъ нея освобожденъ.

Затѣмъ печать, якобы освобожденная отъ предварительной цензуры, отнюдь не освобождалась отъ административныхъ воздѣйствій. Обыкновенно, вѣдь, печать, освобожденная отъ предварительной цензуры и подчиненная цензурѣ карательной, подвергается преслѣдованіямъ въ формѣ уже судебной, и въ данномъ случаѣ предполагалось, что за нарушеніе временныхъ правилъ журналы и газеты, главнымъ образомъ, будутъ привлекаться къ суду. Но послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ процессовъ правительство этотъ путь оставило и воспользовалось цѣлымъ рядомъ административныхъ каръ, которыя ему по правиламъ предоставлялись. Прежде всего это были такъ называемыя „предостереженія“. Слово это звучитъ очень мягко, но по правиламъ 1865 г. журналъ или газета, получившіе два пре-

---

[1]) *И. С. Аксаковъ*, Полное собраніе сочиненій, т. IV.

достереженія и заслужившіе третье, должны были быть пріостанавливаемы на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ, что было уже очень тяжелой карой. Кромѣ того предостереженіямъ велся счетъ до пріостановки газеты, или до какого-нибудь всемилостивѣйшаго манифеста, а не начинался каждый годъ сначала, такъ что, напримѣръ, журналъ, получившій предостереженіе въ 1866 году и затѣмъ, скажемъ, въ 1870 году второе, имѣлъ уже надъ собой дамокловъ мечъ, который могъ „спирать духъ“ его редактора или издателя въ теченіи иногда нѣсколькихъ лѣтъ.

Затѣмъ въ рукахъ цензурнаго вѣдомства была еще иная возможность бить изданіе по карману. Оно имѣло право лишать газеты печатанія частныхъ объявленій, и это, конечно, было равнозначуще самому крупному денежному штрафу, который притомъ, опять-таки, налагался въ порядкѣ административнаго усмотрѣнія.

Наконецъ, когда Валуева замѣнилъ въ 1868 году Тимашевъ, который пробылъ министромъ цѣлыхъ десять лѣтъ, то при немъ положеніе печати сдѣлалось еще болѣе труднымъ. Тимашову показалось, что та власть, которая предоставлялась по правиламъ 1865 года администраціи, еще недостаточна; поэтому и по отношенію къ законодательству о печати былъ изданъ цѣлый рядъ новеллъ. Такъ, 14-го іюня 1868 года было въ незаконномъ порядкѣ—черезъ комитетъ министровъ, а не черезъ государственный совѣтъ—проведено правило, по которому за вредное направленіе журналъ могъ быть лишенъ права розничной продажи, а вѣдь для газетъ это условіе, безъ котораго онѣ существовать не могутъ, такъ какъ многія газеты больше расходятся въ розничной продажѣ, чѣмъ путемъ абонементной подписки. Наконецъ, въ 1871 году было установлено увеличеніе срока, за который „безцензурные“ журналы должны были представляться на просмотръ,—а именно не за два дня—какъ было по правиламъ 1865 года,—а за четыре; точно такъ же и книги, которыя печатались безъ предварительной цензуры, должны были за недѣлю представляться въ цензурный комитетъ, и, такимъ образомъ, цензоръ могъ подробно разобрать ихъ содержаніе и потребовать тѣхъ или другихъ измѣненій, или совсѣмъ не допустить выхода книги въ свѣтъ. Въ 1873 году было установлено еще новое ограниченіе печати:

было предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ запрещать печати касаться любого вопроса внутренней или внѣшней политики. Такъ какъ въ это время очень страстно и рѣзко обсуждался вопросъ о реформѣ средней школы, то журналы и получили запрещеніе говорить что бы то ни было о предположеніяхъ правительства въ этой сферѣ. Запрещенія эти могли налагаться совершенно произвольно, при чемъ, если журналъ, получившій такое запрещеніе, нарушалъ его, то онъ могъ быть совершенно безъ всякаго предостереженія пріостановленъ на время до трехъ мѣсяцевъ.

Вотъ тѣ новеллы семидесятыхъ годовъ, которыя сильно измѣнили къ худшему положеніе печати. При этомъ надо сказать, что когда издавались *временныя* правила 1865 года, то они названы были временными, въ виду того, что новые суды тогда еще не были введены, и правительство опасалось, что при старыхъ судахъ трудно будетъ правильно осуществлять судебныя преслѣдованія противъ печати, и для окончательной переработки временныхъ правилъ въ постоянный законъ оно хотѣло получить нѣкоторый опытъ отъ примѣненія судебной репрессіи къ печати. Опытъ наступилъ очень скоро, и правительство убѣдилось, что при судебномъ порядкѣ ему нелегко будетъ по своему произволу удерживать печать отъ непріятныхъ ему сужденій. Поэтому оно стало избѣгать возбужденія дѣлъ о печати въ судахъ; а вопросъ объ изданіи постояннаго закона о печати долго оставался безъ движенія.—Правда, въ 1869 году была образована особая комиссія подъ предсѣдательствомъ князя Урусова, которая должна была выработать новый окончательный законъ о печати. Проработавъ два года, эта комиссія выработала цѣлый рядъ новыхъ постановленій, мало отличавшихся, впрочемъ, отъ временныхъ правилъ 1865 года, но такъ какъ все же она полагала нѣсколько облегчить положеніе печати, то работы этой комиссіи не удовлетворили правительство и не были даже внесены въ государственный совѣтъ, а временныя правила такъ и остались дѣйствующимъ закономъ въ теченіе сорока лѣтъ. Въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ печати приходилось руководствоваться этими правилами, дополненными при томъ рядомъ стѣснительныхъ постановленій, проведенныхъ при Тимашевѣ, и позднѣе—въ восьмидесятыхъ годахъ—при Толстомъ!

Въ составѣ и направленіи самой печати за это время произошли слѣдующія главнѣйшія перемѣны. Славянофилы, несмотря на свои вѣрноподданническія убѣжденія, несмотря на то, что они признавали основные устои стараго русскаго государственнаго строя: самодержавіе, православіе и народность, тѣмъ не менѣе постоянно терпѣли препятствія въ распространеніи своихъ мнѣній и идей. Одинъ изъ яркихъ представителей этого направленія Юрій Самаринъ долженъ былъ за границей въ 1867 г. издать сочиненія наиболѣе правовѣрнаго славянофила Хомякова и тогда же сталъ тамъ же печатать свое изданіе „Окраины Россіи“. Когда появился первый томъ этого сборника, то Самаринъ получилъ высочайшій выговоръ.

Что касается Ивана Аксакова, который наиболѣе ярко выражалъ славянофильское направленіе въ періодической печати, то его постигла въ концѣ 60-тыхъ годовъ не менѣе тяжелая участь. Газету „День“, послѣ ряда приключеній, онъ еще довелъ до естественной смерти самъ, закрывъ ее въ 1866 году, въ виду ощущавшейся имъ потребности во временномъ отдыхѣ; но когда въ 1867 году онъ попробовалъ издавать новый журналъ „Москву“, то на него посыпались частыя и разнообразныя кары. Въ теченіе одного года журналъ этотъ былъ пріостановленъ, послѣ ряда предостереженій, три раза, и въ концѣ-концовъ, по представленію Тимашева, рѣшено было въ комитетѣ министровъ его совершенно закрыть. Правда, сенатъ предоставилъ тогда Аксакову защищаться противъ министерскаго постановленія тяжебнымъ путемъ, и онъ даже выигралъ свое дѣло въ сенатѣ, но рѣшеніе сената не было единогласнымъ и, поэтому—такъ какъ дѣло производилось въ старыхъ департаментахъ сената—оно было перенесено въ государственный совѣтъ, и здѣсь, въ концѣ-концовъ, было все-таки постановлено журналъ „Москву“ прекратить. Не ожидая конца этого дѣла, Аксаковъ сталъ издавать новую газету „Москвичъ“, но на нее посыпалось такое количество каръ, что онъ долженъ былъ закрыть и ее къ концу года. Съ 1868-го года такимъ образомъ фактически прекращается для славянофиловъ всякая возможность имѣть свой печатный органъ. Правда, впослѣдствіи Кошелевъ основалъ въ 1872 году журналъ „Бесѣду“, но это былъ только уже отчасти славянофильскій органъ, здѣсь участвовали и люди другихъ направленій. Впрочемъ и этотъ журналъ, послѣ кон-

фискаціи и сожженія двухъ книжекъ, тоже прекратилъ свое существованіе черезъ годъ.

Точно также лишь отчасти примыкалъ къ славянофильству журналъ „Заря“, издававшійся Н. Н. Страховымъ въ 1870 г. и выражавшій, въ сущности, мнѣнія „почвенниковъ“; онъ пріостановился въ 1871 году.

Что касается журналистики радикальнаго направленія, то, какъ вы видѣли, въ 1866 году и „Современникъ“ и „Русское Слово“ были закрыты особымъ высочайшимъ повелѣніемъ навсегда, и въ теченіе цѣлыхъ полутора лѣтъ никто не рѣшался возобновить ихъ традиціи. Только къ концу 1867 года нашелся охотникъ продолжать традиціи „Русскаго Слова“, Благосвѣтловъ, которымъ и былъ основанъ новый журналъ „Дѣло“, гдѣ стали выступать вновь Писаревъ, Шелгуновъ, Зайцевъ и другіе сотрудники „Русскаго Слова“. Но Писаревъ скоро поссорился съ Благосвѣтловымъ, а затѣмъ въ 1868 году утонулъ, купаясь въ морѣ, и съ нимъ исчезла главная сила этого направленія; Зайцевъ эмигрировалъ вскорѣ заграницу, и выразителемъ писаревскаго направленія остался только Шелгуновъ, который въ сущности далеко не былъ полнымъ представителемъ нигилистическихъ взглядовъ.

Что касается „Современника“, то его традиціи были возстановлены въ 1868 году „Отечественными Записками“, которыя были арендованы у Краевскаго Некрасовымъ, и съ 1868 г., подъ общей редакціей Некрасова, Елисѣева и Салтыкова, должны были воскресить направленіе „Современника“. Впрочемъ, изъ состава прежней редакціи „Современника“ въ этотъ журналъ не вошли: А. Н. Пыпинъ, Ю. Г. Жуковскій и М. А. Антоновичъ. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (подъ новой редакціей) особенно ярко стали проявляться народническія идеи. Это направленіе сдѣлалось здѣсь господствующимъ и въ семидесятыхъ годахъ достигло такой односторонности, что журналъ этотъ, стоя на почвѣ народнической доктрины, отказывался отъ всякихъ политическихъ идеаловъ въ ближайшемъ будущемъ и, не обинуясь, признавалъ мечты о конституціонномъ устройствѣ своего рода барской затѣей, изъ-за которой не стоитъ ломать копья, утверждая, что настоящимъ вопросомъ времени является лишь улучшеніе положенія народныхъ массъ.

Въ 1866 году появилась, какъ я уже упоминалъ, новая еже-

недѣльная газета „Недѣля“ подъ редакціей доктора Конради, при чемъ фактическимъ редакторомъ была его жена Е. И. Конради, несомнѣнно одна изъ самыхъ выдающихся тогдашнихъ женщинъ-писательницъ. Хотя „Недѣля“ для отвода глазъ правительству объявила, что не придерживается взглядовъ ни одной изъ крайнихъ партій, но несомнѣнно, что она проводила также идеи народничества, при чемъ самымъ выдающимся сотрудникомъ ея былъ П. Л. Лавровъ, который скоро сталъ однимъ изъ главныхъ основоположниковъ народничества и о которомъ намъ придется еще не разъ упоминать.

Что касается либераловъ-конституціоналистовъ, то, конечно, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, вопросы о конституціи прямо не могли въ то время обсуждаться, по настроенію же своему органомъ наиболѣе, такъ сказать, сочувствующимъ этому направленію, явился возникшій въ 1866 году „Вѣстникъ Европы“ Стасюлевича. Въ первые два года своего изданія это былъ, впрочемъ, не политическій журналъ, а спеціальный историческій сборникъ, выходившій разъ въ три мѣсяца со статьями только историческаго содержанія; но уже въ 1868 году онъ сдѣлался политическимъ и литературнымъ журналомъ.

„Русскій Вѣстникъ“ Каткова, который раньше занималъ позицію „Вѣстника Европы“, т.-е. позицію органа идей европейскаго либерализма, склонялся въ это время все больше и больше направо, вмѣстѣ съ „Московскими Вѣдомостями“, которыя издавались Катковымъ и Леонтьевымъ. Правда, Катковъ въ это время еще не достигъ того безусловно реакціоннаго образа мыслей, который имъ развивался позднѣе, въ восьмидесятыхъ годахъ; въ это время онъ особенно рѣзко нападалъ на нигилистовъ, сепаратистовъ и на всякихъ инородцевъ,—на поляковъ въ особенности,—и въ окраинныхъ вопросахъ защищалъ ультра-патріотическіе, шовинистическіе и обрусительные принципы. Рѣзко выступая противъ нигилистическаго и революціоннаго направленія, къ числу крайнихъ революціонеровъ онъ относилъ теперь и Герцена, и еще съ 1862 года всячески старался облить его ядомъ и грязью. Но, какъ вы видѣли, по отношенію къ великимъ реформамъ шестидесятыхъ годовъ Катковъ занималъ въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ еще либеральную позицію, отстаивая и не-

зависимость судовъ и самостоятельность мѣстнаго самоуп... нія противъ притѣсненій министерства внутреннихъ дѣлъ.

Наконецъ, что касается крѣпостническаго и въ то же врем... олигархическаго направленія, которое выражалось газетой „Вѣсть", то эта газета за отсутствіемъ платныхъ подписчиковъ, съ одной стороны, и, съ другой стороны, въ виду притѣсненій, которыя и она въ своей дѣятельности встрѣчала со стороны правительства,—такъ какъ она была все же органомъ олигархически-конституціоннымъ,—въ 1869 году рѣшила закрыться, и только спустя нѣсколько лѣтъ взялъ на себя продолженіе части ея задачъ „Гражданинъ" князя Мещерскаго, который существуетъ и до сихъ поръ и является и теперь выразителемъ дворянскихъ вожделѣній и лрымъ врагомъ того демократическаго строя, который явился результатомъ преобразованій 60-хъ годовъ.

Что касается ежедневныхъ газетъ, то въ шестидесятыхъ годахъ и въ началѣ семидесятыхъ первое мѣсто занимали „Московскія Вѣдомости" Каткова. Пока онѣ не склонились окончательно къ крайнему реакціонному направленію, онѣ являлись наиболѣе вліятельнымъ и имѣвшимъ наибольшее число подписчиковъ ежедневнымъ органомъ. Но мало-по-малу уже въ это время на ряду съ ними начинаетъ пробиваться вліяніе петербургскаго „Голоса" Краевскаго, который былъ основанъ въ 1863 году при содѣйствіи Головнина и являлся сперва субсидируемой правительствомъ либеральной газетой, почему и не пользовался особымъ успѣхомъ, такъ какъ связь его съ правительствомъ была своевременно разоблачена Катковымъ. Но послѣ выхода Головнина въ отставку и послѣ того, какъ „Голосъ" занялъ оппозиціонную позицію по отношенію къ Толстому, особенно, когда его редакторомъ сдѣлался съ 1871 года извѣстный историкъ Бильбасовъ, „Голосъ" все болѣе и болѣе становился главенствующимъ либеральнымъ органомъ печати, окрашеннымъ впрочемъ иногда легкимъ славянофильскимъ налетомъ, особенно въ статьяхъ А. Д. Градовскаго и кн. А. И. Васильчикова.

Важное мѣсто до середины 70-хъ годовъ занимали и „С.-Петербургскія Вѣдомости", издававшіяся при академіи наукъ, но арендованныя и редактировавшіяся В. Ф. Коршемъ. Благодаря упорнымъ своимъ нападкамъ на Толстого, онѣ вызвали про-

…ебя чрезвычайныя преслѣдованія и въ 1875-мъ году …емія, по требованію Толстого, отобрала право аренды у …рша и передала его въ болѣе сговорчивыя руки. Силы, группировавшіяся около Корша, въ числѣ которыхъ былъ тогда еще молодой А. С. Суворинъ, очень яркій и рѣзкій тогда либералъ, раздѣлились между двумя изданіями: между „Биржевыми Вѣдомостями“ Полетики,—съ теперешними „Биржевыми Вѣдомостями“ ничего общаго не имѣвшими и просуществовавшими до конца семидесятыхъ годовъ,—и „Новымъ Временемъ“, которое основалъ въ 1876 г. Суворинъ; но послѣднее недолго поддерживало традиціи либерализма, которому Суворинъ служилъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ Корша, а скоро стало сворачивать направо и колебаться въ разныя стороны.

Въ Москвѣ большую силу пріобрѣла во второй половинѣ 70-ыхъ гг. газета „Русскія Вѣдомости“, которая образовалась въ 1868 году изъ „Нашего Времени“ Н. Ф. Павлова, но послѣ смерти Павлова въ 1865 г. перешла къ сотруднику его Скворцову и стала съ 1873 г. органомъ выдержаннаго либерально-демократическаго направленія, послѣ того, какъ въ составъ ея редакціи вступили молодые профессора-экономисты, придерживавшіеся либерально-демократическаго направленія—во главѣ съ А. И. Чупровымъ и А. С. Посниковымъ [1]).

Вотъ и всѣ наиболѣе выдающіеся органы печати, существовавшіе тогда. Что касается настроенія общества въ это время, то надо сказать, что оно было съ 1866 года чрезвычайно угнетеннымъ. Только одинъ разъ, именно въ 1870 году, появились кое-какіе симптомы оживленія, и связаны они были съ различными событіями. Съ одной стороны, въ этомъ году была проведена городовая реформа и въ это же время была предрѣшена и объявлена реформа воинской повинности на новыхъ всесословныхъ началахъ. Эти реформы какъ будто бы давали поводъ думать о возвращеніи правительства на путь реформъ. Съ другой стороны, въ это же время, какъ вы уже видѣли, переданъ былъ земствамъ на обсужденіе чрезвычайно важный вопросъ о

---

[1]) Въ минувшемъ (1913) году, по случаю 50-тилѣтняго юбилея этого изданія, нынѣшней редакціей ея выпущенъ юбилейный сборникъ, въ которомъ помѣщенъ весьма интересный историческій очеркъ, составленный В. Л. Розенбергомъ.

податной реформѣ, и это оживило и отчасти даже окрылило надеждами на перемѣну курса земскую среду. Наконецъ въ это же время русская дипломатія сдѣлала удачный шагъ, добившись устраненія ограниченій, установленныхъ по Парижскому трактату 1856 года въ отношеніи правъ Россіи на Черномъ морѣ.

Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ вызвала нѣкоторый подъемъ въ средѣ общества, и этотъ подъемъ выразился даже въ формѣ подачи особаго адреса государю отъ имени московской городской думы. Адресъ этотъ былъ редактированъ московскими славянофилами: онъ сочувственно привѣтствовалъ возвращеніе правительства къ реформамъ и выражалъ ожиданіе дальнѣйшихъ либеральныхъ начинаній въ отношеніи освобожденія печати, установленія свободы совѣсти и церковной свободы. Разумѣется, написанъ онъ былъ весьма лояльно. Въ виду того, что онъ характеризуетъ тогдашнее настроеніе общества, я приведу его вамъ почти цѣликомъ. Вслѣдъ за выраженіемъ патріотической радости по поводу отмѣны стѣсненій нашихъ правъ на Черномъ морѣ, въ немъ было сказано:

„Какія бы испытанія ни грозили намъ нынѣ, они—мы увѣрены—не застанутъ Россію неприготовленною, они несомнѣнно найдутъ Россію тѣсно сомкнутою вокругъ Вашего престола.

Но съ большею вѣрою, чѣмъ въ прежнія времена, глядитъ нынѣ Россія на свое будущее, слыша въ себѣ непрестанно духовное обновленіе. Каждое изъ Вашихъ великихъ преобразованій, совершенныхъ, совершаемыхъ и *чаемыхъ*, служитъ для нея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для Вашего Величества, источникомъ новой крѣпости. Никто не стяжалъ такихъ правъ на благодарность народа, какъ Вы, Государь, и никому не платитъ народъ такою горячею признательностью. Отъ Васъ принялъ онъ даръ и въ Васъ же самихъ продолжаетъ онъ видѣть надежнѣйшаго стража усвоенныхъ ему вольностей, ставшихъ для него отнынѣ хлѣбомъ насущнымъ. Отъ Васъ однихъ ожидаетъ онъ и довершенія Вашихъ благихъ начинаній и первѣе всего,—*простора мнѣнію и печатному слову*, безъ котораго никнетъ духъ народный и нѣтъ мѣста искренности и правдѣ въ его отношеніяхъ къ власти; *свободы церковной*, безъ

которой не дѣйственна и самая проповѣдь; наконецъ, *свободы вѣрующей совѣсти*,—этого драгоцѣннѣйшаго изъ сокровищъ для души человѣческой.

Государь! Дѣла внутреннія и внѣшнія связуются неразрывно. Залогъ успѣховъ въ области внѣшней лежитъ въ той силѣ народнаго самосознанія и самоуваженія, которую вноситъ государство во всѣ отправленія своей жизни. Только неуклоннымъ служеніемъ началу народности укрѣпляется государственный организмъ, сплачиваются съ нимъ его окраины и созидается то единство, которое было неизмѣннымъ историческимъ завѣтомъ Вашихъ и нашихъ предковъ и постояннымъ знаменемъ Москвы отъ начала ея существованія. Подъ этимъ знаменемъ, Государь, по первому Вашему зову, всѣ сословія народныя соберутся и нынѣ, и уже безъ различія званія, дружною ратью, въ непоколебимой надеждѣ на милость Божью, на правоту дѣла и на Васъ. Довѣріе со стороны Царя къ своему народу, разумное самообладаніе въ свободѣ и честность въ покорности со стороны народа, взаимная неразрывная связь Царя и народа, основанная на общеніи народнаго духа, на согласіи стремленій и вѣрованій—вотъ наша сила, вотъ историческое призваніе. Да, Государь, „Вашей волѣ“—скажемъ мы въ заключеніе словами нашихъ предковъ въ отвѣтѣ ихъ первовѣнчанному предку Вашему въ 1642 году—*Вашей волѣ* готовы мы служить и достояніемъ нашимъ, и кровью, а *наша мысль* такова“.

По тону и содержанію этого адреса можно было подумать, что его писалъ самъ Константинъ Аксаковъ; его въ самомъ дѣлѣ редактировали: И. Аксаковъ, кн. Черкасскій и Ю. Самаринъ. Но славянофиламъ и на этотъ разъ пришлось убѣдиться, что правительство желало не честной покорности, а рабскаго повиновенія. Министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ, что этотъ адресъ редактированъ въ такихъ недопустимыхъ выраженіяхъ, что онъ не можетъ быть представленъ государю...

Послѣ этого послѣдніе признаки общественнаго движенія совершенно потухли и мы видимъ, что общество, утомленное борьбой и разочаровавшееся въ своихъ попыткахъ, начинаетъ коснѣть въ какой-то прострації, которая продолжается до второй половины семидесятыхъ годовъ.

ЛЕКЦІЯ XXXIV.

Положеніе народныхъ массъ и сельскаго хозяйства въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. Ходъ выкупной операціи. Нищенскіе надѣлы. Отрѣзки. Аренды въ сѣверныхъ и южныхъ губерніяхъ. Ростъ арендныхъ цѣнъ. Задолженность помѣщиковъ. Усиленная распашка земель въ виду усиливающагося хлѣбнаго экспорта и роста хлѣбныхъ цѣнъ. Количество скота у помѣщиковъ и крестьянъ. Размѣры помѣщичьей запашки. Выводы о помѣщичьемъ хозяйствѣ на сѣверѣ и на югѣ. Продажа земель. Покупщики. Легко ли далось крестьянамъ расширеніе ихъ хозяйства на счетъ помѣщичьяго? Положеніе крестьянскаго хозяйства. Недостаточность надѣловъ. Обремененіе налогами и платежами. Неравномѣрность обложенія. Голодъ 1868 г. Изслѣдованія земствъ. Недоимки. Положеніе крестьянскаго хозяйства въ черноземныхъ губерніяхъ. Самарскій голодъ 1872—1873 годовъ. Продовольственныя ссуды. Выводы Янсона и кн. Васильчикова о положеніи крестьянскаго хозяйства въ семидесятыхъ годахъ.

Въ послѣдней своей лекціи я изложилъ, какъ примѣнялись и въ то же время искажались въ пореформенное время положенія о земскихъ учрежденіяхъ, о новыхъ судахъ, а также каково было въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ положеніе печати и вообще положеніе общества. Теперь я хочу перейти къ положенію народныхъ массъ въ это время, а также обрисовать вамъ и положеніе сельскаго хозяйства въ эту эпоху.

Въ одной изъ первыхъ лекцій этой части моего курса, я уже нарисовалъ вамъ ту картину распредѣленія землевладѣнія, которая образовалась послѣ распространенія крестьянской реформы на государственныхъ крестьянъ въ 1866 году, но, разумѣется, эта картина, чисто, такъ сказать, статистическаго характера, даетъ только общія рамки, въ которыхъ пришлось развиваться крестьянскому хозяйству и складываться въ пореформенное время тому новому быту сельскаго населенія Россіи, который былъ обусловленъ преобразованіями шестидесятыхъ годовъ.

Теперь я хочу остановиться на содержаніи того внутренняго процесса, исходъ котораго зависѣлъ отъ массы матеріальныхъ и нематеріальныхъ факторовъ, изъ которыхъ, наряду съ размѣрами надѣленія крестьянъ землей, особенно важное значеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ имѣли платежи и повинности, которыми крестьянская земля была обременена, а также весьма большое значеніе имѣли и такіе экономическіе факторы, какъ положеніе мірового хлѣбнаго рынка и проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

По положенію 19-го февраля, какъ вы помните, выкупъ крестьянскихъ надѣловъ поставленъ былъ при нормальныхъ условіяхъ въ зависимость отъ соглашенія между помѣщиками и крестьянами. Правда, помѣщикамъ было предоставлено и противъ желанія крестьянъ требовать выкупа, но тогда они получали не полную выкупную ссуду, какова она должна была быть по капитализаціи причитавшагося имъ оброка изъ 6%, а лишь 80% полнаго размѣра ея въ случаѣ полнаго надѣленія, и 75% причитавшагося по разсчету размѣра при неполномъ надѣленіи крестьянъ. Притомъ, по Положенію 19-го февраля на выкупъ могли выходить только оброчныя имѣнія, а барщинныя должны были сперва переходить на оброкъ и лишь потомъ помѣщики могли требовать ихъ перехода на выкупъ, исчислявшійся при помощи капитализаціи этого оброка.

Между тѣмъ, какъ я уже говорилъ вамъ, крестьяне въ пореформенное время очень быстро сообразили, что помѣщикамъ, собственно говоря, очень трудно настоять на сколько нибудь правильномъ и добросовѣстномъ выполненіи барщинныхъ работъ, потому что власть помѣщиковъ очень сильно сократилась; и, сообразивъ это, крестьяне въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были на барщинѣ, часто не только не думали заявлять о *своемъ* желаніи перейти на оброкъ, но не соглашались и на предложенія помѣщиковъ. И вотъ мы видимъ, что въ 1862 году появляется цѣлый рядъ заявленій со стороны дворянства о необходимости введенія обязательнаго выкупа, котораго раньше, какъ вы помните, особенно домогались помѣщики нечерноземныхъ губерній. Не говоря уже о рѣзкихъ заявленіяхъ тверского дворянства, которыя имѣли политическій характеръ [1]), мы видимъ, что посту-

[1]) См. во II-ой части этого „Курса“ стр. 220 и слѣд.

пали ходатайства и чисто дѣлового характера, какъ, напримѣръ, ходатайство дворянства казанской губерніи, гдѣ большинство крестьянъ было на барщинѣ и гдѣ помѣщики чувствовали себя въ особенно безпомощномъ положеніи и очень быстро стали приходить къ убѣжденію, что единственный выходъ изъ него, это какъ можно скорѣе перевести своихъ крестьянъ на выкупъ.

Казанскому дворянству, какъ и всѣмъ другимъ, было отказано въ 1862 году въ пересмотрѣ положенія 1861 года, но само правительство тогда же увидѣло, что дѣйствительно помѣщики находятся во многихъ мѣстахъ въ безвыходномъ положеніи, и поэтому въ 1863 году изданъ былъ дополнительный законъ, по которому разрѣшалось и барщинныя имѣнія переводить прямо на выкупъ, по требованію помѣщиковъ, при чемъ помѣщики опять-таки могли получить отъ выкупного учрежденія лишь 80 и 75% исчисленной выкупной суммы. Между тѣмъ крестьяне во многихъ мѣстахъ, въ особенности, въ юго-восточныхъ степныхъ и южныхъ новороссійскихъ губерніяхъ прямо въ это время бѣжали отъ выкупа, бросая надѣлы, несмотря на то, что переходъ на выкупъ для нихъ былъ выгоденъ, какъ казалось правительству, особенно по требованію помѣщиковъ, когда крестьянамъ не приходилось дѣлать никакихъ доплатъ и долгъ ихъ по выкупной ссудѣ выражался въ размѣрѣ лишь $^3/_4$ или $^4/_5$ общей суммы капитализированнаго оброка. Крестьяне отказывались отъ перехода на выкупъ въ этихъ мѣстностяхъ въ виду отсутствія тамъ заработковъ и трудности для нихъ перехода къ денежнымъ платежамъ.

Тогда правительству пришлось ухватиться за ту дополнительную 123 статью великоросс. положенія, введенную по предложенію князя Гагарина, о такъ называемыхъ „четвертныхъ“ „даровыхъ“ или „нищенскихъ“ надѣлахъ, о которой я говорилъ вамъ въ свое время. Сознавая, что крестьяне во многихъ мѣстахъ будутъ не въ состояніи уплачивать платежи въ денежномъ видѣ, правительство, издавая законъ о разрѣшеніи помѣщикамъ требовать перехода и барщинныхъ крестьянъ на выкупъ, въ то же время обусловило это право односторонняго требованія перевода крестьянъ на выкупъ тѣмъ, что въ случаѣ, если крестьяне откажутся перейти на выкупъ, предложенный имъ помѣщикомъ, и предпочтутъ полученіе безплатнаго

четвертного надѣла, то помѣщикъ не имѣетъ права отказать имъ въ этомъ. Это и послужило причиной, почему въ самыхъ многоземельныхъ мѣстностяхъ, именно *по требованію крестьянъ*, явилось такое огромное распространеніе этихъ нищенскихъ, даровыхъ надѣловъ. Мы видимъ, что весь юго-востокъ Россіи и часть восточныхъ губерній, какъ уфимская, южная часть пермской, часть воронежской, вся тамбовская, самарская и отчасти саратовская явились райономъ наибольшаго распространенія этихъ нищенскихъ, „сиротскихъ“ надѣловъ.

Съ другой стороны, при такомъ ходѣ выкупной операціи, въ виду того, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ выкупъ происходилъ въ первые годы послѣ реформы по требованію помѣщиковъ,—вообще *болѣе 65% выкупныхъ сдѣлокъ было совершено по требованію помѣщиковъ*— и такъ какъ, благодаря этому, помѣщики получали только неполное вознагражденіе и крестьяне не обязывались никакими доплатами къ выданной казной ссудѣ, то и помѣщики, въ свою очередь, воспользовались въ полномъ размѣрѣ своимъ правомъ отрѣзокъ отъ крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ, вплоть до максимальныхъ нормъ, установленныхъ положеніемъ. Я уже говорилъ вамъ, что эти отрѣзки получили большое распространеніе вездѣ, даже и тамъ, гдѣ не было или почти не было нищенскихъ надѣловъ, а гдѣ давались и полные (максимальные) надѣлы. Эти отрѣзки во многихъ мѣстностяхъ не столько имѣли то значеніе, что онѣ количественно уменьшали надѣленіе крестьянъ, сколько то, что онѣ качественно чрезвычайно ухудшали его и даже ставили крестьянъ иногда прямо въ безвыходное положеніе, въ полную экономическую зависимость отъ помѣщиковъ, потому что при такихъ отрѣзкахъ помѣщики намѣренно старались отрѣзывать различныя необходимыя крестьянамъ угодія,—напримѣръ, почти весь лугъ, или весь выгонъ, и дать крестьянамъ только одну пашню. А такъ какъ крестьяне, въ особенности въ мѣстностяхъ нечерноземныхъ, гдѣ требовалось удобреніе надѣловъ, не могли существовать безъ скотоводства и не могли вести скотоводство безъ луговъ и выгоновъ, то этимъ самымъ они ставились въ полную необходимость арендовать по любымъ, какимъ будетъ угодно помѣщикамъ, цѣнамъ эти отрѣзки, такъ какъ безъ нихъ они обойтись совершенно не могли.

Это положеніе, которое образовалось въ первые годы поре-

форменнаго времени, создало чрезвычайно неблагопріятныя общія условія развитія сельскаго хозяйства. Мы видимъ, съ одной стороны, что крестьяне, освободившись отъ крѣпостного права, отъ прямой власти помѣщиковъ надъ ними, попадали во многихъ мѣстахъ, благодаря отрѣзкамъ, вновь въ полную экономическую зависимость отъ помѣщиковъ. Съ другой стороны, и помѣщики находились обычно въ большой зависимости отъ крестьянъ, такъ какъ имъ приходилось вести хозяйство на оставшихся у нихъ земляхъ при помощи вольнонаемныхъ рабочихъ. И хотя, благодаря открывшейся большой свободѣ передвиженія, во многихъ многоземельныхъ мѣстностяхъ и явились приходящіе рабочіе, но помѣщики предпочитали имѣть дѣло съ прежними своими крестьянами, осѣдлыми, которые гораздо болѣе добросовѣстно обрабатывали землю. Съ другой стороны, въ нечерноземныхъ губерніяхъ сильно были развиты промыслы, и здѣсь, какъ и раньше, помѣщичьихъ запашекъ почти не существовало, или существовало очень мало. Помѣщикамъ вновь заводить хозяйство на оставшихся у нихъ за надѣломъ земляхъ, да еще съ вольнонаемными рабочими, оказывалось очень труднымъ дѣломъ, и здѣсь единственнымъ для нихъ выходомъ было воспользоваться тѣмъ зависимымъ положеніемъ крестьянъ, которое образовалось вслѣдствіе отрѣзокъ важныхъ въ крестьянскомъ быту угодій.

По свидѣтельству А. Н. Энгельгардта, князя А. И. Васильчикова и другихъ сѣверныхъ хозяевъ, во многихъ нечерноземныхъ губерніяхъ крестьяне ни за какія цѣны не соглашались брать въ обработку помѣщичьи запашки „на кругъ“ и соглашались только тогда, когда помѣщики взамѣнъ сдавали имъ въ аренду недостающія имъ важныя угодья—обыкновенно луга и выгоны. Итакъ, для помѣщиковъ единственную возможность вести здѣсь хозяйство представляло заманиваніе крестьянъ арендой отрѣзковъ,— во многихъ же мѣстностяхъ сѣверныхъ губерній веденіе хозяйства и прямо сдѣлалось невозможнымъ. Мы поэтому видимъ, что наступаетъ огромная распродажа помѣщичьихъ имѣній и земель—въ нечерноземныхъ губерніяхъ.

Въ губерніяхъ черноземныхъ, хозяйственная конъюнктура оказывается совершенно иной. Здѣсь крестьяне, какъ вы знаете, получили сравнительно очень небольшіе надѣлы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, они въ большинствѣ этихъ губерній лишены были

всякихъ сторонникъ, неземледѣльческихъ заработковъ. Въ близкихъ мѣстностяхъ такихъ заработковъ обыкновенно не бывало и, получивъ недостаточные надѣлы, крестьяне здѣсь должны были или наниматься въ рабочіе къ помѣщикамъ, или,—что имъ представлялось болѣе соблазнительнымъ, хотя по существу это далеко невсегда было болѣе выгоднымъ,—брать у помѣщиковъ землю въ аренду.

Надо сказать, что какъ разъ въ это время въ черноземныхъ губерніяхъ явился благопріятный моментъ для увеличенія размѣровъ хлѣбопашества,—чрезвычайное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, зависѣвшее прежде всего отъ условій мірового рынка. Уже съ конца сороковыхъ годовъ, послѣ отмѣны запретительныхъ хлѣбныхъ законовъ въ Англіи и подъ вліяніемъ все бо́льшаго сосредоточенія населенія Западной Европы въ городахъ, получилось большое требованіе на русскій хлѣбъ и, такъ какъ вывозъ увеличивался, то увеличивалась и запашка, становилось выгоднымъ производить хлѣбъ, какъ товаръ, идущій на внѣшній рынокъ. Въ пореформенное время къ этому присоединяется постройка желѣзнодорожной сѣти, которая именно такъ и была разсчитана, чтобы облегчить вывозъ хлѣба къ портамъ изъ самыхъ хлѣбородныхъ губерній [1]).

Мы видимъ, что подъ этимъ вліяніемъ запашка въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, въ особенности въ пореформенное время, растетъ очень быстро. Если мы возьмемъ общія данныя по Россіи, то мы увидимъ, что въ шестидесятыхъ годахъ площадь всей пашни въ Европейской Россіи равнялась 88 милл. 800 тыс. дес.; черезъ 20 лѣтъ пашни считалось уже 106 милл. 800 тыс. дес., а въ 1887 году 117 милл. дес. [2]). Слѣдовательно, ростъ площади посѣвовъ идетъ чрезвычайно быстро, даже если брать общія

---

[1]) Мы видимъ, что вывозъ хлѣба изъ Россіи, очень колебавшійся въ первую половину XIX вѣка, но ни разу не достигавшій до 1845 г. даже 30 милл. пудовъ, въ пятилѣтіе 1846—1850 гг. достигъ сразу 51 милл. пуд., въ слѣдующее пятилѣтіе 1850—1855 гг. онъ, правда, понизился (вслѣдствіе войны) до 45 милл. пуд.; но затѣмъ въ 1856—60 гг. составлялъ уже 69 милл. въ годъ, въ 1861—65 гг.—76 милл., въ 1876—80 гг.—257 милл. пудовъ въ годъ и т. д. (Срав. *В. И. Покровскій* „Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи“, т. I, стр. 4—5. Спб. 1902 годъ).

[2]) Эти и ниже приведенныя свѣдѣнія взяты изъ книги *г. Огановскаго* „Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи“ М. 1911 г.

данныя по всей площади Европейской Россіи. Но мы, вѣдь, должны принять въ расчетъ, что это измѣненіе площади запашки было чрезвычайно неравномѣрно для разныхъ мѣстностей Россіи. Я только что говорилъ вамъ, что въ нечерноземныхъ губерніяхъ помѣщики во многихъ мѣстахъ прекращали свое хозяйство, и во всякомъ случаѣ новаго не заводили, и мы видимъ, что въ этихъ нечерноземныхъ губерніяхъ запашка въ эти годы прямо уменьшалась и довольно значительно. Площадь запашки кое-гдѣ сокращается и въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ вводится плодосмѣнное хозяйство и интенсифицируется земледѣліе, и при новыхъ формахъ хозяйства является уже не подъ силу сохранять прежніе размѣры запашки.

Но въ мѣстностяхъ черноземныхъ въ эти годы распахивается, наоборотъ, все, что возможно: въ губерніяхъ центральныхъ черноземныхъ запашка увеличивается всего на 5%, ибо здѣсь уже и до реформы было распахано почти все. Въ средне-приволжскихъ губерніяхъ въ двадцать лѣтъ, слѣдующіе за реформой, площадь пашни возрастаетъ на 35%; въ малороссійскихъ губерніяхъ на 13%; въ мѣстностяхъ же многоземельныхъ запашка растетъ въ огромныхъ размѣрахъ; такъ, въ Новороссіи она увеличивается на 98%; въ южномъ заволжьи—даже на 365%.

Такимъ образомъ ростъ площади пашни констатируется здѣсь огромный, но онъ отнюдь не знаменуетъ собою увеличенія или улучшенія *помѣщичьяго* сельскаго хозяйства въ этихъ мѣстностяхъ. Помѣщики, несмотря на то, что они получили такой козырь въ свои руки, какъ необыкновенный ростъ хлѣбныхъ цѣнъ, возросшихъ за эти двадцать лѣтъ въ портахъ на 50—80%; несмотря на то, что они получили большіе капиталы въ видѣ выкупныхъ ссудъ и несмотря на то, что въ 80-хъ годахъ открылся цѣлый рядъ земельныхъ банковъ, гдѣ они могли закладывать и дѣйствительно закладывали свои имѣнія,—они всѣ эти денежные доходы и реализованные капиталы въ большинствѣ случаевъ не положили на улучшеніе сельскаго хозяйства, а такъ или иначе прожили, и предпочли, вмѣсто улучшенія своего хозяйства, воспользоваться тѣмъ чрезвычайнымъ стремленіемъ крестьянъ брать земли въ аренду, о которомъ я говорилъ, предпочли воспользоваться ростомъ арендныхъ цѣнъ, который происходилъ въ этихъ мѣстностяхъ, и стали сгульно

отдавать земли въ аренду крестьянамъ, такъ что, хотя нельзя не признать, что въ этихъ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ *помѣщичье землевладѣніе* оказывается болѣе устойчивымъ, нежели на сѣверѣ, но *помѣщичье хозяйство* и здѣсь сокращается,—если подъ хозяйствомъ подразумѣвать собственную помѣщичью запашку.

Объяснялось это тѣмъ, что помѣщики въ моментъ освобожденія крестьянъ въ большинствѣ случаевъ не имѣли своего инвентаря, привыкнувъ вести хозяйство при помощи крестьянскаго инвентаря, и, несмотря на полученіе огромныхъ суммъ въ свои руки по выкупу крестьянскихъ земель и по закладу своей земли въ различные банки, они не завели этого инвентаря и въ пореформенное время. Мы видимъ, что и въ пореформенное время задолженность помѣщичьяго землевладѣнія растетъ въ огромныхъ размѣрахъ. Еще до реформы помѣщики всѣхъ губерній изъ десяти милліоновъ крѣпостныхъ душъ успѣли заложить до семи милліоновъ душъ въ тогдашнихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, именно въ сохранныхъ казнахъ [1]). При выдачѣ помѣщикамъ выкупныхъ ссудъ этотъ долгъ удерживался, и мы видимъ, что изъ тѣхъ 588 милл. руб., которые имъ пришлось получить въ видѣ выкупныхъ ссудъ въ первое десятилѣтіе послѣ реформы, помѣщики получили, собственно говоря, гораздо меньше, потому что около 262 милл. руб. было удержано на покрытіе долга этимъ сохраннымъ казнамъ, а остальные 326 милл. руб. были имъ выданы процентными бумагами, курсъ которыхъ былъ весьма невысокъ, и, благодаря потерѣ на курсѣ, въ дѣйствительности имъ пришлось получить всего 230 милл. рублей [2]). Какъ бы то ни было, въ первые десять лѣтъ послѣ реформы, въ которые на выкупъ перешло до 70% всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, старый долгъ былъ погашенъ, но уже къ серединѣ шестидесятыхъ годовъ начинаетъ образовываться новый долгъ, во вновь созданныхъ земельныхъ банкахъ, и мы видимъ, что этотъ долгъ растетъ чрезвычайно

---

[1]) Срав. въ сборникѣ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“ Спб. 1897 г. т. I, статью *Д. И. Рихтера* „Задолженность частнаго землевладѣнія“, стр. 379 и слѣд.

[2]) Срав. статью *кн. Д. И. Шаховского* „Выкупные платежи“ въ изданіи „Великая реформа“, М. 1911, т. VI, стр. 106 и слѣд.

быстро, такъ что къ концу шестидесятыхъ годовъ уже образовывается новый долгъ въ 230 милл. руб., къ началу восьмидесятыхъ годовъ онъ достигаетъ уже 400 милл. руб., т.-е. почти той же цифры, которой достигали помѣщичьи долги, погашенные выкупомъ, а къ концу восьмидесятыхъ годовъ этотъ долгъ переходитъ уже за 600 милл. руб. Но, несмотря на такія огромныя позаимствованія, помѣщичье хозяйство и въ черноземныхъ губерніяхъ улучшалось и расширялось очень мало, а все огромное расширеніе запашки въ этихъ губерніяхъ приходилось на крестьянское хозяйство вслѣдствіе широкаго развитія аренды помѣщичьихъ земель. Такимъ образомъ, если мы возьмемъ первыя двадцать лѣтъ послѣ изданія положенія 19-го февраля, то мы можемъ констатировать такой процессъ [1]):

На сѣверѣ помѣщичье хозяйство падаетъ; многіе изъ помѣщиковъ, которые въ дореформенное время вели здѣсь свое собственное хозяйство, его прекращаютъ, новыхъ хозяйствъ не заводятъ и продаютъ свои земли. Тѣ немногія хозяйства, которыя здѣсь удерживаются, совершенно преобразовываются, чрезвычайно интенсифицируются, т.-е. заводятъ не только свой инвентарь, но переходятъ къ высшимъ системамъ полеводства, и только если могутъ выдерживать конкуренцію южныхъ хозяйствъ, если они, независимо отъ полевого хозяйства,—которое имъ становится весьма невыгоднымъ, особенно послѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ въ плодородныя мѣстности, когда хлѣбъ по дешевымъ провознымъ тарифамъ поступаетъ изъ мѣстъ, гдѣ производить его гораздо выгоднѣе,—если они, какъ единственно доступную имъ форму хозяйства, устраиваютъ при своихъ экономіяхъ заводы для переработки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, винокуренные, крахмальные и др., или же если развиваютъ спеціальныя производства льна и пеньки, частью для сбыта за границу, частью для внутренняго потребленія. Эти подсобныя производства и являются единственнымъ выходомъ, дающимъ имъ возможность существованія.

Въ южныхъ губерніяхъ помѣщичье землевладѣніе оказалось гораздо болѣе устойчивымъ, но помѣщичье хозяйство здѣсь чаще всего прямо сокращалось путемъ передачи земли въ аренду крестьянамъ, при сохранившемся лишь владѣніи помѣщиковъ.

---

[1]) Срав. назв. сочин. *г. Огановскаго*, стр. 445 и слѣд.

До какой-степени возросла здѣсь въ это время крестьянская аренда, можно судить по тѣмъ цифрамъ, которыя представлены статистическими изслѣдованіями за это время. По нѣкоторымъ статистическимъ вычисленіямъ вообще размѣры крестьянской аренды достигали къ восьмидесятымъ годамъ XIX вѣка въ предѣлахъ Европейской Россіи огромной цифры—50 милл. дес. [1]). Но если мы даже исключимъ наиболѣе гадательныя предположенія, то и по самымъ скромнымъ расчетамъ размѣры крестьянской аренды достигаютъ во всякомъ случаѣ 25 милл. дес. [2]), а вы знаете, что размѣры всего пространства надѣльныхъ земель, полученныхъ бывшими помѣщичьими крестьянами, не превышали 33 милл. дес., слѣдовательно, крестьянамъ приходилось почти удваивать съ помощью аренды пространства своего хозяйства, при чемъ большая часть арендованныхъ пространствъ находилась въ черноземныхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ крестьяне арендовали, главнымъ образомъ, тѣ угодія, которыя необходимы имъ для хозяйства и которыхъ ихъ лишила отрѣзка при выкупѣ,—въ особенности луга и выгоны; въ южныхъ губерніяхъ они, главнымъ образомъ, арендовали пашню,—и этой арендованной пашни мы видимъ здѣсь у крестьянъ не менѣе 12-ти милл. десятинъ въ это время [3]). Вообще, если мы возьмемъ размѣры запашки и размѣры посѣвовъ на крестьянскихъ и помѣщичьихъ земляхъ въ это время, вычисливъ ихъ хотя бы по приблизительнымъ даннымъ,—прямыхъ данныхъ въ этомъ отношеніи вообще недостаточно,—то увидимъ, что въ 80-хъ годахъ въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Польши, Финляндіи и Кавказа, было 68 милл. дес. посѣвовъ, изъ нихъ 47 милл. 300 тыс. дес. было на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ, затѣмъ около 12-ти милл. дес. на земляхъ, арендованныхъ крестьянами у помѣщиковъ и только 8 милл. 700 тыс. дес. посѣвовъ приходилось на частно-владѣльческія хозяйства. Такимъ образомъ, мы видимъ, что 87%

---

[1]) Цифра, вычисленная *проф. Н. А. Карышевымъ* („Внѣнадѣльныя аренды"). Срав. *А. А. Мануилова* „Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи" въ сборникѣ „Очерки по крестьянскому вопросу", вып. II, М. 1905, стр. 74.

[2]) По расчетамъ земскихъ статистиковъ для *183* уѣздовъ 10 милл. десятинъ. Срав. *проф. Мануиловъ* н. с., стр. 168.

[3]) *Озановскій*, н. с., стр. 445—451.

всѣхъ посѣвовъ принадлежало въ это время крестьянамъ и только 12,8% частно-землевладѣльческимъ хозяйствамъ. Эти расчеты болѣе или менѣе вѣрны; они основываются на учетѣ скота, который имѣлся въ это время у помѣщиковъ и крестьянъ. Мы видимъ, именно, что по первой военно-конской переписи, произведенной въ 1882 г. и давшей довольно точныя статистическія данныя, въ 48-и губерніяхъ Европейской Россіи у крестьянъ было 12 милл. 134 тыс. рабочихъ лошадей, а у частныхъ владѣльцевъ было всего $1^1/_2$ милл. рабочихъ лошадей. Очевидно, что уже эта цифра — $1^1/_2$ милл. рабочихъ лошадей, — показываетъ, что по самымъ льготнымъ расчетамъ помѣщики съ помощью этого количества лошадей могли обработать максимумъ 38% *своей* земли, а остальное, значитъ, разбиралось крестьянами въ аренду [1]).

Такимъ образомъ, относительно черноземныхъ губерній окончательный выводъ, къ которому приходятъ новѣйшіе изслѣдователи на основаніи этихъ данныхъ для двадцатилѣтія, слѣдовавшаго за крестьянской реформой, тотъ, что *хотя землю помѣщики здѣсь и удержали за собой, но хозяйство ихъ не улучшалось и не расширялось, а между тѣмъ задолженность имѣній росла весьма сильно, и поэтому, хотя земли своей помѣщики въ эти годы еще не потеряли, но эта потеря была уже тогда подготовлена*, и въ 90 годахъ при помощи крестьянскаго и дворянскаго банковъ начнетъ происходить чрезвычайная ликвидація помѣщичьихъ земель и здѣсь [2]).

Что касается вообще продажи помѣщичьихъ земель въ пореформенный періодъ, то въ настоящее время имѣются слѣдующія статистическія данныя относительно того, куда переходили продаваемыя помѣщиками земли. Мы видимъ, что средняя убыль помѣщичьяго землевладѣнія происходитъ въ такихъ размѣрахъ: въ 1859—1875 годы въ среднемъ продается по 517 тыс. дес. ежегодно; въ 1875—1879 годы по 741 тыс. дес. въ годъ; въ началѣ девяностыхъ годовъ по 785 тыс. дес. въ годъ. Ежегодныя продажи все увеличиваются и впослѣдствіи и доходятъ къ началу нынѣшняго вѣка до 1 милл. дес. въ годъ, а въ 1906-мъ году, правда, подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ этого мо-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 450—451.

[2]) Тамъ-же, стр. 446.

мента, на продажу было выставлено болѣе 7½ милл. дес. помѣщичьей земли.

Распредѣленіе земли по сословіямъ за это время измѣнялось слѣдующимъ образомъ: въ 1877 году, если мы возьмемъ среднія величины по 49-и губерніямъ, для одного только *частнаго* землевладѣнія, не считая ни казенныхъ, ни надѣльныхъ земель, въ рукахъ дворянъ было 77,8% всей площади частнаго землевладѣнія, у купцовъ 12,2%, у мѣщанъ 2%, у крестьянъ 7% и у „прочихъ" частныхъ владѣльцевъ 1%. По даннымъ 1887 года, т.-е. черезъ десять лѣтъ, картина будетъ такова: у дворянъ 68%, у купцовъ 13%, у мѣщанъ 2,9%, у кресльянъ 12% и у прочихъ 2,3%. Слѣдовательно, главная часть продающейся земли переходитъ все-таки къ крестьянамъ, но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что не всѣ покупщики этой земли,—особенно купцы, а отчасти даже и крестьяне,—покупаютъ ее для сельско-хозяйственныхъ цѣлей. Мы видимъ здѣсь раздѣленіе только по сословіямъ, а изъ того, что лицо принадлежитъ къ крестьянскому сословію, еще не слѣдуетъ, что оно ведетъ крестьянское хозяйство; земли пріобрѣтались и отдѣльными крестьянами въ это время чаще всего для спекуляціи. По статистическимъ даннымъ мы видимъ, что изъ каждыхъ ста десятинъ, купленныхъ у помѣщиковъ купцами, они перепродаютъ въ первыя пять лѣтъ 12,5 дес., къ 1869 году—25 дес., къ 1875—80 гг.—42 дес., къ 1881—86 гг.—55 дес. [1]). Купцы покупаютъ дворянскія земли, въ особенности въ сѣверныхъ губерніяхъ, для устройства фабрикъ и заводовъ, а не для земледѣльческаго хозяйства. Но подъ фабрики и заводы идетъ лишь небольшая часть имѣній, а все остальное купцы, истощивъ обыкновенно землю вырубкой лѣса,—иногда вырубали даже и сады,—продаютъ крестьянамъ.

Крестьянскія же покупки въ этотъ періодъ производились не обществами и товариществами крестьянъ, какъ это было въ слѣдующій періодъ, когда покупаемыя земли шли на расширеніе крестьянскаго трудового землевладѣнія, а главнымъ образомъ, отдѣльными крестьянами, такъ что, хотя мы видимъ, что въ шестидесятыхъ годахъ крестьянскія покупки составляютъ ежегодно 91 тыс. дес., въ семидесятыхъ—203 тыс. дес., въ

---

[1]) Всѣ эти данныя взяты изъ той-же работы г. *Огановскаго*.

восьмидесятыхъ—438 тыс. дес.,—слѣдовательно, ростъ покупокъ развивается чрезвычайно быстро,—но въ то же время слѣдуетъ отмѣтить, что очень многіе отдѣльные крестьяне въ сущности являются такого же рода покупщиками, какъ и купцы, и въ значительной степени покупаютъ землю для спекуляціи. Такъ, крестьяне изъ купленной ими земли продаютъ въ первое пятилѣтіе 1863—1868 гг. 21%, въ 1869—1874 гг. 22,8%, въ 1875—80 гг.—37,9%. Въ 80-хъ годахъ этотъ процентъ достигаетъ 45, и повышается и далѣе у крестьянъ, покупающихъ землю въ одиночку; но въ это время сильно увеличивается та часть крестьянскихъ покупокъ, которая приходится на долю товариществъ и обществъ, въ особенности съ началомъ дѣятельности крестьянскаго банка [1]).

Вотъ, такимъ образомъ, тѣ послѣдствія для сельскаго, и въ особенности помѣщичьяго хозяйства, которыя произошли въ первыя десятилѣтія послѣ крестьянской реформы. Мы видимъ, что крестьяне какъ будто—если взять не самое хозяйство крестьянъ, а только цифры размѣра площади крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства,—торжествуютъ по всей линіи; ихъ хозяйство расширяется, они покупаютъ земли, увеличиваютъ размѣры аренды помѣщичьихъ земель до громадныхъ цифръ и на помѣщичьей землѣ ведутъ свое хозяйство.

Но легко ли имъ это досталось и каково вообще было при этомъ расширеніи крестьянскаго хозяйства положеніе и экономическій бытъ крестьянъ,—вы это сейчасъ увидите, и увидите, что эти обстоятельства были не такъ выгодны, какъ можно было бы расчитывать по приведеннымъ цифрамъ...

Итакъ, легко ли крестьянамъ досталось это расширеніе ихъ землевладѣнія и ихъ хозяйства, въ особенности въ черноземныхъ мѣстностяхъ, каково было ихъ собственное экономическое положеніе въ этотъ пореформенный періодъ? На этотъ вопросъ приходится вообще дать отвѣтъ малоутѣшительный. Крестьяне дѣйствительно увеличили свое землепользованіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но стремились они такъ настойчиво къ арендѣ этихъ помѣщичьихъ земель въ черноземныхъ губерніяхъ, конечно потому, что иного выхода имъ не было, именно благодаря той земельной тѣснотѣ, которая существовала у нихъ

---

[1]) *Огановскій*, стр. 436—437.

благодаря той ограниченности надѣленія, которая была достигнута послѣ многихъ измѣненій и переработокъ нормъ ихъ надѣла при выработкѣ положенія 19-го февраля.

Именно въ черноземной полосѣ крестьянское малоземелье въ первые же годы послѣ реформы сказалось особенно рѣзко. Я уже говорилъ, что хозяйственная конъюнктура для черноземной полосы въ этотъ моментъ была выгодна. Дѣйствительно, мы видимъ, что хлѣбныя цѣны на заграничномъ рынкѣ выросли настолько, что увеличились въ нѣкоторыхъ случаяхъ на 100%. Въ то же время и заработная плата повысилась на 100—80%, такъ что, въ сущности говоря, заработки сдѣлались какъ будто выгоднѣе, но въ виду того, что при заработкахъ, вообще, рабочимъ приходится самимъ покупать хлѣбъ, это повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ для лицъ, живущихъ заработками, хотя бы и земледѣльческими, явилось не особенно выгоднымъ обстоятельствомъ. И вотъ мы видимъ, что крестьяне стремятся въ пореформенное время въ черноземныхъ губерніяхъ расширить свою собственную запашку не только на своихъ, но и на помѣщичьихъ земляхъ, и помѣщики съ своей стороны предпочитаютъ этотъ путь увеличенія своихъ доходовъ расширенію своего собственнаго хозяйства путемъ увеличенія собственныхъ посѣвовъ, потому что арендныя цѣны возросли въ это время въ гораздо большей степени, чѣмъ цѣны на хлѣбъ. По исчисленіямъ знатока хлѣбной торговли этого времени Чаславскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ хорошаго статистика, мы видимъ, что, тогда какъ заработная плата и хлѣбныя цѣны растутъ не больше чѣмъ на 100 %, арендныя цѣны растутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на 300% и даже на 400%, т.-е. увеличиваются въ 4—5 разъ [1]). Это объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что, независимо отъ роста хлѣбныхъ цѣнъ на міровомъ рынкѣ, растутъ хлѣбныя цѣны на мѣстахъ еще въ большей прогрессіи вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ, именно, благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ въ такія мѣста, какъ Козловъ,

---

[1]) Срав. *Чаславскаго* „Хлѣбная торговля въ центральномъ районѣ Россіи“ ч. I и II, Спб. 1873, а также у *Янсона* („О крестьян. надѣлахъ и платежахъ“) тѣ свѣдѣнія, которыя ему предоставилъ Чаславскій, стр. 95 (2-го изд. 1881 г.). Въ 1865—67 г.г. въ Черниговской губерніи были еще мѣстности, гдѣ четверть овса стоила 40 коп., а пудъ ржи 5 коп. Цѣны эти невѣроятно возросли послѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ.

Моршанскъ, Саратовъ, Пенза, Курскъ, Орелъ, Харьковъ, Новороссійскій край и т. д. Появился сбытъ хлѣба на рынокъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ раньше его совсѣмъ не было, прямо по дальности ихъ разстоянія отъ тѣхъ центровъ, гдѣ хлѣбъ продавался, и благодаря возможности подвоза только на лошадяхъ, который былъ слишкомъ дорогъ. Теперь около этихъ новыхъ желѣзнодорожныхъ пунктовъ, на разстояніи иногда 100—200 верстъ, чрезвычайно оживляется продажа хлѣба, производство хлѣба, какъ товара, дѣлается выгоднымъ и для крестьянъ, которые этимъ путемъ впервые получаютъ здѣсь возможность вырабатывать въ *своемъ* хозяйствѣ деньги. Это является чрезвычайно для нихъ соблазнительнымъ, но, разумѣется, выдержать такое увеличеніе арендныхъ цѣнъ, какъ на 300—400%, крестьяне могутъ въ большинствѣ случаевъ только цѣною собственнаго разоренія, и мы видимъ, что въ послѣдующее время крестьяне здѣсь дѣйствительно разоряются и разореніе происходитъ, въ концѣ-концовъ, не только у крестьянъ, но и у помѣщиковъ, потому что безудержная распашка земли ведетъ не столько къ истощенію чернозема, который здѣсь такъ толстъ, что его трудно истощить, сколько къ тому, что распаханная степь даетъ постоянныя трещины, изъ которыхъ образуются овраги, служащіе къ стоку влаги, поэтому усиливаются засухи, учащаются неурожаи и подготовляется тотъ крахъ южнаго сельскаго хозяйства, который мы увидимъ въ началѣ девяностыхъ годовъ [1]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что эта усиливающаяся распашка и аренда земель обошлась крестьянамъ не дешево: она во многихъ случаяхъ подготозила ихъ разореніе. Не лучше было экономическое положеніе крестьянъ и на ихъ собственныхъ надѣльныхъ земляхъ, потому что они были чрезвычайно переобременены всякаго рода платежами. Мы можемъ это сказать не только по отношенію къ выкупнымъ платежамъ, которые во многихъ мѣстахъ являлись до того непосильными, что крестьяне предпочитали брать въ нѣкоторыхъ мѣстно-

---

[1]) Это объясненіе происхожденія засухи и неурожаевъ въ черноземной полосѣ встрѣчаетъ, впрочемъ, со стороны нѣкоторыхъ почвовѣдовъ весьма серьезныя возраженія. Срав. *проф. Докучаева*, „Овраги и ихъ значеніе“, Спб. 1876, и „Наши степи прежде и теперь“, Спб. (1892).

стяхъ нищенскіе надѣлы, нежели переходить съ барщины на выкупъ,—но и по отношенію къ цѣлому ряду другихъ платежей, которые не меньше, нежели выкупные, отягощали эти крестьянскіе надѣлы. Въ 1872 году, послѣ неурожаевъ и голода въ смоленской, а потомъ и самарской губерніяхъ, когда министромъ государственныхъ имуществъ назначенъ былъ Валуевъ,—тотъ самый, который былъ въ 1861—1868 г.г. министромъ внутреннихъ дѣлъ и въ 1868 году потерялъ свое мѣсто именно въ виду голода въ смоленской губерніи, послѣ того, какъ обнаружилось, что онъ не принялъ достаточныхъ мѣръ для обезпеченія продовольствія населенія,—этотъ самый Валуевъ теперь, въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ, захотѣлъ показать свою распорядительность и просвѣщенность и устроилъ довольно широкую анкету о положеніи сельскаго хозяйства, на манеръ анкетъ парламентскихъ комиссій въ Англіи. Къ этой анкетѣ онъ привлекъ какъ представителей помѣщиковъ-землевладѣльцевъ разныхъ мѣстъ Россіи, такъ даже и представителей крестьянскаго землевладѣнія, въ видѣ отдѣльныхъ волостныхъ старшинъ, а также нѣкоторыхъ провинціальныхъ чиновниковъ, служившихъ по крестьянскимъ дѣламъ; были приглашены и нѣкоторые губернаторы. И, несмотря на то, что самое предпріятіе было задумано довольно легкомысленно и офиціальные *выводы*, къ которымъ пришло совѣщаніе, тоже были довольно легковѣсны, матеріалъ былъ собранъ довольно серьезный, который въ рукахъ независимыхъ изслѣдователей, какъ профессоръ Янсонъ или какъ князь Васильчиковъ, былъ использованъ достаточно продуктивно и поучительно.

Изъ собранныхъ этою анкетою данныхъ мы, между прочимъ, видимъ, что картина податного обремененія крестьянскихъ земель была слѣдующая. Сумма всѣхъ прямыхъ налоговъ и платежей, лежавшихъ на сельскомъ населеніи, исчислялась въ 1872 году въ 208 милл. рублей, при чемъ изъ нихъ только 13 милл. руб. падало на земли частныхъ владѣльцевъ. Вся остальная часть, около 200 милл. рублей, падала на крестьянскія земли. Къ этимъ повинностямъ, во-первыхъ, относились *взимаемыя непосредственно съ земли* и среди этихъ послѣднихъ прежде всего государственный земскій сборъ, который въ это время, въ видѣ уступки голосу общественнаго мнѣнія, былъ

переложенъ въ нѣкоторой части съ душъ на землю; именно, 8 милл. руб. платилось съ земли, а 13 милл. руб. оставалось на душахъ. Впрочемъ и изъ этихъ 8 мил. руб. половину платили крестьяне со своихъ земель. Затѣмъ шли мѣстные земскіе сборы, которые налагались вновь учрежденными земствами; они налагались главнымъ образомъ на землю и на другія недвижимыя имущества и потому около половины ихъ платили помѣщики, казна и удѣлъ и около половины крестьяне; этихъ земскихъ сборовъ было около 13-ти милл. рублей. Затѣмъ помѣщики платили 1.900 тыс. руб. на частныя дворянскія нужды и этимъ ограничивались всѣ ихъ платежи, хотя помѣщики владѣли почти такимъ же количествомъ земли, какъ и крестьяне. Далѣе шли разнаго рода платежи, которые крестьяне отбывали за отведенныя имъ земли; изъ нихъ выкупныхъ платежей было 38 милл. руб. и, кромѣ того, надо сюда прибавить для тѣхъ крестьянъ, которые въ это время еще не перешли на выкупъ, 16 милл. руб. оброчныхъ платежей, итого 54 милл. руб. Кромѣ того, выкупные платежи бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ составляли 3 милл. руб., и оброчная подать бывшихъ государственныхъ крестьянъ 36 милл. руб., при чемъ къ ней надо прибавить 1.200 тыс. руб. лѣсного налога. Всѣхъ *поземельныхъ сборовъ*, которые взимались непосредственно съ крестьянъ, было такимъ образомъ 95 милл. руб.

Далѣе шли повинности, которыя уже *подушно* были разложены на сельское податное населеніе. Прежде всего подушная подать составляла 42 милл. руб. и платилась исключительно крестьянами. Затѣмъ общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ въ суммѣ 3.400 тыс. руб. Затѣмъ государственный земскій сборъ въ части, разложенной на души, составлялъ 13 милл. 700 тыс. руб., кромѣ того мірскихъ и общественныхъ расходовъ до 30 милл. рублей,—въ общемъ 90 милл. рублей.

Надо сказать, что сюда еще не включены натуральныя повинности, которыя отбывали одни крестьяне, и для оцѣнки которыхъ у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ, но которыя должны быть оцѣнены во всякомъ случаѣ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей.

Итакъ, не считая этихъ натуральныхъ повинностей, на $19^1/_2$ милліонахъ душъ податного крестьянскаго населенія лежало

около 200 милл. платежей, т.-е. на семью средняго размѣра около тридцати рублей. Такіе платежи для обыкновеннаго крестьянскаго бюджета являлись безусловно непосильными [1]).

При этомъ надо сказать, что и *между различными разрядами крестьянъ* эти подати распредѣлялись чрезвычайно неравномѣрно. Такъ, напримѣръ, платежи за отведенные надѣлы ложились такъ: за свои $33^1/_2$ милл. дес. *помѣщичьи крестьяне* платили 54 милл. рублей; а *государственные крестьяне* за 75 милл. дес. платили лишь 37 милл. руб. Слѣдовательно, неравномѣрность распредѣленія этой податной тяжести между отдѣльными категоріями самого крестьянскаго населенія была опять-таки чрезвычайно значительна. Если же мы разсмотримъ, какъ распредѣлялась податная тяжесть *внутри* категоріи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, то увидимъ, что здѣсь она ложилась еще болѣе неравномѣрно, потому что, какъ вы помните, при установленіи выкупныхъ платежей для ихъ опредѣленія существовала извѣстная система градаціи, которая заключалась въ томъ, что первая десятина была оцѣниваема одна въ ту же сумму, какъ всѣ остальныя, вмѣстѣ взятыя, а въ мѣстностяхъ нечерноземныхъ и вторая десятина составляла четверть всей оцѣнки и поэтому относительно большая тяжесть платежей падала на тѣхъ, которые получали самые небольшіе надѣлы. Кто получалъ $^1/_3$ максимальнаго надѣла, тотъ платилъ $^2/_3$ максим. размѣра выкупного платежа. Особенно сильно чувствовалась неравномѣрность этой системы въ черноземныхъ губерніяхъ, потому что въ нечерноземныхъ неравномѣрность обложенія все-же не безъ основанія мотивировалась тѣмъ, что собственно выкупные платежи или прежніе оброки вычислялись сообразно не доходамъ отъ земли, а стороннимъ заработкамъ, которые крестьяне въ этихъ губерніяхъ дѣйствительно имѣли, и величина надѣла здѣсь дѣйствительно не играла такой роли, какъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Но систему градаціи редакціонныя комиссіи изъ нечерноземныхъ губерній, по странной бюрократической тенденціи къ единообразію, перенесли и въ черноземныя мѣстности, хотя здѣсь она ничѣмъ не могла быть оправ-

---

[1]) „Докладъ высочайше учрежд. комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго (1872 г.) положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи", Спб. 1873 г., стр. 35—36.

дана, и потому была особенно чувствительна, такъ какъ всѣ доходы здѣсь получались отъ земли, и, слѣдовательно, неравномѣрность обложенія была особенно тяжела малоземельнымъ крестьянскимъ дворамъ, по которымъ какъ разъ и ударяла эта система градаціи.[1]).

Вотъ, такимъ образомъ, общая картина той тяжести и неравномѣрности обложенія, которая была обнаружена уже въ первые же годы послѣ проведенія крестьянской реформы. Результаты такого положенія вещей сказались очень быстро и были ясны для многихъ еще и до анкеты Валуева. Именно, уже въ 1867 году, когда явился первый серьезный неурожай въ смоленской губерніи и за нимъ послѣдовалъ полный голодъ, то Валуевъ, бывши тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, сперва отрицалъ наличность голода и утверждалъ, что имѣются для покрытія нуждъ крестьянъ достаточные продовольственные запасы, но когда на мѣста голода поѣхали назначенныя для разслѣдованія лица, и когда они обнаружили, что запасовъ не хватитъ, и что крестьяне не только ѣдятъ различныя примѣси и суррогаты хлѣба: древесную кору, глину и проч., но и прямо умираютъ съ голода, то само правительство всполошилось, былъ даже назначенъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ наслѣдника (будущаго императора Александра III) и этотъ комитетъ при помощи общественной благотворительности собралъ значительныя суммы, которыя, впрочемъ по бо́льшей части заднимъ числомъ, и пришли къ голодавшимъ крестьянамъ.

Затѣмъ, черезъ три года послѣдовалъ другой неурожай, коснувшійся, главнымъ образомъ, юго-восточныхъ губерній, которыя считались житницей всей Россіи и даже Европы; именно въ самарской губерніи длился подъ рядъ три года неурожай и затѣмъ голодъ въ огромныхъ размѣрахъ, и тутъ правительство было особенно смущено, что именно въ этомъ благодатномъ и обильномъ землею краѣ тоже наступилъ голодъ.

И вотъ, послѣ того, какъ явился этотъ голодъ въ самарской губерніи, и для правительства сдѣлалось яснымъ, что необходимо будетъ когда-нибудь положить конецъ переобремененности крестьянъ платежами, съ одной стороны, а съ другой стороны, ихъ относительному малоземелью въ черноземныхъ мѣстно-

---

[1]) Срав. часть II этого „курса", стр. 189—192.

стяхъ, вновь явился вопросъ, на этотъ разъ довольно рѣзко поставленный, относительно неизбѣжности серьезной податной реформы.

Тѣмъ не менѣе правительство попрежнему дѣйствовало съ чрезвычайной медлительностью. Оно крайне неохотно поднимало этотъ вопросъ. Мы уже видѣли, что министръ финансовъ, который въ это время спеціально культивировалъ развитіе крупной промышленности, шелъ года за 2 до смоленскаго голода съ легкимъ сердцемъ на новое обложеніе крестьянскаго хозяйства, какъ только явилась къ этому малѣйшая, по его даннымъ, возможность. Мы видѣли, какъ вопросъ объ уничтоженіи подушной подати и замѣна ея подоходнымъ налогомъ, проектированнымъ земствами, провалился въ правительственныхъ сферахъ. Между тѣмъ печальныя обстоятельства въ крестьянскомъ хозяйствѣ сказывались не только въ видѣ голода, который наступилъ сперва въ смоленской, а затѣмъ въ самарской губерніяхъ, они сказывались и въ постепенномъ паденіи крестьянскаго хозяйства въ годы совершенно обыкновенные,—въ особенности въ значительномъ уменьшеніи скотоводства.

Мы видимъ, что скотоводство въ эти годы падаетъ не только на помѣщичьихъ земляхъ, какъ оно падало въ черноземной полосѣ, потому что помѣщики прямо находили здѣсь болѣе выгоднымъ для себя сдавать свои земли въ аренду, но падаетъ и у крестьянъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ, такъ что этотъ признакъ уже является достаточно серьезнымъ. Онъ однако замѣченъ былъ далеко не сразу: оскудѣніе крестьянскаго хозяйства совершалось съ нѣкоторой постепенностью, и мы видимъ, что еще въ семидесятыхъ годахъ были мѣстные администраторы, которые пытались даже самарскій голодъ объяснить тѣмъ, что народъ—молъ—пьянствуетъ и пропиваетъ свои большіе доходы, а потомъ, въ годы неурожая, и наступаютъ поэтому голодовки. Именно, самарскій губернаторъ Климовъ высказалъ такія соображенія въ 1873 г. въ комитетѣ министровъ; но даже здѣсь онъ получилъ должный отпоръ: государственный контролеръ А. А. Абаза ему указалъ, что всѣ свѣдѣнія, представленныя имъ, губернаторомъ, который долженъ былъ бы знать свою губернію, очевидно невѣрны и не соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей. Абаза съ цыфрами въ рукахъ доказалъ, что самарская губернія платила податей больше 3%

общей ихъ суммы, собиравшейся со всей Россіи, а акцизныхъ сборовъ изъ нея поступило лишь $1^1/_2\%$ общей ихъ суммы, такъ что онъ имѣлъ возможность опредѣленно показать самарскому губернатору, что самарская губернія одна изъ самыхъ трезвыхъ въ Россіи и что его, губернатора, данныя никуда не годятся. Министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ, какъ только положеніе въ спорѣ, возникшемъ въ комитетѣ министровъ, сдѣлалось такимъ неудобнымъ для министерства внутреннихъ дѣлъ, прекратилъ разговоръ и сказалъ, что онъ представитъ болѣе точныя свѣдѣнія, но что во всякомъ случаѣ ясно (?), что самарская губернія не можетъ быть отнесена къ губерніямъ истощеннымъ. Однако, истощенность черноземной полосы Россіи въ девяностыхъ годахъ уже не подлежала никакому сомнѣнію. Мнѣ самому лично приходилось въ годы неурожая, въ 1892-1893 годахъ собирать статистическія данныя относительно голодающихъ крестьянъ, и я лично видѣлъ цѣлый рядъ такихъ селеній въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, какъ, напримѣръ, тульская, гдѣ 75% избъ въ девяностыхъ годахъ топились „по-черному“, т.-е. крестьяне, топя дровами или соломой, строили, ради экономіи въ топливѣ, свои *печи безъ трубъ*, и потолки въ такихъ избахъ были совершенно черные отъ сажи и блестящіе, какъ хорошо вычищенный сапогъ, а въ мокрую погоду съ нихъ капала черная грязь. Цѣлый рядъ избъ въ такихъ деревняхъ былъ *раскрытъ*; на крышѣ оставались одни только стропила, а вся солома была снята и скормлена скоту. По статистическимъ даннымъ, мною самимъ собраннымъ, выходило, что въ иныхъ деревняхъ уже до 50% крестьянъ были къ началу девяностыхъ годовъ безлошадны, а изъ другихъ 50-ти $\%$ болѣе 40% и даже 45% были однолошадными и только $5—6\%$ было такихъ хозяевъ, которые обладали двумя и болѣе лошадьми. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ иногда бывало два—три двора и съ 5—6 лошадьми каждый, но они совершенно тонули въ общей массѣ разореннаго и безпомощнаго крестьянства...

Вотъ общая картина того оскудѣнія, къ которому пришло крестьянство въ черноземныхъ губерніяхъ черезъ 20 лѣтъ послѣ реформы 19 февраля. Такимъ образомъ несомнѣнно, что тѣ недостаточные земельные надѣлы, которые получили крестьяне въ черноземной полосѣ, и то переобремененіе ихъ плате-

жами, которое существовало въ мѣстностяхъ нечерноземныхъ, а въ значительной степени также и въ черноземныхъ, сказались весьма серьезно, и если правительство и въ эти годы считало возможнымъ оттягивать необходимыя реформы и мѣропріятія, которыя бы служили хотя бы къ частичному улучшенію положенія крестьянъ въ Россіи, то въ обществѣ, уже въ семидесятыхъ годахъ, люди свѣдущіе не сомнѣвались, что положеніе крестьянства въ пореформенное время идетъ къ довольно грозному упадку. Въ числѣ писателей, которые воспользовались статистическими данными, собранными правительственными комиссіями, изслѣдовавшими тогда положеніе крестьянъ,—именно *податной* комиссіей, которая работала въ теченіе цѣлыхъ 15-и лѣтъ и затѣмъ той *анкетной валуевской* комиссіей, о которой я только что упоминалъ,—были два выдающихся писателя, о которыхъ я уже говорилъ,—Ю. Э. Янсонъ и кн. А. И. Васильчиковъ. Изъ нихъ, профессоръ Янсонъ опредѣленно и рѣзко изложилъ тѣ выводы, къ которымъ онъ въ этомъ отношеніи пришелъ, въ своей книгѣ „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“,—надѣлахъ и платежахъ по положенію 1861 года. Изслѣдовавъ на основаніи данныхъ упомянутыхъ двухъ правительственныхъ комиссій положеніе массы нашего крестьянства во всѣхъ областяхъ Европейской Россіи, профессоръ Янсонъ нашелъ въ немъ повсемѣстно

> „слабую обезпеченность хозяйственнаго быта, особенно въ той части, которая великимъ актомъ 1861 года призвана къ благоденствію и процвѣтанію свободнаго труда. Гдѣ нѣтъ экономической обезпеченности,—писалъ почтенный профессоръ,—тамъ почти излишне дополнять картину состоянія народа изображеніемъ явленій, отъ нея зависящихъ и отсутствіемъ ея объясняющихся. Плохое питаніе, дурныя физическія и моральныя условія жизни, большая болѣзненность и сильная смертность—все это имѣетъ свою ближайшую причину въ бѣдности населенія, а бѣдность сама, если и проистекаетъ отъ слабости нравственныхъ силъ и недостатка трудовой энергіи, то не отъ нихъ она пошла и не ими она стоитъ на русской землѣ. Ведетъ она свое начало не съ послѣднихъ временъ; ее создало вѣковое крѣпостное состояніе; но поддерживаетъ ее тамъ

скудная почва, къ которой фактически привязано населеніе; здѣсь ничтожный надѣлъ, съ котораго нельзя сойти, тамъ безземелье, здѣсь отсутствіе всякихъ заработковъ и происходящее отъ того и другого низкое вознагражденіе труда; наконецъ, тяжесть общихъ государственныхъ, земскихъ и мірскихъ податей и сборовъ, лежащихъ не на имуществѣ и его доходѣ, а на личномъ трудѣ, и высокая плата за землю, которая одна кормитъ того, кто ее обрабатываетъ".

„Податная система и аграрное законодательство наше— заключалъ Янсонъ—не могутъ долѣе оставаться въ настоящемъ видѣ безъ серьезной опасности для благоденствія и настоящаго и будущаго поколѣній"...

Но измѣненіе поземельныхъ отношеній представлялось ему „гораздо болѣе настоятельнымъ и существеннымъ вопросомъ настоящаго, чѣмъ какая бы то ни было реформа въ финансовомъ хозяйствѣ государства: безъ измѣненія, устраняющаго коренные недостатки этихъ отношеній, несбыточно—по его мнѣнію—мечтать о благихъ результатахъ самой правильной податной системы".

Не видя однако возможности думать о полномъ искорененіи недостатковъ податной системы и при этомъ принимая во вниманіе, что поземельный вопросъ былъ уже рѣшенъ въ самой реформѣ 1861 года, Янсонъ предлагалъ поэтому, идя навстрѣчу крестьянскимъ земельнымъ нуждамъ, лишь рядъ болѣе или менѣе серьезныхъ палліативовъ. Онъ констатировалъ, что

„есть достаточно поводовъ къ пониженію поземельныхъ платежей для уравненія ихъ со средствами крестьянъ и тѣми хозяйственными отношеніями, какія опредѣлились 20-лѣтнимъ опытомъ; вопросъ о переселеніяхъ и направленіи ихъ ждетъ разрѣшенія, сообразнаго съ потребностями народа и выгодами государства; предоставленіе дешеваго кредита для пріобрѣтенія тѣхъ земель, которыя въ будущемъ придется снимать за дорогую цѣну, сходное съ выкупною операціею; самый пересмотръ выкупной операціи въ видахъ возможнаго пониженія выкупныхъ платежей; наконецъ, столь желанное и давно ожидаемое преобразованіе податной системы: вотъ тѣ громадной важности задачи, на которыхъ не могутъ не остановить своего вниманія и правительство и общество".

Дѣйствительно, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ явился, какъ вы увидите изъ послѣдующихъ лекцій, цѣлый рядъ мѣропріятій, которыя были направлены въ сторону удовлетворенія этихъ нуждъ и къ принятію какъ разъ тѣхъ палліативныхъ мѣръ, которыя еще въ 1876 году рекомендовалъ профессоръ Янсонъ.

Нѣсколько другого мнѣнія былъ другой изъ двухъ упомянутыхъ авторовъ, князь А. И. Васильчиковъ, о которомъ я не разъ уже говорилъ въ своихъ лекціяхъ. Разница между нимъ и Ю. Э. Янсономъ заключается въ томъ, что Васильчиковъ не считалъ главнѣйшей причиной печальнаго положенія нашихъ крестьянъ недостаточность ихъ земельныхъ надѣловъ, а видѣлъ ее, главнымъ образомъ, въ той отчаянной податной системѣ, которая парализовала благіе результаты реформы 19 февраля. Приведя эпиграфъ, примѣненный Тэномъ къ характеристикѣ положенія крестьянъ во Франціи передъ самой революціей 1789 г.—quand l'homme est miserable, il s'aigrit; mais quand il est à la fois propriétaire et miserable, il s'aigrit encore d'avantage"—кн. Васильчиковъ находитъ въ этомъ отношеніи полную аналогію въ положеніи тогдашнихъ французскихъ и современныхъ ему русскихъ крестьянъ. Указавъ, что крестьяне во Франціи наканунѣ великой революціи усиленно скупали землю и въ то же время разорялись подъ тяжестью непомѣрныхъ налоговъ, обременявшихъ именно крестьянскую собственность, и подмѣтивъ то же самое явленіе и у насъ въ семидесятыхъ годахъ, кн. Васильчиковъ замѣчаетъ, что

> „положеніе русскихъ крестьянъ, въ настоящее время совершенно схожее съ картиною, нарисованной Тэномъ, можетъ служить для насъ серьезнымъ предостереженіемъ; податная система можетъ подавить все благое дѣйствіе свободы и равноправности и довести мелкихъ владѣльцевъ противъ крупныхъ до того же изувѣрства, какое проявилось во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія".

Та разница, которую вы видите въ выводахъ этихъ двухъ выдающихся изслѣдователей тогдашняго положенія вещей, отчасти объясняется тѣмъ, что князь Васильчиковъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ положеніе крестьянъ въ нечерноземной полосѣ, гдѣ не столь остро сказывался земельный вопросъ, сколько именно податной, тогда какъ Янсонъ обратилъ главное

свое вниманіе на наиболѣе хлѣбородныя мѣстности, гдѣ дѣйствительно сказывался гораздо острѣе вопросъ именно земельный.

Эти мнѣнія князя Васильчикова и профессора Янсона въ значительной степени раздѣлялись массой тогдашнихъ писателей, изслѣдователей крестьянскаго положенія, и, въ сущности, надо сказать, что насколько нечутко къ этому относилось правительство въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, настолько же чутко къ этому вопросу было отношеніе печати и общества. Его можно назвать не только чуткимъ, но даже и пророческимъ, потому что уже во время разработки крестьянской реформы, въ самомъ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ Чернышевскій, а потомъ Н. А. Серно-Соловьевичъ и др. совершенно опредѣленно предрекали такіе отрицательные результаты реформы.

Въ шестидесятыхъ годахъ въ средѣ передовой русской интеллигенціи составилось уже довольно опредѣленное и довольно упорное мнѣніе о недостаткахъ того экономическаго устройства, которое дано было крестьянамъ крестьянской реформой и распространенность этого мнѣнія породила очень скоро широкое народническое теченіе въ литературѣ, а потомъ и народническое движеніе, которое и будетъ предметомъ моей слѣдующей лекціи.

ЛЕКЦІЯ XXXV.

Отношеніе правительства и общества къ положенію народныхъ массъ. Народническое направленіе въ литературѣ. Студенческіе безпорядки 1869 года. Нечаевъ и нечаевщина. Чайковцы въ Петербургѣ; ихъ идеи и планы. Бакунинъ и Лавровъ за границей. Лавристы и Бакунисты. „Впередъ". Начало хожденія въ народъ. Аресты. Записка Палена. Общество „Земля и воля". Развитіе народническихъ идей въ легальной литературѣ.

Прошлый разъ я вамъ выяснилъ то положеніе, въ которомъ находились народныя массы въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ, послѣ окончательнаго примѣненія къ нимъ положенія 19-го февраля и законовъ 1863 и 1866 годовъ, окончательно, такъ сказать, завершившихъ крестьянскую реформу. Я вамъ выяснилъ также и то отношеніе, которое обнаруживало къ этому тяжелому положенію народныхъ массъ правительство: отношеніе это особенно характеризовалось отсутствіемъ чуткости и какой бы то ни было предусмотрительности.

Гораздо болѣе чутко отнеслась къ положенію народныхъ массъ наша интеллигенція, общество вообще. Вы видѣли, какіе выводы изъ правительственныхъ анкетъ и изслѣдованій сдѣлали представители тогдашней экономической науки и знатоки сельскаго хозяйства изъ общества, такіе люди, какъ профессоръ Янсонъ и князь А. И. Васильчиковъ. И надо сказать, что выводы, къ которымъ они пришли, въ сущности говоря, для представителей интеллигенціи вовсе не являлись неожиданными. Когда я излагалъ вамъ исторію эпохи реформъ шестидесятыхъ годовъ,—въ частности исторію разработки крестьянскаго положенія,—вы видѣли, съ какою проницательностью обсуждали это положеніе такіе представители тогдашней публицистики, какъ Герценъ, Чернышевскій, Добролюбовъ и тотчасъ же послѣ опубликованія положенія 19-го февраля Серно-Соловьевичъ. Можно сказать, что тѣ пессимистическіе взгляды на реформу, которые

выработались подъ вліяніемъ ихъ критики и недовѣрія, въ значительной степени усвоены были и всѣмъ радикально настроеннымъ общественнымъ мнѣніемъ страны. Все передовое русское общество, тяготѣвшее къ „Современнику“ или „Колоколу“ Герцена, смотрѣло очень пессимистически на будущность освобожденныхъ крестьянъ. Съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ, или даже, можно сказать, параллельно разработкѣ крестьянской реформы, стала уже складываться и такъ называемая народническая школа въ русской литературѣ. Уже въ 1860—61 гг. появляются первыя произведенія такихъ народниковъ-беллетристовъ, какъ Николай Успенскій, Наумовъ, Левитовъ, Рѣшетниковъ и цѣлый рядъ другихъ, которые яркими красками описывали то тяжелое положеніе народа, въ какомъ онъ выходилъ изъ крѣпостного права. Сдѣлать это названнымъ писателямъ было тѣмъ легче, что сами они по своему происхожденію были близки къ народу. Это были писатели-разночинцы, которые вошли тогда въ русскую литературу, до тѣхъ поръ созидавшуюся, главнымъ образомъ, въ средѣ людей дворянскаго происхожденія. Не даромъ Чернышевскій въ статьѣ „Не начало ли перемѣны?“ посвященной Николаю Успенскому, указывалъ на это явленіе.

Эти народники-беллетристы въ своей горемычной жизни сами немало хлебнули того горя, что тяготѣло надъ народомъ. Они не только яркими чертами описали обществу истинное положеніе народныхъ массъ, но въ значительной степени подѣйствовали и на совѣсть общества, на совѣсть наиболѣе чуткихъ умовъ и душъ, въ особенности молодого поколѣнія. Благодаря имъ въ значительной мѣрѣ, всталъ вопросъ *о долгѣ интеллигенціи передъ народомъ*, потому что для наиболѣе чуткихъ умовъ ясно стало, что всякая интеллигенція получаетъ возможность пріобщиться къ благамъ культуры,—въ особенности въ такой некультурной странѣ, какъ Россія,—лишь на народный счетъ. Отсюда явился вопросъ объ уплатѣ народу того долга, который лежалъ на интеллигенціи въ этомъ отношеніи. Это начинали сознавать впрочемъ не только представители разночинной интеллигенціи, которые сами вышли изъ народа, какъ только-что названные народники-беллетристы, но и многіе представители дворянскаго сословія, которыхъ немного лѣтъ спустя Н. К. Михайловскій окрестилъ именемъ „кающихся

дворянъ“,—они также ставили теперь передъ собой нерѣдко этотъ вопросъ объ уплатѣ долга народу.

Когда произошли въ 1861 году студенческія волненія, которыя были связаны въ значительной мѣрѣ съ вопросами, возникшими на почвѣ освобожденія крестьянъ, когда Путятинъ и Игнатьевъ раздули это событіе и безтактно разгромили петербургскій университетъ и когда цѣлыя сотни молодыхъ людей были исключены изъ университета и попали въ казематы крѣпости и кронштадтскія казармы, то Герценъ въ концѣ 1861 года писалъ въ „Колоколѣ“, обращаясь къ этимъ исключеннымъ студентамъ, такія слова:

„Ну куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ за„перли науку? Сказать вамъ: куда?—Прислушайтесь,— „благо тьма не мѣшаетъ слушать,—со всѣхъ сторонъ „огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и „Днѣпра растетъ стонъ, поднимается ропотъ,—это началь„ный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая „бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля. *Въ народъ! „къ народу!*—вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки, пока„жите этимъ Бистромамъ [1]), что изъ васъ выйдутъ не „подъячіе, а воины, но не безродные наемники, а воины „народа русскаго“!.

Этотъ кличъ: *въ народъ! къ народу!*, брошенный тогда Герценомъ по частному случаю, былъ подхваченъ народнической литературой и очень сильно отозвался въ умахъ молодежи.

Правда, въ послѣдующіе затѣмъ годы, подъ вліяніемъ разгрома передовой интеллигенціи, происшедшаго въ 1862 году, послѣ знаменитыхъ петербургскихъ пожаровъ, подъ вліяніемъ польскаго возстанія, которое вызвало реакціонное настроеніе, и всего болѣе подъ вліяніемъ того теченія, которое подъ предводительствомъ Писарева получило названіе нигилизма и которое ставило себѣ болѣе эгоистическіе вопросы *борьбы за индивидуальность*, т.-е. за освобожденіе своей собственной интеллигентской личности отъ тѣхъ религіозныхъ, бытовыхъ и дру-

---

[1]) Бистромъ былъ генералъ, командовавшій солдатами, оцѣпившими въ 1861 г. университетъ во время студенческихъ безпорядковъ, и говорившій солдатамъ, что это бунтуютъ „подъячіе“, недовольные освобожденіемъ крестьянъ.

гихъ путъ и предразсудковъ, которые опутывали общество,— подъ вліяніемъ этого теченія и всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, только что разгромленная русская интеллигенція нѣсколько уклонилась отъ народническихъ стремленій и отъ направленія, начавшаго было развиваться среди нея и въ передовой литературѣ подъ вліяніемъ крестьянской реформы.

Но мы видимъ, что во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ опять на сцену является именно это народническое направленіе. Въ значительной степени тутъ сыграло роль новое обстоятельство. Послѣ изданія университетскихъ правилъ новымъ министромъ Толстымъ въ маѣ 1867 года, стѣснившихъ чрезвычайно университетскую жизнь, молодежь очень этимъ придавленная, оскорбленная и сбитая съ того почетнаго мѣста, на которое ее поставили Добролюбовъ, Писаревъ и другіе литературные вожди молодого поколѣнія, чувствовала себя чрезвычайно стѣсненной и раздраженной, и передъ нею, вмѣсто задачъ внутренней борьбы за индивидуальность и освобожденіе своей личности, невольно возникалъ вопросъ о завоеваніи прежде всего болѣе сносныхъ внѣшнихъ условій, и мысль ея направлялась опять къ общественнымъ задачамъ, общественнымъ цѣлямъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вы видѣли, въ 1868 году передъ русскимъ обществомъ впервые рѣзко всталъ вопросъ о крестьянской нуждѣ, при видѣ того голода, который послѣ двухлѣтняго неурожая разразился, въ особенности, въ смоленской губерніи. Картины народнаго бѣдствія произвели большое впечатлѣніе на молодежь, переживавшую университетскій кризисъ, и вотъ мы видимъ, что съ осени 1868 года и всю зиму 1868—69 года происходитъ усиленное броженіе въ университетской средѣ, особенно среди студентовъ медико-хирургической академіи, такъ какъ она какъ разъ переживала тогда ломку ранѣе установившейся въ ней системы.

Все это создавало такое положеніе, что безпорядки неизбѣжно должны были вспыхнуть. Профессорамъ удалось, правда, съ осени сдержать студентовъ и уговорить не портить предстоявшаго 8 февраля 1869 года 50-лѣтняго юбилея петербургскаго университета. Но съ весны 1869 года начались уже непрерывныя сходки, выступленія противъ начальства и министерства въ рѣзкихъ формахъ и вскорѣ разразились обыкновенные

студенческіе безпорядки, кончившіеся и на этотъ разъ весьма суровыми мѣрами, массовыми исключеніями изъ университета и медико-хирургической академіи студентовъ, которые при этомъ высылались на родину. Будучи такимъ образомъ разсѣяна по всей Россіи, эта возбужденная масса молодежи направилась, если не сразу въ народъ, то въ публику, въ общество, гдѣ эти исключенные студенты начали немедленно пропаганду тѣхъ самыхъ идей и вопросовъ, которые они сами переживали въ послѣднее время.

1869 годъ и слѣдовавшіе за нимъ первые семидесятые годы какъ разъ являются годами зарожденія новыхъ, уже революціонныхъ и радикально-народническихъ настроеній въ молодой части русскаго общества.

Какъ разъ навстрѣчу этимъ новымъ настроеніямъ, которыя охватили тогда молодежь, явилась и въ печати удачная формулировка задачъ, которыя ставились новою жизнью передъ русскимъ обществомъ и передъ русской молодежью,—формулировка, сдѣланная тогда П. Л. Лавровымъ въ новомъ журналѣ „Недѣля“, издававшемся съ 1866 года д-ромъ Конради. Тогда Лавровъ, который въ началѣ шестидесятыхъ годовъ являлся очень умѣреннымъ по своимъ взглядамъ провозвѣстникомъ новыхъ философскихъ идей,—такъ что *противъ* него воевали радикальные „Современникъ“ и „Русское Слово“, въ особенности Писаревъ,—шагнулъ уже значительно влѣво. Несмотря на свои весьма зрѣлые годы,—онъ былъ въ это время отставнымъ сорокалѣтнимъ полковникомъ (ранѣе состоявшимъ профессоромъ артиллерійской академіи),—Лавровъ вообще очень былъ склоненъ къ эволюціонированію и постоянно двигался налѣво, стремясь сохранить связь съ молодымъ поколѣніемъ и тѣми задачами, которыя его волновали. И вотъ, въ 1868 году, въ статьяхъ, которыя Лавровъ писалъ изъ ссылки подъ довольно прозрачнымъ псевдонимомъ Миртова, онъ формулировалъ тѣ общія задачи, которыя по его мнѣнію ставились передъ русской интеллигенціей, при чемъ очень удачно связалъ внутреннія задачи борьбы за индивидуальность и освобожденіе своей собственной личности съ задачами общественными. Онъ писалъ: *„развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи, воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости, вотъ краткая формула, обнимающая все, что можно считать прогрессомъ“.*

Это какъ разъ и шло навстрѣчу тѣмъ настроеніямъ, которыя въ это время владѣли молодежью. Въ рядѣ своихъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Историческія письма“, исходя изъ этой формулы, Миртовъ указывалъ и условія, при которыхъ все это можетъ быть достигнуто и отсюда выводилъ и общественныя обязанности каждой „критически мыслящей личности“, какъ онъ выражался. На роль такой личности онъ смотрѣлъ, какъ на обязательную для нея уплату *цѣны прогресса*.

„Всякое цивилизованное меньшинство—писалъ онъ,—„которое не хотѣло стать цивилизующимъ въ самомъ об„ширномъ смыслѣ этого слова, несетъ отвѣтственность за „всѣ страданія современниковъ, которыя оно могло бы „устранить, если бы не ограничилось ролью представи„теля и хранителя цивилизаціи, а взяло бы на себя и „роль ея двигателя“.

„Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости“, какъ цѣль человѣческой дѣятельности, и обязательность стремленія къ достиженію этой цѣли давали молодежи то обоснованіе ея поведенія, которое въ тотъ моментъ было нужно и котораго Писаревъ какъ разъ не давалъ.

Позднѣе соціологическое ученіе Михайловскаго осуществило и развило задачу, поставленную Лавровымъ, гораздо болѣе сильно и ярко, но во всякомъ случаѣ первымъ русскимъ мыслителемъ, поставившимъ ее передъ русскимъ обществомъ, былъ именно Лавровъ; и надо сказать, что до такой степени его формула шла къ моменту, что даже хранитель прежнихъ враждебныхъ къ Лаврову писаревскихъ традицій, Шелгуновъ, который являлся тогда главою благосвѣтловскаго „Дѣла“,—и онъ, когда эти статьи Лаврова вышли отдѣльною книгою, помѣстилъ въ „Дѣлѣ“ особую статью, гдѣ, кое въ чемъ, правда, не соглашаясь съ Лавровымъ, горячо рекомендовалъ публикѣ его книгу, указывая на нее, какъ на выдающееся явленіе, какого давно не было въ нашей литературѣ.

Конечно, общая постановка вопроса, которую далъ Миртовъ въ своей формулѣ, была достаточно широка, и она была подхвачена молодежью, находившейся въ самыхъ разнообразныхъ настроеніяхъ. Вѣдь „воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости“ могло достигаться разными путями, и поэтому къ этой формулѣ могли присоединиться какъ рево-

люціонно настроенные люди, такъ и мирно народнически и демократически настроенные круги молодежи, которые могли подъ эту формулу подставлять работу на поприщѣ простого культурнаго развитія страны и въ особенности деревни.

Гораздо болѣе опредѣленную формулу въ политическомъ отношеніи, хотя и совершенно аналогичную Лавровской по существу, въ это время выставилъ за-границей самый выдающійся представитель тогдашней русской эмиграціи *М. А. Бакунинъ*. Въ 1868 году въ Женевѣ былъ основанъ русскій журналъ „Народное дѣло“ подъ редакціей Н. И. Жуковскаго, и въ первомъ же номерѣ этого журнала Бакунинъ выставилъ передъ передовой русской молодежью задачи, которыя, по его мнѣнію, ставились тогдашнимъ моментомъ, при чемъ первый пунктъ его программы совершенно соотвѣтствовалъ формулѣ Лаврова, съ той только разницей, что здѣсь были поставлены точки надъ і.

Въ первомъ пунктѣ ставилась задача освобожденія личности отъ всякихъ путъ, но при этомъ совершенно опредѣленно указывалось, что освобожденной можетъ считаться только та личность, которая освободилась и отъ религіозныхъ вѣрованій, въ которыхъ она воспитывалась, и стала атеистической, такъ что атеизмъ ставился во главу угла личнаго развитія. Что касается второго пункта программы, то здѣсь, какъ и у Лаврова, ставилась задача „воплощенія въ общественныхъ формахъ истины и справедливости“, но при этомъ раскрывались скобки и опредѣленно указывалось, что подъ истиной и справедливостью подразумѣвается опредѣленный общественный строй, въ которомъ не только должно быть достигнуто соціальное и экономическое освобожденіе народа, выражающееся въ упраздненіи всякой *наслѣдственной* собственности, въ передачѣ земли общинамъ земледѣльцевъ, а фабрикъ, капиталовъ и прочихъ орудій производства рабочимъ ассоціаціямъ, въ уравненіи правъ женщинъ съ мужчинами, упраздненіи брака и семьи и, наконецъ, въ общественномъ воспитаніи дѣтей,—этого мало: все это представлялось Бакунину достижимымъ только въ томъ случаѣ, если дѣло будетъ начато съ полнаго разрушенія государства. Именно типической чертой бакунинской программы являлся анархизмъ. Бакунинъ доказывалъ, что пока человѣчество будетъ жить и развиваться въ государственныхъ формахъ, до тѣхъ поръ дѣйствительное экономическое и соціальное осво-

божденіе является невозможнымъ, потому что,—какъ говорилъ онъ,—каковы бы ни были государственныя формы,—будь это ограниченная конституціонная монархія или даже демократическая республика,—во всякомъ случаѣ, самъ по себѣ государственный организмъ всегда основанъ на принужденіи и потому неминуемо ведетъ къ неравенству и господству одной соціальной группы или класса надъ другими.

Поэтому, по мнѣнію Бакунина, безъ разрушенія государства недостижимъ никакой дѣйствительный прогрессъ и въ сферѣ соціально-экономической. Вы видите, такимъ образомъ, что Бакунинъ ставилъ дѣло чрезвычайно рѣзко и непримиримо революціонно, а при томъ обостренномъ настроеніи, которое въ это время охватывало молодежь, самая эта рѣзкость и непримиримость особенно нравились и формула его представлялась для многихъ гораздо болѣе подходящей, чѣмъ неопредѣленная и отвлеченная формула Лаврова, которая на первыхъ порахъ производила такое благопріятное впечатлѣніе.

Уже въ зиму 1868—9 года программа, выставленная Бакунинымъ, дѣятельно обсуждалась между студентами [1]). Мы видимъ, что тутъ опредѣленно идутъ споры о томъ, стбитъ ли при существующихъ условіяхъ даже учиться; указывается, опять-таки со словъ Бакунина, что всякое ученіе, всякая наука, въ данное время есть только трата народныхъ средствъ, что собственно передача знаній и культуры народу невозможна до тѣхъ поръ, пока народъ не будетъ освобожденъ,—въ бакунинскомъ смыслѣ слова,—а пока этого нѣтъ, до тѣхъ поръ не стоитъ и учиться. Поэтому Бакунинъ рекомендовалъ бросать университеты и идти въ народъ и подымать его,—не въ смыслѣ сообщенія ему знаній и идей, а прямо въ смыслѣ бунта противъ существующаго порядка вещей, потому что пока этотъ порядокъ не будетъ опрокинутъ и сброшенъ, до тѣхъ поръ,—по его мнѣнію,—невозможно никакое правильное общественное развитіе.

Вскорѣ въ средѣ самой молодежи является новый, свой собственный провозвѣстникъ революціонныхъ идей, который, не

---

[1]) Сравн. статью г. *Сватикова* въ „Историческомъ сборникѣ“ „Наша страна“ (Спб. 1907 г.): „Студенческое движеніе 1869 года (Бакунинъ и Нечаевъ)“, стр. 165 и слѣд.

смотря на всю крайность постановки вопросовъ Бакунинымъ, пошелъ еще дальше. Это былъ *Нечаевъ*, который въ это время былъ юношей 23-хъ лѣтъ. Онъ былъ учителемъ народной школы и въ то же время вольнослушателемъ университета. Онъ очень быстро овладѣлъ умами окружавшей его молодежи, такъ какъ былъ человѣкомъ такой чрезвычайной энергіи, что она покоряла ему даже людей и вполнѣ зрѣлаго возраста. Такъ, напримѣръ, въ числѣ его послѣдователей былъ сорокалѣтній писатель Прыжовъ, который прямо говорилъ, что такого, покоряющаго себѣ людей, человѣка, какъ Нечаевъ, ему никогда не приходилось встрѣчать. Нечаевъ вскорѣ бѣжалъ за-границу и тамъ произвелъ на Бакунина такое впечатлѣніе, что тотъ самъ готовъ былъ во многомъ ему подчиниться и пытался такъ же расположить и Герцена, но Герценъ рѣзко отъ этого уклонился. Бакунину удалось, однако, подчинить вліянію Нечаева Огарева и на время дѣтей Герцена и убѣдить ихъ послѣ смерти Герцена, который умеръ какъ разъ въ это время (въ январѣ 1870 года), передать Нечаеву хранившіяся у нихъ общественныя деньги. Лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ Бакунинъ рѣшительно разочаровался въ Нечаевѣ.

На молодежь Нечаевъ производилъ чрезвычайное впечатлѣніе, прямо гипнотизируя ее; а благодаря своему чрезвычайному властолюбію онъ желалъ вполнѣ захватить въ свои руки все движеніе, и такъ какъ настоящихъ идейныхъ данныхъ у него для этого не было, то онъ попробовалъ сдѣлать это внѣшними средствами, пустивъ въ ходъ мистификаціи и цѣлый рядъ самыхъ безсовѣстныхъ обмановъ, которые въ значительной степени ему удавались. Такъ, чтобы создать себѣ большій ореолъ, онъ распустилъ слухъ, что былъ арестованъ и бѣжалъ самымъ романтическимъ образомъ изъ крѣпости. Но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было; онъ просто уѣхалъ изъ Петербурга заграницу. Здѣсь, сблизившись съ Бакунинымъ и Огаревымъ, онъ требовалъ отъ нихъ, чтобы они его афишировали и, какъ я сказалъ, они оба временно вполнѣ подпали подъ его вліяніе.

Въ основу системы, которую развивалъ Нечаевъ, былъ положенъ принципъ крайняго политическаго іезуитизма. Нечаевъ считалъ, что революціонеръ имѣетъ право для своихъ цѣлей наплевать на всѣ нравственные принципы, имѣетъ право всѣхъ обманывать, убивать и обворовывать, что ему не заказаны

никакіе пути, лишь бы они вели къ его цѣли; при этомъ онъ считалъ выгоднымъ и желательнымъ въ интересахъ прочности своей „организаціи“ обезпечить себѣ возможность во всякое время компрометировать близкихъ, окружающихъ его лицъ. Съ этою цѣлью онъ считалъ возможнымъ выкрадывать ихъ письма, записки, компрометирующіе ихъ документы, въ особенности, чтобы держать въ рукахъ даже такихъ лицъ, которыя въ немъ разочаровались.

Совершенно соотвѣтствовалъ этому и строй его организаціи, который онъ заимствовалъ у Бабефа и бабувистовъ. Это строй замкнутыхъ „пятерокъ“, которыя образовывались такимъ образомъ, что каждая пятерка знала одно лицо, стоявшее выше ея; эти высшія лица опять должны были принадлежать къ какой-нибудь высшей „пятеркѣ“, которая построена была по тому же принципу, и такимъ образомъ организація восходила до верху, а вверху былъ таинственный „комитетъ“, котораго на самомъ дѣлѣ не существовало, но которому, т.-е. въ сущности Нечаеву, пятерки должны были безпрекословно повиноваться. И вотъ, образовавъ въ Москвѣ такую пятерку изъ пяти молодыхъ людей: Успенскаго, Прыжова, Николаева, Кузнецова и Иванова, Нечаевъ замѣтилъ, что одинъ изъ членовъ этой пятерки, студентъ Ивановъ, начинаетъ критически къ нему относиться. Тогда онъ, не колеблясь, приказалъ остальнымъ членамъ пятерки немедленно убить Иванова, какъ якобы шпіона, совершенно сознательно расчитывая, что, разъ совершенное, преступленіе это подчинитъ ему въ полное рабство всѣхъ его участниковъ. И Нечаевъ добился своего: студентъ Ивановъ былъ убитъ. Но дѣло вскорѣ раскрылось, и процессъ этой пятерки явился процессомъ „нечаевщины“ вообще, привлекшимъ 87 человѣкъ на скамью подсудимыхъ, при чемъ 33 человѣка было присуждено къ разнымъ наказаніямъ, а остальные хотя и оправданы, но многіе изъ нихъ попали затѣмъ въ ссылку административнымъ порядкомъ.

Когда личность Нечаева и его система достаточно уяснились Бакунину, то онъ старался отъ него всячески отгородиться и разоблачить его въ глазахъ другихъ лицъ и организацій. Но дѣло было сдѣлано: Нечаевъ успѣлъ достаточно рѣзко проявить себя и свою политику въ основанномъ имъ обществѣ „Народной расправы“, и надо сказать, что этотъ эпизодъ рус-

скаго революціоннаго движенія чрезвычайно пагубно отразился на репутаціи и развитіи революціонныхъ идей вообще, и мы видимъ, что уже въ 1872 году, черезъ годъ послѣ процесса „нечаевцевъ", великій русскій писатель, самъ бывшій революціонеръ,—Достоевскій—написалъ цѣлый романъ „Бѣсы", въ основу котораго положена была исторія „нечаевщины". Но при этомъ Достоевскій обобщилъ это уродливое явленіе на всѣхъ революціонеровъ и на современное ему революціонное движеніе вообще, и поэтому, конечно, вызвалъ противъ своего романа большое негодованіе въ радикальныхъ сферахъ, выразителемъ котораго явился молодой публицистъ „Отечественныхъ Записокъ" Н. К. Михайловскій, о которомъ я уже упоминалъ. Михайловскій, соглашаясь, что, конечно, ни одной минуты нельзя защищать Нечаева и его системы, рѣзко протестовалъ въ то же время противъ попытки Достоевскаго обобщить эти принципы на все начинавшееся тогда новое революціонное движеніе.

Какъ разъ въ это же время, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ противовѣсъ нечаевскому направленію въ молодежи возникло совершенно иное теченіе, выражавшееся сообществомъ молодыхъ людей, составившихъ кружокъ вокругъ одного только что кончившаго университетъ молодого человѣка Н. В. Чайковскаго,—кружокъ, который и получилъ по его имени названіе кружка „чайковцевъ".

Вотъ какъ описываетъ князь П. А. Кропоткинъ въ своихъ „Запискахъ революціонера" возникновеніе этого кружка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ подобныхъ кружковъ того времени:

„Во всѣхъ городахъ, во всѣхъ концахъ Петербурга „возникали кружки саморазвитія. Здѣсь тщательно изу- „чались труды философовъ, экономистовъ и молодой школы „русскихъ историковъ. Чтеніе сопровождалось безконеч- „ными спорами. Цѣлью всѣхъ этихъ чтеній и споровъ „было—разрѣшить великій вопросъ, стоявшій передъ мо- „лодежью: *какимъ путемъ она можетъ быть наиболѣе „полезна народу?* И постепенно она приходила къ выводу, „что существуетъ лишь одинъ путь: *нужно итти въ на- „родъ и жить его жизнью.* Молодые люди отправлялись „поэтому въ деревню, какъ врачи, фельдшера, народные „учителя, волостные писаря. Чтобы еще ближе сопри- „коснуться съ народомъ, многіе пошли въ чернорабочіе,

„кузнецы, дровосѣки. Дѣвушки сдавали экзаменъ на на-
„родныхъ учительницъ, фельдшерицъ, акушерокъ и сот-
„нями шли въ деревню, гдѣ беззавѣтно посвящали себя
„служенію бѣднѣйшей части народа. У всѣхъ ихъ не было
„никакой еще мысли о революціи, о насильственномъ пе-
„реустройствѣ общества по опредѣленному плану. Они
„просто желали обучить народъ грамотѣ, просвѣтить его,
„помочь ему какимъ-нибудь образомъ выбраться изъ тьмы
„и нищеты и въ то же время узнать у самого народа,
„каковъ *его* идеалъ лучшей соціальной жизни".

Эти воспоминанія писаны были черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ той эпохи, и поэтому многое въ нихъ, такъ сказать, хронологически соединилось; явилась, можетъ быть, нѣкоторая хронологическая аберрація; поэтому можно сдѣлать нѣкоторыя оговорки къ тому, что здѣсь говоритъ Кропоткинъ; можно указать, что нѣкоторые изъ членовъ такихъ кружковъ были уже революціонерами съ самаго начала: мы видимъ, напримѣръ, изъ „Записокъ" другого виднаго чайковца, Л. Э. Шишко, что онъ еще юнкеромъ былъ пріобщенъ къ революціоннымъ идеямъ. Точно также и нѣкоторые другіе приходили въ эти кружки уже съ опредѣленными революціонными идеями. Но во всякомъ случаѣ, даже процессы конца семидесятыхъ годовъ подтверждаютъ, что очень многіе изъ народниковъ, шедшихъ въ серединѣ 70-хъ годовъ въ народъ, шли туда съ вполнѣ мирными намѣреніями. Вотъ что говорила одна изъ привлеченныхъ къ процессу 50-ти, разбиравшемуся въ 1876 году, С. И. Бардина, на судѣ:

„Я, господа, принадлежу къ разряду тѣхъ людей, ко-
„торые между молодежью извѣстны подъ именемъ мир-
„ныхъ пропагандистовъ. Задача ихъ—внести въ сознаніе
„народа идеалы лучшаго, справедливѣйшаго обществен-
„наго строя, или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже
„коренятся въ немъ безсознательно; указать ему недо-
„статки настоящаго строя, дабы въ будущемъ не было
„тѣхъ же ошибокъ; но когда наступитъ это будущее, мы
„не опредѣляемъ и не можемъ опредѣлить, ибо конечное
„его осуществленіе отъ насъ не зависитъ. Я полагаю, что
„отъ такого рода пропаганды до подстрекательства къ
„бунту еще весьма далеко..." „...Обвиненіе называетъ

„насъ—говорила она же—политическими революціонерами; „но если бы мы стремились произвести политическій coup „d'état, то мы не такъ стали бы дѣйствовать; мы не по„шли бы въ народъ, который еще нужно подготовлять да „развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные „элементы между образованными классами. Это было бы „цѣлесообразнѣе, но дѣло-то именно въ томъ, что мы къ „такому coup d'état вовсе не стремимся..."

Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ чайковцы еще совсѣмъ не стремятся ни къ революціи, ни къ бунтамъ во что бы то ни стало, а стремятся скорѣе всего къ культурной народнической пропагандѣ. Поэтому ихъ первыми задачами являются, съ одной стороны, общеніе съ народомъ,—почему они и переодѣваются въ крестьянское платье, стараются опроститься,—съ другой стороны, распространеніе среди народныхъ массъ какъ можно большихъ знаній и, въ особенности, своихъ собственныхъ соціальныхъ идей. Въ первые годы существованія кружка ихъ дѣятельность заключается главнымъ образомъ въ распространеніи среди народа и интеллигенціи,—такъ какъ они старались расширить и свой собственный кругъ,—соотвѣтствующей литературы. Очевидно, что эти ихъ задачи по существу были аполитичны и не предполагали какихъ-либо рѣзкихъ дѣйствій. Мы видимъ въ это время среди чайковцевъ людей очень разнообразныхъ политическихъ взглядовъ: между прочимъ и конституціоналистовъ, а на ряду съ ними и людей, совершенно не интересующихся политическими задачами и все сводящихъ къ экономической и соціальной сторонѣ жизни, къ задачамъ улучшенія положенія народныхъ массъ. Послѣдніе взгляды становятся мало-по-малу въ ихъ кругу господствующими.

Среди сочиненій, которыя они распространяли, мы видимъ, прежде всего „Капиталъ" Маркса, I-й томъ котораго былъ въ это время переведенъ на русскій языкъ (1872), статьи Чернышевскаго, Добролюбова, „Историческія письма" Миртова, „Положеніе рабочаго класса" Флеровскаго и, наконецъ, якобы для народа составленную „Азбуку соціальныхъ наукъ" того же автора, которая, однако, для народа несомнѣнно не годилась, такъ какъ была изложена весьма тяжелымъ и запутаннымъ языкомъ. Эти книги вскорѣ же были изъяты, запрещены и

нѣкоторыя даже сожжены цензурнымъ комитетомъ; тогда чайковцы начали сходить съ легальной почвы и стали печатать маленькія, тоненькія брошюрки подпольнымъ путемъ. Для этого они завели типографію при помощи одного правительственнаго стенографа въ Москвѣ, Ипполита Мышкина.

Значительное мѣсто въ ранней дѣятельности чайковцевъ занимала пропаганда соціалистическихъ или, точнѣе говоря, анархистскихъ идей среди петербургскихъ рабочихъ. Въ этомъ отношеніи главнымъ лицомъ являлся князь П. А. Кропоткинъ, бывшій пажъ, аристократъ по происхожденію, прекрасно образованный офицеръ, — служившій съ самаго начала не въ гвардіи, а въ отдаленной Сибири, куда привлекла его любознательность и стремленіе къ изслѣдованію малоизвѣстнаго края. Вернувшись оттуда и ставши виднымъ членомъ географическаго общества, Кропоткинъ въ то же время сильно заинтересовался новыми для него соціальными вопросами, волновавшими молодежь. Въ 1871 году онъ былъ за-границей и очень много посѣщалъ тамъ рабочіе кружки и рабочія организаціи въ Германіи. Этотъ моментъ какъ разъ явился на Западѣ апогеемъ развитія Интернаціональнаго союза рабочихъ, гдѣ возникли тогда ожесточенныя распри между двумя теченіями, во главѣ одного изъ которыхъ стоялъ *Карлъ Марксъ*, а во главѣ другого нашъ соотечественникъ *Бакунинъ*. Эти два человѣка были совершенно противоположны другъ другу и можно сказать исключали другъ друга по вопросамъ тактики и даже программы. Идеи Маркса сводились, какъ вы знаете, къ тому, чтобы достичь въ отдаленномъ будущемъ водворенія правильнаго соціальнаго строя путемъ соціализаціи средствъ производства и осуществленія соціалистическихъ идей *при помощи государства*, при чемъ передъ пролетаріатомъ, передъ рабочими, какъ классомъ, ставилась опредѣленная задача завоеванія государственной власти, можетъ быть даже въ формѣ диктатуры пролетаріата, о которой впослѣдствіи мечтали нѣкоторые изъ послѣдователей Маркса—диктатуры установленной при помощи вооруженнаго возстанія, или же путемъ длительной парламентской борьбы,—этотъ вопросъ могъ разрѣшиться различно,—но важно было именно завоеваніе государственной власти для осуществленія того идеала соціальнаго устройства, къ которому стремилась вся организація, во главѣ которой стоялъ самъ Марксъ.

При этомъ Марксъ, отправляясь въ свой весьма длительный путь, считалъ, что для всякой страны неизбѣжно пережить, пройти періодъ капиталистическаго развитія, и полагалъ даже, что капиталистическій строй является для рабочихъ въ данное время прекрасной школой, дисциплинирующей и подготовляющей ихъ къ *общественному* веденію производства и къ самой борьбѣ за свои классовые интересы. Такова была точка зрѣнія Маркса. Бакунинъ держался совершенно противоположной точки зрѣнія; онъ, какъ вы видѣли, совершенно отрицалъ, прежде всего, государство; онъ считалъ, что всякая личность и всякій кругъ личностей, которыя желаютъ достичь экономическаго улучшенія положенія народныхъ массъ и возможности правильнаго экономическаго и соціальнаго развитія, прежде всего, должны признать главнымъ врагомъ государство, каково бы оно ни было,— будетъ ли оно самой благоустроенной конституціонной монархіей, или даже демократической республикой.

Такимъ образомъ Бакунинъ и Марксъ неизбѣжно взаимно исключали другъ друга, и между ними дѣйствительно вспыхнула ожесточенная борьба въ нѣдрахъ Интернаціонала не на жизнь, а на смерть. Когда Бакунинъ былъ исключенъ изъ Интернаціонала, то за него всталъ цѣлый рядъ секцій, въ особенности въ романскихъ странахъ Западной Европы, и кончилось дѣло, какъ извѣстно, гибелью самого Интернаціонала въ этой междуусобной борьбѣ. Попавъ въ самую гущу этихъ споровъ и раздоровъ въ соціалистическомъ движеніи Западной Европы, Кропоткинъ рѣшительно сталъ на сторону Бакунина, признавъ, что дѣйствительно основнымъ вопросомъ ближайшаго будущаго является вопросъ полнаго упраздненія существующаго государственнаго строя. Онъ считалъ, какъ и Бакунинъ, что только тогда можетъ быть дѣйствительно достигнуто освобожденіе народныхъ массъ и освобожденіе труда въ коммунистическихъ или соціалистическихъ формахъ, когда будетъ уничтожено современное государство и на его мѣсто возникнутъ различные федеративные союзы, которые будутъ построены снизу вверхъ, въ видѣ свободной федераціи мельчайшихъ, соціалистическихъ или коммунистическихъ, общинъ.

Принеся съ собою эти идеи въ кружокъ чайковцевъ, Кропоткинъ сталъ дѣятельно ихъ развивать, какъ въ своемъ кружкѣ, такъ и въ другихъ образовавшихся въ это время

кружкахъ революціонно настроенной молодежи. Мы видимъ, что тѣ студенты, которые были подвергнуты исключенію изъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ особенности въ 1869 году, во многихъ мѣстахъ подготовили въ провинціи среди воспитанниковъ старшихъ классовъ гимназій, среди своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ, среди семинаристовъ и другой зеленой молодежи, значительные кадры будущаго революціоннаго движенія, и вотъ, параллельно съ кружкомъ чайковцевъ, развивается рядъ другихъ организацій, цѣлый рядъ такихъ революціонныхъ очаговъ. Мы видимъ и лицъ болѣе зрѣлыхъ поколѣній, которыя захватываются общимъ настроеніемъ молодежи и чрезвычайно энергично содѣйствуютъ этому движенію. Такъ предсѣдатель мглинскаго мирового съѣзда Коваликъ бросаетъ свою судейскую дѣятельность и сосредоточивается на организаціи такихъ кружковъ въ провинціи; въ короткое время онъ объѣхалъ нѣсколько губерній и образовалъ въ нихъ болѣе десяти революціонныхъ очаговъ. Другимъ такимъ лицомъ, съ которымъ Коваликъ вступилъ въ тѣсныя сношенія, былъ пензенскій помѣщикъ Войнаральскій, пожертвовавшій на дѣло революціонной пропаганды все свое состояніе,—около 40 тысячъ рублей—и самъ вошедшій въ дѣло организаціи такихъ кружковъ. Наконецъ, я уже упомянулъ о третьемъ такомъ лицѣ, Ипполитѣ Мышкинѣ, который, пользуясь положеніемъ правительственнаго стенографа, устроилъ у себя нелегальную типографію въ Москвѣ для изданій чайковцевъ.

Наряду съ этимъ мы видимъ, что и *за-границей* подготовляются значительные кадры революціонно настроенной молодежи. Часть тѣхъ студентовъ, которая была выкинута изъ русскихъ учебныхъ заведеній, отправилась туда. За-границу же массами отправлялись въ то время молодыя дѣвушки искать образованія, потому что вы видѣли, какъ трудно развивались формы женскаго образованія въ Россіи, а потребность въ немъ являлась уже чрезвычайно сильной, и вотъ, мы видимъ, что съ начала семидесятыхъ годовъ въ особенности въ Цюрихъ стекается масса интеллигентныхъ русскихъ дѣвушекъ и даже замужнихъ женщинъ,—чаще всего „фиктивно“ обвѣнчанныхъ. Надо сказать, что многіе родители тогда относились къ полученію высшаго образованія ихъ дочерьми отрицательно, и поэтому среди молодежи были распространены *фиктивные браки*,

спеціально съ цѣлью освобожденія женской молодежи отъ ферулы и власти родителей. Многія изъ этихъ молодыхъ женщинъ происходили изъ довольно зажиточныхъ дворянскихъ и буржуазныхъ семей. Иныя изъ нихъ привезли съ собою коекакія средства, и мы видимъ, что у цюрихской колоніи молодежи даже появляется свой домъ, купленный за 80.000 франковъ, гдѣ устраивается кухмистерская и происходятъ каждый день рефераты, доклады, чтенія и т. п.

Однимъ изъ постоянныхъ лекторовъ въ этой колоніи является П. Л. Лавровъ, который вскорѣ послѣ напечатанія своихъ „Историческихъ писемъ“ эмигрировалъ за границу. Онъ въ это время совершилъ уже въ значительной мѣрѣ дальнѣйшую эволюцію налѣво. Подчиняясь настроенію той самой революціонной молодежи, въ средѣ которой онъ въ это время вращался, онъ берется теперь за изданіе тутъ же за границей русскаго революціоннаго журнала. Сперва его программа не удовлетворяетъ окружающихъ; ее находятъ слишкомъ правой. Лавровъ пишетъ другую, болѣе лѣвую; она тоже бракуется; наконецъ онъ пишетъ третью, еще болѣе лѣвую программу и она принимается.

Собственно Лавровъ, съ точки зрѣнія настоящихъ революціонеровъ, являлся неудачнымъ редакторомъ этого журнала, потому что у него не было того внутренняго революціоннаго огня, который для веденія такого изданія требовался, но зато у него былъ огромный запасъ эрудиціи, большая вдумчивость и большая готовность подчиняться потребностямъ минуты и идти навстрѣчу возникающимъ запросамъ. Итакъ, возникаетъ журналъ „Впередъ“. Въ это время Лавровъ въ нѣкоторомъ смыслѣ принялъ бакунинскую программу, т.-е. призналъ то положеніе, что никакое соціальное развитіе, никакое серьезное улучшеніе экономическаго положенія народныхъ массъ, невозможно при наличности государства. Поэтому онъ призналъ, что идеальнымъ строемъ въ будущемъ является строй федеральноанархическій, но относительно близости этого строя и методовъ его осуществленія и завоеванія онъ, въ сущности, кореннымъ образомъ расходился съ Бакунинымъ. Лавровъ утверждалъ, что между этимъ отдаленнымъ идеаломъ и между настоящимъ безобразнымъ положеніемъ Россіи, да и всей Европы, существуетъ цѣлый рядъ промежуточныхъ формъ, которыя неизбѣжны и которыхъ избѣжать при помощи одного натиска невоз-

можно. Поэтому онъ считалъ, что путь для проведенія соціальной революціи есть путь все-таки постепенный; онъ считалъ, что для даннаго момента, для человѣка, обрекшаго себя на служеніе этому политическому и соціальному идеалу будущаго, нужно, прежде всего, и самому многому научиться и самого себя преобразовать, а съ другой стороны, по отношенію къ народнымъ массамъ являться прежде всего воспитателемъ и пропагандистомъ. Поэтому Лавровъ рисовалъ передъ молодежью столь же длительный путь, заключавшійся въ пропагандѣ и мирной подготовкѣ народныхъ массъ къ будущему возстанію и перевороту, какъ и путь Маркса, съ которымъ онъ расходился однако въ самомъ идеалѣ будущаго общественнаго строя.

Бакунинъ, конечно, со своей точки зрѣнія пылкаго и непримиримаго революціонера-анархиста, считалъ, что такимъ путемъ достичь ничего нельзя, что нужно начинать дѣло теперь же съ организаціи бунтовъ, что эти бунты, даже самые мелкіе, сами по себѣ являются лучшей пропагандой, и поэтому провозглашалъ „propagande par le fait“,—откуда пошло и названіе его послѣдователей „парлефетистами“. Это послѣднее теченіе имѣло на первыхъ порахъ болѣе успѣха, нежели новое лавровское, и „бакунистовъ-парлефетистовъ“ было гораздо больше среди тогдашней революціонной молодежи, нежели „впередовцевъ-лавристовъ“.

Какъ бы тамъ ни было, въ 1873 году и „лавристы“ и „бакунисты“ весьма интенсивно чувствовали необходимость приступить къ какой бы то ни было практической дѣятельности. Правительство со своей стороны ускорило ихъ выступленіе. До правительства тогда дошли слухи, что въ Цюрихѣ, гдѣ скопились описанные элементы молодежи, эта молодежь, подъ вліяніемъ злонамѣренныхъ пропагандистовъ быстро теряетъ всякую преданность не только существующему государственному строю, но и строю общественному, при чемъ между прочимъ пущены были въ ходъ и различныя инсинуаціи на счетъ свободы и распущенности половыхъ отношеній среди цюрихской молодежи и т. п.

Правительство рѣшилось тогда потребовать, чтобы слушаніе лекцій въ цюрихскомъ университетѣ этой молодежью было прекращено и чтобы къ 1 января 1874 года эта молодежь вернулась до-

мой, при чемъ правительство угрожало, что вернувшіеся позже этого срока лишатся всякой возможности устроиться въ Россіи, получить какой-нибудь заработокъ и т. д. Съ другой стороны правительство указывало, что само оно имѣетъ намѣреніе организовать высшее женское образованіе въ Россіи, и можно думать дѣйствительно, что въ значительной степени этими обстоятельствами, можетъ быть, объясняется то сравнительно снисходительное отношеніе реакціоннаго министра народнаго просвѣщенія Толстого, которое онъ проявилъ тогда, послѣ первыхъ рѣшительныхъ отказовъ, къ новымъ попыткамъ различныхъ общественныхъ организацій устроить такъ или иначе высшіе женскіе и смѣшанные курсы въ Россіи. Именно, въ виду угрозы, что молодежь найдетъ себѣ выходъ въ учебныхъ заведеніяхъ за границей, тогдашнее правительство рѣшило, повидимому, допустить лучше высшее женское образованіе, которому оно нимало не сочувствовало, въ Россіи, какъ „меньшее зло“, благодаря чему и явились тѣ первые курсы въ Москвѣ и Петербургѣ, о которыхъ я упоминалъ въ одной изъ предшествовавшихъ лекцій.

Какъ бы то ни было, молодежь, получивъ правительственное предупрежденіе, рѣшила къ нему отнестись очень своеобразно; она рѣшила, что въ личной формѣ противъ этого нарушенія своихъ правъ протестовать не стоитъ, и, такъ какъ всѣ ея идеи сводились въ концѣ-концовъ къ служенію народнымъ нуждамъ, то цюрихскіе студенты и студентки признали, что насталъ именно моментъ, когда протестовать надо, идя въ народъ и, именно, не для завоеванія себѣ права получать высшее образованіе, а для улучшенія судьбы народа. Однимъ словомъ, молодежь сочла такимъ образомъ, что этими правительственными распоряженіями ей данъ сигналъ двинуться въ народъ, и, дѣйствительно, мы видимъ, что весной 1874 года спѣшно совершается общее движеніе въ народъ молодежи, какъ по командѣ, хотя и разрозненными группами.

Къ этому времени подготовились, какъ я уже сказалъ, и въ Россіи значительные кадры болѣе или менѣе революціонно настроенной молодежи, желавшей начать новую жизнь въ народѣ, гдѣ одни мечтали дѣлать свою пропаганду при помощи бунтовъ, другіе просто производить пропаганду соціальныхъ идей, которыя, по ихъ мнѣнію, вполнѣ соотвѣтствовали кореннымъ взгля-

дамъ и запросамъ самого народа, при чемъ эти послѣдніе слѣдовало лишь лучше выяснить и вызвать наружу. Большинство, впрочемъ, стало дѣйствовать на первыхъ порахъ довольно мирно, что обусловливалось прежде всего и тою неподготовленностью народа къ воспріятію ихъ идей, которую они неожиданно для себя встрѣтили. Между тѣмъ двинулись въ народъ они, можно сказать, самымъ наивнымъ образомъ, безъ принятія какихъ бы то ни было предохранительныхъ мѣръ противъ обнаруженія ихъ движенія полиціей, какъ бы игнорируя существованіе полиціи въ Россіи. Хотя они почти всѣ переодѣлись въ крестьянское платье, а нѣкоторые и запаслись фальшивыми паспортами, но дѣйствовали при этомъ такъ неумѣло и наивно, что обращали на себя общее вниманіе въ первую же минуту своего появленія въ деревнѣ.

Черезъ 2—3 мѣсяца послѣ начала движенія уже начато было то слѣдствіе противъ этихъ пропагандистовъ, которое дало поводъ и матеріалъ графу Палену составить обширную записку, откуда мы видимъ, что кадры молодежи, двинувшейся въ народъ, были довольно обширны. Очень немногіе двинулись въ качествѣ фельдшерицъ, акушерокъ и волостныхъ писарей и могли болѣе или менѣе прикрыться этими формами отъ немедленнаго вмѣшательства полицейской власти, большинство же двинулось въ качествѣ бродячихъ чернорабочихъ, при чемъ, конечно, они очень мало походили на дѣйствительныхъ чернорабочихъ и, разумѣется, народъ это чувствовалъ и видѣлъ; отсюда иногда возникали смѣхотворныя сцены, впослѣдствіи описанныя Степнякомъ-Кравчинскимъ.

Благодаря полной неподготовленности и неприкрытости этого движенія отъ взоровъ полиціи въ маѣ мѣсяцѣ уже многіе изъ нихъ сидѣли по тюрьмамъ. Нѣкоторые, правда, были довольно быстро выпущены, но нѣкоторые просидѣли 2 — 3 — 4 года и эти аресты дали основаніе въ концѣ-концовъ большому процессу 193-хъ, который разбирался лишь въ 1877 году.

По запискѣ графа Палена можно судить приблизительно о размѣрахъ движенія: въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ къ дѣлу было привлечено въ 37 губерніяхъ 770 человѣкъ, изъ нихъ 612 мужчинъ и 158 женщинъ. 215 человѣкъ были заключены въ тюрьму и просидѣли большею частью по нѣсколько лѣтъ, а остальные были оставлены на свободѣ; конечно, нѣкоторые и

вовсе ускользнули, такъ что число двинувшихся въ народъ надо считать больше, чѣмъ по офиціальному слѣдствію.

Тутъ были привлечены главные организаторы движенія: Коваликъ, Войнаральскій, цѣлый рядъ дѣвушекъ изъ дворянскихъ семействъ, какъ Софья Перовская, В. Н. Батюшкова, Н. А. Армфельдъ, Софья Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ. Были купеческія дочери, какъ три сестры Корниловы, и цѣлый рядъ другихъ лицъ разныхъ состояній и званій отъ кн. Кропоткина и до простыхъ рабочихъ включительно.

Паленъ съ ужасомъ констатировалъ, что общество не только не оказывало отпора этому движенію, что не только многіе солидные отцы и матери семействъ оказывали революціонерамъ гостепріимство, но иногда сами денежно имъ помогали. Палена въ высшей степени изумляло это положеніе вещей; онъ не понималъ, что общество не могло сочувствовать укоренившейся въ Россіи реакціи, отъ которой оно терпѣло всяческія стѣсненія, и что поэтому цѣлый рядъ лицъ, даже солиднаго возраста и положенія, радушно и гостепріимно относились къ пропагандистамъ, даже нисколько не раздѣляя ихъ взглядовъ.

Однако же для народниковъ весь этотъ походъ въ народъ кончился неудачей и при томъ не столько благодаря тому, что ихъ сейчасъ же арестовали, сколько потому, что съ народомъ они не вошли въ соприкосновеніе. Крестьяне во многихъ мѣстахъ ихъ просто-напросто чуждались, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже выдавали, а кое-гдѣ проявили и рѣзко враждебное къ нимъ отношеніе. Поэтому, когда этотъ первый походъ такъ несчастливо ликвидировался, при чемъ все-же значительные кадры народниковъ остались на свободѣ, одни подъ надзоромъ, а нѣкоторые и совсѣмъ незамѣченные полиціей, то между революціонерами начались разговоры о томъ, какъ же быть дальше, и мало-по-малу они пришли къ мысли о необходимости болѣе прочной организаціи. Мы видимъ уже въ 1876 году двѣ попытки такой организаціи. Одна попытка была осуществлена въ Москвѣ; она была результатомъ многолѣтняго сотрудничества и содружества кружка, составившагося изъ нѣсколькихъ воспитывавшихся за границей молодыхъ дѣвушекъ, которыя сблизились тамъ съ кружкомъ кавказцевъ-студентовъ, во главѣ котораго стоялъ студентъ Джабадари; они то и составили группу мирныхъ народниковъ-пропагандистовъ, которая фигурировала

въ 1877 году въ такъ называемомъ „процессѣ 50-ти". Въ эту группу входили между прочимъ Л. Н. Фигнеръ, В. И. Александрова-Натансонъ, Джабадари и нѣсколько московскихъ рабочихъ, въ частности Петръ Алексѣевъ, который сказалъ на судѣ пламенную и произведшую большое впечатлѣніе рѣчь.

Но эта попытка организаціи не имѣла большого значенія; гораздо большее значеніе имѣла другая попытка—въ Петербургѣ, гдѣ было положено начало образованію уже совершенно оформленнаго сообщества народниковъ-революціонеровъ, впослѣдствіи получившаго наименованіе, подъ которымъ оно и извѣстно въ исторіи: „Земля и воля".

Во главѣ этого общества стояли Маркъ Натансонъ, жена его Ольга Натансонъ, Александръ Михайловъ, и въ него же входили остатки кружка чайковцевъ и другіе народники, уцѣлѣвшіе отъ арестовъ. Это общество получило довольно детально разработанную организацію. Исходнымъ пунктомъ принятой имъ программы было положеніе, что только *экономическая революція снизу* при посредствѣ самого народа можетъ привести къ окончательной и полной замѣнѣ современнаго строя болѣе справедливой *и согласной съ народными идеалами* общественной организаціей.

Поэтому операціоннымъ базисомъ своей дѣятельности народники-революціонеры, объединившіеся въ обществѣ „Земля и воля", считали обязательно народную массу. Дѣятельность въ народѣ сводилась къ слѣдующимъ видамъ: 1) *организаціонная дѣятельность*, имѣвшая въ виду созданіе въ народѣ такой сознательно и планомѣрно дѣйствующей боевой дружины, которая, концентрируя въ себѣ всѣ матеріальныя и духовныя орудія борьбы, могла бы, въ благопріятный моментъ, или сама вызвать всеобщее возстаніе, или же, въ случаѣ самопроизвольнаго его возникновенія, утилизировать его для народныхъ цѣлей.

Но такъ какъ для этого требовался цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ,—къ признанію чего склонился передъ смертью (въ 1876 г.) и самъ Бакунинъ,—то предполагались: 2) *агитаціонная дѣятельность*, которая направлялась бы къ образованію необходимой обстановки. Агитація при этомъ предполагалась двоякая: *пассивная* (подача прошеній, посылка ходоковъ, забастовки, отказъ отъ платежа податей и проч.) и *активная* (бунты и возстанія), которая, однако, примѣнена была только

въ одномъ мѣстѣ и то при помощи подложныхъ манифестовъ,— именно, въ Чигиринѣ (извѣстное дѣло Стефановича и Дейча).

3) *Установленіе правильныхъ сношеній съ имѣющимися уже готовыми организаціями въ народѣ* (раскольничьими и сектантскими). 4) *Пропаганда идей революціоннаго народничества въ средѣ общества, молодежи и городскихъ рабочихъ*, съ цѣлью увеличить число „критически-мыслящихъ“ и сознательно дѣйствующихъ поборниковъ народа. Этими четырьмя пунктами исчерпывалась—по словамъ О. В. Аптекмана—сущность тактической землевольской программы.

Затѣмъ наряду съ этой программой выработанъ былъ и опредѣленный уставъ, при чемъ въ основу организаціи положена была та основная группа, которая составила этотъ уставъ, въ Петербургѣ, а затѣмъ, по рекомендаціи ея членовъ, въ общество могли попадать посторонніе элементы; изъ этой основной группы должна была рекрутироваться вся администрація общества, которая такъ и называлась „администраціей“ и которая вѣдала всѣ дѣла общества; при ней была особая „небесная канцелярія“ для изготовленія фальшивыхъ паспортовъ; затѣмъ были особыя группы для пропаганды среди молодежи и рабочихъ и, кромѣ того, особая „*дезорганизаторская*“ группа, задачей которой являлось вслѣдствіе участившихся столкновеній съ правительствомъ, а также для борьбы съ предателями и провокаторами, примѣненіе вооруженной силы. Наконецъ, для непосредственной пропаганды и организаціи въ народѣ была основана особая, наиболѣе важная и многолюдная группа, такъ называемые „*деревенщики*“.

Дезорганизаторская группа мало-по-малу расширяется и она создастъ, какъ вы увидите, основаніе для уже совершенно террористической партіи „Народной воли“, о которой мнѣ еще придется говорить вамъ.

Первымъ проявленіемъ организаціи „Земли и воли“ было устройство довольно грандіозной по замыслу демонстраціи, которая, однако, свелась на дѣлѣ къ очень скромнымъ размѣрамъ. Это была демонстрація 6-го декабря 1876 года, устроенная у Казанскаго собора, при чемъ предполагалось, что въ ней будутъ участвовать тысячи рабочихъ. Нашелся и ораторъ, тогда молодой человѣкъ, и нынѣ здравствующій извѣстный теперь предводитель русскихъ соціалъ-демократовъ, Г. В. Плеха-

новъ; было выкинуто знамя съ надписью „Земля и воля“,— лозунгъ, какъ казалось манифестантамъ, понятный и близкій народу, но, въ дѣйствительности, столичнымъ народомъ совсѣмъ не понятый. Полиція, пользуясь малочисленностью демонстраціи (собралось не болѣе 200—300 человѣкъ), направила на нее дворниковъ и сидѣльцевъ мелочныхъ лавокъ, и демонстрація была легко разсѣяна. 20 человѣкъ были схвачены и по процессу, который происходилъ всего черезъ полтора мѣсяца, были наказаны самыми суровыми карами; нѣкоторые были сосланы въ каторгу на 5—10 лѣтъ, и минимумомъ наказанія была ссылка на поселеніе.

Таково было первое публичное выступленіе группы революціонеровъ-народниковъ, за которыми вскорѣ укрѣпилось наименованіе общества „Земли и воли“. Самая многочисленная группа этого общества—такъ называемые „деревенщики“,—упорно продолжала дѣлать попытки водвориться среди народа и завязать въ народѣ болѣе прочныя и постоянныя связи. Наученные горькимъ опытомъ 1874 года, они перемѣнили значительно тактику: стали дѣйствовать гораздо осторожнѣе и осмотрительнѣе, являлись въ деревню не въ качествѣ бродячихъ чернорабочихъ, которымъ крестьяне всюду оказывали такое недовѣріе, а пытались завести въ разныхъ мѣстахъ болѣе постоянныя и солидныя поселенія подъ видомъ мелкихъ промышленныхъ предпріятій, или же селились въ деревнѣ въ качествѣ волостныхъ писарей, фельдшеровъ, акушерокъ, иногда учителей, при чемъ заводили съ крестьянами на этой почвѣ связи исподволь, не позволяя себѣ рѣзко обнаруживать свои истинныя тенденціи и взгляды и не приступая слишкомъ стремительно къ пропагандѣ. Но и такіе пріемы, хотя и предохраняли ихъ отъ слишкомъ быстрыхъ крушеній и проваловъ, очень мало подвигали ихъ къ цѣли, въ концѣ-концовъ заставляя все яснѣе и безнадежнѣе убѣждаться въ полной неподготовленности народа къ воспріятію ихъ идей и въ невозможности достигнуть успѣха своего дѣла при данномъ уровнѣ народнаго развитія. Оставалось, слѣдовательно: или, отложивъ въ сторону всякіе революціонные планы и помыслы, обратиться чуть не на всю жизнь въ мирныхъ культуртрегеровъ, или уходить изъ деревни, махнувъ на нее рукой, и приниматься за дѣло „съ другого конца“. Трудности, которыя приходилось имъ переживать, грубыя преслѣдованія и го-

ненія, которымъ подвергало ихъ правительство, и растущее раздраженіе противъ этихъ репрессій и ничѣмъ нестѣсняемаго произвола полицейскихъ и административныхъ властей,—все это неизбѣжно должно было склонить ихъ ко второму выходу, при чемъ передъ ними все яснѣе ставилась задача, прежде чѣмъ вести безплодную, при данныхъ условіяхъ, пропаганду въ деревнѣ, завоевать себѣ тѣ элементарныя условія общественной жизни, при которыхъ свободное общеніе съ народомъ, свободная и широкая пропаганда въ немъ своихъ идей сдѣлается для нихъ возможной и плодотворной. Обстоятельства складывались такимъ образомъ, что среди народниковъ-революціонеровъ „Земли и воли“ все болѣе и болѣе должны были рѣдѣть ряды „деревенщиковъ“ и все сильнѣе должна была, наоборотъ, расти и развиваться дѣятельность „дезорганизаторской“ группы, которая мало-по-малу изъ „охранительнаго отряда“ превращается въ концѣ 70-хъ годовъ въ знаменитый „исполнительный комитетъ“, возникшій первоначально среди кіевскихъ революціонеровъ, но затѣмъ вскорѣ привлекшій къ себѣ всѣ самыя активныя силы революціонеровъ и сдѣлавшій террористическую борьбу съ правительствомъ главною ихъ задачею, оттѣснившею на задній планъ народническія мечты и идеалы.

ЛЕКЦІЯ XXXVI.

Политика правительства на окраинахъ. Притѣсненія въ Малороссіи и Польшѣ. Внѣшняя политика правительства. Восточный вопросъ. Соперничество русскихъ и англійскихъ интересовъ въ Азіи. Завоеваніе Кавказа и среднеазіатскихъ ханствъ. Смуты въ Турціи. Движеніе балканскихъ славянъ. Сербская война и болгарская рѣзня. Переговоры великихъ державъ. Русско-турецкая война 1877—1878 годовъ. Ея ходъ и исходъ. Берлинскій конгрессъ. Экономическіе и финансовые результаты войны. Отставка Рейтерна. Впечатлѣніе войны и конгресса на русское общество. Славянофилы. Земское движеніе. Революціонное движеніе. Обращеніе правительства къ обществу. Выступленія земствъ. Образованіе партіи „Народной воли".

Въ прошлый разъ я познакомилъ васъ съ возникновеніемъ и развитіемъ народническихъ идей и народническаго революціоннаго движенія въ семидесятыхъ годахъ. Наряду съ этимъ революціоннымъ движеніемъ, наряду съ давнимъ ростомъ недовольства въ земскихъ либеральныхъ кругахъ, въ этотъ же пореформенный періодъ русской новѣйшей исторіи накоплялись элементы недовольства и раздраженія въ разныхъ краяхъ обширной Россійской имперіи на другой почвѣ, на почвѣ оскорбленія и преслѣдованія чувствъ различныхъ національностей, входящихъ въ составъ русскаго государства. Вездѣ на окраинахъ, подъ вліяніемъ руссификаторской политики, осуществлявшейся притомъ въ грубыхъ формахъ, возникали и развивались болѣзненно обостренные національные интересы и чувства.

Въ Малороссіи именно въ это время развилось такъ называемое украйнофильство, усилившееся и обострившееся подъ вліяніемъ преслѣдованій малороссійскаго языка, преслѣдованій, которыя начаты были еще при Николаѣ и которыя возобновились именно въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ, въ связи съ шовинистическимъ направленіемъ, возобладавшимъ въ правящихъ сферахъ и части общества и печати

послѣ подавленія польскаго возстанія. Въ это время какъ разъ Катковъ, который, какъ вы помните, именно послѣ польскаго возстанія сдѣлался ярымъ патріотомъ и шовинистомъ, сталъ писать форменные доносы на различныя національныя движенія и различныя проявленія стремленія негосударственныхъ національностей къ культурному самоопредѣленію. Эти доносы, клонившіеся главнымъ образомъ къ обвиненію такихъ національностей въ стремленіяхъ къ политическому сепаратизму, дѣйствовали довольно сильно на правящіе круги.

Такъ, напримѣръ, въ 1875 году, когда Катковъ спеціально сталъ преслѣдовать въ печати украйнофиловъ, находя, что въ Кіевѣ начинается именно такое сепаратистическое движеніе, то правительство на эти извѣты Каткова обратило настолько серьезное вниманіе, что назначена была даже особая правительственная комиссія въ составѣ министра народнаго просвѣщенія графа Толстого, министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева, шефа жандармовъ Потапова и одного изъ кіевскихъ шовинистовъ, Юзефовича, давно выдвинувшагося въ этомъ отношеніи. Эта комиссія обслѣдовала между прочимъ дѣятельность юго-западнаго отдѣленія русскаго географическаго общества, которое сосредоточилось въ то время на изученіи малороссійской поэзіи и языка. Въ результатѣ признано было, что дѣятельность эта имѣетъ связь съ сепаратистическимъ „хохломанскимъ“ т.-е. украйнофильскимъ движеніемъ и поэтому постановлено было въ 1875 году закрыть это, такъ хорошо начавшее развиваться, отдѣленіе географическаго общества. Наряду съ этимъ усилились гоненія на малороссійскій языкъ: всякое изданіе литературныхъ произведеній, а также спектакли и концерты на малорусскомъ языкѣ были запрещены, такъ что этотъ языкъ именно въ Малороссіи подвергался послѣдовательному остракизму.

Въ связи съ этимъ профессора М. П. Драгомановъ (филологъ-историкъ) и Н. И. Зиберъ (экономистъ) были уволены изъ кіевскаго университета, при чемъ имъ сперва предложили подать прошеніе объ отставкѣ, а когда они отказались это сдѣлать, то были уволены „по 3-ему пункту“, что лишило ихъ права когда бы то ни было поступить опять на государственную службу. Затѣмъ изъ Кіева былъ высланъ выдающійся этнографъ Чубинскій, а Драгомановъ и Зиберъ предпочли эмигри-

ровать за границу [1]). Такимъ образомъ произошелъ погромъ, который, собственно говоря, ничѣмъ не вызывался.

Не менѣе сильно обострился въ это время и польскій вопросъ. Въ Польшѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, передъ возстаніемъ, русская политика, какъ вы помните, базировалась сперва на основаніяхъ, предлагавшихся маркизомъ Велепольскимъ, и опиралась затѣмъ на идеи Н. А. Милютина и Ю. Ф. Самарина, которые раздѣляли вопросы русской государственности въ самомъ царствѣ польскомъ отъ вопросовъ и интересовъ русской государственности и культуры въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ, гдѣ уже ставился вопросъ о борьбѣ съ „полонизмомъ", т.-е. о борьбѣ съ ополяченіемъ этихъ областей, признаваемыхъ или коренными русскими, или литовскими, но во всякомъ случаѣ не польскими. Напротивъ того, царство польское признано было съ самаго начала коренной польской страной, гдѣ долженъ быть господствующимъ польскій языкъ и предоставлена полная возможность культурнаго развитія польской національности. Но раздѣленная вначалѣ такимъ образомъ политика очень быстро измѣнилась и, когда Милютинъ, пораженный въ 1866 году апоплексическимъ ударомъ, сошелъ со сцены, во главѣ руководительства русской политикой въ Польшѣ явился одинъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ, князь В. А. Черкасскій, и именно онъ, въ значительной степени благодаря своему тяжелому характеру, своей рѣзкости, очень обострилъ отношенія съ различными слоями варшавскаго и вообще польскаго общества, и съ этого времени русская политика въ царствѣ польскомъ стала незамѣтно переходить на тѣ основанія, которыя были поставлены для нея въ западномъ краѣ.

Сперва въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ стали требовать повсемѣстнаго введенія преподаванія на русскомъ языкѣ, затѣмъ это требованіе переходитъ и на низшія школы, такъ что ставится въ чрезвычайно трудное положеніе вопросъ о развитіи элементарнаго образованія народа, такъ какъ, естественно, поляки не хотятъ давать денегъ на русскія школы и отдавать туда своихъ дѣтей, разъ имъ воспрещается обученіе на ихъ

[1]) Говорятъ, что Драгоманову такъ поступить совѣтовалъ самъ кіевскій генералъ-губернаторъ кн. А. М. Дундуковъ-Корсаковъ дружественно къ нему расположенный.

родномъ языкѣ. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ (при попечителѣ учебнаго округа Апухтинѣ) эти стѣсненія доходятъ до того, что запрещается даже преподаваніе закона божія на польскомъ языкѣ, благодаря чему его преподаваніе въ большинствѣ школъ вовсе прекращается въ это время.

Въ самой Варшавѣ ставился серьезно вопросъ о вывѣскахъ на магазинахъ. Требовалось, чтобы вывѣски эти были на русскомъ языкѣ или, по крайней мѣрѣ, имѣли переводъ на русскій языкъ. Однимъ словомъ, тѣ принципы, которые даже съ консервативной, такъ сказать, точки зрѣнія, правильно были установлены Самаринымъ и Милютинымъ, относительно разницы въ политическихъ требованіяхъ въ царствѣ польскомъ и западномъ краѣ, тутъ совершенно измѣнились и руссификаторская политика въ царствѣ польскомъ пошла почти такъ же, какъ въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ.

Въ семидесятыхъ годахъ къ этому присоединился вопросъ о томъ самомъ холмскомъ краѣ, который на нашихъ глазахъ былъ разрѣшенъ окончательно третьей государственной думой. Этотъ вопросъ всталъ тогда со своей религіозной стороны, именно, обратили вниманіе на то, что въ составѣ самого царства польскаго есть населеніе, которое является русинскимъ, т.-е. малорусскимъ, а не польскимъ, и что оно когда-то принадлежало къ православному вѣроисповѣданію; что затѣмъ подъ верховенствомъ Польши это вѣроисповѣданіе подверглось модификаціи, именно, были сохранены православные обряды, но было признано главенство папы и такимъ образомъ возникло уніатское вѣроисповѣданіе. И вотъ въ семидесятыхъ годахъ возникъ вопросъ о возсоединеніи этихъ уніатовъ съ православною церковью, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ сѣверо-западномъ краѣ еще при Николаѣ. Но при этомъ административныя власти, въ руки которыхъ это дѣло попало,— сѣдлецкій губернаторъ который хотѣлъ отличиться, уніатскій архіерей Попель, который хотѣлъ сдѣлать на этомъ карьеру,— излишне поторопились, дѣйствовали опрометчиво и насильственно и это очень обострило дѣло, между тѣмъ какъ, въ сущности говоря, населеніе тамъ (въ части Люблинской и Сѣдлецкой губерній) дѣйствительно было малорусское по своему происхожденію и языку и, можетъ быть, мало-по-малу само вернулось бы къ православію; но такъ какъ пущены были въ ходъ энер-

гичныя формы административнаго воздѣйствія, то произошелъ рядъ возмутительныхъ событій, волненій и усмиреній; командированы были содѣйствовать „добровольному“ обращенію въ православіе гусары и казаки и, такимъ образомъ, вопросъ о воссоединеніи этихъ уніатовъ пріобрѣлъ характеръ настоящаго скандала.

Понятно, что такая политика на окраинахъ и даже въ Малороссіи, уже давно входившей въ составъ Россійской имперіи, не могла вызвать въ населеніи и особенно въ наиболѣе сознательной его части благожелательныхъ чувствъ по отношенію къ правительству; она безъ сомнѣнія обостряла то общее оппозиціонное настроеніе, которое существовало повсемѣстно въ Россіи подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ и общей усиливавшейся съ каждымъ годомъ реакціи.

Это всеобщее, хотя и сдавленное недовольство, вслѣдствіе упорной реакціи и безразсудныхъ репрессій развившееся внутри Россіи и на ея окраинахъ, осложнилось въ семидесятыхъ годахъ еще обостреніемъ внѣшней политики. Къ этому времени, какъ разъ, назрѣлъ и чрезвычайно обострился довольно уже старый восточный вопросъ.

Въ теченіе двадцати лѣтъ, слѣдовавшихъ непосредственно за крымской кампаніей, наши военныя власти, особенно начальники пограничныхъ войскъ, были постоянно обуреваемы стремленіемъ такъ или иначе возстановить нарушенный престижъ нашей арміи и русскаго военнаго могущества, подточеннаго въ крымской войнѣ, и вотъ они начинаютъ дѣятельно стремиться возстановить попранную честь нашего оружія хоть въ Азіи, если это не удалось въ Европѣ. Мы видимъ, что уже черезъ два года послѣ окончанія крымской войны начинаются значительныя приращенія нашей территоріи по всей восточно-азіатской границѣ. Началось это съ самой отдаленной восточной окраины. Уже въ 1858 году генералъ-губернаторъ восточной Сибири Муравьевъ поднялъ вопросъ о присоединеніи къ Россіи не только всего лѣваго берега Амура, но и расположеннаго къ югу отъ устья Амура обширнаго Уссурійскаго края вплоть до Владивостока. Муравьевъ достигъ этого почти безъ употребленія военной силы, при помощи нѣсколькихъ сотенъ солдатъ, съ которыми онъ объѣхалъ границу и, пользуясь крайней анархіей и безпомощностью китайскихъ властей, установилъ новыя

границы тѣхъ мѣстностей, которыя онъ считалъ принадлежащими Россіи, опираясь на то, что будто бы въ XVII вѣкѣ всѣ эти мѣстности завоеваны были казаками, построившими даже на Амурѣ г. Албазинъ, потомъ разрушенный китайцами. Китайскія власти, уступая однимъ только слухамъ о россійскомъ военномъ могуществѣ, слабо противились этому, такъ что Муравьеву удалось, въ концѣ-концовъ, овладѣть описанной выше территоріей и присоединить ее къ Россіи, оставивъ вездѣ по занятой такимъ образомъ границѣ небольшіе военные посты.

Эти дѣйствія Муравьева закрѣплены были затѣмъ въ 1860 г. форменнымъ договоромъ, заключеннымъ графомъ Н. П. Игнатьевымъ, тогда еще молодымъ человѣкомъ, посланнымъ спеціально для этого въ Пекинъ.

Одновременно съ этимъ совершилось окончательное завоеваніе Кавказа подъ видомъ „замиренія“ непокорныхъ горцевъ. Рѣшительный ударъ ихъ независимости нанесенъ былъ въ 1859 году, когда взятъ былъ аулъ Гунибъ, въ которомъ скрывался духовный глава и вождь этихъ горцевъ Шамиль. Взятіе Шамиля положило начало окончательному торжеству русскихъ на Кавказѣ; очень небольшая область оставалась еще незанятой и окончательное покореніе ея завершено было въ 1865 году. Такимъ образомъ въ 1865 году уже Кавказъ и все Закавказье вплоть до тогдашней границы съ Турціей и Персіей могли быть объявлены вполнѣ подчиненными русскому владычеству частями Россійской имперіи.

Наряду съ этимъ, въ теченіе всѣхъ шестидесятыхъ годовъ продолжалось постоянное поступательное отодвиганіе нашей границы вглубь средней Азіи и по отношенію къ независимымъ тогда средне-азіатскимъ ханствамъ. Надо сказать, что у насъ издавна были съ этими ханствами торговыя отношенія, но населеніе этихъ ханствъ, состоявшее изъ дикихъ степныхъ хищниковъ, постоянно совершало на русской границѣ рядъ грабежей, которые кончались иногда уводомъ цѣлыми партіями не только скота, но и русскихъ людей, мужчинъ и дѣтей въ рабство, а молодыхъ женщинъ въ гаремы. Понятно, что такія происшествія издавна безпокоили русское правительство, но очень долго эти средне-азіатскія ханства, несмотря на то, что они представлялись какъ-будто, при могуществѣ Россіи, вели-

чиной ничтожной, на самомъ дѣлѣ были довольно недосягаемы для насъ. Попытки наши наложить на нихъ руку кончались всегда неудачей, начиная еще съ Петра. При Петрѣ Великомъ впервые туда довольно далеко зашли русскія войска подъ начальствомъ князя Черкасскаго-Бековича, и конецъ этой экспедиціи былъ очень печальный: вся она погибла послѣ временнаго успѣха. Затѣмъ оренбургскій генералъ-губернаторъ В. А. Перовскій, уже при Николаѣ I, рѣшилъ положить конецъ постояннымъ грабежамъ и уводамъ русскихъ въ плѣнъ и за свой страхъ предпринялъ зимнюю экспедицію въ Хиву въ 1839 году. Походъ въ Хиву во время лѣтнихъ жаровъ представлялся почти неосуществимымъ и поэтому Перовскій избралъ зимнее время. Но оказалось, что и это сопряжено съ неменьшими трудностями, такъ какъ въ этихъ степяхъ свирѣпствовали сильные морозы и снѣжные бураны, и вся экспедиція 1839 года чуть не погибла. Наконецъ, уже въ 1853 году удалось тому же Перовскому продвинуть русскіе военные аванпосты къ берегамъ Сыръ-Дарьи и здѣсь основанъ былъ довольно значительный фортъ, который впослѣдствіи и былъ названъ фортомъ Перовскаго.

Въ то же время на югѣ нашихъ сибирскихъ владѣній и степныхъ областей наша граница тоже стала понемногу подвигаться все далѣе на югъ. Еще въ 1854 году граница эта была установлена по рѣкѣ Чу отъ города Вѣрнаго до форта Перовскаго, при чемъ она была укрѣплена цѣлымъ рядомъ небольшихъ военныхъ постовъ, въ общемъ, впрочемъ, довольно слабыхъ. Дикіе отряды бухарцевъ и кокандцевъ очень часто пытались прорывать эту линію, но каждый такой грабежъ вызывалъ возмездіе, при чемъ военные начальники, обуреваемые жаждой и лично отличиться, и поднять престижъ русскаго оружія, дѣятельно старались оттѣснить этихъ бухарцевъ и кокандцевъ вглубь ихъ страны. Кончилось это большимъ столкновеніемъ въ 1864 году, причемъ полковнику Черняеву удалось завоевать крупный кокандскій городъ Ташкентъ.

Когда русское правительство получило объ этомъ донесеніе, то оно одобрило совершившійся фактъ и ташкентскій районъ присоединенъ былъ къ русской территоріи, а черезъ два года здѣсь было образовано новое туркестанское генералъ-губернаторство. Это повело къ дальнѣйшимъ столкновеніямъ и мы продолжали оттѣснять кокандцевъ и бухарцевъ,—опять-таки

безъ всякаго официальнаго приказа свыше. Разумѣется Англія встрѣтила такое поступательное движеніе русскихъ въ Азіи къ югу съ большой тревогой, и помня еще со времени Наполеона о тогдашнихъ фантастическихъ замыслахъ русскихъ проникнуть черезъ азіатскія степи и горы въ Индію, англійское правительство тотчасъ же запросило русскаго канцлера о томъ, гдѣ намѣрено русское правительство остановиться, на что князь Горчаковъ отвѣтилъ, что государь императоръ вовсе не имѣетъ въ виду увеличенія русской территоріи, а только укрѣпленіе и исправленіе границы.

Въ концѣ-концовъ началась, однако, форменная война съ кокандцами и бухарцами, которая кончилась ихъ полнымъ разгромомъ, при чемъ намъ удалось завоевать (въ 1868 году) городъ Самаркандъ, гдѣ покоится прахъ Тамерлана,—священное мѣсто, относительно котораго существуетъ здѣсь убѣжденіе, что кто владѣетъ Самаркандомъ, тотъ владѣетъ и всей Средней Азіей. Правда, бухарцы, воспользовавшись тѣмъ, что туркестанскій генералъ-губернаторъ, энергичный генералъ Кауфманъ, отправилъ бо́льшую часть войскъ на югъ, попробовали было въ слѣдующемъ же году отобрать назадъ Самаркандъ, и это имъ временно удалось, но Кауфманъ, вернувшись, жестоко наказалъ и временныхъ побѣдителей и все населеніе Самарканда, при чемъ употребленный имъ варварскій способъ водворенія русскаго владычества произвелъ такое впечатлѣніе на полудикія восточныя народности, что послѣ этого онѣ уже не пытались захватить назадъ занятый русскими священный городъ.

Между тѣмъ Кауфманъ, воспользовавшись возстаніемъ кокандцевъ, которые пытались вернуть часть отнятой у нихъ территоріи, отправилъ туда значительный отрядъ подъ командой Скобелева, который окончательно завоевалъ кокандское ханство, послѣ чего оно было присоединено къ Россіи и превращено въ ферганскую область. Мало по малу Кауфманъ сталъ думать и о томъ, какъ обуздать и привести въ покорное положеніе и главное хищническое гнѣздо въ Средней Азіи—Хиву, гдѣ по слухамъ было нѣсколько сотъ русскихъ невольниковъ и куда такъ неудачно до тѣхъ поръ отправлялись русскія экспедиціи.

На этотъ разъ, близко подойдя къ Хивѣ и имѣя возможность съ четырехъ сторонъ совершить одновременное вторженіе въ нее, Кауфманъ поставилъ сперва ультиматумъ хивинскому хану,

которымъ потребовалъ отъ него передачи значительной части территоріи и полнаго уничтоженія рабства. Ханъ въ этомъ отказалъ, и тогда Кауфманъ совершилъ свой знаменитый походъ 1873 года въ Хиву. Вся Хива была завоевана на этотъ разъ весьма быстро и ханъ принужденъ былъ отдать уже не только то, что ему предлагалъ Кауфманъ, а больше половины своихъ владѣній, принужденъ былъ освободить отъ рабства всѣхъ невольниковъ и сдѣлаться такимъ же зависимымъ, вассальнымъ по отношенію къ Россіи правителемъ какимъ раньше уже сдѣлался его ближайшій сосѣдъ—бухарскій эмиръ.

Такимъ образомъ совершилось завоеваніе всей Средней Азіи, къ великому негодованію и весьма понятнымъ опасеніямъ англичанъ, которые увидѣли, что русскія войска довольно близко подошли къ Индіи и отдѣлялись отъ нея только землями туркменъ и Афганистаномъ, такъ что походъ русскихъ войскъ въ Индію въ данное время далеко уже не имѣлъ того фантастическаго вида, какимъ онъ представлялся, когда вопросъ о немъ возбуждался въ началѣ XIX вѣка Наполеономъ.

Въ это же время, когда опасенія англичанъ достигли своего апогея и когда они остро почувствовали назрѣвающую „русскую опасность“ въ Азіи, положеніе дѣлъ чрезвычайно обострилось и на ближнемъ Востокѣ. Въ 1874 году на Балканскомъ полуостровѣ вспыхнуло возстаніе герцеговинцевъ и босняковъ противъ Турціи. Они возстали, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неимовѣрнаго гнета и притѣсненій со стороны турокъ, на почвѣ экономической, частью въ поземельномъ, а, въ особенности, въ податномъ отношеніяхъ; ибо въ Турціи дѣйствовала чрезвычайно тяжелая податная система, заключавшаяся въ томъ, что всѣ, даже прямые, государственныя подати и налоги были отдаваемы на откупъ частнымъ лицамъ, которыя взыскивали ихъ въ усиленномъ размѣрѣ, чтобы покрыть этимъ и государственныя нужды и насытить и свою собственную алчность. Угнетенныя этимъ положеніемъ славянскія, да и другія національности балканскаго полуострова продолжали постоянно волноваться и послѣ созданія полунезависимыхъ государствъ Сербіи, Черногоріи и Румыніи, — и благодаря этому обстоятельству восточный вопросъ постоянно грозилъ обостриться.

Когда въ 1875 году, въ августѣ мѣсяцѣ, началось герцеговинское возстаніе, то, разумѣется, этимъ прежде всего встре-

вожилась Австрія. Дѣло въ томъ, что Боснія и Герцеговина издавна представлялись въ глазахъ австрійскаго правительства лакомымъ кускомъ, который оно не прочь было присоединить къ Австріи. Теперь Австрія опасалась, что въ результатѣ вспыхнувшаго возстанія, можетъ быть, босняки и герцеговинцы присоединятся къ Сербіи, при помощи Россіи, успѣвшей оправиться послѣ крымскаго пораженія. Поэтому, какъ только вспыхнуло это возстаніе, графъ Андраши, тогдашній руководитель австрійской внѣшней политики, тотчасъ же предложилъ разрѣшить это дѣло путемъ коллективнаго европейскаго вмѣшательства. И вотъ, въ январѣ 1876 года, послѣ нѣкоторыхъ возраженій со стороны Англіи, которая боялась, какъ бы Россія именно при такомъ вмѣшательствѣ не выиграла кое-чего для себя, въ концѣ-концовъ удалось достигнуть полнаго согласія державъ, и отъ имени шести великихъ европейскихъ державъ султану было предъявленно требованіе, чтобы онъ немедленно заключилъ съ герцеговинцами перемиріе и обязался кореннымъ образомъ измѣнить въ возставшихъ провинціяхъ податную систему и земельныя отношенія, при чемъ и христіанамъ было бы предоставлено право владѣть тамъ землей; чтобы здѣсь были произведены кромѣ того и другія административныя реформы, и, между прочимъ, чтобы турецкія войска содержались только въ шести крѣпостяхъ и не имѣли права стоять постоемъ въ сельскихъ мѣстностяхъ.

Султанъ очень быстро согласился на эти условія, но тутъ герцеговинцы заявили, что они не положатъ оружія до тѣхъ поръ, пока имъ не дадутъ достаточныхъ гарантій того, что султанъ исполнитъ свои обѣщанія, а эти гарантіи они видѣли въ назначеніи европейскими правительствами особой комиссіи, которая и осуществила бы обѣщанныя реформы. Вмѣстѣ съ тѣмъ они потребовали, чтобы одна треть всѣхъ земель области была передана христіанскому населенію, вмѣсто неопредѣленнаго обѣщанія урегулированія поземельныхъ отношеній. На это турки не согласились, и вообще въ это время въ Турціи, подъ вліяніемъ начавшагося возстанія христіанъ, вспыхнуло сильное религіозное движеніе и среди мусульманъ, охватившее всѣ классы турецкаго общества, при чемъ уступчивость султана иноземному давленію вызывала фанатическое негодованіе. Султанъ вскорѣ принужденъ былъ пустить въ Европейскую Турцію для

усмиренія возстанія славянъ орды дикихъ наѣздниковъ—башибузуковъ, которые произвели въ Болгаріи массовую рѣзню мирныхъ жителей.

Между прочимъ въ мирномъ городѣ Салоникахъ были убиты французскій и нѣмецкій консулы, а въ Болгаріи рѣзня, по разслѣдованію, произведенному англійскимъ дипломатомъ, достигла огромныхъ размѣровъ и выразилась не менѣе какъ въ 12 тысячахъ убитыхъ болгаръ обоего пола и разнаго возраста. Эти ужасы произвели огромное впечатлѣніе не только среди русскаго общества и народа и вообще на континентѣ Европы, но даже и въ той самой Англіи, правительство которой все время старалось покровительствовать Турціи, въ виду своихъ подозрѣній относительно Россіи.

Полунезависимыя балканскія государства Сербія и Черногорія объявили Турціи войну, при чемъ изъ Россіи въ ряды ихъ войскъ отправились массы добровольцевъ.

Хотя во главѣ сербскихъ войскъ всталъ русскій генералъ Чернаевъ,—тотъ самый, который завоевалъ Ташкентъ,—тѣмъ не менѣе, они оказались неподготовленными къ борьбѣ съ турками, они оказались очень плохо вооруженными, необученными, и поэтому турки быстро одержали надъ ними рядъ побѣдъ. Россія, видя, что Сербія находится на краю пропасти и что ей грозитъ рѣзня, подобная болгарской, потребовала отъ турокъ немедленнаго пріостановленія военныхъ дѣйствій и заключенія перемирія. Это требованіе было поддержано и остальными европейскими державами, хотя Австрія нѣкоторое время колебалась; сей хотѣлось, чтобы Сербія, усиленія которой она побаивалась, была разгромлена до конца турками. Но очень скоро и Австрія увидѣла необходимость присоединенія къ общему мнѣнію европейскихъ державъ.

Въ 1876 году въ Берлинѣ изданъ былъ особый меморандумъ, которымъ всѣ державы потребовали отъ султана немедленнаго введенія обѣщанныхъ ранѣе реформъ въ населенныхъ христіанами частяхъ Турціи, увеличенія территоріи Сербіи и Черногоріи и назначенія въ Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ христіанскихъ генералъ-губернаторовъ, съ утвержденіемъ ихъ совѣтомъ европейскихъ державъ. Однако, Англія отказалась участвовать въ поддержкѣ этого меморандума и такъ ободрила этимъ Турцію, что и та отказалась удовлетворить требованія державъ,

а когда европейскія державы послали свой флотъ для военной демонстраціи въ Салоники, то Англія, напротивъ, послала свой въ Безикскую бухту для поддержки Турціи.

Ободренные этимъ турецкіе патріоты заставили султана Абдулъ-Азиса сперва перемѣнить визиря, при чемъ впервые великимъ визиремъ сдѣлался младотурокъ, т.-е. сторонникъ прогрессивныхъ внутреннихъ преобразованій, Митхадъ-паша, а вскорѣ затѣмъ произвели дворцовый переворотъ, при чемъ султанъ Абдулъ-Азисъ былъ сперва лишенъ престола, а затѣмъ и задушенъ въ тюрьмѣ. На его мѣсто былъ посаженъ Мурадъ V-й, который оказался, однако, слабоумнымъ, такъ что пришлось смѣнить и его, и посадить Абдулъ-Гамида, который оставался потомъ султаномъ вплоть до революціи 1908 года. При Абдулъ-Гамидѣ, который удержалъ у власти Митхада-пашу, политическое положеніе Турціи по отношенію къ державамъ чрезвычайно обострилось, и Англія для ликвидаціи этого положенія предложила тогда составить въ Лондонѣ особую конференцію, на которой предполагалось мирно разрѣшить всѣ вопросы послѣ того, какъ турки согласились заключить перемиріе съ Сербіей и Черногоріей сперва на недѣлю, а потомъ на шесть недѣль. Конференція собралась въ Лондонѣ, но тутъ турки, думая, что Россія не рѣшится начать войну, разъ Англія будетъ твердо стоять за Турцію, позволили себѣ, въ сущности говоря, посмѣяться надъ европейскими державами. Какъ только открылись засѣданія этой лондонской конференціи, турецкіе уполномоченные заявили, что султанъ рѣшилъ дать своей странѣ конституцію, а когда затѣмъ приступлено было къ обсужденію условій мира, уполномоченные Турціи заявили, что такъ какъ у нихъ теперь конституція, то безъ парламента никакихъ уступокъ сдѣлано быть не можетъ. Такое заявленіе, явно лицемѣрное, по мнѣнію собравшихся дипломатовъ, такъ какъ ни о какой дѣйствительной конституціи въ Турціи въ то время, по мнѣнію ихъ, рѣчи не могло быть, возмутило противъ турокъ даже англійскихъ дипломатовъ, и тутъ Турціи былъ предъявленъ новый ультиматумъ со стороны Россіи, которымъ турецкому правительству предлагалось немедленно принять тотъ проектъ реформъ, который былъ выработанъ европейскими державами, а въ случаѣ его непринятія Россія грозила объявить войну. Англія старалась убѣдить Россію и другія правительства отсро-

чить дѣло на одинъ годъ, но Россія на это не пошла, и когда на нашъ ультиматумъ турки отвѣтили отказомъ, то императоръ Александръ объявилъ Турціи войну въ апрѣлѣ 1877 года. Таковъ былъ внѣшній ходъ событій и отношеній въ обострившемся восточномъ вопросѣ.

Александръ II-й объявилъ войну далеко не съ легкимъ сердцемъ; онъ прекрасно сознавалъ всю важность этого шага, сознавалъ чрезвычайную затруднительность войны для Россіи съ финансовой стороны и ясно понималъ съ самаго начала, что, въ сущности говоря, война эта весьма легко можетъ превратиться въ обще-европейскую войну и, можетъ быть,—что представлялось ему еще болѣе опаснымъ—въ войну Россіи противъ Австріи, Англіи и Турціи, при нейтралитетѣ остальныхъ державъ.

Такимъ образомъ обстоятельства складывались чрезвычайно серьезно. Стоявшій во главѣ русской дипломатіи князь Горчаковъ къ этому времени чрезвычайно устарѣлъ,—ему было ужъ подъ восемьдесятъ лѣтъ,—повидимому онъ даже не давалъ себѣ отчета въ цѣломъ рядѣ обстоятельствъ, и политика его была чрезвычайно колеблющейся. Самъ императоръ Александръ колебался также очень сильно; вообще онъ вовсе не желалъ войны, и принудило его къ принятію рѣшительныхъ мѣръ главнымъ образомъ то настроеніе, которое овладѣло русскимъ обществомъ вообще и тѣми сферами, вліяніе которыхъ имѣло доступъ и въ придворные круги,—въ частности. Александръ Николаевичъ съ неудовольствіемъ видѣлъ, что, благодаря той агитаціи, которая по этому вопросу поднята была славянофилами и которая весьма сильно вліяла тогда на общественное мнѣніе страны и очень чутко воспринималась и за границею, онъ какъ будто представлялся обойденнымъ и опереженнымъ этимъ общественнымъ мнѣніемъ страны и уже не являлся, такимъ образомъ, въ глазахъ Европы, истиннымъ представителемъ и вождемъ своего народа. Это обстоятельство чрезвычайно возбудило и придворные круги, которые, особенно осенью 1876 года, во время пребыванія двора въ Крыму, выказывали большой военный пылъ, что отразилось и на настроеніи самого императора Александра, который увидѣлъ себя въ значительной мѣрѣ вынужденнымъ, въ видахъ сохраненія положенія истиннаго вождя націи въ глазахъ всего міра, болѣе рѣшительно дѣйствовать въ защиту славянъ.

Тщетно пытался бороться съ этимъ настроеніемъ императора Александра министръ финансовъ Рейтернъ, который вполнѣ ясно видѣлъ, что при тогдашнихъ нашихъ финансовыхъ и экономическихъ отношеніяхъ веденіе этой войны можетъ привести насъ къ чрезвычайному финансовому краху. Рейтерну только что удалось въ 1875 году достигнуть такого состоянія бюджета, что не только онъ могъ, наконецъ, заключаться безъ дефицита, но и являлась возможность накопленія металлическаго фонда, который въ это время достигъ уже 160 мил. руб., такъ что Рейтернъ мечталъ приступить, наконецъ, въ близкомъ будущемъ къ осуществленію своей главной идеи, къ обращенію кредитныхъ неразмѣнныхъ денегъ въ размѣнныя; и вотъ, какъ разъ въ этотъ самый моментъ, обстоятельства—даже еще до войны—снова стали складываться такъ, что всѣ расчеты Рейтерна поколебались. Въ 1875 году былъ значительный неурожай, въ то же время вслѣдствіе засухи явилось мелководье на внутреннихъ водныхъ путяхъ, которые тогда еще имѣли такое огромное значеніе въ Россіи въ отношеніи хлѣбной торговли—въ отношеніи подвоза хлѣба къ портамъ—и, такимъ образомъ, вывозъ русскаго хлѣба за границу уменьшился. Къ тому времени, какъ вы помните, развитіе русскаго желѣзнодорожнаго строительства достигло большихъ размѣровъ. Мы обладали уже цѣлой сѣтью въ 17,000 верстъ, но многія изъ этихъ желѣзныхъ дорогъ не давали достаточнаго дохода для того, чтобы покрыть издержки содержанія и давать выговоренную по гарантіи прибыль; поэтому правительству приходилось уплачивать по принятой на казну гарантіи, и на это или тратить свой золотой фондъ, который былъ скопленъ съ такимъ трудомъ, или заключать займы, которые въ концѣ-концовъ требовали уплаты значительныхъ процентовъ и, въ сущности говоря, вели также въ результатѣ къ растратѣ скопленнаго металлическаго фонда.

Такимъ образомъ, еще до войны вновь началось значительное паденіе курса рубля подъ вліяніемъ невыгоднаго торговаго баланса (вслѣдствіе уменьшенія отпуска хлѣба за границу) и благодаря необходимости для правительства тратить много денегъ за границей на оплату желѣзнодорожныхъ гарантій. Въ то же время цѣлый рядъ иностранныхъ капиталовъ, въ виду тревожныхъ международныхъ обстоятельствъ, началъ уплывать за границу; тутъ же явились и еще случайныя внутреннія об-

столѣльства, дѣйствовавшія въ ту же неблагопріятную сторону, какъ, напримѣръ, банкротство одного изъ крупныхъ банковъ въ Москвѣ, вслѣдствіе крупнаго мошенничества Струсберга. Все это вызвало биржевую панику, банковый кризисъ и еще большее усиленіе отлива иностранныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ, планы Рейтерна начали и до войны колебаться, а война, конечно, грозила имъ полнымъ крушеніемъ. Уже для выполненія одной частичной мобилизаціи, которую осенью 1876 г., предписано было произвести для угрозы Турціи, пришлось заключить 100-милліонный заемъ, и Рейтернъ рѣзко заявилъ государю, что если будетъ война, то возможно ожидать государственнаго банкротства.

Но несмотря на всѣ эти серьезнѣйшія предостереженія Рейтерна, подъ вліяніемъ славянофильской агитаціи, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, которое сильно было настроено въ пользу войны послѣ болгарскихъ ужасовъ, императоръ Александръ все-таки рѣшился воевать.

Когда уже война началась, то оказалось, что независимо отъ того, что приходилось дѣлать массовые выпуски бумажныхъ денегъ, которые, конечно, совершенно погубили всѣ расчеты Рейтерна на возстановленіе курса бумажнаго рубля, независимо отъ этого оказалось, что мы не готовы къ войнѣ и въ другихъ отношеніяхъ. Оказалось, что преобразованія Милютина (особенно замѣна рекрутчины всеобщей воинской повинностью, произведенная лишь въ 1874 году, т.-е. всего за два года до мобилизаціи 1876 года), были настолько новы и настолько перевернули все прежнее устройство войска, что выполнить мобилизацію арміи въ этихъ условіяхъ оказалось далеко не легкимъ, при чемъ тѣ административныя власти, отъ которыхъ въ значительной мѣрѣ зависѣли правильность и быстрота дѣйствій при мобилизаціи, оказались ниже всякой критики, и вышло поэтому, что мы въ теченіе шести мѣсяцевъ могли доставить къ турецкимъ границамъ лишь недостаточное количество войска.

Тутъ отчасти виноватъ былъ и графъ Игнатьевъ, русскій посолъ въ Константинополѣ, который утверждалъ, что мы очень легко побѣдимъ турокъ, что Турція разлагается и что нужны весьма небольшія силы, чтобы нанести ей рѣшительный ударъ.

На самомъ дѣлѣ оказалось, что у насъ было не только мало войска, но и чрезвычайно дурно былъ выбранъ штабъ арміи.

Главнокомандующимъ былъ сдѣланъ братъ императора Александра, великій князь Николай Николаевичъ, человѣкъ совершенно не имѣвшій необходимыхъ стратегическихъ талантовъ. Начальникомъ штаба онъ выбралъ генерала Непокойчицкаго, который въ молодости, можетъ быть, и былъ способнымъ человѣкомъ, особенно какъ писатель по военнымъ вопросамъ, но теперь совершенно устарѣлъ, отличался полной нераспорядительностью и не имѣлъ никакого плана кампаніи.

Такимъ образомъ оказалось, что непосредственно послѣ блестяще выполненной переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай тотчасъ же получился полный разбродъ. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ, въ виду отсутствія общаго плана, стали предпринимать на свой страхъ весьма рискованныя дѣйствія, и вотъ, весьма предпріимчивый и храбрый генералъ Гурко устремился прямо за Балканы и, не встрѣчая на своемъ пути значительныхъ препятствій, увлекся чуть не до Адріанополя. А въ это время Османъ-паша, командовавшій нѣсколькими десятками тысячъ турецкаго войска, занялъ неприступную позицію при Плевнѣ въ тылу нашихъ войскъ, переправившихся за Балканы. Штурмъ Плевны былъ отбитъ и скоро оказалось, что это такое неприступное мѣсто, изъ котораго выбить Османа-пашу было нельзя и приходилось думать о долговременной осадѣ, при чемъ у насъ не было достаточно войска, чтобы обложить Плевну со всѣхъ сторонъ. Положеніе наше оказалось печальнымъ и, если бы командовавшій южной турецкой арміей и въ то время находившійся по ту сторону Балканъ, Сулейманъ-паша, немедленно перешелъ, какъ ему было приказано, черезъ Балканы и соединился съ Османомъ, то Гурко и другіе наши передовые отряды были бы отрѣзаны отъ остальной арміи и неминуемо погибли бы. Единственно только благодаря тому, что этотъ Сулейманъ-паша, повидимому соперничая съ Османомъ, вмѣсто того, чтобы, какъ было ему приказано, пойти черезъ одинъ изъ свободныхъ проходовъ, пошелъ выбивать русскихъ изъ Шипкинскаго прохода, который былъ занятъ Радецкимъ,—единственно благодаря этой ошибкѣ или преступленію Сулеймана-паши,—передовые отряды наши были спасены. Шипку намъ удалось удержать, Сулейманъ-паша былъ отбитъ Радецкимъ, Гурко успѣлъ благополучно отступить, а вмѣстѣ съ тѣмъ успѣли подойти новыя наши войска. Однако Плевну пришлось

осаждать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; первая наша попытка овладѣть плевнинскими высотами была въ іюлѣ 1877 года, а удалось принудить Османа-пашу къ сдачѣ только въ декабрѣ, и то только благодаря тому, что изъ Петербурга была вытребована вся гвардія, которая могла быстро мобилизоваться и быть доставлена на театръ войны.

Кромѣ того, пришлось обратиться за помощью къ князю Карлу румынскому, который согласился дать свою, хотя небольшую, но хорошо обученную и вооруженную тридцатипяти тысячную армію только подъ условіемъ, чтобы самъ онъ былъ назначенъ командующимъ всѣмъ осаднымъ корпусомъ. Лишь съ прибытіемъ вызваннаго изъ Петербурга инженеръ-генерала Тотлебена осада Плевны пошла правильно и Османъ-паша долженъ былъ, наконецъ, положить оружіе послѣ неудачной попытки пробиться.

Такимъ образомъ кампанія растянулась на весь 1877 и часть 1878 года. Послѣ взятія Плевны намъ удалось перейти вновь Балканы, занять Адріанополь, который тогда не былъ крѣпостью, и подойти къ Константинополю въ январѣ 1878 года. Въ это время императоръ Александръ получилъ отъ королевы Викторіи телеграму, которой она его просила остановиться и заключить перемиріе. Хотя императоръ Александръ еще до начала войны обѣщалъ Англіи, что не будетъ стремиться занять Константинополь, тѣмъ не менѣе, лордъ Биконсфильдъ въ подкрѣпленіе этой телеграммы успѣлъ уже исходатайствовать у парламента шесть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на военныя цѣли и война съ Англіей, казалось, была почти неизбѣжна. Но Турція, которая была совершенно истощена, принуждена была просить мира, не дожидаясь англійской поддержки, и въ серединѣ января (по новому стилю) 1878 года было заключено адріанопольское перемиріе, въ основу котораго было положено обѣщаніе султана удовлетворить требованія великихъ державъ и дать правильное устройство, частью въ видѣ полусамостоятельныхъ княжествъ, частью въ видѣ территорій съ христіанскими генералъ-губернаторами всѣмъ христіанскимъ провинціямъ Европейской Турціи. Вскорѣ же послѣ перемирія открылись дипломатическіе переговоры въ Санъ-Стефано, веденные съ нашей стороны Игнатьевымъ, съ полнымъ успѣхомъ. Въ мартѣ уже былъ подписанъ мирный договоръ, по которому всѣ тре-

бованія Россіи были удовлетворены. При этомъ было выговорено не только расширеніе Сербіи и Черногоріи, но и Болгарія становилась полунезависимымъ княжествомъ, съ территоріей, доходившей до Эгейскаго моря.

Вмѣстѣ съ этимъ, такъ какъ на Кавказѣ мы вели войну гораздо успѣшнѣе, чѣмъ на балканскомъ полуостровѣ и успѣли взять Карсъ, Эрзерумъ и Батумъ, то по мирному договору было установлено, что взамѣнъ части выговоренной военной контрибуціи, которую Турція должна была уплатить Россіи въ размѣрѣ 1.400 милліоновъ рублей, она предоставитъ Россіи въ районѣ Азіатской Турціи изъ состава занятой нами территоріи Карсъ и Батумъ съ ихъ округами. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ условіемъ мира императоръ Александръ поставилъ возвращеніе Россіи того клочка Бессарабіи, который былъ въ 1856 году отдѣленъ отъ Россіи и отданъ Румыніи, и такъ какъ Румынія, которая воевала въ союзѣ съ Россіей, была очень этимъ обижена, то ей въ видѣ компенсаціи была предоставлена Добруджа.

Однако, какъ только въ Англіи узнали объ этихъ условіяхъ мира, то немедленно лордъ Биконсфильдъ протестовалъ противъ всякихъ измѣненій территоріи Турціи безъ участія великихъ державъ, принимавшихъ участіе въ конгрессѣ 1856 года въ Парижѣ. Поэтому императоръ Александръ долженъ былъ въ концѣ-концовъ, подъ угрозой тяжелой войны съ Англіей и Австріей, согласиться на конгресъ представителей великихъ державъ въ Берлинѣ, подъ предсѣдательствомъ Бисмарка. На этомъ конгрессѣ условія мира были существенно измѣнены: урѣзаны были пріобрѣтенія Сербіи, Черногоріи и особенно Болгаріи. Отъ послѣдней отдѣлена была на югъ отъ Балканъ цѣлая область, Восточная Румелія, которая осталась турецкой провинціей съ христіанскимъ генералъ-губернаторомъ.

Противъ территоріальныхъ пріобрѣтеній Россіи Биконсфильдъ также протестовалъ, и, хотя ему не удалось ихъ уничтожить, но удалось все же настоять на томъ, чтобы Батумъ изъ военнаго порта, какимъ онъ былъ до тѣхъ поръ, былъ превращенъ въ мирную гавань, доступную всѣмъ государствамъ.

Такимъ образомъ, условія мира были измѣнены не въ пользу Россіи. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ способомъ веденія войны, который обусловилъ рядъ неудачъ, а также и во-

ровствомъ, которое обнаружилось и на этотъ разъ при поставкѣ припасовъ и для разслѣдованія котораго была назначена особая комиссія,—все это создало чрезвычайное негодованіе и обостреніе настроенія въ широкихъ кругахъ русскаго общества. Надо сказать, что негодовали тогда не только радикально и революціонно настроенные слои, но даже самые лояльные круги общества съ славянофилами во главѣ. Когда слухи объ уступкахъ, сдѣланныхъ на Берлинскомъ конгрессѣ, достигли Москвы, то Иванъ Аксаковъ выступилъ на публичномъ засѣданіи „Славянскаго общества“ съ громовою рѣчью, гдѣ говорилъ:

„Ужели хоть долю правды должны мы признать во всѣхъ этихъ корреспонденціяхъ и телеграммахъ, которыя ежедневно, ежечасно, на всѣхъ языкахъ, во всѣ концы свѣта разносятъ теперь изъ Берлина позорныя вѣсти о нашихъ уступкахъ и, передаваясь въ вѣдѣніе всего народа, ни разу не опровергнутыя русскою властью, то жгутъ его стыдомъ и жалятъ совѣсть, то давятъ недоумѣніемъ“...

Затѣмъ въ яркихъ и рѣзкихъ словахъ описавъ унизительное поведеніе нашихъ дипломатовъ и изобразивъ значеніе этихъ уступокъ для неприкосновенности и свободы южной части Болгаріи, для независимости остальныхъ славянскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ, для политическаго преобладанія ненавистной ему Австріи и для упадка нашего престижа среди славянскаго міра, Аксаковъ нѣсколько разъ повторилъ, что онъ отказывается вѣрить, чтобы эти дѣйствія нашей дипломатіи были одобрены и признаны „высшей властью“, и кончилъ свою замѣчательную рѣчь слѣдующими словами:

„Волнуется, ропщетъ, негодуетъ народъ, смущаемый ежедневными сообщеніями о Берлинскомъ конгрессѣ, и ждетъ, какъ благой вѣсти, рѣшенія свыше. Ждетъ и надѣется. Не солжетъ его надежда, потому что не преломится Царское слово: „святое дѣло будетъ доведено до конца“. Долгъ вѣрноподданныхъ велитъ всѣмъ намъ надѣяться и вѣрить,—долгъ же вѣрноподданныхъ велитъ намъ и не безмолвствовать въ эти дни беззаконія и неправды, воздвигающихъ средостѣніе между царемъ и землею, между царскою мыслью и народною думой. Ужели и въ самомъ дѣлѣ можетъ раздаться намъ сверху въ отвѣтъ внушительное слово: „*Молчите, честныя уста! гласите лишь вы, лесть да кривда!*“

Когда императоръ Александръ узналъ объ этой рѣчи, то онъ до такой степени разсердился, что, несмотря на положеніе Аксакова въ обществѣ и его годы, онъ велѣлъ его выслать изъ Москвы административнымъ порядкомъ.

Еще болѣе было возбужденіе среди либеральныхъ земцевъ, и въ революціонныхъ кругахъ русскаго общества, которые усиленно волновались въ это время, въ особенности на югѣ Россіи. Югъ Россіи непосредственно былъ ближе къ театру военныхъ дѣйствій, ярче видѣлъ злоупотребленія и безпорядки при поставкахъ въ армію и былъ тѣмъ отзывчивѣе на эти обстоятельства, что уже и ранѣе тамъ развивалось окрашенное украйнофильствомъ довольно широкое общественное движеніе. Въ Кіевѣ, въ особенности, рѣзко начинаетъ въ довольно широкихъ кругахъ общества утверждаться въ это время сознаніе необходимости установленія конституціоннаго строя въ Россіи. Это сознаніе, не чуждое части русскаго общества еще въ шестидесятыхъ годахъ, теперь еще болѣе усиливается, въ виду того факта, что въ Болгаріи, которая только что тогда изъ угнетенной, дикой и некультурной страны сдѣлалась самостоятельнымъ княжествомъ, сразу было введено конституціонное устройство. Этотъ фактъ—который не могъ, конечно, имѣть мѣста безъ согласія на него императора Александра,—чрезвычайно ободрилъ надежды русскихъ патріотовъ и либераловъ. Зародившись на югѣ, по всей Россіи въ это время начинаетъ распространяться довольно яркое конституціонное движеніе.

Въ Кіевѣ и потомъ въ Харьковѣ происходятъ съѣзды земцевъ, которые, въ это время, какъ разъ совпадаютъ съ рѣзкимъ развитіемъ и революціоннаго движенія. Послѣднее въ свою очередь къ тому времени измѣняетъ свою окраску: вы видѣли, что до войны 1877—78 гг. революціонное *народническое* движеніе совершенно устраняло отъ себя всякіе политическіе интересы, считало, что вопросы политическаго устройства имѣютъ ничтожную цѣнность, и какъ идеалъ впереди выставляло анархическое федералистическое устройство общества въ видѣ свободнаго союза независимыхъ общинъ. Поэтому главныя усилія революціоннаго движенія до этихъ поръ были направлены на непосредственное достиженіе извѣстныхъ соціальныхъ улучшеній въ судьбахъ народа. Въ это же время, въ виду тѣхъ притѣсненій, которыя народники успѣли испытать со стороны

правительства, въ виду тѣхъ процессовъ, которые начались въ концѣ 70-хъ годовъ, въ виду тѣхъ неудачъ, которыя встрѣтили попытки ихъ вести непосредственную соціальную пропаганду среди народа, послѣ выстрѣла Вѣры Засуличъ, произведеннаго въ отвѣтъ на возмутительное приказаніе Трепова высѣчь политическаго арестанта,—послѣ всего этого революціонное движеніе быстро начинаетъ принимать новыя формы рѣзкой политической борьбы. Среди революціонеровъ начинаетъ преобладать мысль, что въ данныхъ политическихъ условіяхъ невозможно вести какую бы то ни было соціальную пропаганду, тѣмъ больше, что и народныя массы, какъ вы видѣли, не встрѣтили этой пропаганды сколько-нибудь сочувственно. Среди народниковъ появляется сознаніе необходимости добиваться лучшихъ политическихъ условій. Послѣ вооруженнаго сопротивленія въ Одессѣ и казни Ковальскаго, Степнякъ-Кравчинскій убиваетъ среди дня на улицѣ Петербурга шефа жандармовъ Мезенцева и самъ успѣваетъ скрыться.

Правительство начинаетъ сознавать необходимость призвать общество къ содѣйствію въ его борьбѣ съ революціонерами и опубликовываетъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ послѣ соотвѣтствующей рѣчи самого Государя въ Москвѣ, особое сообщеніе, въ которомъ, указывая на развитіе крамолы, оно требуетъ отъ общества поддержки себѣ въ борьбѣ съ революціей. Въ этотъ моментъ земцы нѣсколькихъ южныхъ губерній сплотились между собой и съ либеральными элементами общества на нѣсколькихъ съѣздахъ, устроенныхъ въ Кіевѣ и Харьковѣ. Они сдѣлали попытку войти хотя бы во временное соглашеніе и съ революціонерами-террористами, которыхъ они хотѣли убѣдить прекратить террористическіе акты, чтобы тѣмъ самымъ дать либераламъ возможность испытать мирныя средства воздѣйствія на правительство. Попытка эта оказалась безуспѣшною. Тѣмъ не менѣе, земцы рѣшились указать и правительству, что пока правительство въ борьбѣ своей съ революціонерами пускаетъ въ ходъ такія мѣры, которыя нарушаютъ кореннымъ образомъ права и интересы всего общества, а не однихъ революціонеровъ, пока оно игнорируетъ справедливыя желанія общества и пренебрегаетъ неприкосновенностью и элементарными правами мирныхъ обывателей, до тѣхъ поръ представители общества лишены всякой возможности оказать этому правительству какую бы то ни было поддержку.

Съ соотвѣтствующими заявленіями должны были выступить участники земскихъ совѣщаній въ разныхъ земскихъ собраніяхъ и предложить имъ принять соотвѣтствующіе адресы правительству. Наиболѣе яркой попыткой выполнить эту программу была рѣчь, произнесенная вопреки запрещенію предсѣдателя въ черниговскомъ земскомъ собраніи губернскимъ гласнымъ И. И. Петрункевичемъ, при чемъ въ помѣщеніе, гдѣ засѣдали черниговскіе гласные, для разгона этого собранія введены были жандармы. Въ этой рѣчи Петрункевичъ между прочимъ сказалъ:

„... Думать, что идеи, въ томъ числѣ и анархическія, можно остановить мѣрами строгости, значитъ игнорировать исторію развитія и распространенія идей...

...Чтобы сознательно идти къ своей задачѣ и чтобы уяснить, что можетъ сдѣлать земство, т.-е. самъ русскій народъ, для излѣченія опаснаго недуга—необходимо обратиться къ анализу причинъ, его породившихъ. Такихъ главныхъ причинъ, наряду съ другими, менѣе важными, по мнѣнію земства, три:

1. Организація среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.
2. Отсутствіе свободы слова и печати.
3. Отсутствіе среди русскаго общества чувства законности.

...Борьба съ разрушительными идеями была бы возможна лишь въ томъ случаѣ, когда бы общество располагало соотвѣтственными орудіями. Эти орудія: слово, печать, свобода мнѣній и свободная наука. Въ то время, когда анархическія идеи распространяются и тайною печатью, и устною пропагандой, общество лишено средствъ откровенно выражать свои мнѣнія. Общественнаго мнѣнія не существуетъ, ибо нѣтъ органа для его выраженія, нѣтъ печати, которая, не руководясь страхомъ административныхъ взысканій, грозящихъ ей, а имѣя въ виду интересъ общества, его мирное развитіе, его насущныя потребности и возможныя опасности, пробуждала бы чувство самостоятельности, чувство самосохраненія и поддержанія основъ, на которыхъ зиждется государственный строй".

Охарактеризовавъ затѣмъ тѣ искаженія, которыя введены были въ реформы шестидесятыхъ годовъ, то положеніе, которое создалось въ настоящее время, и съ особенной подробностью остановившись на условіяхъ, въ которыхъ приходится, благо-

даря толстовской классической системѣ, воспитываться и развиваться нашимъ молодымъ поколѣніямъ, Петрункевичъ такъ заканчивалъ свою рѣчь:

„Таково положеніе русскаго общества. *Не обладая чувствомъ, заставляющимъ подчиняться закону, не имѣя общественнаго мнѣнія, обуздывающаго всякія личныя, несогласныя съ общественными интересами стремленія, лишенное свободы критики возникающихъ среди него идей,—русское общество представляетъ разобщенную, инертную массу, способную поглощать все, но не способную къ борьбѣ* [1]). Поэтому земство Черниговской губерніи, съ невыразимымъ огорченіемъ, констатируетъ свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства“.

Правительство поспѣшило запретить обсужденіе въ земскихъ собраніяхъ подобныхъ вопросовъ, несмотря на то, что оно само какъ разъ и призвало общество къ поддержкѣ и такимъ образомъ несомнѣнно само дало поводъ къ обсужденію этихъ вопросовъ со стороны земствъ. Лишь немногія земскія собранія успѣли высказать свои аналогичныя соображенія. Такъ, въ собраніи тверского губернскаго земства былъ принятъ слѣдующій знаменательный адресъ:

„Государь Императоръ, въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига болгарскаго народа,—писали тверитяне,—призналъ необходимымъ даровать ему истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати. Земство тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что русскій народъ, съ такою полною готовностью, съ такою беззавѣтною любовью къ своему царю-освободителю, несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которыя одни могутъ дать ему возможность выйти, по слову государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія“.

Эти заявленія тутъ же были прекращены, какъ я уже сказалъ, циркуляромъ министра, который указывалъ предводителямъ дворянства, что онъ будетъ привлекать ихъ къ отвѣт-

---

[1]) Курсивъ мой. *А. К.*

ственности, согласно закону 13 іюня 1867 года, если они не будутъ останавливать подобныхъ заявленій.

Однако, возникшее въ земскихъ кругахъ движеніе не успокоилось, а развивалось и дальше. Въ 1879—80 годахъ былъ созванъ цѣлый рядъ земскихъ конспиративныхъ съѣздовъ, изъ которыхъ самый многолюдный происходилъ въ началѣ 1879 г. въ Москвѣ. На земства и земцевъ посыпались кары. Петрункевичъ въ апрѣлѣ 1879 года былъ арестованъ и высланъ въ костромскую губернію. Арестованы были также и нѣкоторые другіе участники того же движенія.

Между тѣмъ въ это же время, какъ я уже говорилъ, все рѣзче и рѣзче обостряется настроеніе соціалистовъ-революціонеровъ. Вы видѣли, что въ 1878 году начался уже рядъ террористическихъ покушеній, вызванныхъ репрессіями правительства и чрезвычайнымъ произволомъ полицейскихъ властей. Въ средѣ революціонеровъ все настойчивѣе развивается мысль о необходимости для полученія возможности бороться за осуществленіе своего соціальнаго идеала отвоевать прежде всего по крайней мѣрѣ элементарныя условія политической свободы.

Однако, несмотря на признаніе насущности одинаковыхъ ближайшихъ задачъ съ земскими конституціоналистами, революціонеры не могли сойтись съ ними, потому что методы борьбы у нихъ и у либераловъ были совершенно различные. Въ 1879 г. въ средѣ народническаго общества „Земля и воля“ рѣшено было созвать, для обсужденія новыхъ идей и пересмотра своей программы, особый конспиративный съѣздъ въ Воронежѣ. При этомъ та часть революціонеровъ, которая особенно была на сторонѣ измѣненія ближайшихъ задачъ революціонной организаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ способовъ борьбы, и среди которой выдѣлялся особенно одесскій революціонеръ Желябовъ, устроила особый предварительный съѣздъ въ Липецкѣ, на которомъ было рѣшено во всякомъ случаѣ образовать особый „исполнительный комитетъ“ для террористической борьбы съ правительствомъ. Это постановленіе было принято и большинствомъ участниковъ на состоявшемся затѣмъ общемъ съѣздѣ въ Воронежѣ,—правда, тамъ отдѣлилась небольшая группа народниковъ, во главѣ которой сталъ Плехановъ, настаивавшая на сохраненіи прежней народнической программы и соотвѣтствующей ей тактики, ставившая на первый планъ соціальную

пропаганду, а не политическую борьбу. Тѣмъ не менѣе по возвращеніи съѣзжавшихся революціонеровъ въ Петербургъ оказалось, что сохранить единство между двумя образовавшимися въ ихъ средѣ группами невозможно, и организація „Земли и воли“ разбилась на двѣ: на большую сравнительно организацію „Народной воли“,—которая сохранила, правда, въ своей программѣ народническіе идеалы, но въ то же время признала и необходимость систематической борьбы на политической почвѣ и главныя силы свои въ ближайшее время рѣшила направить поэтому на террористическую борьбу съ правительствомъ,—и другую группу, гораздо менѣе численную и менѣе вліятельную, принявшую наименованіе партіи „Чернаго передѣла“, которая продолжала отстаивать старые народническіе взгляды въ полномъ объемѣ.

Поле дѣйствій осталось однако же за „Народной волей“, которая и произвела въ ближайшіе два года цѣлый рядъ крупныхъ террористическихъ актовъ, потрясшихъ ту правительственную организацію, которая тогда существовала. Объ этихъ актахъ, ихъ значеніи и послѣдствіяхъ я разскажу вамъ въ слѣдующій разъ.

ЛЕКЦІЯ XXXVII.

Организація революціонерами ряда покушеній на жизнь императора Александра II. Растерянность и колебанія въ высшихъ сферахъ. Взрывъ въ зимнемъ дворцѣ и учрежденіе верховной распорядительной комиссіи съ Лорисъ-Меликовымъ во главѣ. Программа Лорисъ-Меликова и ея осуществленіе. Отношеніе къ нему либераловъ и революціонеровъ. Отставка Толстого. Реформы Лорисъ-Меликова. Сенаторскія ревизіи и крестьянскій вопросъ. Конституціонное движеніе. Докладъ Лорисъ-Меликова объ учрежденіи особой подготовительной комиссіи. Катастрофа 1 марта 1881 года.

Въ прошлый разъ я излагалъ вамъ обстоятельства внѣшней политики и внѣшнихъ отношеній, которыя привели къ обостренію восточнаго вопроса и кончились русско-турецкой войной 1877—78 годовъ. Я указалъ вамъ вкратцѣ и тѣ непосредственныя послѣдствія, которыя повлекла за собою война во внутреннихъ отношеніяхъ и настроеніяхъ различныхъ группъ общества. Эти внутреннія отношенія въ то время чрезвычайно обострились. Обостреніе это развивалось на почвѣ всеобщаго разлада въ экономической и финансовой сферѣ народной и государственной жизни,—о чемъ особенно рѣзко представлялъ императору Александру министръ финансовъ Рейтернъ, который былъ противъ войны и тотчасъ же послѣ нея вышелъ въ отставку, не считая для себя возможнымъ принять ликвидацію того ухудшенія финансовыхъ отношеній, которое вызвано было войной. Съ другой стороны, быстро росло обостреніе розни между правительствомъ и обществомъ, обостреніе, ознаменовавшееся сильнымъ развитіемъ земскаго оппозиціоннаго движенія и обращеніемъ народниковъ-революціонеровъ на путь активной революціонной дѣятельности, которая, развиваясь crescendo привела ихъ на путь ожесточенной террористической борьбы.

Послѣ преобразованія пропагандистской соціально-революціонной организаціи „Земли и воли“ въ боевую террористическую

организацію „Народной воли“, окончательно сформировавшуюся послѣ липецкаго и воронежскаго съѣздовъ, террористическія покушенія направились, главнымъ образомъ, на личность царя. Противъ императора Александра II-го предпринята была малочисленной, но необыкновенно энергичной организаціей революціонеровъ-террористовъ, можно сказать, систематическая осада и цѣлая сѣть подкоповъ, засадъ и т. д., при чемъ въ этой борьбѣ, дошедшей до крайняго-азарта, революціонеры не останавливались передъ организаціей подкоповъ, взрывовъ мостовъ, поѣздовъ и домовъ въ городахъ, несмотря на то, что осуществленіе этихъ покушеній грозило отнятіемъ жизни у многихъ десятковъ людей; это не останавливало революціонеровъ, жертвовавшихъ и собственной жизнью безъ малѣйшаго колебанія.

Съ одной стороны, революціонеры, убѣжденные въ своемъ ослѣпленіи, что удачное покушеніе на жизнь царя послужитъ сигналомъ для народной революціи, которая кореннымъ образомъ измѣнитъ всѣ условія политической и соціальной жизни въ Россіи,—при чемъ выбить ихъ изъ этого ослѣпленія было совершенно невозможно никакими доводами разсудка,—а съ другой стороны растерявшееся правительство, не сумѣвшее найти для себя какой-либо точки опоры въ населеніи, съ нуждами и правами котораго оно не привыкло считаться, судорожно принимавшее различныя репрессивныя мѣры, которыя только обостряли борьбу не на жизнь, а на смерть съ революціонерами и ставили въ то же время въ нестерпимое положеніе жизнь мирныхъ обывателей, испытывавшихъ на себѣ всю тяжесть осаднаго положенія и произвола грубыхъ и безцеремонныхъ сатраповъ и полицейскихъ агентовъ,—таково было незавидное положеніе Россіи и русскаго общества въ эти поистинѣ трудные годы.

Послѣ покушенія Соловьева въ 1879 году на жизнь императора Александра и послѣ ряда другихъ покушеній, когда всѣмъ ясно становялись, что правительство однѣми репрессивными мѣрами не можетъ вести успѣшной борьбы съ революціонерами и не можетъ водворить миръ и порядокъ въ странѣ, и въ тоже время, когда правительство убѣдилось, что его самонадѣянное обращеніе къ обществу за содѣйствіемъ совершенно не можетъ привести къ успѣху, разъ съ интересами и правами этого общества правительство не склонно считаться,—появились наконецъ и у нѣкоторыхъ изъ членовъ правительства

сомнѣнія въ правильности той внутренней политики, которая осуществлялась въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Въ концѣ 1879 года въ придворныхъ и въ высшихъ административныхъ сферахъ начинаютъ все яснѣе сознавать, что борьба съ „крамолой“, ведущаяся однѣми репрессивными мѣрами, не можетъ привести къ успѣху. Одинъ изъ временныхъ генералъ-губернаторовъ, назначенныхъ послѣ покушенія Соловьева на жизнь царя, именно харьковскій генералъ-губернаторъ Лорисъ-Меликовъ, сдѣлалъ въ это время опытъ примѣненія во ввѣренномъ его управленію краѣ нѣсколько видоизмѣненной политики по собственному почину; онъ попытался смирить произволъ подчиненной ему администраціи и постарался добиться симпатій и уваженія со стороны мѣстнаго населенія заботливымъ охраненіемъ его интересовъ, не переставая въ то же время энергично преслѣдовать революціонеровъ, которые въ Харьковѣ особенно рѣзко тогда выступали.

Параллельно съ этимъ и въ высшихъ придворныхъ сферахъ графъ Валуевъ, бывшій въ то время предсѣдателемъ комитета министровъ, началъ осторожно внушать императору мысль о необходимости примиренія правительства съ обществомъ, причемъ онъ указывалъ на своевременность возвращенія къ тѣмъ проектамъ объ участіи представителей общества въ государственныхъ дѣлахъ, которые были въ ходу въ шестидесятыхъ годахъ и могли по его мнѣнію въ настоящихъ обстоятельствахъ произвести на общество благопріятное впечатлѣніе. При этомъ Валуевъ извлекъ изъ архива свой собственный проектъ, составленный еще въ 1863 году, о которомъ я упоминалъ вамъ, когда читалъ исторію эпохи реформъ. Съ своей стороны великій князь Константинъ Николаевичъ, который былъ въ это время предсѣдателемъ государственнаго совѣта, напомнилъ и свой проектъ, составленный по его порученію въ 1866 году княземъ Урусовымъ и клонившійся также къ созданію нѣкотораго зародыша представительнаго учрежденія совѣщательнаго характера.

Въ то время, какъ эти проекты обсуждались въ ближайшихъ къ императору Александру кругахъ, а въ странѣ, среди жестокихъ расправъ и казней попадавшихъ въ руки администраціи революціонеровъ, продолжалъ царить и развиваться дикій произволъ, вызывавшій всеобщее раздраженіе и ропотъ, организо-

ванъ былъ революціонерами взрывъ въ самомъ жилищѣ императора Александра въ зимнемъ дворцѣ. Взрывъ произошелъ въ тотъ моментъ, когда вся царская фамилія въ полномъ составѣ готовилась принять участіе въ парадномъ обѣдѣ, устроенномъ въ честь прибытія въ Петербургъ болгарскаго князя Александра Баттенбергскаго. Это событіе поразило все населеніе и самого императора Александра чрезвычайно; произошло это 4-го февраля 1880 года, при чемъ взрывъ не достигъ своей цѣли только благодаря нѣкоторымъ, совершенно случайнымъ, обстоятельствамъ. Революціонеры сумѣли внести въ зимній дворецъ достаточное количество динамита, который они въ теченіе ряда мѣсяцевъ складывали въ подвальномъ этажѣ, внутри печи, которая находилась какъ разъ подъ императорской столовой, что было установлено революціонерами по плану дворца, своевременно ими добытому. При этомъ единственно, чего они не могли усмотрѣть по тому плану, который у нихъ былъ,—это, что между подвальнымъ этажемъ и помѣщеніемъ столовой была антресольная камера, гдѣ въ моментъ взрыва находились караульные солдаты, которые и сдѣлались его жертвой въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Такимъ образомъ взрывъ не достигъ пола столовой съ достаточной силой, хотя полъ этотъ все же опустился послѣ него значительно. Кромѣ того царская фамилія еще не успѣла сѣсть за столъ, потому что случайно опоздалъ поѣздъ, привезшій Александра Баттенбергскаго, и обѣдъ долженъ былъ произойти на полчаса позже назначеннаго времени. Только благодаря этимъ случайнымъ обстоятельствамъ покушеніе не удалось; а если бы оно удалось, то жертвой его сталъ бы не только императоръ Александръ, но и вся царская фамилія, и получилось бы такое положеніе, что уничтожены были бы вмѣстѣ съ императоромъ и всѣ законные наслѣдники государя и, такимъ образомъ, въ сущности говоря по произволу кучки людей, могъ бы возникнуть вопросъ,—совершенно неожиданно для всей страны,—или объ избраніи новой династіи, или, какъ мечтали революціонеры, о полной перемѣнѣ формы правленія.

Однимъ словомъ, дѣйствительно, событіе это могло вызвать чрезвычайныя послѣдствія,—какихъ, казалось, нельзя было бы и предвидѣть. Слѣдствіе, произведенное по поводу этого событія, обнаружило, что революціонеры не случайно только, такъ

сказать, на одну минуту взрыва, проникли въ зимній дворецъ; оказалось, что они ухитрились тамъ свить себѣ прочное гнѣздо. Виновникъ этого взрыва, молодой рабочій Халтуринъ, имѣлъ помѣщеніе во дворцѣ въ качествѣ исполника и въ теченіе шести мѣсяцевъ жилъ тамъ, вносилъ туда динамитъ, который ему передавалъ Желябовъ, и спокойно выжидалъ подходящаго случая, нѣсколько разъ отсрочивая моментъ взрыва, пока у него не было въ рукахъ вполнѣ точныхъ данныхъ, что онъ достигнетъ поставленной себѣ цѣли во всей ея полнотѣ. Однимъ словомъ, со стороны революціонеровъ дѣло было поставлено прочно и предусмотрительно подготовлено, и какъ бы для того, чтобы съ особенной яркостью подчеркнуть несостоятельность полицейской охраны, оказалось, что за нѣсколько недѣль передъ взрывомъ, при обыскѣ у одного революціонера, былъ найденъ планъ зимняго дворца, на которомъ крестикомъ было обозначено мѣсто взрыва, и несмотря на это, полиція, которая не давала спокойно жить въ Петербургѣ мирнымъ обывателямъ, которая не задумывалась принимала такія мѣры, какъ наложеніе обязательныхъ дежурствъ дворниковъ, безъ всякаго законодательнаго утвержденія, что обходилось населенію Петербурга до милліона рублей въ годъ,—несмотря на все это, такой простой фактъ, какъ находка плана зимняго дворца съ опредѣленными знаками въ бумагахъ революціонеровъ, не обратилъ на себя достаточнаго вниманія полицейскихъ властей.

Это было, конечно, полное фіаско той системы охраны, которая существовала, фіаско, которое обнаружило всю невозможность и крайнюю опасность этого положенія,—и прежде всего обнаружило это въ глазахъ самого императора Александра. И вотъ мы видимъ, что въ высшихъ сферахъ совершается въ этотъ моментъ окончательный поворотъ во взглядахъ на задачи внутренней политики.

Я вамъ сказалъ, что уже передъ этимъ Валуевъ, приблизительно за мѣсяцъ до взрыва въ зимнемъ дворцѣ, опредѣленно указывалъ императору Александру на необходимость примириться съ обществомъ и измѣнить въ этомъ отношеніи установившійся реакціонный курсъ. За недѣлю до взрыва, императоръ Александръ устроилъ у себя для обсужденія проекта Валуева совѣщаніе изъ нѣсколькихъ человѣкъ министровъ, пользовавшихся его наибольшимъ довѣріемъ, при участіи цесаревича

Александра Александровича. Цесаревичъ оказался, однако, въ этомъ случаѣ вовсе не на сторонѣ Валуева, а наоборотъ тутъ именно въ первый разъ съ очевидностью обнаружилъ тѣ свои политическіе взгляды, которые потомъ онъ исповѣдовалъ въ теченіе всего своего царствованія. Онъ высказался тутъ съ полной опредѣленностью противъ всякихъ конституціонныхъ плановъ, которые предлагались Валуевымъ и Константиномъ Николаевичемъ.

Когда же, уже послѣ совершенія взрыва, императоръ Александръ вновь собралъ совѣщаніе—8-го февраля 1880 года—изъ тѣхъ же лицъ, то наслѣдникъ Александръ Александровичъ выступилъ самъ съ опредѣленнымъ планомъ мѣръ, которыя нужно было, по его мнѣнію, принять; онъ предложилъ учредить верховную слѣдственную комиссію, по образцу тѣхъ комиссій, которыя были учреждены въ 1862 году послѣ извѣстныхъ пожаровъ и въ 1866 году послѣ каракозовскаго покушенія. При этомъ цесаревичъ указывалъ, что теперь такая комиссія должна получить болѣе широкія полномочія и распространить свою дѣятельность на всю Россію.

Императоръ Александръ вначалѣ отнесся къ этому предложенію отрицательно и не выказалъ никакого расположенія ему слѣдовать, но такъ какъ наслѣдникъ настаивалъ и развивалъ свои мысли, повидимому, не только въ этомъ совѣщаніи, а и послѣ его закрытія, то Александръ Николаевичъ, обдумавъ въ теченіе ближайшей ночи еще разъ это предложеніе и собравъ на другой день опять то же совѣщаніе, при чемъ въ его составъ были приглашены и нѣкоторые случайно находившіеся въ Петербургѣ генералъ-губернаторы—въ томъ числѣ и Лорисъ-Меликовъ—уже опредѣленно заявилъ, что у него въ связи съ предложеніемъ наслѣдника составился новый планъ, что онъ считаетъ въ данный моментъ неизбѣжнымъ принять вполнѣ исключительныя мѣры и для этого рѣшается создать особое временное диктаторіальное учрежденіе, съ передачей ему нѣкоторыхъ правъ верховной власти. Это чрезвычайное учрежденіе должно было получить наименованіе „Верховной распорядительной комиссіи“ и должно было имѣть чрезвычайныя полномочія, главнымъ образомъ, для борьбы съ крамолой; но вмѣстѣ съ тѣмъ этой комиссіи предоставлялось обсудить создавшееся въ Россіи нестерпимое положеніе и найти способъ изъ него выйти.

Во главѣ этой комиссіи императоръ Александръ рѣшилъ поставить генерала Лорисъ-Меликова,—того самаго, единственнаго изъ генералъ-губернаторовъ, который обнаружилъ вмѣстѣ съ значительной энергіей въ борьбѣ съ революціонерами умѣніе привлечь на свою сторону симпатіи обывателей, благодаря заботливой охранѣ ихъ правъ и интересовъ отъ произвола администраціи.

Повидимому выборъ Лорисъ-Меликова былъ такимъ образомъ далеко не случаенъ. Въ самомъ указѣ о назначеніи этой распорядительной комиссіи было объявлено, что она назначается подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова и въ составъ ея будутъ введены лица, назначенныя императоромъ, по его, Лорисъ-Меликова, представленію, что комиссіи этой даются особыя полномочія и что ей должны подчиняться всѣ административныя власти, даже министры, не исключая и военнаго, который передъ тѣмъ былъ прямымъ начальникомъ Лорисъ-Меликова.

До тѣхъ поръ широкой публикѣ Лорисъ-Меликовъ былъ извѣстенъ, какъ выдающійся кавказскій генералъ, прославившійся въ войну 1877—1878 гг. взятіемъ Карса, и затѣмъ какъ энергичный распорядитель по охранѣ Россіи отъ чумы, когда она появилась послѣ войны въ астраханской губерніи. Какъ харьковскаго генералъ-губернатора его знали только на югѣ.

Тотчасъ же по вступленіи въ должность 14-го февраля 1880 года Лорисъ-Меликовъ опубликовалъ прокламацію къ жителямъ Петербурга, въ которой писалъ, что, съ твердостью стремясь къ искорененію преступниковъ, пытающихся поколебать государственный строй, онъ въ то же время желаетъ успокоить и оградить законные интересы благомыслящей части общества.

> „На поддержку общества,—писалъ онъ,—смотрю какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти къ возобновленію правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества“.

О личности самого Лорисъ-Меликова сохранилось нѣсколько свидѣтельствъ лицъ, болѣе или менѣе близко его знавшихъ и притомъ достаточно безпристрастныхъ и лично незаинтересованныхъ въ его реабилитаціи. Сохранились, напримѣръ, воспоминанія о немъ доктора Бѣлоголоваго, который хорошо зналъ

его и имѣлъ съ нимъ много разговоровъ уже послѣ того, какъ Лорисъ-Меликовъ сошелъ со сцены. Такое же значеніе имѣютъ свѣдѣнія о немъ и о его взглядахъ въ запискахъ Кошелева, который познакомился съ Лорисъ-Меликовымъ задолго до призыва его на высшій государственный постъ, а затѣмъ поддерживалъ съ нимъ сношенія и во время его правительственной дѣятельности, и послѣ ея прекращенія [1]). Всѣ эти лица отзываются о Лорисъ-Меликовѣ, какъ о человѣкѣ искренно либеральномъ, вполнѣ честномъ, склонномъ пойти навстрѣчу лояльному общественному движенію и удовлетворить справедливыя требованія какъ земствъ, такъ и вообще либерально настроенныхъ людей, вплоть до предоставленія обществу нѣкотораго участія въ государственныхъ дѣлахъ.

Не подлежитъ однако сомнѣнію, что основныя задачи миссіи Лорисъ-Меликова въ данномъ случаѣ были прежде всего репрессивныя; эта чрезвычайная комиссія была установлена прежде всего для борьбы съ революціонерами, и Лорисъ-Меликовъ на этой борьбѣ готовился, конечно, сосредоточить всѣ свои силы; онъ понималъ, что его задачи въ сущности прежде всего полицейскія, хотя, въ то же время, смотрѣлъ на эти полицейскія задачи съ необычайной для русскаго администратора широтой. Совершенно несправедливо установилось о немъ представленіе, какъ о конституціоналистѣ, какъ о лицѣ, стремившемся ввести какую-нибудь конституцію или хотя бы зародышъ ея по западному образцу. Онъ, напротивъ, не только совершенно опредѣленно и рѣзко отрицалъ возможность перенесенія въ Россію тѣхъ конституціонныхъ формъ, которыя сложились на Западѣ,— утверждая, что онѣ для Россіи по оригинальности ея условій не годятся, — но признавалъ совершенно несвоевременнымъ подымать вопросъ и объ учрежденіи какого-нибудь законосовѣщательнаго собранія въ духѣ славянофиловъ, какого-нибудь земскаго собора по образцу старинныхъ русскихъ земскихъ соборовъ XVI и XVII вѣковъ. Онъ не скрывалъ, а совершенно опредѣленно формулировалъ это свое мнѣніе—и въ докладахъ

[1]) Недавно появились въ январской книжкѣ „Голосъ Минувшаго“, за нынѣшній 1914 г., интересныя воспоминанія о гр. М. Т. Лорисъ-Меликовѣ, *А. Ѳ. Кони*, который также изображаетъ личность Лориса въ весьма благопріятномъ для него свѣтѣ и особенно подчеркиваетъ его прямоту и честность. (Срав. „Голосъ Минувшаго“ за 1914 г., № 1, стр. 181—202).

царю, и въ бесѣдахъ съ представителями общества. Онъ опасался, какъ говорилъ онъ царю, что собранные въ какое бы то ни было государственное собраніе народные представители принесутъ съ собою массу жалобъ, упрековъ и *справедливой* критики, на которые въ данный моментъ правительству очень трудно будетъ представить удовлетворительныя объясненія. Поэтому онъ считалъ необходимымъ прежде всего упорядочить положеніе дѣлъ въ Россіи путемъ ряда законодательныхъ и административныхъ мѣръ, возстановить при этомъ нарушенное реакціей теченіе дѣлъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя были созданы реформами шестидесятыхъ годовъ, и затѣмъ уже, приступивъ къ улучшенію и исправленію того положенія, которое произведено было реакціей,онъ думалъ допустить въ той или иной формѣ нѣкоторое участіе представителей населенія въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ. Его формулировка объема и формъ этого участія совершенно непохожа была на введеніе какихъ бы то ни было конституціонныхъ формъ, какъ вы дальше увидите.

Обращаясь прежде всего къ своей ближайшей задачѣ, задачѣ репрессивной, Лорисъ-Меликовъ поставилъ дѣло весьма рѣшительно; онъ прежде всего призналъ необходимымъ усилить и сосредоточить репрессивную власть и придать ея дѣйствіямъ бо́льшую цѣлесообразность. Именно изъ этихъ соображеній онъ началъ свою дѣятельность уничтоженіемъ или, вѣрнѣе, реорганизаціей того III отдѣленія, которое было учреждено Николаемъ I при содѣйствіи Бенкендорфа и къ которому съ такой ненавистью относились въ Россіи всѣ сколько нибудь живые люди.

III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи было по его докладу уничтожено, какъ самостоятельное учрежденіе, и присоединено къ министерству внутреннихъ дѣлъ, при чемъ самъ министръ внутреннихъ дѣлъ былъ сдѣланъ шефомъ жандармовъ. Такимъ образомъ, это не была либеральная реформа или уступка обществу, а было планомѣрное сосредоточеніе репрессивной власти. Онъ признавалъ, что раздѣленіе полиціи, полицейской власти между жандармскимъ вѣдомствомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ прежде всего вредитъ именно цѣлесообразности полицейскихъ дѣйствій и сосредоточенности репрессивной силы; такимъ образомъ, въ этой его реформѣ никакого либерализма не было.

Ради той же цѣли, онъ считалъ необходимымъ близко связать съ департаментомъ полиціи и съ государственной полиціей вообще также и прокуратуру, которую онъ и поставилъ въ извѣстную опредѣленную связь съ департаментомъ полиціи, и, такимъ образомъ, въ этомъ дѣлѣ онъ шелъ, въ сущности, противъ принциповъ судебной реформы 1864 года, усиливъ зависимость прокуратуры отъ административной власти; онъ въ этомъ отношеніи проводилъ и продолжалъ ту линію поведенія, которую до него принялъ Паленъ,—только съ гораздо большимъ искусствомъ, чѣмъ этотъ послѣдній. И даже во главѣ департамента полиціи онъ поставилъ бывшаго прокурора судебной палаты—В. К. Плеве, на долю котораго и выпала задача реорганизовать это учрежденіе.

При этомъ новый *диктаторъ*,—какъ его звали—распространилъ репрессивныя дѣйствія или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое ихъ отраженіе также и на тѣхъ представителей либеральнаго или радикальнаго теченія, которые въ своей дѣятельности выходили изъ законныхъ рамокъ и вступали въ непосредственную связь съ революціонерами. Такъ, напримѣръ, при Лорисъ-Меликовѣ, какъ разъ въ началѣ его „диктатуры сердца", попалатился извѣстный русскій писатель—статистикъ и публицистъ, недавно скончавшійся Н. Ф. Анненскій, который былъ высланъ тогда въ Западную Сибирь. Въ это же время, когда борзненскіе земскіе гласные возбудили ходатайство о возвращеніи И. И. Петрункевича въ черниговскую губернію, то имъ въ этомъ было отказано, а Петрункевичу разрѣшено лишь переѣхать, по его выбору, изъ костромской губерніи въ смоленскую.

Такимъ образомъ мы видимъ, что репрессивная дѣятельность Лорисъ-Меликова была довольно сильна и касалась не только преслѣдованія революціонеровъ-террористовъ, но и вообще всѣхъ активно боровшихся съ правительствомъ лицъ. Но въ то же время свои идеи о ненарушимости гражданскихъ правъ и гражданской свободы *мирныхъ обывателей* Лорисъ-Меликовъ проводилъ довольно послѣдовательно. Во главу угла своей внутренней политики онъ поставилъ въ ближайшую очередь такой планъ: во-первыхъ, возстановить въ полной мѣрѣ земское положеніе 1 января 1864 года, уничтоживъ всѣ тѣ стѣсненія и искаженія, которыя послѣдовали въ немъ въ реакціонную эпоху; во-вторыхъ, точно такъ же возстановить въ полномъ объ-

емѣ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно чутко прислушиваясь къ голосу общественнаго мнѣнія, Лорисъ-Меликовъ немедленно приступилъ къ смѣнѣ состава высшей администраціи въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ. Прежде всего, онъ настоялъ на увольненіи въ отставку графа Толстого, министра народнаго просвѣщенія, и, конечно, это было одной изъ важнѣйшихъ заслугъ его передъ обществомъ, благодаря которой онъ сразу пріобрѣлъ въ глазахъ многихъ значительныя симпатіи и довѣріе. Вмѣсто Толстого былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія сознательный и искренній либералъ А. А. Сабуровъ, который за короткое время своего завѣдыванія министерствомъ опредѣленно стремился вернуться къ идеямъ Головнина.

Затѣмъ былъ устраненъ министръ финансовъ, генералъ Грейгъ, который обнаружилъ и большую бездарность, какъ министръ финансовъ, и въ то же время являлся однимъ изъ столповъ реакціи въ комитетѣ министровъ. Грейгъ былъ замѣненъ либеральнымъ бюрократомъ А. А. Абазой, который былъ въ шестидесятыхъ годахъ однимъ изъ друзей Н. А. Милютина и однимъ изъ людей, близкихъ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Эта перемѣна довольно быстро дала себя знать уничтоженіемъ тяжелаго для народа налога на соль и приступомъ къ разработкѣ другихъ либеральныхъ финансовыхъ мѣръ, отчасти осуществленныхъ въ послѣдующую эпоху. Тогда же былъ поставленъ на очередь вопросъ объ измѣненіи всей податной системы, но конечно такой вопросъ требовалъ извѣстнаго промежутка времени для своей разработки.

Что касается положенія печати и отношенія къ ней Лорисъ-Меликова, то надо сказать, что онъ признавалъ необходимость облегчить ея положеніе и облегчилъ его довольно существенно. При немъ получилъ возможность существованія [цѣлый рядъ новыхъ органовъ печати, которые раньше не могли открыться: такъ стали выходить газеты „Страна“ Л. А. Полонскаго, „Порядокъ“ М. М. Стасюлевича, журналъ „Русская Мысль“ въ Москвѣ подъ редакціей Юрьева, друга Кошелева. Наконецъ, получили возможность опять поднять свой голосъ и славянофилы; Аксаковъ сталъ выпускать новый, — по счету, кажется, двѣнадцатый—славянофильскій журналъ „Русь“, который просуществовалъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ.

Тогда же и земцы получили возможность завести свой собственный печатный органъ, основанный на средства Кошелева въ Москвѣ подъ редакціей Скалона и подъ заглавіемъ „Земство“, издававшійся затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ, въ духѣ либеральномъ и даже, пожалуй, радикальномъ.

Что касается предѣловъ свободы печати, то ей дозволялось обсуждать вопросы политики и вести критику правительственныхъ мѣропріятій; но въ одномъ весьма существенномъ отношеніи Лорисъ-Меликовъ стремился ее ограничить,—это въ томъ, чтобы печать не говорила о конституціи и, главное, не приписывала ему самому конституціонныхъ плановъ. При этомъ ограниченія такого рода дѣлались имъ не обычнымъ циркулярнымъ порядкомъ и не при помощи разныхъ репрессивныхъ мѣръ, а при помощи собесѣдованій съ редакторами, которыхъ онъ приглашалъ къ себѣ и указывалъ тѣ границы, которыя въ данный моментъ можно предоставить печати.

Привожу по выпуску V „Статей и рѣчей“ С. А. Муромцева содержаніе одного такого собесѣдованія:

„6 сентября 1880-го года министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ редакторовъ большой прессы со спеціальною цѣлью разъяснить имъ, чтобъ они не волновали напрасно общественныхъ умовъ, настаивая на необходимости привлеченія общества къ участію въ законодательствѣ и управленіи — въ видѣ ли представительныхъ собраній на манеръ европейскихъ, въ видѣ ли нашихъ бывшихъ земскихъ соборовъ, — что ничего подобнаго въ виду не имѣется и что ему, министру, подобныя мечтательныя разглагольствованія прессы тѣмъ болѣе непріятны, что напрасно возбуждаемыя ими надежды въ обществѣ связываются съ его именемъ, хотя онъ, министръ, никакихъ полномочій не получалъ на это и самъ лично въ виду ничего подобнаго не имѣетъ, будучи твердо убѣжденъ, что въ настоящее время самое необходимое, чѣмъ надобно заняться и на что онъ обратилъ все свое вниманіе и трудъ, — это дать должную силу новымъ учрежденіямъ, уже существующимъ, а также привести въ сообразность и гармонію съ послѣдними учрежденія стараго порядка, видоизмѣнивъ ихъ, насколько потребуется для этой цѣли.“

Подъ новыми учрежденіями въ данномъ случаѣ разумѣлись учрежденія, введенныя или образованныя въ эпоху реформъ 60-хъ годовъ.

„Поэтому ближайшей его программой, исполненіе которой потребуетъ, можетъ быть, отъ 5 до 7 лѣтъ времени, будетъ: 1) Дать земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность вполнѣ пользоваться тѣми правами, которыя дарованы имъ закономъ, стараясь при этомъ облегчить ихъ дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда на опытѣ въ томъ или другомъ отдѣлѣ предоставленной имъ закономъ дѣятельности, окажется недостатокъ полномочій, необходимыхъ для правильнаго веденія дѣла и экономическаго улучшенія мѣстностей. 2) Привести къ единообразію полицію и поставить ее въ гармонію съ новыми учрежденіями, чтобы въ ней не было болѣе возможности проявляться разнымъ уклоненіямъ отъ закона, существовавшимъ доселѣ. 3) Дать провинціальнымъ учрежденіямъ большую самостоятельность для разрѣшенія подвѣдомыхъ имъ дѣлъ, чтобы они не имѣли нужды съ каждымъ, иногда совсѣмъ незначительнымъ, вопросомъ обращаться въ Петербургъ и ждать разрѣшенія оттуда. 4) Дознать желанія, нужды и состояніе населенія разныхъ губерній, для чего, по ходатайству министерства внутреннихъ дѣлъ, высочайше назначены сенаторскія ревизіи нѣсколькихъ губерній, и на основаніи того, что будетъ добыто означенными ревизіями, по возможности удовлетворить желанія и нужды населенія, обративъ при этомъ вниманіе и на его экономическое положеніе. 5) Дать печати возможность обсуждать различныя мѣропріятія, постановленія и распоряженія правительства, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы она не смущала и не волновала напрасно общественные умы своими помянутыми мечтательными иллюзіями.“

Надо сказать, что эта программа обсуждалась и критиковалась довольно свободно и довольно рѣзко въ тогдашней печати, а впослѣдствіи, когда кончился этотъ режимъ „диктатуры сердца“, то большая часть прогрессивныхъ газетъ и журналовъ все-таки съ благодарностью вспоминала о тѣхъ облегченіяхъ, которыми они пользовались въ этотъ короткій промежутокъ относительной свободы.

Верховная распорядительная комиссія была закрыта черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего учрежденія по докладу самого гр. Лорисъ-Меликова, который призналъ, что для дальнѣйшей борьбы съ крамолой нѣтъ болѣе нужды въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ. Тогда онъ былъ назначенъ просто министромъ внутреннихъ дѣлъ и уже въ этомъ положеніи продолжалъ развивать свою дѣятельность, придерживаясь разъ принятаго курса.

Переходъ Лорисъ-Меликова въ министры внутреннихъ дѣлъ, такимъ образомъ, очень мало измѣнилъ что-либо въ ходѣ его политики. Самъ онъ неизмѣнно продолжалъ пользоваться при этомъ полнымъ довѣріемъ императора Александра и, не будучи настоящимъ премьеромъ, будучи только министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ на самомъ дѣлѣ игралъ роль, въ сущности говоря, настоящаго премьеръ-министра [1]). Имѣя въ виду создать тѣсную связь между правительствомъ и представителями страны или, точнѣе говоря, представителями общественнаго мнѣнія въ странѣ, Лорисъ-Меликовъ все больше склонялся подойти къ тѣмъ прогрессивно и болѣе или менѣе демократически настроеннымъ кругамъ земцевъ, которые опять въ это время оживились и дѣятельность которыхъ въ значительной мѣрѣ являлась продолженіемъ тѣхъ идей и тѣхъ мыслей, которыя высказывались въ земскихъ собраніяхъ въ самомъ началѣ существованія земствъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Принявъ во вниманіе тѣ заявленія, которыя онъ получалъ отъ различныхъ дѣятелей и земствъ, съ которыми онъ имѣлъ непосредственное общеніе, заявленія какъ устныя, такъ и письменныя,—особенно здѣсь слѣдуетъ упомянуть о запискѣ, составленной представителями московскаго общества (редактированной Муромцевымъ и Чупровымъ) и поданной ему тотчасъ же по вступленіи его въ должность предсѣдателя верховной распорядительной комиссіи,—Лорисъ-Меликовъ многое изъ этихъ заявленій пытался такъ или иначе удовлетворить. Въ тѣхъ начинаніяхъ, которыя были имъ предприняты, можно безъ труда различить пожеланія этой любопытной записки [2]).

---

[1]) Завидовавшій его положенію Валуевъ называлъ его въ шутку въ своемъ дневникѣ „ближнимъ бояриномъ“.

[2]) Записка эта напечатана въ настоящее время въ V выпускѣ „статей и рѣчей“ С. А. Муромцева, стр. 47 и 48. Ее имѣлъ въ виду извѣстный американецъ Кеннанъ въ брошюрѣ своей „Послѣднее заявленіе русскихъ либераловъ“.

Хорошо ознакомившись изъ этихъ заявленій земствъ и представителей печати съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находилось тогда крестьянское населеніе, въ зависимости отъ обстоятельствъ, о которыхъ я вамъ подробно разсказывалъ въ одной изъ предыдущихъ лекцій, Лорисъ-Меликовъ понималъ, что для удовлетворенія этихъ нуждъ необходимы коренныя мѣропріятія, которыя бы послужили прямымъ продолженіемъ крестьянской реформы и поставленныхъ ею на очередь вопросовъ. Онъ признавалъ какъ необходимость ряда коренныхъ экономическихъ реформъ, въ томъ числѣ, какъ я уже упоминалъ, коренного пересмотра податной системы, такъ и скорѣйшаго преобразованія правового и административнаго устройства крестьянъ, направленнаго къ освобожденію крестьянства отъ той чрезвычайной опеки, которой оно было подчинено по идеѣ редакціонныхъ комиссій въ сущности лишь на время—впредь до окончательнаго выхода крестьянъ изъ того положенія, въ которомъ они должны были находиться лишь до прекращенія временно-обязаннаго періода, а конецъ этого послѣдняго приближался и могъ быть ускоренъ правительствомъ при помощи введенія обязательнаго выкупа для имѣній, еще не перешедшихъ на выкупъ [1]).

Вопросъ объ административной крестьянской реформѣ Лорисъ-Меликовъ призналъ возможнымъ передать на предварительное обсужденіе земствамъ. Циркуляромъ 22-го декабря 1880 года онъ поручилъ всѣмъ губернаторамъ предоставить уѣзднымъ и губернскимъ земскимъ собраніямъ обсужденіе крестьянскаго вопроса въ довольно широкомъ видѣ. Распоряженіе это, разумѣется, послужило поводомъ къ значительному оживленію земской работы. Въ то же время это органически связало работу земствъ между собою и съ работой правительства, и такимъ образомъ этимъ распоряженіемъ впервые серьезно поставленъ былъ вопросъ о связныхъ дѣйствіяхъ правительства и земства. Большія надежды возлагались въ то время и на сенаторскія ревизіи, о которыхъ Лорисъ-Меликовъ упомянулъ въ своемъ вышеприведенномъ собесѣдованіи съ редакторами газетъ и журналовъ и которыя, дѣйствительно, были осуществлены единовременно въ рядѣ губерній. Матеріалы, добытые этими сенаторскими реви-

---

[1]) Такихъ имѣній оставалось въ то время, по числу приписанныхъ къ нимъ крестьянъ, не болѣе $^1/_5$ части.

зіями, должны были поступить затѣмъ на обсужденіе правительства, причемъ оно предполагало къ этому обсужденію привлечь и представителей общества.

Такая политика культивированія связи правительства съ представителями страны и общественнаго мнѣнія имѣла несомнѣнный успѣхъ, и мы видимъ, что даже такія радикально настроенныя земства, какъ тверское, относились къ этимъ мѣрамъ и вообще ко всему направленію Лорисъ-Меликова съ полнымъ одобреніемъ. Тверское земское собраніе 1880 года отправило гр. Лорисъ-Меликову адресъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано:

„Въ короткое время, ваше сіятельство, сумѣли оправдать и довѣріе государя и многія изъ надеждъ общества. Вы внесли прямоту и доброжелательность въ отношенія между властью и народомъ. Вы мудро признали законныя нужды и желанія общества".

Въ заключеніе тверское земство выражало увѣренность, что „прискорбное прошлое не воротится, а для дорогого намъ всѣмъ отечества открывается счастливое будущее"

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ земскія учрежденія, руководители высшей государственной политики ни разу не удостаивались общественнаго одобренія въ такихъ искреннихъ выраженіяхъ, ни раньше, ни послѣ Лорисъ-Меликова.

Но со стороны революціонеровъ дѣятельность Лорисъ-Меликова не только не вызывала никакого одобренія, но, напротивъ, порождала крайнее озлобленіе и, можно сказать, крайнюю тревогу въ революціонныхъ кругахъ. Революціонные круги въ это время вообще находились въ нѣкоторомъ разстройствѣ, вслѣдствіе одного крайне неблагопріятнаго для нихъ обстоятельства. Дѣло въ томъ, что въ Харьковѣ былъ арестованъ весьма видный членъ исполнительнаго комитета, Гольденбергъ, убившій въ 1879 году харьковскаго губернатора кн. Кропоткина, и этотъ Гольденбергъ былъ приведенъ ловкой тактикой жандармскихъ слѣдователей не только къ полному раскаянію, но и къ выдачѣ почти всѣхъ своихъ товарищей. Такимъ образомъ правительство въ это время не только получило полный списокъ членовъ исполнительнаго комитета, но и могло часть ихъ арестовать, а другіе должны были бѣжать, принимать разныя мѣры предосторожности и всячески укрываться. Понятно, что это обстоятельство внесло въ дѣятельность революціонеровъ значительное разстройство.

Въ сущности говоря, главнымъ образомъ, этимъ и объясняется тотъ перерывъ въ террористическихъ актахъ и покушеніяхъ, который въ это время былъ на лицо. Между тѣмъ это обстоятельство въ значительной мѣрѣ ввело въ заблужденіе и самого Лорисъ-Меликова, которому казалось, что этотъ перерывъ означаетъ не только ослабленіе энергіи революціонеровъ, но знаменуетъ рѣшеніе ихъ отказаться отъ той террористической борьбы, которая такъ напряженно до сихъ поръ ими велась. Въ этомъ отношеніи Лорисъ-Меликовъ несомнѣнно ошибался: чѣмъ болѣе разстроенными чувствовали себя оставшіеся на свободѣ революціонеры, тѣмъ болѣе признавали они необходимымъ тѣснѣе сплотиться и энергичнѣе повести атаку, предвидя, что вскорѣ можетъ послѣдовать и дальнѣйшій развалъ въ ихъ кругахъ.

Несомнѣнно ихъ чрезвычайно тревожила и въ высшей степени озлобляла самая политика Лорисъ-Меликова, которая клонилась именно къ тому, чтобы *изолировать революціонеровъ*, и они естественно могли опасаться скоро увидѣть себя обойденными и отрѣзанными отъ общества ловкой и раціонально направленной политикой „диктатуры сердца“. Поэтому если въ 1880 году дѣйствительно не было новыхъ террористическихъ актовъ, за исключеніемъ покушенія на самого Лорисъ-Меликова, произведеннаго Млодецкимъ, относительно котораго исполнительный комитетъ выпустилъ объявленіе, что это не его дѣло, а личный актъ Млодецкаго,—за исключеніемъ этого покушенія другихъ покушеній не было,—то зато въ подпольной прессѣ чрезвычайно рѣзко порицалась вся политика Лорисъ-Меликова, дѣлались попытки подорвать къ нему всякое довѣріе, при чемъ его политика характеризовалась, какъ политика „лисьяго хвоста“, направленная къ тому, чтобы обмануть общество и просто сдѣлать карьеру.

Вы видѣли уже изъ предыдущаго, что эта квалификація не можетъ быть признана правильной: Лорисъ-Меликовъ едва ли можетъ быть обвиненъ въ двоедушной политикѣ и въ лукавствѣ. Политика его, напротивъ, отличалась въ сущности значительной прямотой и, если онъ не симпатизировалъ введенію въ то время конституціонныхъ учрежденій въ Россіи, то онъ не только этого не скрывалъ, но самъ, какъ вы видѣли, объявлялъ объ этомъ редакторамъ газетъ и журналовъ, съ которыми имѣлъ собесѣдованія.

Въ то же время онъ понималъ, однако, что сохранить и развить ту связь съ представителями общества и земства, которую ему удалось установить, возможно только въ томъ случаѣ, если онъ дастъ въ той или иной формѣ исходъ ярко проявившимся въ этихъ передовыхъ кругахъ общества стремленіямъ принять участіе въ государственной дѣятельности. Эти стремленія достаточно ярко выражались и въ поданныхъ ему запискахъ и въ тѣхъ словесныхъ собесѣдованіяхъ, которыя онъ велъ. И вотъ, въ концѣ-концовъ, оставаясь при своемъ мнѣніи о невозможности ввести въ Россіи конституціонныя учрежденія на западно-европейскій образецъ и о несвоевременности созыва даже и земскаго собора, Лорисъ-Меликовъ все-таки изобрѣлъ планъ извѣстной формы общенія между представителями власти и общества.

Въ докладѣ, который былъ имъ представленъ императору Александру 28-го января 1881 года, указавъ на невозможность распространенія въ Россіи конституціонныхъ учрежденій и созыва земскаго собора, онъ настаивалъ въ то же время на томъ, что необходимо все-таки удовлетворить тѣ стремленія передовыхъ представителей общества къ участію въ государственной жизни, которыя онъ съ своей стороны находилъ совершенно понятными и законными, разъ они выражались въ лояльныхъ формахъ. Онъ предлагалъ такой планъ для удовлетворенія этихъ стремленій: по его мнѣнію слѣдовало вернуться къ тому способу привлеченія общественныхъ силъ на государственную работу, который практиковался въ эпоху разработки крестьянской реформы; именно, онъ и въ данномъ случаѣ представлялъ, что самое лучшее будетъ детально разработать цѣлый рядъ тѣхъ довольно существенныхъ преобразованій, которыя онъ замышлялъ провести, въ особыхъ редакціонныхъ комиссіяхъ, которыя должны быть составлены частью изъ наиболѣе способныхъ чиновниковъ высшихъ государственныхъ установленій, частью же изъ лицъ, призванныхъ изъ состава общества: земскихъ дѣятелей, профессоровъ, публицистовъ и т. п.—однимъ словомъ изъ лицъ, болѣе или менѣе компетентныхъ въ разсматриваемыхъ вопросахъ. Онъ предлагалъ въ первое время такихъ подготовительныхъ комиссій составить въ Петербургѣ двѣ. Одну изъ нихъ, названную имъ *административно-хозяйственной*, онъ предназначалъ для общихъ административныхъ пре-

образованій, при чемъ на эту комиссію онъ предполагалъ возложить такія дѣла:

„а) преобразованіе мѣстнаго губернскаго управленія, въ видахъ точнаго опредѣленія объема правъ и обязанностей онаго, и приведеніе административныхъ учрежденій въ надлежащее соотвѣтствіе съ учрежденіями судебными и общественными и потребностями управленія;

б) дополненіе, по указаніямъ опыта, положеній 19 февраля 1861 года и послѣдующихъ по крестьянскому дѣлу узаконеній, соотвѣтственно выяснившимся потребностямъ крестьянскаго населенія;

в) изысканіе способовъ: 1) къ скорѣйшему прекращенію существующихъ донынѣ обязательныхъ отношеній бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ (т.-е. вопросъ объ обязательномъ выкупѣ А. К.) и 2) къ облегченію выкупныхъ крестьянскихъ платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ опытъ указалъ на крайнюю ихъ обременительность;

г) пересмотръ положеній земскаго и городового, въ видахъ пополненія и исправленія ихъ по указаніямъ прошедшаго времени.

д) организація продовольственныхъ запасовъ и вообще системы народнаго продовольствія (такъ какъ обнаружилась полная недостаточность ранѣе существовавшихъ установленій въ случаѣ тѣхъ голодовокъ, которыя только что были пережиты въ Россіи. А. К.).

и е) мѣры къ охраненію скотоводства".

Предметомъ занятій другой комиссіи, которую Лорисъ-Меликовъ называлъ *финансовой*, должны были служить вопросы податной, паспортный и т. п., согласно указанію государя по докладу министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

Вы уже видѣли, что для разработки этихъ преобразованій Лорисъ-Меликовъ настоялъ на перемѣнѣ лица, стоявшаго во главѣ финансоваго управленія, при чемъ вмѣсто Грейга назначенъ былъ прогрессивно настроенный А. А. Абаза.

Затѣмъ, составленные этими подготовительными комиссіями законопроекты должны были поступать на обсужденіе *общей* комиссіи, которая должна была быть образована,—во первыхъ, изъ полнаго состава подготовительныхъ комиссій, а затѣмъ изъ лицъ, призываемыхъ съ мѣстъ въ качествѣ экспертовъ. Эти

эксперты соотвѣтствовали бы тѣмъ депутатамъ губернскихъ комитетовъ, которые явились, какъ вы помните, критиками работъ редакціонныхъ комиссій въ 1859 году. Лорисъ-Меликовъ, однако, полагалъ, что въ данное время эти представители мѣстнаго общества должны быть выбираемы земскими учрежденіями—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ эти учрежденія уже существовали. Онъ предлагалъ предоставить каждому земству выбрать двухъ представителей; точно также онъ полагалъ предоставить и значительнымъ городамъ выбирать двухъ представителей каждому, а затѣмъ, отъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ не были введены учрежденія земскаго или городского самоуправленія, предполагалось уже по выбору власти приглашать двухъ представителей мѣстнаго общества. Земствамъ Лорисъ-Меликовъ предполагалъ предоставить право выбирать своихъ выборныхъ не только изъ среды мѣстныхъ гласныхъ, но и вообще изъ мѣстныхъ людей, знакомыхъ съ положеніемъ и обстоятельствами обсуждаемыхъ дѣлъ; поэтому допускалось по его проекту и участіе мѣстной интеллигенціи, что, конечно, имѣло бы довольно существенную важность въ этомъ дѣлѣ.

Затѣмъ, всѣ разработанные этой *общей* комиссіей законопроекты должны были обычнымъ путемъ поступать въ государственный совѣтъ, при чемъ въ его составъ приглашалось бы 10—15 выборныхъ лицъ, которые должны были играть и тутъ роль представителей общественнаго мнѣнія.

Вы видите, такимъ образомъ, что въ этомъ проектѣ ничего общаго съ какимъ бы то ни было *конституціоннымъ устройствомъ* не было, и поэтому проектъ этотъ совершенно неправильно называется въ литературѣ конституціей Лорисъ-Меликова. Самъ Лорисъ-Меликовъ, какъ вы видѣли, очень старательно опровергалъ всѣ слухи о томъ, что онъ стремится къ конституціонному устройству и высказывалъ прямо противоположные взгляды. Его проектъ былъ чрезвычайно скроменъ по своему характеру; но нельзя отрицать, что все-таки это была бы весьма важная для того времени попытка установить правильный обмѣнъ мыслей между обществомъ и правительствомъ, которая, можетъ быть, повела бы къ образованію въ концѣ-концовъ извѣстнаго представительнаго учрежденія, представительныхъ формъ, которыя бы, можетъ быть, и дали въ результатѣ мирнымъ путемъ конституціонное устройство Россіи, чего

она добилась лишь въ послѣдніе годы уже на нашихъ глазахъ, и добилась, какъ вы знаете, только путемъ революціоннымъ, безъ возможнаго органическаго подготовленія къ этому самого населенія.

Такимъ образомъ можно сказать, что политика Лорисъ-Меликова проводилась не безъ удачи; но то обстоятельство, что онъ нѣсколько оптимистически взглянулъ на результаты своей системы по отношенію къ подавленію революціонныхъ организацій, сыграло въ этомъ дѣлѣ весьма трагическую роль....

Революціонеры, какъ я вамъ уже сказалъ, вовсе не склонны были вслѣдствіе либеральныхъ выступленій Лорисъ-Меликова прекратить свою террористическую дѣятельность; напротивъ, озлобленные этой, какъ вы видѣли, весьма дѣйственной попыткой отдѣлить ихъ отъ передовыхъ слоевъ русскаго общества, революціонеры именно въ этотъ моментъ напрягли всѣ оставшіяся у нихъ силы, чтобы нанести правительству рѣшительный ударъ. И вотъ, не на личность Лорисъ-Меликова, котораго они старались третировать какъ человѣка ничтожнаго, а на личность самого императора Александра II, революціонерами задумывается цѣлый рядъ новыхъ террористическихъ покушеній, дѣлается цѣлый рядъ подкоповъ. Петербургъ, можно сказать, въ рядѣ мѣстъ былъ минированъ: былъ сдѣланъ подкопъ на малой садовой, (теперь екатерининской) улицѣ, изъ сырной лавки Кобозевыхъ; взрывъ здѣсь долженъ былъ быть такъ силенъ, что, по мнѣнію экспертовъ, отъ него должна была бы среди улицы образоваться воронка въ двѣ сажени въ діаметрѣ, при чемъ не только погибъ бы императоръ, но вылетѣли бы рамы и разрушились бы печи во всѣхъ близь стоящихъ домахъ и, конечно, пострадало бы множество постороннихъ людей...

Затѣмъ подъ краснымъ мостомъ на гороховой улицѣ былъ сдѣланъ другой подкопъ, и, наконецъ, убѣдившись, что подкопы очень часто не достигаютъ своей цѣли, частью потому, что трудно установить путь и моментъ проѣзда императора, частью потому, что ихъ веденіе слишкомъ продолжительно и полиція можетъ ихъ легко открывать, революціонеры рѣшили пустить въ ходъ покушеніе съ метательными снарядами. За недѣлю до 1-го марта Желябовъ „кликнулъ кличъ“, какъ это тогда называлось въ террористической организаціи „Народной воли“, т.-е. просто вызвалъ желающихъ молодыхъ людей изъ числа

революціонеровъ выйти на улицу съ этими снарядами. Снаряды были изготовлены талантливымъ техникомъ Кибальчичемъ. Всѣ эти приготовленія шли чрезвычайно спѣшно, когда же въ концѣ февраля были арестованы Желябовъ и Тригони, то оставшаяся на свободѣ Софья Перовская (принадлежавшая когда-то къ кружку чайковцевъ и сдѣлавшаяся къ этому времени рѣшительной террористкой) сочла необходимымъ не только не прекращать этой попытки, но возможно скорѣе довести ее до конца, предвидя, что съ арестомъ Желябова и Тригони грозитъ разрушеніе и всей наличной революціонной организаціи. И, когда, 1-го марта, Александръ, непослушавъ увѣщаній Лорисъ-Меликова, который указывалъ ему, что что-то готовится, и уже два раза успѣлъ удержать Александра отъ воскреснаго выѣзда,— когда, на этотъ разъ императоръ его не послушалъ и поѣхалъ на разводъ войскъ и послѣ этого развода отправился въ михайловскій дворецъ (гдѣ теперь музей Александра III)—къ великой княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, а оттуда долженъ былъ поѣхать въ зимній дворецъ,—то революціонеры съ Софьей Перовской во главѣ, проявили на этотъ разъ такую энергію, что, не зная точно, какимъ путемъ поѣдетъ императоръ, маневрировали со своими снарядами по улицамъ и Перовская нѣсколько разъ переставляла лицъ съ бомбами, чтобы они непремѣнно пришлись на пути слѣдованія государя. Обстоятельства катастрофы всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны, и я не буду ее здѣсь описывать.

Катастрофа эта явилась роковымъ исходомъ для всей той системы мѣръ, которыя проектировались Лорисъ-Меликовымъ...

Взошедшій на престолъ послѣ Александра II-го императоръ Александръ III, какъ вы могли уже заключить по тѣмъ мнѣніямъ, которыя онъ высказывалъ на совѣщаніи, предшествовавшемъ взрыву въ зимнемъ дворцѣ, не обѣщалъ быть государемъ либеральнаго направленія. Такъ оно впослѣдствіи и оказалось; но первые шаги его царствованія подвергнуты были большимъ колебаніямъ, и тотъ курсъ, который при немъ окончательно установился въ восьмидесятыхъ годахъ, установился далеко не сразу.

Списокъ сочиненій и печатныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Россіи въ царствованіе Александра Второго.

I. Біографіи и характеристики императора Александра II.

1. Русскій біографическій словарь, изд. Русск. имп. историч. обществомъ, т. I, — статья *С. С. Татищева* „Александръ II, императоръ всероссійскій". Спб. 1896 г.

2. *С. С. Татищевъ.* „Императоръ Александръ II; его жизнь и царствованіе". 2 тома. Спб. 1903, 2-е изд. 1911. Критическій разборъ этой книги въ статьяхъ *А. А. Корнилова* „Новый трудъ по исторіи императора Александра II" въ „Русскомъ Богатствѣ" за 1903 г. кн. III, стр. 34 — 48 и кн. VI, стр. 16—21.

3. „Годы ученія е. и. в. наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, нынѣ благополучно царствующаго государя императора". 2 т. Въ „Сборникѣ имп. русск. историческ. общества", томы XXX и XXXI. Спб. 1880.

4. *Victor Laferté.* „Alexandre II. Détails inédits sur sa vie et sa mort". Deuxième édition revue et augmentée. P. 1882.

5. *А. А. Корниловъ.* „Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881). Историческіе очерки". М. 1909.

6. Новый энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. I, Спб. 1910. Ст. *А. А. Корнилова* „Александръ II, императоръ всероссійскій", стр. 937—967.

II. Развитіе государственной жизни и правительственная дѣятельность при Александрѣ II.

А. Восточная война.

1. *М. И. Богдановичъ.* „Восточная война 1853—1856 гг.“ 4 тома. Спб. 1876.
2. *А. М. Заіончковскій.* „Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ современной ей политической обстановкой“, т. I и приложенія къ нему (въ особомъ томѣ). Спб. 1908; т. II. Спб. 1912.
3. *А. Жандръ.* „Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и для біографіи В. А. Корнилова“. Спб. 1885.
4. *Н. К. Шильдеръ.* „Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность“. Т. I-й. Спб. 1885.
5. *Кн. В. И. Васильчиковъ.* „Воспоминаніе объ очищеніи Севастополя“ („Русь“ за 1880 г., № 2).
6. *Л. Н. Толстой.* „Севастопольскіе разсказы“. Сочиненія, т. II.
7. *П. И. Бирюковъ.* „Біографія Л. Н. Толстого“, т. I. М. 1908.
8. „*И. С. Аксаковъ* въ его письмахъ“. Т. III. М. 1888.
9. „Дневникъ *Вѣры Сергѣевны Аксаковой*“. Редакція и примѣчанія *кн. Н. В. Голицына* и *П. Е. Щеголева.* Спб. 1913.
10. *И. И. Игнатовичъ.* „Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г.“ („Минувшіе годы“ за 1908 г., № 5—6).
11. *С. С. Громека.* „Кіевскія волненія въ 1855 г.“ Спб. 1863.
12. *М. П. Погодинъ.* „Историко-политическія письма и записки въ продолженіе Крымской войны“. (Сочиненія, т. IV). М. 1874.
13. *Н. П. Барсуковъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина“, части XIII и XIV. Спб. 1899 и 1900.
14. *А. И. Герценъ.* Сборникъ „Полярная звѣзда“, ч. I. Лондонъ. 1855.
15. „Голоса изъ Россіи“, ч. I. Лондонъ. 1856.
16. *А. И. Кошелевъ.* „Записки“. Берлинъ. 1884.
17. *А. В. Никитенко.* „Дневникъ и записки“. Ч. I, изд. 2-е. Спб. 1904.
18. *П. А. Валуевъ.* „Дума Русскаго“. „Русская Старина“ за 1891 г., № 5.
19. *С. С. Татищевъ,* наз. соч. т. I, стр. 139—173. Здѣсь на стр. 173 указаны важнѣйшія сочиненія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, относящіяся къ Крымской войнѣ.

Б. Внутренняя политика Александра II.

I. Крестьянская реформа и ея осуществленіе.

1. „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра II“. Томы I—III. Берлинъ. 1861.

2. Сочиненія *Ю. Ф. Самарина*. Томы II—IV. М. 1880—1911.
3. Сочиненія *К. Д. Кавелина*. Т. II-й. Спб. 1904 г.
4. *А. И. Кошелевъ*. „Записки“ (въ особенности приложенія къ нимъ.) Берлинъ. 1884.
5. *Кн. О. Н. Трубецкая*. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“. Т. I, части 1 и 2. М. 1903 и 1904.
6. „*И. С. Аксаковъ* въ его письмахъ“. Т. III. М. 1888.
7. *Н. П. Барсуковъ*. „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Части XIV—XIX. Спб. 1900—1905.
8. *Г. А. Джаншіевъ*. „А. М. Унковскій“. М. 1894.
9. *Его же*. „Роль тверского дворянства въ крестьянской реформѣ“ въ „Эпохѣ великихъ реформъ“. 10-е изд. Спб. 1908.
10. *А. И. Левшинъ*. „Достопамятныя минуты моей жизни“. „Русскій Архивъ“ за 1885 г., № 8.
11. *Я. А. Соловьевъ*. „Записки“. „Русская Старина“ за 1880—1883 гг.
12. *A. Leroy-Beaulieu*. „Un homme d'état russe (N. Milutine)“. P. 1884.
13. *А. Попельницкій*. „Секретный комитетъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“ („Вѣстн. Евр.“ за 1911 г., №№ 2 и 3).
14. *Лященко*. „Послѣдній секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу“. Спб. 1911.
15. „Сборникъ постановленій по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ“, вып. I—IV (съ 20 нояб. 1857 по 1 янв. 1860 г.) Спб. 1858—1860.
16. „Колоколъ“, листокъ, изд. *А. И. Герценомъ* и *Н. П. Огаревымъ*. Лондонъ. 1857—1861.
17. „Голоса изъ Россіи“. Части I—IX. Лондонъ. 1856—1860.
18. *А. И. Скребицкій*. „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ. Губернскіе комитеты, ихъ депутаты и редакціонныя комиссіи въ крестьянскомъ дѣлѣ“. Т. I—IV (второй томъ въ двухъ книгахъ). Боннъ на Рейнѣ. 1862—1868.
19. *И. И. Иванюковъ*. „Паденіе крѣпостного права въ Россіи“. 2-е изд. Спб. 1903.
20. *А. А. Корниловъ*. „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—59 гг.“, въ „Очеркахъ по исторіи обществ. движенія и крестьянск. дѣла въ Россіи“. Спб. 1905.
21. *Его же*. „Крестьянская реформа въ Калужской губ. при В. А. Арцимовичѣ“, въ сборникѣ „В. А. Арцимовичъ. Воспоминанія—характеристики“. Спб. 1904 и въ отд. оттискѣ.
22. *Его же*. „Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881). Историческіе очерки“. 1-е изд. Парижъ. 1905. 2-е изд. М. 1909 (дополненное).
23. *Его же*. Крестьянская реформа (въ серіи „Великія реформы въ ихъ прошломъ и настоящемъ“). Спб. 1905.
24. *Его же*. „Основныя теченія правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы“ въ сборникѣ „Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы“. Изд. „Научнаго Слова“. М. 1911.
25. *В. И. Снѣжневскій*. „Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губерніи наканунѣ реформы 19 февраля и первые годы послѣ нея“, въ „Дѣйствіяхъ нижегородск. арх. учен. к-сіи“. Т. III.
26. *А. Д. Повалишинъ*. „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“. Рязань. 1903. Глава XII „Участіе рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ“ (стр. 304—386).
27. „Нѣкоторыя данныя о кн. С. В. Волконскомъ и его отношеніи къ крестьянской реформѣ“. „Труды ряз. арх. ком-сіи“ за 1905 г. Вып. 2-й.
28. „Бумаги *М. П. Позена*“. Дрезденъ. 1865. (Полтав. к-тъ.)

29. *В. Н. Ширяевъ.* „Ярославскій губернскій комитетъ 1858—1859 гг.“ въ „Труд. яросл. арх. к-сіи“, кн. 6, вып. 2. Ярославль. 1912.

30. *І. П. Кречетовичъ.* „Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ (по архивнымъ даннымъ). Т. І. Подготовка реформы. М. 1911.

31. *П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій.* „Начало эпохи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“ („Вѣсти. Евр.“ за 1911 г., №№ 2 и 3). Отд. болѣе полное изданіе на правахъ рукописи.

32. *Кн. Д. А. Оболенскій.* „Мои воспоминанія о вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ“. Спб. 1909.

33. Біографіи главныхъ участниковъ крестьянской реформы въ сборникѣ „Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформъ“. Изд. „Научнаго Слова“. М. 1911.

34. „Матеріалы редакціонныхъ комиссій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости“. 18 частей (1-е изд). Спб. 1859—1860. (Доклады отдѣленій и краткіе журналы комиссій.)

35. То же. Второе изданіе въ 3-хъ томахъ. Въ немъ отдѣльно сводъ проектовъ губ. комитетовъ (т. I-й, кн. II-я).

36. „Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій. Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ“. Т. I—VI. Спб. 1860.

37. „Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій. Отдѣльныя мнѣнія членовъ редакц. комиссій“. Спб. 1860.

38. „Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій. Отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ (депутатовъ 1 и 2-го приглашенія). 3 тома. Спб. 1860.

39. *Н. П. Семеновъ.* „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“. 3 тома (3-й томъ въ двухъ книгахъ). Спб. 1889—1891.

40. *А. Попельницкій.* „Письмо депутата перваго призыва съ отмѣтками имп. Александра II“. Спб. 1911.

41. *Его же.* „Дѣло освобожденія крестьянъ въ государственномъ совѣтѣ“. („Русск. Мысль“ за 1911 г., № 2.)

42. „Положеніе крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“. Спб. 1861.

43. *А. А. Мануиловъ.* „Происхожденіе нищенскаго надѣла“ (въ „Русск. Вѣд.“ отъ 19 февр. 1911 г.).

44. *Н. Г. Чернышевскій.* „Статьи по крестьянскому вопросу“. Спб. 1903.

45. *Его же.* „Письма безъ адреса“, въ 10-мъ томѣ его сочиненій.

46. *Н. А. Серно-Соловьевичъ.* „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса“. Берлинъ. 1861.

47. *А. Попельницкій.* „Какъ принято было положеніе 19 февраля 1861 г. освобожденными крестьянами?“ (въ „Совр. Мірѣ“ за 1911 г., № 2).

48. *Г. А. Джаншіевъ.* „Объявленіе воли“, въ „Эпохѣ великихъ реформъ“.

49. „В. А. Арцимовичъ. Характеристики — воспоминанія“ (статьи *П. Н. Обнинскаго* и *Н. В. Сахарова*).

50. *Кн. О. Н. Трубецкая.* „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“. Т. I, часть 2-я.

51. *Ю. Ф. Самаринъ.* Сочиненія, т. IV, 1911.

52. *Д. Ф. Самаринъ.* „Собраніе статей, рѣчей и докладовъ“. Т. I. „Крестьянское дѣло“. М. 1903.

53. *С. И. Носовичъ.* „Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи“. Спб. 1899. Подъ ред. *В. И. Семевскаго.*

54. *Н. П. Барсуковъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Часть XVIII. Спб. 1904.

55. Описаніе бездненской катастрофы, найденное въ бумагахъ *К. В. Чевкина* въ „Русск. Ст.“ за 1904 г., № 5, стр. 452.

56. *И. И. Игнатовичъ.* „Волненіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г.“ въ „Минув. годахъ“ за 1908 г., №№ 7—11.

57. Сборникъ „Великая реформа 19 февраля“, подъ ред. гг. *Джевелегова, Мельгунова* и *Пичета*. Изд. Сытина. М. 1911. Т. V. Статьи: *И. И. Игнатовичъ, А. З. Попельницкаго, С. П. Мельгунова, А. А. Корнилова* и *Ч. Вътринскаго*, и т. VI — статьи: *А. Э. Вормса* „Положеніе 19 февраля“, *В. И. Анисимова* „Надѣлы“, кн. *Д. И. Шаховского* „Выкупные платежи“ и *А. А. Корнилова* „Крестьянское самоуправленіе по положенію 19 февраля“.

58. „Дневникъ“ *П. А. Валуева* въ „Русск. Стар.“ за 1891 г., №№ 5 и 6; тамъ же его записка „Дума Русскаго“.

59. Сборникъ „Крестьянскій строй“. Томъ I (часть историческая). Спб. 1905. Статьи *А. А. Корнилова* и *И. М. Страховскаго*.

60. *П. П. Мигулинъ*. „Выкупные платежи“. Харьковъ. 1904.

61. *А. Е. Лосицкій*. „Выкупные платежи“. Спб. 1903.

62. *Кованько*. „Освобожденіе крестьянъ и обязательный выкупъ“ („Русск. Мысль“ за 1912 г., № 6).

63. *А. А. Корниловъ*. „Вопросъ объ административномъ устройствѣ крестьянъ во время разработки крестьянской реформы“ въ сборникѣ „Очерки по исторіи общест. движ. и крест. дѣла въ Россіи“. Спб. 1905.

64. „Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія“. Спб. 1903. Т. II, стр. 525 и слѣд. (исторія реформы у удѣльныхъ крестьянъ).

65. „Историческое обозрѣніе пятидесятилѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ“. Спб. 1888. Ч. II, отд. II (исторія реформы у государств. крестьянъ).

66. *А. П. Заблоцкій-Десятовскій*. „Гр. П. Д. Киселевъ и его время“. Спб. 1882. Томы 2 и 4 (приложенія).

67. *Л. В. Ходскій*. „Земля и земледѣлецъ“. Т. II. Спб. 1891. (Результаты крестьянской реформы 1861, 1863 и 1866 годовъ.)

68. *Н. Цыловъ*. „Сборникъ распоряженій гр. М. Н. Муравьева по усмиренію польскаго мятежа въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ 1863 — 1864“. Вильна, 1866 (циркуляры по устройству крестьянъ въ этихъ губерніяхъ).

69. *А. А. Корниловъ*. „Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ“ въ сборникѣ „Очерки по исторіи общ. движенія и крестьян. дѣла въ Россіи“. Спб. 1905.

70. *Его же*. „Реформа 19 февраля 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ“ въ сборникѣ „Великая реформа“. Т. V, М. 1911.

71. „Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“ подъ ред. *М. И. Покровскаго*, изд. Гранатъ. М. 1907—1910. Т. III.

72. *С. Л. Авалiани*. „Крестьянскій вопросъ въ Закавказьи“. Т. I. Одесса. 1912.

II. Финансовая реформа и финансовая политика.

1. *А. А. Головачевъ*. „Десять лѣтъ реформъ. 1861 — 1871“. Спб. 1872. Отд. I. Финансовая реформа.

2. *Его же*. „Вопросы государственнаго хозяйства“. Спб. 1873.

3. *Его же*. „Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи“. Спб. 1881.

4. *Л. Г. Яснопольскій*. „Очерки русскаго бюджетнаго права“. Ч. I. Спб. 1913. (Историч. очеркъ составленія росписей и реформа Татаринова.)

5. *В. Саковичъ*. „Государственный контроль въ Россіи, его исторія и современное устройство“. Спб. 1898. 2 т.

6. *Бліохъ*. „Финансы Россіи XIX ст.“. Т. II—IV. Спб. 1882.

7. „Министерство финансовъ 1802—1902 г.“. Юбилейное изданіе. Спб. 1902. Часть I.

8. *А. Н. Куломзинъ* и гр. *В. Г. Рейтернъ-Нолькенъ*. „М. Х. Рейтернъ. Біографическій очеркъ“. Съ прилож. всеподд. записокъ М. Х. Рейтерна. Спб. 1910.

9. *С. С. Татищевъ.* „Императоръ Александръ II". Т. II. Глава XXIV „Финансы и народное хозяйство 1855—1881". Стр. 162—222.
10. *Н. А. Кислинскій* (подъ ред. А. Н. Куломзина). „Наша желѣзно-дорожная политика по документамъ архива Комитета министровъ". 2 тома. Спб. 1902.
11. *С. М. Середонинъ.* „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ". Т. 3-й, ч. II, гл. VI. Государственное хозяйство. Стр. 94—158.
12. „Исторія Россіи въ XIX в.". Подъ ред. *М. Н. Покровскаго.* Т. VI, гл. IX „Государственное хозяйство въ Россіи съ 60-хъ до начала 90-хъ годовъ".
13. *П. Мигулинъ.* „Русскій государственный кредитъ". Харьковъ. 1899—1902. Т. II.
14. *Гурьевъ.* „Денежное обращеніе въ Россіи въ XIX столѣтіи". Спб. 1901.
15. *Бржескій.* „Государственные долги Россіи. Историко-статистическое изслѣдованіе". Спб. 1884.

III. Земская реформа и ея осуществленіе.

1. „Матеріалы по земскому общественному устройству" (изд. хоз. д-та м-ва вн. дѣлъ). Спб. 1885. 2 тома.
2. „Историческая записка о ходѣ работъ по составленію и примѣненію положенія 1 января 1864 г.", составленная въ Кохановской комиссіи. Спб. 1883.
3. *А. А Головачевъ.* „Десять лѣтъ реформъ". Спб. 1872. Отд. II „Административная реформа".
4. *Кн. А. И. Васильчиковъ.* „О самоуправленіи". 3 тома. Спб. 1869—1871.
5. *А. Д. Градовскій.* „Начала русскаго государственнаго права". Т. III „Установленія по мѣстному хозяйству и благосостоянію". Спб. 1881.
6. *Его же.* „Системы мѣстнаго управленія на Западѣ Европы и въ Россіи" въ Сборн. госуд. знаній В. П. Безобразова, т. V и VI. Спб. 1878.
7. *В. Ю. Скалонъ.* „Земскія учрежденія". Энциклоп. словарь Брокгауза-Эфрона. Т. XII (старое изданіе).
8. *Г. А. Джаншіевъ.* „Земское положеніе 1 января 1364 г." въ „Эпохѣ великихъ реформъ".
9. *С. Ю. Витте.* „Самодержавіе и земство", конфиденціальная записка, изданная съ предисловіемъ *П. Б. Струве* въ Штутгартѣ въ 1903 г. и переизданная затѣмъ въ Петербургѣ г. *Черепанинымъ* въ 1907 г. Глава „Условія, при которыхъ возникло положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г." (стр. 63 и слѣд. заграничн. изданія). Записка переиздана въ 1914 г. самимъ авторомъ съ особымъ предисловіемъ и нѣкоторыми приложеніями.
10. *А. А. Корниловъ.* „Изъ исторіи вопроса объ избирательномъ правѣ въ земствѣ". Спб. 1906.
11. *Его же.* „Сущность и значеніе земской реформы 1 января 1864 г." въ „Правѣ" за 1914 г., № 1.
12. *И. С. Аксаковъ.* Сочиненія, т. V. М. 1887.
13. *Невѣдѣнскій.* „Катковъ и его время". Спб. 1888.
14. *А. И. Кошелевъ.* „Записки". Берлинъ. 1884.
15. *Его же.* „Голосъ изъ земства". М. 1869.
16. *Кн. О. Н. Трубецкая.* „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго". Т. I, ч. II. М. 1904.
17. *К. Д. Кавелинъ.* Сочиненія, т. II. Статья „По поводу губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій", стр. 735—778.
18. „Исторія Россіи въ XIX в." подъ ред. *М. Н. Покровскаго,* т. III, „Земская реформа", ст. г. *Цейтлина.*

19. *Б. Б. Веселовскій.* „Исторія земства за 40 лѣтъ“. 4 тома. Спб. 1908 и 1910. См. подробный разборъ этого труда (съ фактическими поправками къ нему) въ статьѣ *А. А. Корнилова*, напечатанной въ „Извѣстіяхъ политехническаго института Петра Великаго“ за 1910 г., вып. XIV.

20. *С. М. Середонинъ.* „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, т. III, ч. II, гл. V. „Центральное и мѣстное управленіе“ („Обсужденіе земской реформы въ совѣтѣ министровъ“, стр. 70 и слѣд.).

21. *D. Mackenzie Wallace.* „La Russie. Le pays. Les institutions. Les moeurs“. Trad. de l'anglais. T. 1-er. P. 1877. Chap. XIV. „Le nouveau self-gouvernement local“, p. 297—317.

22. *A. Leroy-Beaulieu.* „L'empire des tsars et les russes“, t. 2-e. P. 1882. Livre III. „Le Self-gouvernement local. Etats provinciaux et municipalités urbaines“, p. 164—277.

23. *Кн. А. И. Васильчиковъ.* „Русскій администраторъ новѣйшей школы. Записка псковскаго губернатора Б. Обухова и отвѣтъ на нее“. Берлинъ. 1868.

24. *А. Голубевъ.* Кн. А. И. Васильчиковъ. Спб. 1882.

25. Статьи *Н. П. Колюпанова* и *Н. Ф. фонъ-Крузе* о ходѣ земскаго дѣла въ „Вѣст. Евр.“ за 1866—1868 гг.

26. *Д. Мордовцевъ.* „Десятилѣтіе русскаго земства“. Спб. 1875.

27. *В. Ю. Скалонъ.* „Земскіе вопросы“. Сборникъ статей. 2-е изд. Спб. 1905.

28. *Его же.* „Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія“. М. 1884.

29. *В. П. Безобразовъ.* „Земскія учрежденія и самоуправленіе“. М. 1874.

30. *К. Головинъ.* „Наше мѣстное управленіе и мѣстное представительство“. Спб. 1884.

31. *Я. В. Абрамовъ.* „Что сдѣлало земство и что оно дѣлаетъ?“ Спб. 1889.

32. *П. А. Голубевъ.* „Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи. Съ приложеніемъ историко-статистич. таблицъ земскихъ бюджетовъ за 1868—1900 гг.“. Вятка. 1901.

33. *И. П. Бѣлокопскій.* „Земское движеніе“. Изд. 2-е. М. 1914.

34. *К. Л. Берманъскій.* „Конституціонные проекты царствованія Александра II“ (Валуевскій проектъ 1863 г. „Съѣздъ государственныхъ гласныхъ“) въ „Вѣст. Права“ за 1905 г., № 11.

35. „Юбилейный земскій сборникъ. 1864—1914 г.“, подъ ред. *Б. Б. Веселовскаго* и *З. Г. Френкеля.* Спб. 1914.

36. *З. Г. Френкель.* „Очерки земскаго врачебно-санитарнаго дѣла (по даннымъ работъ, произведенныхъ для дрезденской и всероссійской гигіенич. выставокъ“). Съ множествомъ діаграммъ. Спб. 1913.

37. Подробныя библіографическія указанія объ изданіяхъ, содержащихъ въ себѣ статистическія свѣдѣнія *о доходахъ и расходахъ земствъ* см. въ указанномъ отзывѣ *А. А. Корнилова.*

38. Подробная библіографія по развитію всѣхъ сторонъ земскаго хозяйства и дѣятельности земствъ у *Б. Б. Веселовскаго* въ его „Исторіи земства за 40 лѣтъ“, въ т. I и IV (въ приложеніяхъ).

IV. Польское возстаніе 1863 года и польскій вопросъ.

1. *Н. В. Берхъ.* „Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ“. „Рус. Стар.“ за 1870—1873 гг.

2. *Его же.* „Записки о польскомъ возстаніи 1863 г.“.

3. *Л. Павлищевъ.* „Седьмицы польскаго мятежа“.

4. *Н. П. Барсуковъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Часть XVIII—XX.

5. *Ю. Ф. Самаринъ.* Сочиненія, т. I. М. 1877.

6. *И. С. Аксаковъ.* Сочиненія, т. III. М. 1887.

7. *М. Н. Катковъ.* „1863 годъ. Собраніе статей по польскому вопросу". 2 выпуска. М. 1887.

8. *Невѣдынскій.* „Катковъ и его время". М. 1888.

9. *Anatol Leroy-Beaulieu.* „Un homme d'état russe" (Nicolas Milutine). P. 1884.

10. *Гр. С. Урусскій.* „Крестьянское дѣло". 2 части. Спб. 1859.

11. *В. Д. Спасовичъ.* „Жизнь и дѣятельность маркиза Велепольскаго". Спб. 1882.

12. *H. Lisicki.* „Alexander Wielopolski". Krakow. 1878—79. 4 тома.

13. *Limanowski.* „Historya powstania narodu polskiego 1863 — 1865". Lwów. 1909.

14. Сочиненія *Гильфердинга,* т. II.

15. *Д. Г. Анучинъ.* „Воспоминанія". „Русск. Стар." за 1893 г.

16. „В. А. Арцимовичъ. Характеристики—Воспоминанія". (Статья *Спасовича.*) Спб. 1904.

17. Изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ, по высочайшему повелѣнію произведенныя подъ руководствомъ сенатора статсъ-секретаря Милютина 1863—1864 гг.", 6 томовъ (in folio). Спб. 1864.

18. „Постановленія учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ".

19. „Записки" *М. Н. Муравьева* въ „Русск. Стар." за 1882 г. (т. XXXVIII).

20. „Письма М. Н. Муравьева къ А. А. Зеленому" съ предисловіемъ и примѣчаніями *В. И. Семевскаго* въ „Голосѣ Минувшаго" за 1913 г., №№ 9, 10 и 12.

21. *Цыловъ.* „Сборникъ распоряженій гр. М. Н. Муравьева". Вильна. 1865.

22. *Л. Ф. Пантелѣевъ.* „Дѣла давно минувшихъ дней" въ „Быломъ" за 1907 г., № 2.

23. *Его же.* „Воспоминанія". Спб. 1908.

24. *St. Kostian.* „Rzecz o roku 1863". 3 т.

25. *Б. Познанскій.* „Воспоминанія о польскомъ повстаньи въ Украинѣ 1863 г.". „Кіевская Стар." за 1885 г.

26. „Колоколъ" *Герцена* и *Огарева* за 1861—1864 годы.

27. *М. П. Драгомановъ.* „Историческая Польша и великорусская демократія". Женева. 1888.

28. *Его же.* „Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву". Женева. 1892.

29. *А. А. Корниловъ.* „Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ" въ сборникѣ „Очерки по исторіи крест. дѣла и обществ. движенія въ Россіи". Спб. 1905.

30. *Его же.* „Реформа 19 февраля 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ" въ юб. изд. „Великая реформа", т. V. М. 1911.

31. *В. Г. Короленко.* „Исторія моего современника". 2-е изд. Спб. 1911.

32. *Вл. Дебагорій-Мокріевичъ.* „Воспоминанія. I. Гимназія". Статья, напечатанная во 2-й книжкѣ „Освобожденіе", изд. подъ ред. П. Б. Струве. P. 1904.

V. Реформы въ сферѣ народнаго просвѣщенія.

1. *С. В. Рождественскій.* „Исторія министерства народнаго просвѣщенія съ 1802 по 1902 годъ". Спб. 1902.

2. „Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія". Царствованіе императора Александра II (1855—1881). Томы III—VII. Спб. 1865—1885.

3. *В. С. Иконниковъ.* „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія". „Вѣстн. Европы" за 1876 г.

4. *В. В. Григорьевъ.* „Императорскій петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія". Спб. 1870.

5. *Н. П. Загоскинъ.* „Исторія императорскаго казанскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія". 3 тома. Казань. 1909.

6. *Владимірскій-Будановъ.* „Исторія императорскаго университета св. Владиміра". Кіевъ. 1884.

7. *Е. Пѣтуховъ.* „Императорскій юрьевскій, бывшій дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Историческій очеркъ. Юрьевъ. 1902.

8. „Матеріалы по исторіи студенческаго движенія въ Россіи". Вып. I. „Извлеченіе изъ книги *А. И. Георгіевскаго* „Краткій очеркъ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ". Изд. *П. Б. Струве* въ Штутгартѣ 1903 г. Переиздано въ Спб. въ 1906 г.

9. „С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ". Спб. 1903. (Историческій очеркъ *А. Н. Анненской.*)

10. *В. В. Стасовъ.* „Надежда Васильевна Стасова". Спб. 1899.

11. *П. Н. Милюковъ.* „Очерки по исторіи русской культуры". Часть II.

12. Сборникъ статей М. Н. Каткова „Наша учебная реформа", съ предислов. и примѣч. *Л. И. Поливанова.* М. 1891.

13. *В. Модестовъ.* „Школьный вопросъ". Спб. 1880.

14. Библіографія по вопросу о введеніи классицизма въ Россіи въ „Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи" *В. И. Межова.* Т. I. Спб. 1873.

15. *А. В. Никитенко.* „Записки и дневникъ". Т. II (изд. 2-е). Спб. 1904.

16. *Ген. Лалаевъ.* „Историческій очеркъ военно-учеб. заведеній". Спб. 1880.

17. Пятидесятилѣтіе IV отдѣленія собств. е. и. в. канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи. Юбилейное изданіе. Спб. 1878 г.

18. *Кн. А. И. Васильчиковъ.* „Письмо министру народнаго просвѣщенія гр. Толстому отъ князя А. Васильчикова". Берлинъ. 1875.

19. *М. М. Стасюлевичъ* и его современники въ ихъ перепискѣ", подъ ред. *М. К. Лемке.* Т. II. Спб. 1912.

20. *А. Я. Абрамовъ.* „Что сдѣлало земство?" Спб. 1889.

21. *Б. Б. Веселовскій.* „Исторія земства за 40 лѣтъ". Т. I. Спб. 1908. „Народное образованіе" (главы XXVIII—XL). Критическая оцѣнка этого труда въ моемъ отзывѣ, составленномъ при содѣйствіи *Ф. Ф. Ольденбурга* и напечатанномъ въ XIV вып. „Извѣстій спб. политехническаго института Петра I" за 1910 г.

22. *Ф. Ф. Ольденбургъ.* „Народныя школы Европейской Россіи въ 1892—93 году". Спб. 1896. Въ этомъ очеркѣ имѣются указанія на статистическую литературу о школахъ въ царствованіе Александра II.

23. „Положеніе 1874 года о начальныхъ народныхъ училищахъ въ связи съ инструкціей инспекторамъ 1871 г., проектомъ наказа училищнымъ совѣтамъ и нѣкоторыми другими законоположеніями". Спб. 1901.

24. „Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ", подъ ред. *М. Н. Покровскаго,* изд. Гранатъ. Т. VII, гл. XVIII (статья *В. И. Чарнолускаго*) „Начальное образованіе во второй половинѣ XIX стол." (при ней большая библіографія); гл. XIX (статья *М. Н. Коваленскаго*) „Средняя школа" (при ней также библіографія); т. IV, гл. XI (статья *П. Н. Бороздина*) „Университеты въ Россіи въ эпоху 60-хъ гг." (при ней подробная библіографія).

25. *С. С. Татищевъ.* „Императоръ Александръ II", т. II, гл. XXV „Церковь, просвѣщеніе, благотворительность", стр. 222—291.

26. *Н. И. Пироговъ.* „Вопросы жизни". Одесса. 1858.

27. „Извлеченіе изъ письма Н. И. Пирогова изъ Гейдельберга". Спб. 1863.

28. „Извлеченіе изъ письма профессора Кавелина отъ $\frac{25\text{ марта}}{6\text{ апрѣля}}$ 1863 года изъ Тюбингена". Спб. 1863.
29. *К. Д. Кавелинъ.* „Записка объ университетскихъ безпорядкахъ", во II томѣ его сочиненій.
30. Статья *Н. И. Костомарова* „Объ университетской реформѣ" въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ" за 1861 г., № 207.
31. *Б. Н. Чичеринъ.* „Что нужно для русскихъ университетовъ?" въ сборникѣ „Нѣсколько современныхъ вопросовъ". М. 1862.

VI. Судебная реформа.

1. „*Основныя положенія* преобразованія судебной части въ Россіи, высочайше утвержденныя государемъ императоромъ 20 сентября 1862 г.". М. 1863.
2. „*Судебные уставы* 20 ноября 1864 года съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны". Изд. госуд. канцеляріи. Спб. 1867. Пять томовъ.
3. „*Судебно-статистическія свѣдѣнія* и соображенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г." (по 32 губерніямъ). 3 части. Спб. 1866.
4. *И. Я. Фойницкій.* „Курсъ уголовнаго судопроизводства". Т. I. Спб. 1884.
5. *М. Филипповъ.* „Судебная реформа въ Россіи". 2 тома. Спб. 1871—1875.
6. *Г. А. Джаншіевъ.* „С. И. Зарудный и судебная реформа. Историко-біографическій эскизъ". М. 1889.
7. *Г. А. Джаншіевъ.* „Судебная реформа" въ „Эпохѣ великихъ реформъ". Отд. IV, стр. 405—537 (7-е изд.). М. 1898.
8. *І. В. Гессенъ.* „Судебная реформа" въ серіи „Великія реформы 60-хъ гг. въ ихъ прошломъ и настоящемъ". Спб. 1905.
9. „Исторія Россіи въ XIX в.", подъ ред. *М. Н. Покровскаго,* т. III, гл. IV. „Судебная реформа" *М. П. Чубинскаго,* стр. 231—268.
10. *И. С. Аксаковъ.* „Сочиненія". Т. IV.
11. *Невѣдѣнскій.* „Катковъ и его время". Спб. 1888.
12. Записка кн. *Н. А. Орлова* объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. 1862.
13. *A. Leroy-Beaulieu.* „L'empire des Tsars et les russes", v. 2-e. p. 277—458.
14. *А. Ф. Кони.* „На жизненномъ пути". 2 тома. Спб. 1912.
15. *Н. В. Давыдовъ.* „Изъ прошлаго". М. 1913.
16. *А. А. Головачевъ.* „Десять лѣтъ реформъ". Спб. 1872. (Отд. III „Судебная реформа").
17. *А. В. Никитенко.* „Воспоминанія и дневникъ". Т. II (2-е изд.) Спб. 1904.

VII. Законодательство о печати.

1. „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ". Напеч. по распоряж. м-ва народн. просвѣщ. Спб. 1862.
2. „Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати (съ 1863 по 1865 г.)". Спб. 1865.
3. „Журналы высочайше учрежденной комиссіи для разсмотрѣнія проекта устава о книгопечатаніи". Спб. 1863.
4. „Матеріалы, собранные особою комиссіею, высочайше учрежденною 2 ноября 1869 г., для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати". 5 частей. Спб. 1870.
5. *А. В. Никитенко.* „Воспоминанія и дневникъ". Т. II (2-е изд. 1904).

6. *И. С. Аксаковъ.* Сочиненія. Т. IV.

7. *Джаншіевъ.* „Цензурная реформа“. Въ „Эпохѣ великихъ реформъ“ (стр. 357—405, 7-е изд. М. 1898).

8. *К. К. Арсеньевъ.* „Законодательство о печати“ въ серіи „Великія реформы въ ихъ прошломъ и настоящемъ“. Спб. 1903.

9. „*М. М. Стасюлевичъ* и его современники въ ихъ перепискѣ“, подъ ред. *М. К. Лемке,* особ. томы 1 и 2. Спб. 1911 и 1912.

10. *М. К. Лемке.* „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ“. Спб. 1904.

11. *В. Я. Яковлевъ-Богучарскій.* „Очерки изъ исторіи русской журналистики XIX вѣка“ въ книгѣ „Изъ прошлаго русскаго общества“ (стр. 281—406). Спб. 1904.

12. *А. М. Скабичевскій.* „Очерки по исторіи русской цензуры“.

VIII. Городская реформа.

1. „*Матеріалы,* относящіеся до новаго общественнаго устройства въ городахъ имперіи“. Изд. хоз. д-та мин. вн. дѣлъ. Спб. 1878—88. (3 тома).

2. „*Экономическое состояніе городскихъ поселеній* Европейской Россіи въ 1861—1862 гг.“. 2 тома. Изд. хоз. д-та мин. вн. дѣлъ. Спб. 1863.

3. „Матеріалы высочайше учрежденной особой комиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Коханова“.

4. *И. И. Дитятинъ.* „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи“. Т. II. Ярославль. 1877.

5. *Его же.* „Статьи по исторіи русскаго права“. („Наши города за первыя три четверти настоящаго столѣтія“ и „Къ исторіи городового положенія 1870 года“). Спб. 1895.

6. *М. П. Щепкинъ.* „Общественное хозяйство города Москвы въ 1863—1887 гг. Историко-статистическое описаніе“. М. 1888.

7. *Г. А. Джаншіевъ.* „Городское самоуправленіе“ въ „Эпохѣ великихъ реформъ“ (стр. 563—604—7-го изданія). 1898.

8. „Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“, подъ ред. *М. Н. Покровскаго,* изд. Гранатъ, т. IV, гл. VI (статья *Г. И. Шрейдера*).

9. *Д. М. Щепкинъ.* „Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ“. М. 1910. (Здѣсь библіотр. статей М. П. Щепкина по городскому дѣлу).

IX. Реформа воинской повинности и реформы въ военномъ вѣдомствѣ и во флотѣ.

1. *Богдановичъ, Максимовскій, Шильдеръ* и *Хорошхинъ.* „Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи въ первое двадцатипятилѣтіе царствованія императора Александра Николаевича (1855—1880)“. 6 томовъ. Спб. 1879—1880.

2. „Обзоръ дѣятельности морского управленія въ Россіи съ 1855 по 1880 годъ“. 2 тома. Спб. 1880.

3. *С. С. Татищевъ.* „Императоръ Александръ II“, т. II, глава XXIII „Преобразованіе арміи и флота“. Спб. 1903.

4. „Военно-статистическій сборникъ, вып. IV. Россія“. Отд. 2-й „Армія“ и „Прибавленія“ „II. О новыхъ основаніяхъ воинской повинности“. Спб. 1871.

5. *Г. А. Джаншіевъ.* „Общая воинская повинность“ въ „Эпохѣ великихъ реформъ“, отд. VII (стр. 537—552, 7-го изданія. М. 1898).

6. *А. А. Корнилов.* „Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ (1816—1912)“, въ газетѣ „Рѣчь“ отъ 11 февр. 1912 г., № 40.

B. Внѣшняя политика и войны.

I. Общее направленіе внѣшней политики.

1. *С. С. Татищевъ.* „Императоръ Александръ II“. Т. I, главы VII—XII, XV—XVII; томъ II, главы XX—XXII, XXVI—XXXI.

2. *Пфлугъ-Гартунгъ.* „Всемірная исторія. Т. VI. Отъ Вѣнскаго конгресса до нашихъ дней“. Перев. подъ ред. *Н. И. Карѣева* и *С. Г. Лозинскаго.* Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1910.

3. *Г. А. Файфъ.* „Исторія Европы XIX вѣка“. Перев. подъ ред. проф. *И. В. Лучицкаго.* М. 1889. 2-е изд. Спб. 1904. Томъ 3-й съ 1848 по 1878 г.

4. „Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“, подъ ред. *М. Н. Покровскаго,* Т. VI, гл. VIII (отъ парижскаго мира до берлинскаго конгресса. 1856—1878). Въ началѣ этой главы общая характеристика внѣшней политики Александра II.

II. Покореніе Кавказа.

1. *Н. Н. Муравьевъ (Карсскій).* „Война за Кавказомъ въ 1855 г.“. 2 части Спб. 1877.

2. *Его же.* „Записки“ въ „Русскомъ Архивѣ“ съ 1886 по 1895 г.

3. *Зиссерманъ.* „Фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій“. 3 тома. (Тамъ же весьма важная переписка Барятинскаго.) М. 1889—1891.

4. *Татищевъ.* „Императоръ Александръ II“. Т. I, стр. 278—295.

5. *М. Н. Покровскій.* „Завоеваніе Кавказа“ въ „Исторіи Россіи въ XIX в.“, изд. Гранатъ, подъ ред. *Покровскаго,* т. V, гл. VII. (Тамъ же и библіографія сочиненій, относящихся къ кавказской войнѣ до Александра II.)

6. Подробная библіографія у *А. Гизети* „Библіографич. указатель къ сочиненіямъ и статьямъ о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ на Кавказѣ“. Изд. воен.-учен. к-та главн. штаба. Спб. 1901.

III. Пріобрѣтеніе Амура и средне-азіатскіе походы.

1. *Татищевъ.* „Императоръ Александръ II“. Т. I, стр. 274 и слѣд.; т. II, стр. 114—130.

2. *Пфлугъ-Гартунгъ.* „Всемірная исторія отъ Вѣнскаго конгресса до нашихъ дней“ (т. VI, часть II, стр. 394 и слѣд.).

3. *И. П. Барсуковъ.* „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій“. 2 тома. М. 1891.

4. *Н. И. Гродековъ.* „Хивинскій походъ 1873 г.“. Спб. 1888.

5. *Его же.* „Война въ Туркменіи. Походъ Скобелева въ 1880—1881 г.“. 3 тома.

6. *Ф. И. Лобысевичъ.* „Описаніе Хивинскаго похода 1873 года“. Спб. 1898.

7. *Кн. В. И. Масальскій.* „Туркестанскій край“ (томъ XIX „Россіи“, изд. Девріеномъ). Спб. 1913.

IV. Восточный вопросъ и война 1877—1878 годовъ.

1. *С. С. Татищевъ.* „Императоръ Александръ II“, книга VI („Освобожденіе балканскихъ христіанъ“), главы XXVI—XXXI составлены въ значительной мѣрѣ по архивнымъ источникамъ и содержатъ въ себѣ важные документы.

2. *Пфлугъ-Гартунгъ.* „Всемірная исторія“. Т. VI, часть II, стр. 397—416.

3. „Описаніе русско-турецкой войны 1877—1878 гг.“. Изданіе военно-историч. к-сіи главн. штаба. 4 тома. Спб. 1901.

4. *И. С. Аксаковъ.* Сочиненія, т. I. М. 1887.
5. *С. П. Ефткинъ.* „Письма изъ Болгаріи". Спб. 1893.
6. *Газенкампфъ.* „Дневникъ". Спб. 1908.
7. *Мартыновъ.* „Блокада Плевны". Спб. 1900.
8. *Пузыревскій.* „Десять лѣтъ назадъ". Спб. 1887.
9. *T. W. von Trotha.* „Der Kampf um Plevna". Berlin. 1896.
10. *М. П. Драгомановъ.* „Собраніе политическихъ сочиненій". Париж. изданіе 1905—1906. 2 тома.
11. „Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи (1855—1880)". Сост. *Богдановичемъ, Максимовымъ* и *Хорошкинымъ.* 6 томовъ. Спб. 1880.
12. *Д. Г. Анучинъ.* „Берлинскій конгрессъ 1878 года". Спб. 1912. Изд. А. С. Анучиной.

Г. Обзоръ дѣятельности высшихъ правительственныхъ учрежденій.

1. „Государственный Совѣтъ 1801—1901". Составл. госуд. канцеляріей (in folio). Спб. 1901.
2. „Исторія Правит. Сената за двѣсти лѣтъ 1711—1911". Т. 3 и 4-й. Подъ ред. проф. *С. Ф. Платонова.* Спб. 1911.
3. „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ" 1802—1902. Томъ 3-й. 2 части (составл. *С. М. Середонинымъ*). Спб. 1902.
4. „Исторія м-ва иностр. дѣлъ". Юбил. изд. Спб. 1902.
5. „Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи въ первое двадцатипятилѣтіе благополуч. цар-нія Г. И. Александра Николаевича (1855—1880)". 6 томовъ. Составл. *Богдановичемъ, Максимовскимъ, Шильдеромъ* и *Хорошкинымъ.* Спб. 1880.
6. „Обзоръ дѣятельности морского управленія въ Россіи съ 1855—1880 гг.". 2 тома. Спб. 1880.
7. „Краткій отчетъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1855—1880 гг.". Спб. 1880.
8. „Историч. очеркъ м-ва внутр. дѣлъ. 1802—1902". Юбил. изд. 1904.
9. „Историческое обозрѣніе пятидесятилѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ. 1837—1887 гг." 5 частей. Спб. 1887.
10. „Исторія удѣловъ за сто лѣтъ ихъ существованія. 1797—1897". 3 тома. Спб. 1897.
11. „Министерство финансовъ 1802—1902 гг.". Часть 1-я. Спб. 1902.
12. *И. А. Бліохъ.* „Финансы Россіи въ XIX в.". 4 тома. Спб. 1882.
13. *В. Лодыженскій.* „Исторія русскаго таможеннаго тарифа. Спб. 1886.
14. „Краткій историческій очеркъ вѣдомства путей сообщенія за сто лѣтъ (1798—1898)". Спб. 1898.
15. *П. М. Майковъ.* „Второе отдѣленіе собств. е. в. канцеляріи. 1826—1882 гг.". Спб. 1906.
16. „Историческій очеркъ дѣятельности министерства юстиціи за 100 лѣтъ". Спб. 1902.
17. *С. В. Рождественскій.* „Исторія министерства народнаго просвѣщенія съ 1802—1902 г.". Спб. 1902.
18. „Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія". Томы III—VIII. Спб. 1865—1887.
19. *Второе полное собраніе законовъ.* Т. XXX—LV. Спб. 1857—1885, и 4 тома указателя къ нимъ. Спб. 1885.

Д. Борьба правительства съ революціей и диктатура Лорисъ-Меликова.

1. *Татищевъ.* „Императоръ Александръ II“, т. 2-й, книга 7-я „Конецъ царствованія“, главы XXXII, XXXIII и XXXIV.
2. „Исторія Россіи въ XIX в.“, изд. Гранатъ, подъ ред. *М. Н. Покровскаго*, т. V, гл. I „Общая политика правительства 1866—1892“.
3. *С. М. Середонинъ.* „Историческ. обзоръ комитета министровъ“, т. III, часть I, гл. I, II; часть II, гл. IV и гл. VIII (отд. 2-й).
4. *А. А. Корниловъ.* „Общественное движеніе при Александрѣ II“. М. 1909.
5. *Невѣдѣнскій.* „Катковъ и его время“. Спб. 1888.
6. *А. В. Никитенко.* „Дневникъ и записки“. Часть II. Спб. 1904 (изд. 2-е).
7. „Дневники“ *гр. П. А. Валуева* за 1880 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1907 г., №№ 1—3.
8. *П. Е. Щеголевъ.* „Изъ исторіи конституціонныхъ вѣяній 1879—1881 гг.“ въ „Быломъ“ за 1906 г., № 12.
9. *К. Л. Германскій.* „Конституціонные проекты царствованія Александра II“, въ „Вѣстникѣ Права“ за 1905 г., № 11.
10. „Конституція гр. Лорисъ-Меликова“. Лондонъ. 1893.
11. *V. Laferté.* Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort“. P. 1882. Критика этой книги въ брошюрѣ *„d'un russe du grand monde“* „Quelques mots sur la brochure de M. Victor Laferté“. p. 1882.
12. *A. Leroy-Beaulieu.* „L'empire des tsars et les russes“. Tome II. P. 1882.
13. *В. Ю. Скалонъ.* „Въ переходное время“. (Сборникъ статей.) Спб. 1905.
14. *А. И. Кошелевъ.* „Записки“. Берлинъ. 1884.
15. *Н. А. Бѣлоголовый.* „Воспоминанія“ (стр. 182 — 224 „Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ). 2-е изд. М. 1898.
16. *С. А. Муромцевъ.* „Сборникъ статей и рѣчей“. Вып. V. Спб. 1910.
17. *А. Ф. Кони.* „Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ“ въ „Голосѣ Минувшаго“ за 1914 г., № 1.

Объ отношеніи печати, общества и революціонеровъ къ режиму Лорисъ-Меликова и объ участіи литературы и общества въ борьбѣ реакціи съ революціей см. ниже, въ отд. IV „Развитіе интеллигенціи (общественное и литературное движеніе въ Россіи при Александрѣ II)“.

III. Положеніе населенія и развитіе народнаго хозяйства въ Россіи при Александрѣ II.

А. Данныя о движеніи населенія съ конца 50-хъ годовъ до начала 80-хъ.

1. *В. Э. Денъ.* „Населеніе Россіи по V ревизіи“. Т. I. М. 1902.
2. *А. Г. Тройницкій.* „Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи“. Спб. 1861.
3. „Военно-статистическій сборникъ“, вып. IV „Россія“, подъ ред. *Н. Н. Обручева.* Спб. 1871.
4. *Ю. Э. Янсонъ.* „Сравнительная статистика Россіи и западно-европ. государствъ“. Т. I. Спб. 1878.
5. *П. Н. Милюковъ.* „Очерки по исторіи русской культуры“. Часть I (6-е изд.). Спб. 1909.
6. *А. Ф. Фэртунатовъ.* „Сельско-хозяйственная статистика Россіи“. М. 1893.
7. *В. И. Покровскій.* Въ сборникѣ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“ (Спб. 1897) Т. II— въ статьѣ „Вліяніе урожая и хлѣбн. цѣнъ на естественное движеніе населенія“ на стр. 181—194 „Естественное движеніе населенія Россіи до 1870 г.“ и на стр. 194—213 „Естеств. движеніе населенія Россіи съ 1870 по 1894 годъ“.

Б. Развитіе внѣшней торговли.

1. *Гулишамбаровъ.* „Всемірная торговля въ XIX вѣкѣ и участіе въ ней Россіи“. Спб. 1898.
2. *В. И. Покровскій.* „Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли въ Россіи“. Т. I (in folio). Изд. д-та таможен. сборовъ. Спб. 1902.

В. Положеніе сельскаго хозяйства и земледѣльческихъ классовъ.

1. *И. Вильсонъ.* „Хозяйственно-статистическій атласъ Европейской Россіи“ и „Объясненія“ къ нему. Спб. 1869.
2. *П. Л.* (*Павелъ Лиліенфельдъ*) [1]). „Земля и воля“. Спб. 1868.

---

[1]) Иногда эту книгу совершенно ошибочно (сбиваясь инициалами) считаютъ принадлежащею перу П. Л. Лаврова.

3. *Демертъ.* „Новая воля“, въ „Отечест. Зап.“ за 1869 г.
4. *А. Н. Энгельгардтъ.* „Изъ деревни. 11 писемъ 1872—1882 г.“ Спб. 1885.
5. *„Докладъ высочайше утвержденной комиссіи* для изслѣдованія нынѣшняго (1872 г.) положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи“ и „Приложенія“ къ нему. Спб. 1873 г. 5 томовъ (in folio).
6. *Труды податной комиссіи* („комис. высоч. учрежд. для пересмотра системы податей и сборовъ“) 24 тома.
7. *В. И. Чаславскій.* „Хлѣбная торговля въ центральномъ районѣ Россіи“. Спб. 1873. Ч. I (Торговля въ при-московск. районѣ), ч. II (Торговля въ Ригѣ).
8. *Его же.* „Земледѣльческіе отхожіе промыслы, въ связи съ переселеніемъ крестьянъ (съ картою)“, въ „Сборникѣ государств. знаній“ В. П. Безобразова. Т. 2-й. Спб. 1875.
9. *Докучаевъ.* „Овраги и ихъ значеніе“. Спб. 1876.
10. *Его же.* „Наши степи прежде и теперь“. Спб. 1892.
11. *Э. Ю. Янсонъ.* „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“. Изд. 2-е. Спб. 1881. Съ прилож. статьи „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 февраля 1861 года“.
12. *Дм. Ф. Самаринъ.* „Теорія о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ по ученію проф. Э. Ю. Янсона“, въ собраніи статей, рѣчей и докладовъ Д. Ф. Самарина. Т. I. М. 1903.
13. *Кн. А. И. Васильчиковъ.* „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ“. Спб. 1881. Изд. 2-е (исправленное послѣ критики проф. Чичерина и Герье въ статьѣ ихъ „Диллетантизмъ въ наукѣ“).
14. *А. С. Посниковъ.* „Общинное землевладѣніе“. 2 выпуска. Изд. 2-е. Одесса. 1878.
15. *Ю. Э. Янсонъ.* „Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ“. Т. 2-й. „Промышленность и торговля“. Отд. I. Статистика сельскаго хозяйства.
16. *Николай —онъ.* „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства“. Спб. 1893. Особенно: „Предисловіе“ и „Первый отдѣлъ. Капитализація земледѣльческихъ доходовъ“, стр. 1—78 (первоначально было напечатано въ журналѣ „Слово“ за 1879 г.).
17. „Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики“. Т. I. „Общій обзоръ статистики крестьянскаго хозяйства“ *А. Ф. Фортунатова* и „Крестьянская община“ *В. В.* М. 1892. Т. II *Н. А. Карышева.* „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды“. М. 1893.
18. *А. А. Мануиловъ.* „Аренда земли въ Россіи въ экономич. отношеніи“, въ сборникѣ „Очерки по крестьянскому вопросу“. Вып. 2-й. М. 1905.
19. *Л. В. Ходскій.* „Земля и земледѣлецъ“. Т. II „Земля и земледѣлецъ въ Россіи“. М. 1899.
20. *Н. А. Каблуковъ.* „Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи“. М. 1899.
21. *С. Н. Терпигоревъ* (*Сергѣй Отава*). „Оскудѣніе. Очерки помѣщичьяго разоренія“. Спб. 1881.
22. *Проф. Мигулинъ.* „Выкупные платежи“. Харьковъ. 1904.
23. *А. Е. Лосицкій.* „Выкупная операція“. Спб. 1906.
24. *Кн. Дм. И. Шаховской.* „Выкупные платежи“, въ т. V юбил. изд. „Великая реформа“. М. 1911.
25. *Коваиько.* „Освобожденіе крестьянъ и обязательный выкупъ“. „Русск. Мысль“ за 1912 г. Кн. VI.

26. *М. Н. Милюковъ.* Статья „Крестьяне“ въ старомъ энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона.

27. *Озановскій.* „Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи“. М. 1911.

28. „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на русское народное хозяйство“. Сборникъ подъ ред. проф. *А. И. Чупрова* и *А. С. Посникова*. 2 тома. Спб. 1897.

29. *В. Е. Постниковъ.* „Южно-русское крестьянское хозяйство“. М. 1891.

Г. Развитіе капитализма и формированіе рабочаго класса въ Россіи.

1. „М. Х. Рейтернъ. Біографическій очеркъ“, составл. *А. Н. Куломзинымъ* и гр. *В. Г. Рейтернъ-Нолькенъ*. Съ приложеніемъ нѣсколькихъ всеподданнѣйшихъ записокъ *М. Х. Рейтерна*. Спб. 1910.

2. *А. А. Головачевъ.* „Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи“. Спб. 1881.

3. *В. В.* (*В. П. Воронцовъ*). „Судьбы капитализма въ Россіи“. Спб. 1875.

4. *В. П. Безобразовъ.* „Народное хозяйство Россіи“, ч. I. Спб. 1882. Часть II и приложенія къ ней. Спб. 1885.

5. *Николай —онъ.* „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства“. Спб. 1893.

6. *П. Б. Струве.* „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“. Спб. 1894.

7. *А. Leroy-Beaulieu.* „L'empire des tsars et les russes“. T. I „Le pays et les habitants“. P. 1881.

8. *Г. фонъ Шульце-Геверницъ.* „Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи“, съ предисловіемъ *П. Б. Струве*. Спб. 1901.

9. *М. И. Туганъ-Барановскій.* „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ“. Т. I „Историческое развитіе русской фабрики въ XIX в.“ 2 изд. Спб. 1900.

10. *В. Ильинъ.* „Развитіе капитализма въ Россіи. Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности“. Спб. 1899.

11. „Историко-статистическое обозрѣніе промышленности въ Россіи“. Спб. 1882.

12. *И. И. Янжулъ.* „Фабричный бытъ московской губерніи въ 1884 г.“ М. 1886.

13. *Святловскій.* „Фабричный рабочій“. Варшава. 1889.

14. „Изслѣдованіе кустарной промышленности въ Россіи“ (изд. М. Г. И. 5 томовъ. Спб. 1892—98).

15. „Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“, т. V, гл. I „Общая политика правительства 1866—1892“, отд. II „Соціальныя предпосылки“. Спб. 1907.

16. „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка“, подъ ред. *Л. Мартова, П. Маслова* и *А. Потресова* (а томъ I и подъ ред. *Г. В. Плеханова*). Т. I „Предвѣстники и основныя причины движенія“. Спб. 1909.

17. „Матеріалы къ характеристикѣ нашего хозяйственнаго развитія. Сборникъ статей“. Спб. 1895.

18. *И. И. Янжулъ.* „Воспоминанія. О пережитомъ“. 2 выпуска. Спб. 1910—1911.

IV. Развитіе интеллигенціи въ Россіи при Александрѣ II (Общественное и литературное движеніе).

А. Развитіе литературы, искусствъ и науки.

1. „Исторія русской литературы XIX вѣка", подъ ред. *Д. Н. Овсяніко-Куликовскаго*, изд. т-ва „Міръ". М. 1909—1912. Томы III—V. Тамъ же подробные библіографическіе указатели.

2. „Исторія Россіи въ XIX в.", изд. Гранатъ, подъ ред. *М. Н. Покровскаго*. Въ особенности гл. 12 тома IV и глава 16 тома VII. Въ томѣ IX подробная библіографія, составленная *П. Н. Сакулинымъ* при участіи *А. Г. Фомина*.

Къ библіографическ. указателямъ двухъ названныхъ изданій мы и отсылаемъ читателя по исторіи литературы.

3. „Исторія Россіи въ XIX в.", изд. Гранатъ, томъ VII, гл. XX „Пластическія искусства", ст. *В. М. Фриче* и библіографія къ ней; гл. XXI „Музыка въ Россіи послѣ 60 годовъ"—ст. *Ю. Д. Энгеля* и библіографія къ ней.

4. „Исторія Россіи въ XIX в.", изд. Гранатъ, т. VI, гл. XIV „Научное движеніе въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка", статья *А. А. Тарасевича*, и т. VII, гл. XV „Пробужденіе естествознанія въ третьей четверти вѣка", ст. *К. А. Тимирязева*. Въ т. VII библіографич. указанія къ этимъ статьямъ, а также къ статьѣ „Развитіе естествознанія въ Россіи въ послѣдней четверти вѣка" въ гл. V тома IX.

5. *П. П. Семеновъ* (*Тянь-Шанскій*). „Исторія полувѣковой дѣятельности Имп. русскаго географическаго общества 1845—1895". Спб. 1896. 3 тома. Особенно отд. II и III части I-й и часть IV-я.

6. „Исторія Имп. вольнаго экономическаго общества съ 1765 до 1865 г.", сост. *А. И. Ходневымъ*. Спб. 1865.

7. „Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности имп. вольнаго экономическ. общества съ 1865 до 1890 года", составл. *А. Н. Бекетовымъ*. Спб. 1890.

8. „Дѣятельность археографической комиссіи въ царствованіе Императора Александра II (19 февр. 1855 — 19 февр. 1880 г.) Историч. записка, представлен. Е. И. В.". Спб. 1880.

9. *Лямбины, П. и Б.* „Русская историческая библіографія. 1855—1864 гг." Спб. 1861—1887. 10 томовъ.

10. *В. И. Межовъ*. „Русская историческая библіографія съ 1865 по 1876 г. включительно". Спб. 1862—1890. 8 томовъ.

11. *В. Межовъ*. „Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Литература русской педагогики, дидактики и методики за 1859—1872 гг." 3 т. Спб. 1862—1874.

12. *В. И. Межовъ*. „Литература русской географіи, этнографіи и статистики съ 1859—1880 гг.". 9 томовъ. Спб. 1861—1883.

13. *В. Межовъ* и *Н. Собко*. „Библіографія, напечатан. въ Россіи въ 1865—1876 гг. книгъ и статей по части искусствъ и археологіи". Спб. 1884.

14. *В. Межовъ*. „Библіографическій указатель книгъ и статей по части правовѣдѣнія, вышедшихъ въ Россіи въ 1859—1866 гг." 3 вып. Спб. 1866—1868 гг.

15. *Александръ Введенскій*. „Судьбы философіи въ Россіи". М. 1898.

16. Въ книгѣ *Фалькенберга*. „Исторія новой философіи", пер. на русскій языкъ подъ ред. *А. И. Введенскаго*, подробный перечень русскихъ оригин. и перевод. сочиненій по исторіи новой философіи.

17. *Иверсенъ-Гейнце*. „Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ". Перев. *Я. Н. Колубовскаго*, съ приложен. очерка философіи у славянъ (и въ Россіи). Спб. 1890.

Б. Общественное движеніе.

1. *С. С. Татищевъ*. „Императоръ Александръ II", т. II, книга 7-я, гл. XXXII „Крамола. 1861—1880 гг.", гл. XXXIII и XXXIV (исторія „диктатуры сердца").

2. *А. А. Корниловъ*. „Общественное движеніе при Александрѣ II. Историческіе очерки. 1855—1880". М. 1909.

3. *Его же*. „Основныя теченія правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы", въ сборникѣ „Научнаго слова" „Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы". М. 1911.

4. *А. В. Никитенко*. „Записки и дневникъ (1804—1877)". Изд. 2-е. Спб. 1904. Томы I и II.

5. *Н. П. Барсуковъ*. „Жизнь и труды М. П. Погодина". Части XIII—XXII. Спб. 1899—1908.

6. „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ". Т. III и IV. М. и Спб. 1887.

7. Записка *К. С. Аксакова*, представленная имъ Александру II въ 1855 г., напечатана въ газетѣ „Русь" за 1881 г., №№ 26—28.

8. *А. И. Кошелевъ*. „Записки". Берлинъ. 1884.

9. *А. В. Станкевичъ*. „Т. Н. Грановскій и его переписка". 2-е изд. 2 тома. М. 1897.

10. *А. И. Герценъ*. „Полярная Звѣзда". 7 книгъ. Лондонъ. 1855—1867.

11. *А. И. Герценъ*. „Голоса изъ Россіи". 9 частей. Лондонъ. 1856—1860.

12. *А. И. Герценъ* и *Н. П. Огаревъ*. „Колоколъ". Лондонъ и Женева. 1857—1867 годы.

13. *А. И. Герценъ*. „Сочиненія". 10 томовъ. Женева. 1875—1879. (Въ это собраніе сочиненій почти не вошли статьи изъ „Колокола").

14. *Его же*. „Сборникъ посмертныхъ статей". Женева. 1870.

15. *Его же*. „Сочиненія и переписка съ Н. А. Захарьиной (Герценъ)". Изд. Ф. Ѳ. Павленкова. Спб. 1905.

16. *Его же*. „Статьи о Польшѣ изъ „Колокола". Спб. 1907. (Была конфискована).

17. Письма *И. С. Тургенева* и *К. Д. Кавелина* къ *А. И. Герцену*. Женева. 1891. (Съ объяснительными примѣчаніями М. П. Драгоманова).

18. „Письма *М. А. Бакунина* къ *А. И. Герцену* и *Н. П. Огареву*". Женева. 1892. (Съ біограф. очеркомъ М. А. Бакунина, сост. Драгомановымъ).

19. Отвѣтныя письма А. И. Герцена. Въ журналѣ „Современникъ" за 1913 г.

20. *М. П. Драгомановъ*. „Историческая Польша и великорусская демократія." Женева. 1889.

21. *Ч. Вятринскій.* „Герценъ". Спб. 1908. Къ этой книгѣ приложена добросовѣстно составленная „библіографія произведеній Герцена и литературы о немъ" *А. Г. Фомина.*

22. *Н. Г. Чернышевскій.* Сочиненія. 11 томовъ. Спб. 1906.

23. *Г. В. Плехановъ.* „Н. Г. Чернышевскій". Спб. 1909.

24. *А. А. Корниловъ.* „Чернышевскій и крестьянская реформа". „Русск. Мысль" за 1910. № 1.

25. *Н. А. Добролюбовъ.* „Первое полное собраніе сочиненій въ четырехъ томахъ", подъ ред. и съ подр. примѣчаніями *М. К. Лемке.* Изд. Панафидиной. Спб. 1912.

26. Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. Спб. 1883.

27. *Б. Н. Чичеринъ.* „Нѣсколько современныхъ вопросовъ". М. 1862.

28. *К. Д. Кавелинъ.* Сочиненія, томъ II. Изд. Глаголева. Спб. 1904.

29. *Ю. Ф. Самаринъ.* Сочиненія, томы I—X. М. 1877—1911.

30. *Кн. О. Н. Трубецкая.* „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", т. I, части 1 и 2-я. М. 1903—1904.

31. *Кн. Дж. А. Оболенскій.* „Мои воспоминанія о вел. кн. Еленѣ Павловнѣ". Спб. 1909.

32. *А. Н. Пыпинъ.* „Воспоминанія". „Вѣст. Евр." за 1903 г. № 11.

33. *Г. А. Джаншіевъ.* „А. М. Унковскій". М. 1894.

34. *Л. Ф. Пантелѣевъ.* „Изъ воспоминаній прошлаго". 2 части. Спб. 1908—1909.

35. *Бурцевъ.* „За сто лѣтъ". Парижъ. 2 части.

36. *М. К. Лемке.* „Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ". Спб. 1908.

37. *В. Я. Богучарскій.* „Революціонная журналистика 60-хъ годовъ". Спб. 1906. Здѣсь даны тексты прокламацій и подпольныхъ листковъ 1861—1863 годовъ.

38. *Le prince Pierre Dolgoroukow.* „Des réformes en Russie". P. 1862.

39. „Эпизодъ изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи" (Описаніе извѣстной „тверской исторіи", кончившейся заключеніемъ въ крѣпость 13-ти мировыхъ посредниковъ) въ первой *книгѣ* „Освобожденія" (подъ ред. П. Б. Струве). Stuttgart. 1903.

40. *Н. Г. Чернышевскій.* „Письма безъ адреса", въ X томѣ его сочиненій.

41. *А. И. Кошелевъ.* „Конституція, самодержавіе и земская дума". Лейпцигъ. 1862.

42. *Ю. Ф. Самаринъ.* „По поводу толковъ о конституціи (1862)" въ газетѣ „Русь" за 1861 г. № 29.

43. *К. Д. Кавелинъ.* „Дворянство и освобожденіе крестьянъ (1862)", въ собраніи сочиненій (изд. Глаголева. Спб. 1904 г.), т. II (стр. 106—142).

44. *В. М. Батуринскій.* „А. И. Герценъ, его знакомые и друзья". Спб. 1903.

45. *Н. И. Іорданскій.* „Конституціонное движеніе 60-хъ годовъ". Спб. 1906.

46. *Д. И. Писаревъ.* Собраніе сочиненій, изд. *Ф. Ф. Павленкова*, 6 частей (Спб. 1894) и „дополнительный къ шести томамъ выпускъ" (Спб. 1907).

47. *Е. А. Соловьевъ.* „Д. И. Писаревъ. Его жизнь и литературная дѣятельность". Спб. 1893.

48. *Р. В. Ивановъ-Разумникъ.* „Исторія русской общественной мысли".

49. *М. К. Лемке.* „Политическіе процессы Михайлова, Чернышевскаго и Писарева". Спб. 1907.

50. Переписка *Н. Г. Чернышевскаго* съ *Н. И. Костомаровымъ* и *И. Е. Андреевскимъ* въ „Быломъ" за 1906 г., кн. III, стр. 233—235.

51. *Н. И. Костомаровъ.* „Автобіографія". Спб. 1890.

52. *Н. И. Пироговъ.* „Вопросы жизни". 2 тома. Спб. 1888.

53. „Воспоминанія“ *Н. В. Шелгунова* въ его сочиненіяхъ, т. II, стр. 723 и слѣд.

54. *Кн. П. А. Кропоткинъ*. „Записки революціонера. Историческая библіотека. Выпускъ I“. Лондонъ. 1902. То-же авторизованное изданіе въ Петербургѣ, въ изд. „Знаніе“. Спб. 1907.

55. *И. С. Тургеневъ*. Сочиненія. Т. X „Литературныя воспоминанія“ и романы: „Дворянское гнѣздо“, „Рудинъ“, „Наканунѣ“, „Дымъ“ и въ особенности „Отцы и дѣти“.

56. *М. А. Антоновичъ*. „Асмодей нашихъ дней“, въ „Современ.“ за 1862 г. № 3.

57. *Его же*. „Воспоминанія“ въ „Журналѣ для всѣхъ“ за 1903 г.

58. *В. А. Обручевъ*. „Воспоминанія“ въ „Вѣстн. Евр.“ за 1908 г.

59. *Н. Г. Чернышевскій*. „Что дѣлать?“ въ „Современ.“ за 1863 г.; отд. изд. Спб. 1905 г. и въ собраніи сочиненій.

60. *Н. Н. Страховъ* (*Косица*). „Изъ исторіи литературнаго нигилизма. 1861—1865“. Спб. 1890.

61. *Его же*. „Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ“. Книжка вторая. Спб. 1883.

62. *М. А. Бакунинъ*. „Романовъ, Пугачовъ или Пестель?“ въ собраніи его сочиненій. Спб. 1906. (Изд. Балашова), стр. 217.

63. *Его же*. „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ“ въ прилож. къ „Колоколу“ за 1862 г. и отдѣльно въ Женевѣ въ 1888 г. (изд. Эльпидина).

64. „Письмо *А. И. Герцена* къ русскому послу въ Лондонѣ съ отвѣтомъ и нѣкоторыми примѣчаніями *Д. К. Шедо-Ферроти*“ (бар. Фиркса) Berlin, 1862. (Было тогда же допущено къ продажѣ въ Россіи).

65. *Н. Елагинъ*. „Искандеръ-Герценъ“. Берлинъ. 1859.

66. *М. П. Драгомановъ*. „Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій и польскій вопросъ“. Казань. 1906.

67. *Его же*. „Великорусскій интернаціоналъ и польско-украинскій вопросъ“. Казань. 1907.

68. *Невѣдѣнскій* (псевдонимъ). „Катковъ и его время“. Спб. 1888.

69. Полное собраніе сочиненій *Ѳ. М. Достоевскаго*. Т. I „Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки“. Спб. 1883.

70. *А. Ф. Головачева-Панаева*. „Воспоминанія“. Спб. 1890.

71. *Н. А. Огарева-Тучкова*. „Воспоминанія“ (1848—1870). М. 1903.

72. *Л. П. Шелгунова*. „Изъ далекаго прошлаго“. Тутъ же „Переписка Н. В. Шелгунова съ женой“. Спб. 1901.

73. Для эпохи 1855—1866. *Газеты:* „Молва“ за 1857 г., „Парусъ“ (1859), „День“ (1861 — 1866), „Московскія Вѣдомости“ (1855 — 1862, подъ ред. В. Корша, съ 1863 г., подъ ред. Каткова); „Голосъ“ (съ 1863 г.) и „Вѣсть“ (съ 1861 г.). *Журналы:* „Современникъ“ (съ 1855—1866 г.), „Русскій Вѣстникъ“ (съ 1856 г.), „Русская Бесѣда“ (1856 — 1861 г.), „Русское Слово“ (1859—1866 г.), „Отечеств. Записки“ (съ 1855 г.), „Библіотека для чтенія“ (1858—1865 г.), „Атеней“ (1858 г.), „Время“ (1861—64 г.) и „Эпоха“ (1864 г.).

74. *П. И. Вейнбергъ*. „4-е апрѣля 1866 года (изъ моихъ воспоминаній)“, въ „Быломъ“ за 1906 г. № 4.

75. *Н. К. Михайловскій*. „Литературныя воспоминанія и современная смута“. Т. I.

76. *Д. В. Стасовъ*. „Каракозовскій процессъ“, въ „Быломъ“ за 1906 г. № 4.

77. *В. В. Стасовъ*. „Надежда Васильевна Стасова“. Спб. 1899 г.

78. *Е. И. Конради*. Сочиненія. 2 тома. Спб. 1899. Въ 1-мъ томѣ біографическій очеркъ.

79. *С. В. Ковалевская.* „Воспоминанія дѣтства“, въ „Литературныхъ сочиненіяхъ“. Спб. 1893.
80. *А. К. Леффлеръ, герцогиня ди Кайанелло.* „Софья Ковалевская“, перев. М. Лучицкой. Спб. 1893.
81. *Е. Ѳ. Литвинова.* „С. В. Ковалевская. Ея жизнь и ученая дѣятельность“. Спб. 1894.
82. *П. Л. Лавровъ* (*Миртовъ*). „Историческія письма“. Спб. 1905.
83. *Н. В. Шелгуновъ.* „Историческая сила критической личности“, въ сочиненіяхъ, т. 2-й, стр. 331 — 352. Тамъ же (въ томѣ I) вступительная статья *Н. К. Михайловскаго* „Н. В. Шелгуновъ“.
84. *В. Кельсіевъ.* „Пережитое и передуманное“. Спб. 1868.
85. „Матеріалы для характеристики соврем. русск. литературы“. *М. А. Антоновича* и *Ю. Г. Жуковскаго.* Спб. 1869.
86. *Н. Флеровскій* (*В. Ф. Берви*). „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“. Спб. 1869.
87. *Его же.* „Азбука соціальныхъ наукъ. Въ трехъ частяхъ“. Спб. 1871.
88. *С. Г. Сватиковъ.* „Студенческое движеніе 1869 года (Бакунинъ и Нечаевъ)“, въ „Историческомъ сборникѣ „Наша страна“. Спб. 1907.
89. *Его же.* „Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895)“. Ростовъ-на-Дону. 1905. Часть 2-я.
90. *А. Тунъ.* „Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи“. Два русскихъ перевода: 1) сдѣланный с.-д-тами съ *Г. В. Плехановымъ* и *В. И. Засуличъ* во главѣ; 2) сдѣланный с.-р-ами, подъ ред. и съ примѣчаніями *Л. Э. Шишко.* Спб. 1906.
91. *Ѳ. М. Достоевскій.* „Бѣсы“.
92. *Н. К. Михайловскій.* „Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1873 г.“, въ „Сочиненіяхъ“, т. II, стр. 271 и слѣд.
93. *П. Л. Лавровъ* (*Миртовъ*). „Народники-пропагандисты 1873—78 годовъ“. Спб. 1907.
94. *Степнякъ* (*С. М. Кравчинскій*). „Подпольная Россія“. Изд. фонда вольн. русск. прессы. Лондонъ. 1893.
95. *Л. Шишко.* „Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ“. Спб. 1906.
96. *П. А. Кропоткинъ.* „Мои воспоминанія о Петербургѣ“. Спб. 1906.
97. *Вл. Дебогорій-Мокріевичъ.* „Воспоминанія“. Stuttgart. 1903.
98. *С. Л. Чудновскій.* „Воспоминанія“, въ „Минувшихъ годахъ“ за 1908 г. и въ историческ. сборникѣ „Наша Страна“. Спб. 1908.
99. *Вл. Г. Короленко.* „Чудная“. Берлинъ. 1903. Позже напечатано и въ Россіи.
100. *С. М. Кравчинскій.* „Романъ изъ эпохи 70-хъ годовъ (Андрей Кожуховъ)“. М. 1906 и въ „Сочиненіяхъ“ С. М. Кравчинскаго (Степняка).
101. *И. С. Тургеневъ.* „Новь“.
102. *Н. А. Слѣпцовъ.* „Трудное время“.
103. *Е. Серебряковъ.* „Очеркъ по исторіи „Земли и Воли“. Изд. „Своб. Труда“. Спб. 1906.
104. *О. В. Аптекманъ.* „Земля и воля 70-хъ гг.“ Спб. 1907.
105. „Переписка *Ю. Ф. Самарина* съ баронессою *Э. Ѳ. Раденъ*“. М. 1893.
106. „Записка“ министра юстиціи *гр. К. И. Палена*, въ „Быломъ“ за 1907 г. № 9, стр. 268—276.
107. *Н. К. Михайловскій.* Собраніе сочиненій. 10 томовъ.
108. Заграничный журналъ „Впередъ“ за 1875 годъ.
109. *В. Я. Богучарскій.* „Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ“. Ростовъ-на-Дону. 1907.

110. *В. Я. Богучарскій* (*В. Базилевскій*). „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Парижъ. 1905.

111. *Его же.* „Литература партіи Народной Воли“. Два выпуска. Ростовъ-на-Дону. 1907.

112. *Его же.* „Активное народничество семидесятыхъ годовъ“. М. 1912.

113. „Процессъ Вѣры Засуличъ. (Судъ и послѣ суда)“. Спб. 1906.

114. „Процессъ 193-хъ“. Съ предисловіемъ *В. В. Каллаша.* М. 1906.

115. „Процессъ 50-ти“. Съ предисловіемъ *В. В. Каллаша.* Изд. В. М. Саблина. Москва. 1906.

116. „Процессъ 16-ти террористовъ (1880)“, подъ ред. *В. Бурцева.*

117. „Дѣло 1 марта 1881 года“. Изд. „Правительственнаго Вѣстника“. Спб. 1881.

118. „Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г.“. Съ предисл. и примѣч. *В. Я. Богучарскаго.* Ростовъ-на-Дону. 1906.

119. *Левъ Тихомировъ.* „Начала и концы. Либералы и террористы“. М. 1890.

120. *Его же.* „Конституціоналисты въ эпоху 1881 года“. М. 1895.

121. *Его же.* „Демократія либеральная и соціальная“. М. 1896.

122. *В. Я. Богучарскій.* „Изъ исторіи политической борьбы въ 70 и 80-хъ гг. XIX вѣка. Партія „Народной воли“, ея происхожденіе, судьбы и гибель“. М. 1912.

123. *Б. А. Кистяковскій.* „Страницы прошлаго“. М. 1912.

124. *В. Я. Богучарскій.* „Земскій союзъ и священная дружина“, въ „Русской Мысли“ за 1912 г. № 7.

125. *Б. А. Кистяковскій.* „Органъ земскаго союза „Вольное Слово“ и легенда о немъ“, въ „Русской Мысли“ за 1912 г. № 11.

126. *А. А. Корниловъ.* „Къ исторіи конституціоннаго движенія конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ“, въ „Русск. Мысли“ за 1913 г. № 7.

127. *А. И. Кошелевъ.* „Наше положеніе“. Berlin. 1875.

128. „Памяти В. А. Гольцова“. Подъ ред. *А. А. Кизеветтера.* Воспоминанія и статьи. М. 1910.

129. „Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ“. Сборникъ статей подъ ред. *кн. Д. И. Шаховского.* М. 1911.

130. *Сергѣй Муромцевъ.* „Статьи и рѣчи“. Выпускъ V. „Въ области политики и публицистики“ (1880—1910). М. 1910.

131. *А. Д. Градовскій.* „Трудные годы. 1876—1880. Очерки и опыты“. Спб. 1880.

132. „Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей Н. Я. Данилевскаго“. Изд. *Н. Н. Страхова.* Спб. 1890.

133. *М. П. Драгомановъ.* „Политическія сочиненія“. Парижъ. 1904. 2 тома. Въ Россіи вышелъ только томъ I (съ біографіей Драгоманова, составл. *Б. А. Кистяковскимъ*), подъ редакц. *И. М. Гревса* и *Б. А. Кистяковскаго.* Спб. 1908.

134. „М. М. Стасюлевичъ и его современники“. Подъ ред. *М. К. Лемке.* Вышло до 1914 г. всего 5 томовъ. Спб. 1911—1913.

135. *П. И. Бирюковъ.* „Біографія Л. Н. Толстого“. 2 тома. М. 1908.

136. Журналы „Былое“ за 1906 и 1907 годы; „*Минувшіе годы*“ за 1908 г.; сборники: „*Наша страна*“ (1908 г.) и „*О минувшемъ*“ (1909) содержатъ въ себѣ массу воспоминаній и документовъ о движеніи 60, 70 и 80-хъ гг.

137. Журналы и газеты „Московскія Вѣдомости“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (до 1875 г.), „Вѣсть“, „Отечественныя Записки“, „Голосъ“, „Вѣстникъ Европы“, „Русь“, „Земство“, „Порядокъ“ и „Страна“ — сами являются документами общественнаго движенія того времени. Также заграничныя изданія „Общее дѣло“ (1877—1890) и „Вольное Слово“ (1881—1883).

138. Юбилейный сборникъ „Русскихъ Вѣдомостей“. М. 1913.
139. Юбилейный сборникъ литературнаго фонда (1859—1909). Спб. 1909. Въ немъ и исторія литературнаго фонда за 50 лѣтъ (составл. *А. А. Корниловымъ*).
140. Исторія комитета грамотности при Имп. вольномъ экономическомъ обществѣ. 1861 — 1895. Составл. *Д. Д. Протопоповымъ*. Спб. 1896. (Была конфискована и уничтожена).
141. „Юбилейный земскій сборникъ (1864—1914)“. Подъ ред. *Б. Б. Веселовскаго* и *З. Г. Френкеля*. Спб. 1914. Въ немъ къ освѣщенію общественнаго движенія при Александрѣ II служатъ статьи: *И. И. Петрункевича* „Ближайшія задачи земства“ (брошюрка, составленная имъ для заграничной печати въ 1879 г.), *кн. Д. И. Шаховского* „Политическія теченія въ русскомъ земствѣ“ и *В. Я. Богучарскаго* „Земскій союзъ конца 70 хъ и начала 80-хъ годовъ XIX вѣка“.

В. Національный вопросъ.

1. *А. Д. Градовскій*. „Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ“. Спб. 1873.
2. *В. С. Соловьевъ*. „Національный вопросъ въ Россіи“. Изд. 2-е. Спб. 1888.
3. *Ю. Ф. Самаринъ*. Сочиненія, т. VI (Іезуиты и статьи богословско-философскаго содержанія); томы VIII, IX и X („Окраины Россіи“). М. 1887—1896.
4. *И. С. Аксаковъ*. Сочиненія, т. III („Польскій вопросъ и западно-русское дѣло. Еврейскій вопросъ. 1860—1886“). Изд. 2-е. Спб. 1900. Т. VI („Прибалтійскій вопросъ“).
5. *Н. Я. Данилевскій*, „Россія и Европа“. 4-е изд. Спб. 1889.
6. *Его же*. „Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей“. (Изд. Н. Н. Страхова). Спб. 1890.
7. *М. П. Драгомановъ*. „Центръ и окраины“. Изд. Сытина. М. 1908.
8. *Его же*. „Историческая Польша и великорусская демократія. Женева. 1888.
9. *Его же*. „Политическія сочиненія“. Парижъ. 1906. 2 тома.
10. *Н. И. Костомаровъ*. „По поводу ст. Де-Пуле объ Украинофильствѣ“. „Вѣстн. Европы“ за 1882 г. № 5.
11. *А. Н. Пыпинъ*. „Къ спорамъ объ Украинофильствѣ“. „Вѣстн. Евр.“ за 1882 г. № 5.
12. *Его же*. „Малорусская этнографія за послѣднія 25 лѣтъ“, въ „Вѣст. Евр.“ за 1886 г. № 1. Тамъ же „Споръ между южанами и сѣверянами“. № 4.
13. *Его же*. „Исторія русской этнографіи“. 4 тома. Спб. 1890—92.
14. *Проф. М. С. Грушевскій*. „Иллюстрированная исторія Украины“. Спб. 1913.
15. *Его же*. „Украинство въ Россіи, его запросы и нужды“. Спб. 1906.
16. „Исторія Россіи въ XIX в.“, изд. Гранатъ, подъ ред. *М. Н. Покровскаго*, т. VI, гл. XIII. *З. Лонскій*. „Польскій вопросъ (1863—1892)“; т. VII, гл. XV, *С. Ф. Руссова* „Украинская литература (1862—1900)“.
17. *Paul Milioukov*. „La crise russe“. P. 1907. (Особенно Chap. II „L'idée nationaliste“, p. 19—45). То же по англійски „The Russia and its crisis“.
18. „*Die Lettische Revolution.*“. Berlin. 1908. 2-te Ausgabe. (Особенно т. I и 1-я глава тома II-го).
19. *Юлій Гессенъ*. „Исторія Евреевъ въ Россіи“. Спб. 1914.

Въ сборникѣ „*Russen über Russland*“ (подъ ред. *І. Мельника*) Frankfurt

am Main. 1906 статьи: *M. Virtus* „Die Juden“, *A. Niemojewski* „Das königreich Polen“, *Prof. M. Gruschewski* „Die kleinrussen“, *R. Berberow* „Die Armenier“.

Г. Религіозный вопросъ и вѣроисповѣдная борьба.

1. *П. Н. Милюковъ.* „Очерки по исторіи русской культуры“. Часть II, 2-е изд. Спб. 1899 („Церковь и школа“. Очерки I—VI, стр. 8—231).
2. *Его же.* „La crise russe“. P. 1907. (Особенно Chap. III. „La tradition religieuse“).
3. *И. Преображенскій.* „Отечественная церковь по статистическимъ даннымъ съ 1840—41 по 1890—91 гг.“ Спб. 1897.
4. *Проф. П. Знаменскій.* „Приходское духовенство въ Россіи со временъ реформы Петра“. Казань 1873.
5. *Его же.* „Учебникъ по исторіи русской церкви“. Казань. 1888. Изд. 5-е.
6. *К. К. Арсеньевъ.* „Свобода совѣсти и вѣротерпимость“. Спб. 1905.
7. *А. С. Пругавинъ.* „Расколъ—сектанство. Библіографія старообрядчества и его развѣтвленій“. 2 вып. М. 1887.
8. *Н. Субботинъ.* „Современныя движенія въ расколѣ“. 3 вып. М. 1863—1866.
9. *Его же.* „Современныя лѣтописи раскола“. М. 1869—1870.
10. *Его же.* „Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ событій“. М. 1872.
11. *Реутскій.* „Люди Божіи и скопцы“. М. 1872.
12. *Ливановъ.* „Раскольники и острожники“. Т. I—IV.
13. *Юзовъ, Г.* „Русскіе диссиденты. Старовѣры и духовные христіане“. 2 ч. Спб. 1881.
14. *А. Рождественскій.* „Хлыстовщина и скопчество въ Россіи“. Чтенія за 1882 г. (I).
15. *Его же.* „Южно-русскій штундизмъ“. Спб. 1889.
16. *Гр. Терлецкій.* „Семья пашковцевъ“. Спб. 1891.
17. *Пругавинъ.* „Религіозные отщепенцы. Очерки современнаго сектанства“. М. 1900. 2 вып.
18. *A. Leroy Beaulieu.* L'empire des Tsars et les Russes“. V. III. (La religion). P. 1889.
19. *В. Андерсонъ.* „Старообрядчество и сектанство. Историч. очеркъ русскаго религіознаго разномыслія. Спб. 1911.
20. *В. Бончъ-Бруевичъ.* „Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектанства и раскола“. Вып. I—III. Спб. 1908—1910.
21. „Исторія Россіи въ XIX в.“ подъ ред. *М. Н. Покровскаго*, изд. Гранатъ, т. V, гл. VI, статья *М. Н. Никольскаго* „Расколъ и сектанство во 2-й половинѣ XIX вѣка“.

ЛЕКЦІЯ XXXVIII.

Императоръ Александръ III.—Его воспитаніе.—Отношеніе къ нему общества до вступленія его на престолъ.—Его дѣйствительные взгляды.—Первые шаги Императора Александра III.—Борьба двухъ направленій въ высшихъ правящихъ сферахъ.—Совѣщаніе 8 марта 1881 года.—Колебанія.—Катковъ и Аксаковъ.—Агитація Побѣдоносцева.—Манифестъ 29 апрѣля 1881 года.—Отставка Лорисъ-Меликова и нѣкоторыхъ другихъ министровъ.—Министерство Н. П. Игнатьева.—Его программа.—Мѣры къ улучшенію экономическаго положенія народа.—Обязательный выкупъ.—Дворянская агитація.—Свѣдущіе люди.—Пониженіе выкупныхъ платежей.—Политика Бунге.—Отмѣна подушной подати.—Введеніе податной инспекціи.

Императоръ Александръ III былъ, какъ извѣстно, вторымъ сыномъ императора Александра II-го. Старшимъ его сыномъ былъ цесаревичъ Николай Александровичъ, который умеръ отъ чахотки въ 1865 году, уже будучи взрослымъ молодымъ человѣкомъ. Александръ Александровичъ поэтому не предназначался къ царствованію и воспитывался какъ обыкновенный великій князь, которому предстоитъ главнымъ образомъ военная карьера. Поэтому до 1865 г. никакихъ мѣръ къ тому, чтобы подготовить его къ дѣлу правленія великой страной, принимаемо не было, и только когда умеръ старшій его братъ, стали заботиться о томъ, чтобы расширить полученное имъ до тѣхъ поръ образованіе. Былъ приглашенъ болѣе или менѣе удовлетворительный составъ профессоровъ, среди которыхъ одно изъ важныхъ мѣстъ занималъ извѣстный нашъ историкъ С. М. Соловьевъ, а еще раньше приглашенъ былъ и тотъ К. П. Побѣдоносцевъ, который впослѣдствіи, въ царствованіе Александра III, сыгралъ такую видную реакціонную роль. Тогда Побѣдоносцевъ не считался реакціонеромъ; онъ, напротивъ, принималъ въ свое время ближайшее участіе въ разработкѣ судебной реформы, и несомнѣнно былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ русскихъ профессоровъ-цивилистовъ; его курсъ гражданскаго права очень

долго признавался, да признается и до сихъ поръ однимъ изъ классическихъ пособій этого рода. Были приглашены и другіе профессора болѣе или менѣе прогрессивнаго направленія, но, тѣмъ не менѣе, никакого либеральнаго настроенія, либеральныхъ завѣтовъ и принциповъ отъ этого преподаванія у молодого цесаревича не сложилось. По своему личному и семейному быту онъ представлялся довольно оригинальнымъ лицомъ въ придворныхъ сферахъ. Женился онъ очень рано на невѣстѣ своего покойнаго брата, датской принцессѣ Дагмарѣ, и, женившись, повелъ жизнь частнаго человѣка; очень скоро онъ пріобрѣлъ репутацію хорошаго семьянина, скромнаго и нелюбящаго пышной придворной обстановки человѣка; занимался на досугѣ въ своемъ тѣсномъ кругу музыкой и русской исторіей. Русскую исторію онъ любилъ особенно, и, между прочимъ, ему обязано своимъ возникновеніемъ нынѣшнее „Императорское русское историческое общество“, котораго онъ былъ первымъ предсѣдателемъ.

Отчасти благодаря такой обстановкѣ жизни цесаревича Александра и еще болѣе благодаря тому, что общество очень мало имѣло о немъ свѣдѣній,—создалась легенда о немъ, какъ о весьма либеральномъ человѣкѣ.

Но, какъ мы уже видѣли, за нѣсколько мѣсяцевъ до своего воцаренія цесаревичъ Александръ Александровичъ, наоборотъ, проявилъ себя опредѣленнымъ консерваторомъ и не обѣщалъ никакого сочувствія какимъ бы то ни было преобразованіямъ въ либеральномъ духѣ. Съ такимъ настроеніемъ онъ и вступилъ на престолъ.

2-го марта 1881 года, принимая членовъ государственнаго совѣта и высшихъ чиновъ двора, приносившихъ присягу, Императоръ Александръ III заявилъ, однако, что, вступая въ трудный моментъ на престолъ своего отца, онъ надѣется слѣдовать во всемъ его завѣтамъ и политикѣ. Такимъ образомъ, этотъ первый шагъ обѣщалъ, какъ будто, либеральное и гуманное царствованіе. Затѣмъ, въ циркулярной депешѣ отъ 4-го марта, разосланной представителямъ Россіи при иностранныхъ державахъ, было объявлено, что Государь Императоръ, вступая въ столь трудное время на прародительскій престолъ, желаетъ сохранить миръ со всѣми державами и особенное свое вниманіе сосредоточить на внутреннихъ дѣлахъ и на тѣхъ соціально-эко-

номическихъ задачахъ, которыя выдвигаются новымъ временемъ. И эта депеша также производила на общество благопріятное впечатлѣніе.

Между тѣмъ возникъ вопросъ, какъ быть съ докладомъ относительно предположенныхъ реформъ, которыя должны были быть начаты открытіемъ проектированныхъ Лорисъ-Меликовымъ комиссій. Докладъ этотъ былъ одобренъ покойнымъ императоромъ Александромъ II-ымъ утромъ 1 марта,—въ тотъ самый день, когда онъ былъ убитъ.—Императору Александру III было извѣстно, что покойный государь приказалъ на 4-ое марта собрать въ Зимнемъ дворцѣ особое совѣщаніе съ тѣмъ, чтобы обсудить, опубликовывать ли правительственное сообщеніе объ открытіи комиссій, или не опубликовывать, при чемъ самый вопросъ объ открытіи комиссій считался во всякомъ случаѣ уже рѣшеннымъ.

Лорисъ-Меликовъ въ своемъ докладѣ естественно представилъ новому государю этотъ вопросъ, какъ своего рода завѣщаніе, оставшееся отъ покойнаго императора, и императоръ Александръ III, въ первую минуту, такъ на это и посмотрѣлъ,—принимая состоявшееся ранѣе рѣшеніе о созывѣ комисій, какъ завѣщаніе отца и при томъ завѣщаніе, кладущее, несомнѣнно, послѣднюю черту на общій характеръ его царствованія,—царствованія, въ которомъ были произведены самыя важныя преобразованія новѣйшаго времени, коснувшіяся быта всѣхъ сословій Россіи и всего ея соціальнаго и гражданскаго строя.

Однако, по вопросу о томъ, публиковать или нѣтъ объ этомъ рѣшеніи въ особомъ правительственномъ сообщеніи, императоръ Александръ III рѣшилъ созвать спеціальное совѣщаніе,—собственно засѣданіе совѣта министровъ, дополненнаго только графомъ С. Г. Строгановымъ, который сдѣлался уже давно признаннымъ главой придворной консервативной партіи. 8-го марта совѣщаніе это состоялось въ Зимнемъ дворцѣ, и тотчасъ же на немъ обнаружилась борьба двухъ противоположныхъ враждебныхъ, исключающихъ другъ друга направленій,—одного прогрессивнаго, во главѣ котораго стоялъ Лорисъ-Меликовъ и къ которому принадлежали изъ числа министровъ министръ финансовъ А. А. Абаза и, въ особенности, военный министръ Д. А. Милютинъ, а также и великій князь Константинъ Николаевичъ,

въ то время глава морского вѣдомства и предсѣдатель государственнаго совѣта. Противоположное направленіе — направленіе ярко реакціонное—представлялось прежде всего К. П. Побѣдоносцевымъ, бывшимъ еще незадолго передъ этимъ членомъ той верховной распорядительяной комиссіи, которая руководима была Лорисъ-Меликовымъ въ 1880 году. По представленію же Лорисъ-Меликова Побѣдоносцевъ былъ назначенъ и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода вмѣсто гр. Д. А. Толстого въ апрѣлѣ того же 1880 года. Побѣдоносцевъ, читавшій ранѣе лекціи Александру Александровичу и его старшему брату, пользовался его особымъ довѣріемъ. До вступленія на престолъ императора Александра III онъ не считался, однако, какъ уже сказано, представителемъ ярко реакціоннаго теченія, потому что являлся однимъ изъ составителей Судебныхъ Уставовъ Александра II-го. Тѣмъ не менѣе въ 1881 году именно онъ явился главой реакціоннаго направленія въ описываемомъ совѣщаніи, и по его предложенію былъ туда приглашенъ и графъ Строгановъ, который въ этомъ случаѣ и явился главной ему поддержкой.

Къ этимъ двумъ лицамъ присоединился бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ,—совершенно ничтожный человѣкъ,—а промежуточную позицію заняли двое остальныхъ великихъ князей, участвовавшихъ въ совѣщаніи,—Владиміръ Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ, и изъ министровъ—министръ юстиціи Д. Н. Набоковъ, который склоненъ былъ къ либеральному курсу, но нерѣшительно поддерживалъ Лорисъ-Меликова, и наконецъ предсѣдатель комитета министровъ, графъ Валуевъ, который самъ, какъ вы видѣли, выступалъ съ quasi-конституціонными предложеніями въ 1880 году, но изъ ненависти къ великому князю Константину Николаевичу и Лорисъ-Меликову и такъ какъ теперь обсуждался проектъ не его, Валуева, а Лорисъ-Меликова, то онъ поддерживалъ его весьма слабо.

Въ этомъ совѣщаніи вновь обнаружилось, въ сущности говоря, довольно ясно, что императоръ Александръ III совершенно сочувствуетъ тѣмъ рѣчамъ реакціонеровъ, которыя тутъ были произнесены, и очень несочувственно относится къ тѣмъ заявленіямъ, которыя были сдѣланы со стороны либеральной части совѣщанія,—особенно ярко это сказалось по поводу заявленія, сдѣланнаго Д. А. Милютинымъ, который очень сильно поддержалъ выступленіе Лорисъ-Меликова, настаивая на необходимости

пойти навстрѣчу общественному мнѣнію страны, указывая на то, что опубликованіе предположеннаго правительственнаго сообщенія дастъ сразу симпатичный для общества тонъ прогрессивности новому царствованію, и въ то же время доказывая, что въ обсуждаемомъ докладѣ Лорисъ-Меликова не содержится никакихъ элементовъ конституціи и ограниченія самодержавія,— а на этомъ именно пунктѣ и сосредоточились, главнымъ образомъ, нападки представителей противоположнаго направленія, реакціонеровъ, которые старались доказать, что вся эта мѣра направлена къ конституціи, пагубной для Россіи. Строгановъ увѣрялъ, что при введеніи подобнаго строя, подобнаго „парламента", пойдутъ въ ходъ „шалопаи", которые захватятъ въ свои руки власть, а Побѣдоносцевъ говорилъ, что это будетъ окончательнымъ завершеніемъ режима тѣхъ „говорилень",— какъ онъ выражался,—которыя уже проведены въ жизнь въ предшествующее царствованіе, въ видѣ земскихъ учрежденій, новыхъ судовъ и органовъ разнузданной печати, которые, по его мнѣнію, ничего не стоили,—предлагаемая же Лорисъ-Меликовымъ комиссія будетъ „верховной говорильней", которая подготовитъ гибель Россіи. Свою рѣчь Побѣдоносцевъ и началъ крайне возбужденнымъ тономъ, утверждая, что, какъ поляки кричали въ свое время finis Poloniae, такъ и тутъ надо сказать finis Russiae. Императоръ Александръ III тутъ же между прочимъ сослался на опредѣленные совѣты императора Вильгельма I, съ которыми тотъ обращался по этому поводу къ его покойному отцу, и заявилъ, что Вильгельмъ указывалъ на опасность конституціоннаго режима въ Россіи, потому что до него дошли смутные слухи о томъ, что что-то готовится, и что, если есть еще возможность, то совѣтовалъ отступить, а если этой возможности уже нѣтъ, то конституцію дать по возможности урѣзанную. Кромѣ того императоръ Александръ III ссылался и на датскихъ министровъ, которые указывали ему на дурное вліяніе конституціонныхъ учрежденій въ Даніи.

Однако какъ ни очевидно проявлялись здѣсь вновь ультраконсервативные взгляды Александра и склонность прислушиваться къ совѣтамъ русскихъ и иностранныхъ реакціонеровъ, тѣмъ не менѣе здѣсь не было постановлено опредѣленнаго рѣшенія по существу дѣла, какъ не было постановлено и опубликовать

обсуждавшееся сообщеніе, и оно такъ и не было опубликовано, хотя мысль о немъ и не была еще формально отвергнута.[1])

Колебанія продолжались и дальше. Съ одной стороны, они зависѣли отъ того, что императора Александра III смущала та мысль, что тутъ замѣшано какъ бы завѣщаніе его покойнаго отца, его предсмертная воля, которой Императоръ не рѣшался прямо противодѣйствовать; съ другой стороны его смущали тѣ слухи, которые до него доходили о настроеніи общества и даже народа. Ему передавали приближенныя къ нему лица, что простой народъ смущенъ толками о томъ, что послѣ смерти Царя-Освободителя можетъ быть возстановлено крѣпостное право; ему говорили придворные либералы, такіе, какъ флигель-адъютантъ графъ П. П. Шуваловъ, стремившійся направить дѣло въ сторону конституціи, что общественное мнѣніе въ странѣ чрезвычайно приподнято, и что единственной мѣрой для успокоенія возбужденнаго общества является объявленіе новымъ правительствомъ либеральнаго курса.[2]) Несмотря на свои собственныя консервативныя убѣжденія, императоръ Александръ III былъ настолько смущенъ этимъ заявленіемъ, что продолжалъ колебаться и даже какъ будто обнаруживалъ иногда склонность послѣдовать этимъ либеральнымъ совѣтамъ. Побѣдоносцевъ со своей стороны старался всячески разувѣрить императора Александра въ наличности и силѣ того прогрессивнаго настроенія общества, на которое ему указывали либералы придворныхъ круговъ.

Въ этомъ отношеніи Побѣдоносцевъ нашелъ опору въ московскихъ публицистахъ, Катковѣ и отчасти Аксаковѣ, на которыхъ онъ могъ указать Царю, какъ на весьма вліятельныхъ представителей общественнаго мнѣнія страны, небезызвѣстныхъ и самому императору Александру. Катковъ въ это время былъ уже вполнѣ опредѣленнымъ представителемъ крайней реакціи

---

[1]) Отчетъ объ этомъ совѣщаніи, записанный очень подробно однимъ изъ его участниковъ, былъ напечатанъ въ журналѣ „Былое“ за 1906 г., въ № 1, стр. 189—194, затѣмъ перепечатанъ полностью въ книгѣ В. Я. Богучарскаго „Изъ исторіи политической борьбы“ М. 1912, стр. 259 и слѣд.

[2]) О роли гр. Шувалова и др. его единомышленниковъ въ это время см. въ той же книгѣ г. Богучарскаго и въ цѣломъ рядѣ статей, вызванныхъ появленіемъ этой книги, перечень которыхъ мы приводимъ въ библіографіи царствованія Александра III, напечатанной въ концѣ этой части „курса“.

и писалъ тогда въ своихъ „Московскихъ вѣдомостяхъ“, что революціонное движеніе несомнѣнно идетъ не извнѣ и не изнутри страны, а что оно „свило себѣ гнѣздо въ преддверіи власти“, мѣтя въ бюрократическія сферы—въ гр. Лорисъ-Меликова и другихъ представителей либеральнаго направленія въ правительствѣ и при дворѣ.

Ив. Аксаковъ въ это время, не будучи въ сущности реакціонеромъ, былъ однако чрезвычайно потрясенъ самымъ актомъ 1-го марта. Вскорѣ послѣ этого событія онъ явился въ Петербургъ и произнесъ громовую рѣчь въ Славянскомъ обществѣ не только противъ революціонеровъ, но и вообще противъ всякаго западнаго либерализма, въ духѣ не только славянофильскомъ, но и въ значительной мѣрѣ реакціонномъ. При такомъ его настроеніи онъ тоже явился хорошей опорой для Побѣдоносцева, который спѣшилъ указать императору Александру, что, вотъ, главные представители московской печати, являвшіеся въ глазахъ Государя выразителями общественнаго мнѣнія страны, показываютъ, что никакого стремленія къ конституціонному строю у благомыслящей, по крайней мѣрѣ, части общества вовсе нѣтъ. Этимъ Побѣдоносцевъ тѣмъ легче попадалъ въ цѣль, что императоръ Александръ III и самъ былъ очень склоненъ къ такому заключенію, такъ какъ оно совпадало съ его собственными симпатіями.

Въ результатѣ Побѣдоносцевъ успѣлъ получить отъ императора порученіе составить въ соотвѣтственномъ духѣ манифестъ, по секрету отъ остальныхъ министровъ, и Государь рѣшился 28 апрѣля его подписать. Такимъ образомъ, 29 апрѣля 1881 года, совершеннымъ сюрпризомъ для Лорисъ-Меликова и другихъ министровъ, явился этотъ знаменательный актъ, долженствовавшій положить предѣлъ продолжавшимся до того времени колебаніямъ.

Въ манифестѣ этомъ было между прочимъ сказано:

„Посреди великой нашей скорби гласъ Божій повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыселъ, *съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній*“.

Эти слова въ манифестѣ 29-го апрѣля 1881 года естествен-

но разсматривались, какъ опредѣленное указаніе свыше на то, что ни о какой конституціи думать не слѣдуетъ и что принципъ самодержавія ставится на будущее время весьма опредѣленно во главу угла правительственнаго режима.

Какъ только этотъ манифестъ сталъ извѣстенъ, передъ самымъ его опубликованіемъ, Лорисъ-Меликову, то онъ сейчасъ же рѣшилъ подать въ отставку, а вмѣстѣ съ Лорисъ-Меликовымъ подали въ отставку министръ финансовъ А. А. Абаза и военный министръ Д. А. Милютинъ, который игралъ такую выдающуюся роль въ правительственныхъ сферахъ при покойномъ императорѣ Александрѣ II. Когда императоръ Александръ III спросилъ Милютина, что же онъ теперь намѣренъ дѣлать, то Милютинъ, какъ говорили въ то время, будто бы отвѣтилъ, что изъ Петербурга уѣдетъ и будетъ писать исторію *своего* государя...

Изъ очерченнаго хода всѣхъ этихъ обстоятельствъ можно заключить, что къ 29-му апрѣля рѣшительную побѣду одержало реакціонное направленіе надъ прогрессивнымъ. Однако же на самомъ дѣлѣ это было не вполнѣ еще такъ: хотя представители прогрессивнаго направленія и потерпѣли несомнѣнное пораженіе, но, въ сущности говоря, власть не перешла еще въ руки реакціонеровъ. Это можно видѣть изъ того выбора, который былъ сдѣланъ Государемъ для замѣны ушедшихъ министровъ, и изъ той программы, которая была намѣчена въ манифестѣ непосредственно послѣ только что приведенной мною фразы.

На мѣста ушедшихъ министровъ были назначены не реакціонеры: министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Н. П. Игнатьевъ, заявлявшій себя въ то время поборникомъ славянофильскихъ идей и вмѣстѣ съ И. С. Аксаковымъ мечтавшій, какъ онъ это потомъ довольно опредѣленно и выразилъ, о созывѣ земскаго собора, совѣщательнаго, конечно, характера. Затѣмъ на постъ министра финансовъ, вмѣсто Абазы, былъ назначенъ его товарищъ Н. Х. Бунге, который являлся человѣкомъ хотя, въ общемъ смыслѣ слова, пожалуй, и консервативнаго образа мыслей, но вмѣстѣ съ тѣмъ бывшій искреннимъ сторонникомъ и участникомъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, заявившій себя человѣкомъ съ опредѣленными демократическими взглядами, стремившимся во всякомъ случаѣ къ возможному облегченію участи народныхъ массъ, такъ что въ общемъ онъ также далеко не могъ считаться реакціонеромъ.

Наконецъ, вмѣсто министра народнаго просвѣщенія А. А. Сабурова, который подалъ въ отставку нѣсколько раньше, въ связи съ тѣмъ скандаломъ, который былъ ему устроенъ революціонерами на университетскомъ актѣ 8-го февраля, былъ назначенъ вовсе не реакціонно настроенный человѣкъ, баронъ Николаи, который сталъ тотчасъ же весьма опредѣленно проводить головнинскую политику, возобновленную его предшественникомъ Сабуровымъ, и дѣятельно боролся съ Побѣдоносцевымъ.

Въ манифестѣ 29-го апрѣля, на ряду съ фразой о неограниченномъ самодержавіи было *опредѣленно выражено полное уваженіе къ великимъ реформамъ минувшаго царствованія* и сказано было, что эти реформы не только будутъ укрѣпляемы и поддерживаемы, но и развиваемы дальше. Слѣдовательно, въ общемъ, манифестъ этотъ опять-таки не означалъ еще безусловно реакціоннаго направленія. И это еще ярче было подчеркнуто циркуляромъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, въ самый день его назначенія,—6-го мая 1881 года. Здѣсь Игнатьевъ указывалъ, что правительство приметъ мѣры къ установленію живого общенія правительства со страной, живого участія мѣстныхъ дѣятелей въ государственныхъ дѣлахъ, въ исполненіе высочайшихъ предначертаній. Это опять-таки знаменовало намѣреніе найти извѣстную, правда очень скромную, форму участія представителей общества въ центральной государственной дѣятельности, т.-е. приблизительно то же самое, что хотѣлъ въ этомъ отношеніи сдѣлать и Лорисъ-Меликовъ.

Затѣмъ въ циркулярѣ указывалось, что права земскихъ и городскихъ учрежденій останутся неприкосновенными и будутъ даже возстановлены въ прежнемъ объемѣ, на основахъ положенія 1864 года. Наконецъ, указывалось, что крестьянство, которое предостерегалось здѣсь кстати отъ прислушиванія ко всякимъ ложнымъ толкамъ, будетъ предметомъ особаго вниманія со стороны правительства, при чемъ крестьянамъ будутъ не только гарантированы всѣ ранѣе дарованныя права и свободы, но и приняты будутъ мѣры къ облегченію тѣхъ тяжестей, которыя на крестьянахъ лежали,—главнымъ образомъ, податныхъ,—къ удовлетворенію ихъ нуждъ,—земельныхъ въ особенности,—и къ улучшенію сельскаго общественнаго устройства и управленія.

Такимъ образомъ, вы видите, что въ этомъ циркулярѣ Игнатьева какъ будто воспринимались и намѣчались къ исполненію всѣ намѣренія Лорисъ-Меликова, всѣ тѣ мѣры улучшенія экономическаго положенія народа, которыя тотъ обѣщалъ провести. Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ сенаторы, которые были отправлены ревизовать губерніи, теперь ожидались съ тѣмъ, чтобы результаты ихъ ревизій положить въ основу предполагаемыхъ преобразованій. Мы, дѣйствительно, видимъ, что очень скоро, именно черезъ мѣсяцъ послѣ изданія этого циркуляра, графъ Игнатьевъ, какъ будто, и началъ осуществлять обѣщанное имъ живое участіе представителей мѣстнаго общества въ правительственныхъ дѣлахъ, потому что въ іюнѣ 1881 года была уже созвана первая сессія, такъ названныхъ тогда, „свѣдущихъ людей“ съ мѣстъ, при чемъ, хотя эти свѣдущіе люди и не были избраны земствами, а приглашены самимъ правительствомъ, но надо сказать, что они были избраны имъ изъ среды прогрессивныхъ элементовъ земства, и многіе выдающіеся земцы, вродѣ кн. Васильчикова, Колюпанова и другихъ, были приглашены въ составъ этой сессіи. Имъ были предложены на обсужденіе не какіе-нибудь пустые вопросы, а вопросы, которые дѣйствительно ставились тогдашнею жизнью на очередь и имѣли весьма серьезное значеніе для широкихъ народныхъ массъ. Такъ первой сессіи свѣдущихъ людей былъ предложенъ вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей; второй сессіи былъ предложенъ вопросъ объ урегулированіи переселеній, которыя являлись однимъ изъ главныхъ палліативныхъ средствъ для поправленія положенія крестьянъ въ малоземельныхъ мѣстностяхъ, и, кромѣ того, питейный вопросъ, который являлся также очень важнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, представлялся вопросомъ о сокращеніи пьянства, а, съ другой стороны, это былъ существенный вопросъ государственнаго бюджета, такъ какъ отъ питейнаго дѣла казна получала огромную часть своихъ доходовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ получили движеніе и дальнѣйшую разработку въ самихъ правительственныхъ мѣстахъ и вообще вопросы объ улучшеніи положенія народныхъ массъ, выдвинутые печатью въ семидесятыхъ годахъ и признанные подлежащими неотложному разрѣшенію въ эпоху диктатуры сердца. Среди нихъ на первую очередь сталъ вопросъ объ обязательномъ вы-

купѣ, т.-е. вопросъ о замѣнѣ еще существовавшихъ до тѣхъ поръ оброковъ временно-обязанныхъ крестьянъ *обязательнымъ* для помѣщиковъ выкупомъ. Тогда $^6/_7$ всѣхъ имѣній были уже на выкупѣ, а $^1/_7$, которая выражалась въ 1.400 тыс. душъ крестьянъ, платила помѣщикамъ оброки, и ихъ уплата могла продолжаться безъ срока. Въ самомъ Положеніи 19 февраля, какъ вы помните, была статья, которая указывала, что черезъ 20 лѣтъ можетъ быть пересмотрѣнъ вопросъ о размѣрахъ оброковъ временно-обязанныхъ крестьянъ и, разумѣется, не въ смыслѣ ихъ сокращенія, такъ какъ предполагалось, что оброки зависятъ отъ доходности земли, которая должна была съ теченіемъ времени повышаться. Между тѣмъ, правительство, которому уже извѣстна была послѣ изслѣдованій семидесятыхъ годовъ несоразмѣрность этихъ оброковъ съ доходами и чрезвычайное обремененіе народныхъ массъ всякаго рода податями, рѣшилось, наконецъ, провести нѣкоторыя облегченія крестьянъ въ этомъ отношеніи.

При Лорисъ-Меликовѣ вопросъ объ обязательномъ выкупѣ быстро пошелъ въ ходъ; въ январѣ 1881 года состоялось засѣданіе государственнаго совѣта, въ которомъ вопросъ этотъ былъ принципіально рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ; именно, сперва въ соединенныхъ департаментахъ экономіи и законовъ рѣшено было установить обязательный выкупъ крестьянскихъ оброковъ въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя не приступили еще къ выкупу добровольному, а затѣмъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта тотъ же вопросъ былъ рѣшенъ положительно.

Здѣсь необходимо отмѣтить, что именно по этому вопросу, впервые въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, мы сталкиваемся съ начавшейся реакціонной дворянской агитаціей, которая, какъ только были затронуты существенные матеріальные интересы дворянства, немедленно пробудилась. Первымъ голосомъ со стороны этой реакціи, раздавшимся въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, былъ голосъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева, который являлся еще и въ эпоху крестьянской реформы ярымъ крѣпостникомъ и который здѣсь выступилъ съ заявленіемъ, что въ этомъ обязательномъ выкупѣ онъ усматриваетъ нарушеніе священныхъ правъ собственности, тѣмъ болѣе, что помѣщикамъ предполагалось выдавать выкупную ссуду въ размѣрѣ лишь 80% той суммы, которая должна была бы вы-

даваться, если бы выкупъ совершался по добровольному соглашенію. Тимашевъ кончилъ свою рѣчь такими словами:

„Да не будетъ упрека впослѣдствіи въ томъ, что въ государственномъ совѣтѣ не нашлось ни единаго голоса въ защиту собственности, въ защиту права, которое защищено нынѣ дѣйствующимъ Положеніемъ 19 февраля и которое предполагаемой министромъ финансовъ мѣрой будетъ поколеблено!“

На эту выходку, однако, ему тогда же очень удачно отвѣтилъ министръ финансовъ Абаза, указавъ, что генералъ адъютантъ Тимашевъ, вѣроятно, забылъ свою прежнюю позицію, когда, двадцать лѣтъ тому назадъ, онъ являлся врагомъ Положенія 19-го февраля, пока оно не сдѣлалось закономъ, и когда онъ именно былъ въ числѣ тѣхъ, которые усматривали въ самомъ Положеніи 19-го февраля мѣру, колеблющую собственность. Теперь же онъ, Тимашевъ, очевидно, отказавшись отъ прежняго своего заблужденія, указываетъ, что это Положеніе защищаетъ интересы собственности; очевидно, онъ и теперь дѣлаетъ такую же ошибку, когда увѣряетъ, что престижъ собственности будетъ поколебленъ введеніемъ обязательнаго выкупа.

И, дѣйствительно, когда происходило голосованіе, то Тимашевъ сказалъ, что онъ не будетъ дѣлать разногласія и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта вопросъ объ обязательномъ выкупѣ прошелъ такимъ образомъ единогласно.

Но несмотря на единогласное рѣшеніе государственнаго совѣта, конечно, утвержденное и императоромъ Александромъ III, все-таки дворянская агитація началась, и очень скоро она выразилась въ постановленіяхъ нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній (тамбовскаго, московскаго и др.), которыя указывали на несправедливость по отношенію къ помѣщикамъ этой мѣры. Они утверждали, что у помѣщиковъ какъ бы $^1/_5$ часть той выкупной суммы, которая должна бы имъ причитаться по капитализаціи крестьянскихъ оброчныхъ платежей, будетъ отнята совершенно произвольно. Эти заявленія дворянства подѣйствовали на императора Александра III, и хотя Игнатьевъ очень стойко поддерживалъ въ этомъ случаѣ рѣшеніе государственнаго совѣта,—доказывая, что, собственно говоря, нѣтъ никакой раціональности въ томъ, что дворянство заявляетъ, и что тѣ помѣщики, которые уже перевели своихъ крестьянъ на выкупъ почти

повсемѣстно безъ добровольныхъ сдѣлокъ съ крестьянами, а по одностороннему требованію владѣльцевъ, и, слѣдовательно, также безъ крестьянскихъ доплатъ, тоже потеряли пятую часть причитавшейся имъ выкупной суммы; тѣ же помѣщики, которые до сихъ поръ не вошли въ добровольную сдѣлку съ крестьянами, какъ разъ, дольше другихъ пользовались высокими оброками и, слѣдовательно, меньше другихъ заслуживаютъ поддержки со стороны правительства,—но императоръ Александръ III, согласившійся на изданіе закона, который и вышелъ 28-го декабря 1881 года, тѣмъ не менѣе, продолжалъ и послѣ изданія его прислушиваться къ жалобамъ, раздававшимся въ средѣ реакціоннаго дворянства. Между прочимъ ему было доставлено пространное письмо графа А. А. Бобринскаго, губернскаго предводителя петербургскаго дворянства, который прямо утверждалъ, что дворянство въ сущности ограблено и что правительство, если желаетъ возстановить справедливость, должно изъ государственныхъ средствъ не только выдать дворянству удержанную по закону 28-го декабря 1881 года пятую часть выкупной суммы, которая, кстати сказать, по расчету Рейтерна, представляла около 44 милл. рублей, но что оно должно выдать вознагражденіе также и тѣмъ помѣщикамъ, которые еще раньше перевели своихъ крестьянъ на выкупъ по собственному желанію съ лишеніемъ $^1/_5$ или $^1/_4$ выкупного вознагражденія. Однако, послѣ новаго разсмотрѣнія вопроса это письмо осталось безъ послѣдствій и та дворянская агитація, которая въ это время только еще начиналась, на этотъ разъ не привела къ цѣли [1]).

Такимъ образомъ, уже при новыхъ министрахъ Игнатьевѣ и Бунге, вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ довольно благополучно. Затѣмъ началась цѣлая серія новыхъ законоположеній, которыя въ литературѣ извѣстны подъ именемъ реформъ Бунге, хотя значительная часть ихъ была подготовлена еще въ эпоху диктатуры сердца.

На первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ облегченіи положенія тѣхъ крестьянъ, которые уже раньше перешли на выкупъ, т.-е. вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей. Этотъ вопросъ, какъ

---

[1]) Вся эта исторія подробно разсказана по документамъ въ интересной статьѣ г. *Ковалевскаго* „Освобожденіе крестьянъ и обязательный выкупъ“ въ іюньской книжкѣ „Русской Мысли“ за 1912 годъ.

уже сказано, отданъ былъ на рѣшеніе тѣмъ „свѣдущимъ людямъ“, которые собрались впервые въ іюнѣ 1881 года. Надо сказать, что правительство представило по этому вопросу собранію свѣдущихъ людей детально разработанный проектъ: оно полагало жертвовать ежегодно 9-ю милл. рублей изъ общей суммы выкупныхъ платежей; при чемъ это общее пониженіе въ 9 милл. рублей оно полагало раздѣлить между отдѣльными губерніями такимъ образомъ, что на первый планъ поставлены были наиболѣе обремененныя 23 губерніи, изъ числа которыхъ особенно большая сумма назначалась на губерніи нечерноземныя и въ то же время непромышленныя, гдѣ крестьяне были въ особенно тяжеломъ положеніи, такъ какъ тамъ и земля была плоха и заработковъ не было. Наибольшую сумму предполагалось, совершенно справедливо, ассигновать на смоленскую губернію. Въ общемъ изъ этихъ 9-ти милл. рублей на указанныя 23 губерніи намѣчено было отдѣлить около $7^1/_2$ милл. рублей, а остальные $1^1/_2$ милл. руб. предполагалось распредѣлить между остальными губерніями.

Свѣдущіе люди всѣ отнеслись къ этому предложенію сочувственно; большинство однако же не вполнѣ согласилось съ правительствомъ, признавъ представленныя правительствомъ статистическія данныя не достаточно точными; указывая на необходимость общаго пониженія платежей во всей Россіи, совѣщаніе предлагало всѣ выкупные платежи повсемѣстно понизить на 1 руб. съ каждаго надѣла, а затѣмъ уже сверхъ того произвести спеціальное пониженіе платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя особенно были переобременены ими, и на это спеціальное пониженіе ассигновать сумму въ 5 милл. рублей, считая такимъ образомъ общую сумму пониженія выкупныхъ платежей не въ 9 милл., а въ 12 милл. рублей.

Правительство согласилось съ этимъ мнѣніемъ, и въ вышеупомянутый законъ 28-го декабря 1881 года, на основаніи именно этого заключенія свѣдущихъ людей, было включено также и постановленіе о пониженіи всѣхъ выкупныхъ платежей на 1 рубль повсемѣстно, а затѣмъ ассигновано еще 5 милл. руб. на дополнительное спеціальное пониженіе въ тѣхъ губерніяхъ, которыя заслуживали особаго вниманія, при чемъ предварительное обсужденіе вопроса о самомъ распредѣленіи этихъ 5 милл. руб. между отдѣльными губерніями было предоставлено зем-

ствамъ. При этомъ надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, очень немногочисленныхъ впрочемъ, опять раздались реакціонные голоса со стороны дворянства,—хотя пониженіе выкупныхъ платежей дѣлалось не за его счетъ, а за счетъ казны или, точнѣе говоря, за счетъ выкупной операціи за прошлые годы, ибо вычислено было, что выкупная операція въ общемъ шла для казны такъ удачно, что скопились большія прибыли и въ главномъ выкупномъ учрежденіи оказалось до 14 милл. руб. излишковъ еще на 1-е января 1885 года, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по операціи. Изъ этихъ то излишковъ и оказалось возможнымъ осуществить признанное необходимымъ пониженіе выкупныхъ платежей. Несмотря на это, въ симбирскомъ губернскомъ земскомъ собраніи тогда впервые раздался голосъ одного, впослѣдствіи сыгравшаго крупную роль въ исторіи русской реакціи, дворянина А. Д. Пазухина, который пытался тогда убѣдить симбирское земское собраніе сказать, что симбирское крестьянство ни въ какомъ пониженіи платежей не нуждается. Однако все же и здѣсь было признано, что и для симбирской губерніи слѣдуетъ принять спеціальное (ничтожное) пониженіе, которое было предположено правительствомъ. Слѣдующей реформой, которая была проведена при Бунге, была отмѣна подушной подати. Вы помните, какую важность этотъ вопросъ имѣлъ по общему признанію, еще начиная съ 1870 года, когда онъ впервые былъ поставленъ передъ земствами, былъ ими обсужденъ и, такъ или иначе, разрѣшенъ, но не получилъ никакого дальнѣйшаго движенія въ правительственныхъ сферахъ.

Теперь, когда во главѣ министерства финансовъ сталъ Бунге, онъ рѣшился въ 1882 году окончательно приняться за разрѣшеніе этого вопроса. Надо сказать, что Бунге являлся въ сферѣ финансовой политики въ тѣсномъ смыслѣ продолжателемъ Рейтерна; а именно онъ являлся его продолжателемъ въ стремленіи поднять курсъ нашего рубля и утвердить равновѣсіе бюджета прежде всего. Отсюда, конечно, у него важное значеніе получили и протекціонизмъ въ таможенной политикѣ и экономія въ расходахъ отдѣльныхъ вѣдомствъ; впрочемъ въ отношеніи этой послѣдней надо признать, что удавалась она ему плохо, потому что онъ не былъ настолько вліятеленъ, чтобы обуздывать аппетиты другихъ министровъ и, кромѣ того,

ему приходилось вести государственное хозяйство въ тяжелые годы, наступившіе послѣ войны, когда результаты ея въ концѣ разстроили то, что было сдѣлано Рейтерномъ для поддержанія курса кредитнаго рубля.

Несмотря на это,—и уже въ прямую противоположность Рейтерну—Бунге старался идти навстрѣчу народнымъ нуждамъ даже тогда, когда это было сопряжено съ нѣкоторыми пожертвованіями для казны. Въ этомъ отношеніи онъ продолжалъ политику Лорисъ-Меликова и Абазы, изворачиваясь съ большимъ или меньшимъ искусствомъ въ своемъ несомнѣнно весьма трудномъ положеніи и принимая иногда поневолѣ и противорѣчивыя мѣры. Такъ, при отмѣнѣ подушной подати ему пришлось встрѣтиться съ большими трудностями именно по вопросу о равновѣсіи бюджета въ то время. Вѣдь подушная подать давала бюджету около 40 милл. руб. ежегодно, слѣдовательно, поступиться такой суммой при общихъ еще скромныхъ размѣрахъ тогдашняго бюджета было довольно затруднительно, а между тѣмъ Бунге хорошо понималъ и несправедливость этой подати, и всѣ тѣ тяжелыя правовыя послѣдствія для населенія, которыя изъ нея возникли. Вѣдь вы помните, что вслѣдствіе именно существованія подушной подати существовала круговая порука, потому что иначе нельзя было обезпечить подать, наложенную на отдѣльныхъ лицъ, а эта круговая порука влекла за собой и ограниченіе свободы передвиженія крестьянства и фактическое ограниченіе крестьянъ въ правѣ выбора занятій.

Поэтому вопросъ объ отмѣнѣ подушной подати былъ вопросомъ большой важности и въ отношеніи *правового* положенія народа. Бунге это прекрасно понималъ и дѣятельно стремился непремѣнно такъ или иначе разрѣшить этотъ вопросъ; когда же передъ нимъ встала задача, чѣмъ же замѣнить подушную подать, какъ покрыть ежегодный убытокъ въ доходахъ въ 40 милл. руб., то онъ рѣшился часть этого убытка покрыть усиленіемъ налога на спиртъ, т.-е. налога, который, въ сущности говоря, падалъ на наиболѣе пьющіе слои того же податного населенія, остальную же часть убытка ему приходилось взять уже прямо съ того же податного населенія, только разложивъ ее на слои крестьянства, болѣе обезпеченные и менѣе обремененные податями.

Бунге такъ откровенно и хотѣлъ поставить дѣло, увеличивъ

оброчную подать государственныхъ крестьянъ, но въ государственномъ совѣтѣ высказаны были опасенія, что это можетъ вызвать неблагопріятное впечатлѣніе въ народѣ и что лучше поэтому прикрыть какъ нибудь сущность дѣла. Въ качествѣ прикрытія былъ изобрѣтенъ способъ, который едва ли можно признать удачнымъ; а именно, было внезапно признано необходимымъ перевести государственныхъ крестьянъ съ оброка на обязательный выкупъ, т.-е. заставить выкупать свою землю тѣхъ крестьянъ, которые, въ сущности, платили подъ названіемъ оброчной подати простую поземельную подать. Въ этомъ случаѣ государственный совѣтъ внезапно сталъ на ту точку зрѣнія, что надо сдѣлать ихъ „полными собственниками“ своихъ надѣловъ,—какими они, въ сущности говоря, не стали и послѣ выкупа; но подъ этимъ „благовиднымъ“ предлогомъ признано было возможнымъ повысить ихъ подати за землю, и онѣ были повышены, въ общемъ, на 45%, и это повышеніе пошло на покрытіе убытка отъ уничтоженія подушной подати, что, конечно, явилось большимъ минусомъ въ дѣлѣ осуществленія податной реформы. Надо сказать еще, что эта реформа была проведена съ нѣкоторой разсрочкой: именно въ два срока—съ 1 января 1883 и 1 января 1884 годовъ—подушная подать была сложена только съ наиболѣе переобремененныхъ крестьянъ, а съ крестьянъ остальныхъ мѣстностей она была сложена только съ 1 января 1886 г.

Наряду съ этимъ слѣдуетъ упомянуть серіезную попытку Бунге произвести значительное упорядоченіе въ самомъ взиманіи податей, которое до тѣхъ поръ производилось полиціей съ примѣненіемъ тяжелыхъ и безобразныхъ формъ взысканія, при чемъ часто распродавалось самое необходимое въ крестьянскомъ быту имущество и нерѣдко крестьянамъ приходилось до полученія новаго урожая продавать для внесенія податей хлѣбъ на корню. Такимъ образомъ самая уплата податей разоряла то населеніе, отъ котораго зависѣло и благосостояніе государства. Бунге, какъ ученый финансистъ и экономистъ, хорошо понималъ безсмысленность этого порядка и поэтому настоялъ, чтобы были введены *податные инспектора*, на которыхъ и возложено какъ взысканіе податей, такъ и собираніе свѣдѣній о зажиточности и платежеспособности населенія въ цѣляхъ дальнѣйшаго урегулированія податной системы.

ЛЕКЦІЯ XXXIX.

Мѣры, принятыя въ началѣ царствованія Александра III къ облегченію земельной тѣсноты крестьянъ.—Крестьянскій банкъ и его первые шаги при Бунге.—Облегченіе аренды казенныхъ земель крестьянами.—Упорядоченіе крестьянскихъ переселеній.—Правила 1881 года.—Законъ 13 іюля 1889 года.—Введеніе фабричной инспекціи и законъ о защитѣ малолѣтнихъ и женщинъ на фабрикахъ.—Налоги на наслѣдства и на процентныя бумаги.—Вопросъ объ административной крестьянской реформѣ.—Кохановская комиссія.—Ея составъ и ликвидація ея работъ.—Крушеніе Игнатьевскаго режима.

Въ прошлой лекціи я разсказывалъ вамъ довольно подробно первые шаги царствованія императора Александра III и остановился въ концѣ ея на тѣхъ податныхъ реформахъ, которыя были проведены при Абазѣ и Бунге.

Въ это же время разработанъ и проведенъ былъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ борьбѣ съ крестьянскимъ малоземельемъ.—Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать три главныя мѣры: во-первыхъ, учрежденіе крестьянскаго банка, при помощи котораго крестьяне могли бы имѣть дешевый кредитъ для покупки земель; во-вторыхъ—облегченіе аренды казенныхъ земель и оброчныхъ статей, которыя отдавались или могли отдаваться въ аренду, и, наконецъ, въ-третьихъ, урегулированіе переселеній.

Всѣ эти задачи были совершенно опредѣленно намѣчены еще въ эпоху диктатуры сердца и были переданы въ наслѣдство новому правительству.

Что касается до проекта учрежденія крестьянскаго банка, составленнаго Бунге и внесеннаго Бунге, Игнатьевымъ и Островскимъ въ государственный совѣтъ за общей ихъ подписью, то въ представленіи объ этомъ указывалось, что въ виду ограниченности тѣхъ средствъ, которыя казна можетъ на это дѣло дать, необходимо наблюдать, чтобы эти средства шли на по-

мощь лишь наиболѣе малоземельнымъ крестьянамъ и чтобы ссуды давались не въ произвольномъ размѣрѣ, а только въ томъ, который нуженъ для пріобрѣтенія земли, необходимой для того, чтобы владѣніе каждаго получившаго ссуду крестьянина достигало лишь максимальной нормы, установленной по Положенію 1861 года,—когда дѣло касалось крестьянъ-общинниковъ; если же дѣло шло о пріобрѣтеніи отдѣльными крестьянами подворныхъ участковъ, то чтобы весь покупаемый или округляемый при содѣйствіи банка надѣлъ доводился до максимальнаго размѣра подворнаго участка, опредѣляемаго въ законѣ, или по обычаю для каждой мѣстности.

Государственный совѣтъ не согласился съ такой постановкой вопроса, главнымъ образомъ, въ виду того весьма сильно дѣйствовавшаго тогда жупела, что будто бы въ народѣ циркулируютъ толки о „черномъ передѣлѣ“ и что народъ будто бы ждетъ, что правительство само дастъ къ этому сигналъ. Государственный совѣтъ счелъ нужнымъ бороться съ этими толками и въ постановкѣ вопроса о крестьянскомъ банкѣ. Поэтому было постановлено, что крестьянскій банкъ долженъ вообще помогать крестьянамъ независимо отъ того, какіе крестьяне и въ какомъ размѣрѣ покупаютъ землю. Бунге пришлось съ этимъ помириться, въ виду тѣхъ политическихъ условій, которыя тогда были учтены государственнымъ совѣтомъ и, такимъ образомъ, явилась такая постановка дѣла, которая, въ сущности говоря, должна была значительно исказить самый характеръ новаго учрежденія.

Надо впрочемъ сказать, что несмотря на то, что правительство въ первое время могло ассигновывать на крестьянскій банкъ не болѣе чѣмъ по 5 милл. руб. ежегодно, тѣмъ не менѣе, въ первые три года, пока Бунге былъ министромъ и пока дѣйствовалъ первый составъ администраціи крестьянскаго банка, подобранный самимъ Бунге, дѣятельность банка регулировалась тѣми соображеніями, которыя были выражены Бунге въ его первоначальномъ проектѣ, и ссуды банка выдавались дѣйствительно наиболѣе нуждающимся въ землѣ крестьянамъ. Но черезъ три года направленіе дѣятельности банка измѣнилось; правительство испугалось накопившихся недоимокъ и въ результатѣ стало усердно продавать земли крестьянъ, оказавшихся неисправными плательщиками, такъ что, въ концѣ-кон-

цовъ, вся дѣятельность банка въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ свелась къ весьма ограниченнымъ, ничтожнымъ оборотамъ и случайной весьма нераціональной покупкѣ земель зажиточными крестьянами. Въ результатѣ, послѣ десяти лѣтъ существованія крестьянскаго банка было вычислено, что размѣры крестьянскаго землевладѣнія, благодаря банку, увеличились лишь на 1,2%, т.-е. едва на 0,12% въ годъ,—между тѣмъ какъ при содѣйствіи частныхъ кредитныхъ учрежденій и безъ ихъ содѣйствія въ предшествующее время крестьянское землевладѣніе увеличивалось ежегодно въ среднемъ на 0,3%.

Что касается вопроса *объ арендѣ земель*, то въ этомъ отношеніи уже въ то время въ общемъ сознаніи пробивалась мысль, что, въ виду необычайнаго роста арендныхъ цѣнъ, слѣдовало бы по возможности регулировать не только аренду казенныхъ земель, но и аренду земель частно-владѣльческихъ. Такое теченіе отражается въ тогдашней прогрессивной печати. Такъ, напримѣръ, въ программѣ, опубликованной въ „Вѣстникѣ Европы“ въ это время, на первый планъ ставилась борьба съ малоземельемъ и стремленіе къ передачѣ въ руки крестьянъ по возможности необходимаго количества земли [1]).

Съ другой стороны, и правительственнымъ сферамъ не чужда была мысль о томъ, что слѣдуетъ какъ нибудь урегулировать какъ казенную, такъ и частную аренду земли крестьянами. Такъ, въ одной изъ правительственныхъ комиссій, обсуждавшихъ поземельный вопросъ въ 1881 г., а именно въ комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова, былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы крестьяне, арендующіе у частныхъ владѣльцевъ землю, арендовали бы ее по условіямъ, заключеннымъ не меньше, чѣмъ на 9 лѣтъ, и чтобы имъ предоставлено было право выкупать эти земли по цѣнѣ, представляющей капитализацію средней арендной платы за эти 9 лѣтъ [2]).

---

[1]) Программа эта была формулирована въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1882 годъ. Она цитирована у Б. Б. Веселовскаго „Исторія земства за 40 лѣтъ“, т. III, стр. 286.

[2]) Свѣдѣнія о предположеніяхъ комиссіи П. П. Семенова, работавшей въ 1881 г., имѣются въ „Обзорѣ законоположеній по переселенческому вопросу“, составленномъ канцеляріей комитета министровъ. Выписки изъ этого „Обзора“ приведены мною въ книгѣ-моей „Крестьянская реформа“ (Спб. 1905), стр. 230.

На такой же приблизительно позиціи стояли и „свѣдущіе люди“ второй сессіи, которые также сочли необходимымъ урегулировать частновладѣльческія арендныя цѣны и самыя условія найма земель. Но государственный совѣтъ и здѣсь сталъ на почву различныхъ опасеній и всѣ эти предположенія остались безъ движенія. Урегулированіе условій аренды коснулось однихъ только казенныхъ имуществъ; но, конечно, и въ этомъ случаѣ оно имѣло все-таки нѣкоторое значеніе, потому что такихъ казенныхъ имуществъ было нѣсколько милліоновъ десятинъ. До 1881 г. огромная часть этихъ угодій арендовалась частными лицами, различными предпринимателями и кулаками, а вовсе не сельскими обществами и не крестьянами, нуждавшимися въ землѣ. И вотъ впервые въ апрѣлѣ 1881 г., по иниціативѣ Игнатьева, который былъ еще тогда—при Лорисъ-Меликовѣ — министромъ государственныхъ имуществъ, было установлено, что казенныя земли въ аренду отдаются прежде всего окружнымъ крестьянамъ, на какомъ бы разстояніи отъ нихъ они ни владѣли своей землей. Это сразу значительно измѣнило положеніе, ибо, вмѣсто 23% крестьянской аренды на казенныхъ оброчныхъ статьяхъ до 1881 г., теперь стало арендоваться крестьянскими обществами 66% всѣхъ казенно-оброчныхъ статей.

Въ 1881 г. правила объ арендѣ казенныхъ земель были нѣсколько измѣнены; а именно по закону 1881 г. земли отдавались въ 24-хлѣтнюю аренду, а тутъ срокъ аренды былъ сокращенъ до 12-ти лѣтъ и при томъ безъ торговъ впредь могли ихъ брать только тѣ крестьяне, которые живутъ не далѣе 12 верстъ отъ арендуемой оброчной статьи. Такимъ образомъ дѣйствіе этой скромной, но благожелательной мѣры 1881 года въ 1884 г. было нѣсколько ограничено.

Что касается до *переселенческаго вопроса*, который сталъ въ это время заявлять о себѣ въ довольно острыхъ формахъ, то слѣдуетъ замѣтить, что вообще переселенческое движеніе являлось дѣломъ не новымъ. При крѣпостномъ правѣ переселенія могли совершаться лишь въ двухъ формахъ: путемъ вывода крестьянъ помѣщиками на купленныя ими пустопорожнія земли, или въ формѣ самовольнаго бѣгства крестьянъ. Надо сказать, что эта вторая форма вовсе не была исключительной при крѣпостномъ правѣ; такъ, напримѣръ, по отры-

вочнымъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются въ литературѣ предмета, въ 1838—1840 гг. изъ тамбовской губерніи выселилось самовольно около восьми тысячъ душъ помѣщичьихъ крестьянъ; затѣмъ въ сороковыхъ годахъ изъ полтавской губерніи выселилось тоже самовольно около трехъ тысячъ душъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что значительное количество душъ крестьянъ при крѣпостномъ правѣ переселялось самовольно на свободныя мѣста, и правительство, въ значительной части случаевъ, не имѣя возможности ихъ возвращать, смотрѣло на это сквозь пальцы, приписывало ихъ къ ближайшимъ къ мѣсту ихъ водворенія обществамъ и вводило въ казенный окладъ. Казенные крестьяне переселялись въ болѣе правильныхъ условіяхъ еще со времснъ Киселева, который дѣятельно занимался, какъ вы помните, еще съ 40-хъ годовъ вопросомъ разселенія казенныхъ крестьянъ. Здѣсь дѣло шло гораздо правильнѣе: закономъ предусматривались различныя, частью даже денежныя, пособія, которыя, впрочемъ, рѣдко выдавались въ полномъ объемѣ, въ виду отсутствія средствъ. Между 1831-мъ и 1866-мъ годами казенныхъ крестьянъ переселялось примѣрно по 9 тысячъ душъ въ годъ, а были годы, когда размѣры этого переселенія достигали 28 тысячъ въ годъ.

Съ уничтоженіемъ крѣпостного права движеніе переселенцевъ, конечно, не прекратилось. Хотя въ Положеніи 1861 года было указано, что въ первые девять лѣтъ крестьяне не имѣютъ права оставлять надѣлы безъ согласія помѣщиковъ, тѣмъ не менѣе самовольныя переселенія достигли значительныхъ размѣровъ. При этомъ, несмотря на то, что новыя переселенія въ Амурскій и Уссурійскій край были обставлены вскорѣ послѣ пріобрѣтенія этихъ территорій большими льготами, крестьяне предпочитали дѣйствовать за свой страхъ и переселялись въ менѣе отдаленныя мѣстности Сибири, а отчасти и на окраины Европейской Россіи, безъ разрѣшенія и безъ содѣйствія правительства.

Къ концу семидесятыхъ годовъ размѣры такого самовольнаго переселенческаго движенія подходятъ въ 40 тысячамъ душъ въ годъ. Правительство признало наконецъ своевременнымъ обсудить этотъ вопросъ, и, на основаніи соглашенія между министрами внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ, были выработаны особыя правила 10 іюня 1881 г.,

которыя, впрочемъ, не были объявлены во всеобщее свѣдѣніе, а были лишь предназначены для руководства мѣстныхъ начальствъ. Было признано желательнымъ допускать переселенія крестьянъ только съ разрѣшенія правительства, при чемъ такія разрѣшенія должны были выдаваться по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Разумѣется, это опять-таки создавало огромную процедуру и волокиту, которой крестьяне не желали подчиниться. Поэтому и послѣ принятія этой мѣры попрежнему шли самовольныя переселенія крестьянъ.

Когда Игнатьевъ созвалъ вторую сессію „свѣдущихъ людей“ (въ сентябрѣ 1881 г.), то работой, предложенной имъ на обсужденіе, былъ именно переселенческій вопросъ. Эта комиссія „свѣдущихъ людей“ сильно раскритиковала Правила 10 іюня 1881 г. и признала, что переселенческое движеніе не должно подвергаться никакой регламентаціи, что вообще переселенія должны признаваться цѣлесообразными и допустимыми въ томъ объемѣ, въ какомъ они происходятъ, и что правительствомъ должны быть принимаемы только мѣры по отношенію къ водворенію переселенцевъ, но что при этомъ отнюдь не слѣдуетъ стѣснять ихъ въ выборѣ мѣста переселенія; что имъ должны быть при этомъ даваемы извѣстныя льготы, именно воспособленія на первое время,—если возможно денежныя и натуральныя пособія, послѣднія, напримѣръ, въ формѣ выдачи лѣса на постройку.

Въ концѣ-концовъ, хотя этотъ планъ „свѣдущихъ людей“ не получилъ утвержденія, а продолжали „дѣйствовать“, или, точнѣе сказать, бездѣйствовать, правила 10 іюня 1881 г., тѣмъ не менѣе, переселенческое движеніе продолжало попрежнему совершаться въ формѣ самовольныхъ переселеній. Но правительство и въ эти годы вынуждено было мириться съ этимъ фактомъ, и эти самовольные переселенцы, вопреки закону, не только не возвращались назадъ, а ихъ и формально, въ концѣ-концовъ, „устраивали“ на мѣстахъ, иногда даже давая имъ (въ видѣ исключенія) извѣстныя льготы и ссуды. Въ концѣ-концовъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, уже при полномъ разгарѣ реакціи, при графѣ Д. А. Толстомъ, который сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1882 г. и, какъ извѣстно, вовсе не былъ склоненъ содѣйствовать облегченію

какихъ бы то ни было народныхъ нуждъ, тѣмъ не менѣе, правительство не могло бороться съ этимъ переселенческимъ движеніемъ и мало-по-малу должно было, въ сущности, принять почти всѣ мѣры, которыя рекомендовались „свѣдущими людьми"; и вотъ въ 1889 г., — въ эпоху полной реакціи, — былъ проведенъ черезъ государственный совѣтъ первый опубликованный законъ о переселеніяхъ 13 іюля 1889 г., которымъ разрѣшеніе переселеній нѣсколько было облегчено, именно оно зависѣло по этому закону уже не отъ соглашенія двухъ министровъ, а только отъ министра внутреннихъ дѣлъ и при этомъ самыя переселенія обставлялись очень значительными льготами: на три года переселенцы освобождались отъ всякихъ податей и воинской повинности, а на слѣдующіе три года подати взимались съ нихъ въ половинномъ размѣрѣ. Были оказываемы и различныя денежныя и натуральныя воспособленія,—первыя, впрочемъ, до середины 90-хъ годовъ въ очень ничтожныхъ размѣрахъ.

Чтобы покончить съ политикой Бунге по отношенію къ народнымъ массамъ, слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ законахъ по рабочему вопросу, которые были изданы впервые при Бунге, начиная съ 1882 г. Впервые русское правительство стало съ этого времени на путь защиты, если не всѣхъ рабочихъ, то, по крайней мѣрѣ, малолѣтнихъ и женщинъ, отъ произвола фабрикантовъ. Закономъ 1882 года впервые ограничена была продолжительность рабочаго времени малолѣтнихъ и женщинъ, и болѣе или менѣе поставлены подъ контроль правительственныхъ властей условія ихъ работы, а для надзора за исполненіемъ этихъ постановленій были учреждены первыя должности фабричныхъ инспекторовъ. Рядомъ послѣдующихъ узаконеній 1884—5—6 годовъ законъ о фабричной инспекціи былъ еще нѣсколько развитъ.

Затѣмъ слѣдуетъ еще упомянуть о попыткахъ, которыя были сдѣланы при Бунге, къ привлеченію болѣе имущихъ классовъ къ несенію доли податного бремени. Первой такой попыткой былъ законъ о налогѣ на наслѣдства, изданный 15-го іюня 1882 года, а затѣмъ и другой законъ — о налогѣ на процентныя бумаги,—20-го мая 1885 г.

Таковы были эти, все таки немаловажныя въ общемъ счетѣ, хотя, конечно, и вполнѣ палліативныя мѣропріятія правитель-

ства начала, или даже первой половины, восьмидесятыхъ годовъ, направлявшіяся къ улучшенію экономическаго положенія народныхъ массъ.

Что касается вопроса объ упорядоченіи крестьянскаго общественнаго устройства и управленія, то этотъ вопросъ, какъ я вамъ говорилъ раньше, былъ переданъ циркуляромъ Лорисъ-Меликова отъ 22-го декабря 1880 г. на обсужденіе земствамъ, и земства очень охотно воспользовались тогда этимъ приглашеніемъ правительства. При обсужденіи этого важнаго вопроса многія земства его значительно расширили и нѣкоторыя изъ нихъ поставили даже вопросъ объ измѣненіи всего мѣстнаго управленія въ странѣ. Наиболѣе передовыя земства при этомъ, естественно, стали на точку зрѣнія необходимости установленія связи между крестьянскимъ самоуправленіемъ и земствомъ, признавъ, въ то же время безусловно необходимымъ освободить крестьянское самоуправленіе отъ тѣхъ элементовъ административно-полицейской опеки, которая была установлена надъ нимъ законодательствомъ 19-го февраля 1861 года.

Вмѣстѣ съ этимъ въ нѣкоторыхъ земствахъ вновь возникаетъ и вопросъ о всесословной волости. Земства признавали довольно единодушно, что прежде всего крестьянъ надо избавить отъ той сословной исключительности, которая ставила ихъ подъ особую полицейско-административную опеку, а затѣмъ объединить крестьянъ съ другими сельскими жителями или сословіями, при чемъ первой единицей самоуправленія нѣкоторыя изъ земствъ предполагали сдѣлать всесословную волость.

Но надо сказать, что и въ самихъ земскихъ кругахъ эта постановка вопроса вызвала тогда возраженія, при томъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ: нѣкоторые наиболѣе народнически настроенные земцы боялись установленія всесословной волости въ томъ отношеніи, что въ ней помѣщики получатъ большое преобладаніе надъ крестьянами въ силу своего бо́льшаго развитія, а крестьяне будутъ повиноваться барину, въ виду тѣхъ бытовыхъ условій и навыковъ, которые еще остались отъ крѣпостного права; съ другой стороны, нѣкоторые представители земства, даже довольно прогрессивные,—какъ напримѣръ князь С. В. Волконскій и А. И. Кошелевъ въ рязанскомъ земствѣ — полагали, что въ такой всесословной волости крестьянская масса задавитъ интеллигентныхъ предста-

вителей, и что можетъ случиться такъ, что даже прогрессивныя начинанія,—какъ напримѣръ вопросъ объ ассигнованіи денегъ на земскую школу,—погибнутъ отъ преобладанія невѣжественной массы въ первой инстанціи всесословнаго земства.

Такимъ образомъ и въ земствахъ вопросъ этотъ не получилъ единодушнаго разрѣшенія въ то время.

Въ разрѣшеніи вопроса о преобразованіи крестьянскаго общественнаго управленія и всего мѣстнаго самоуправленія большое значеніе имѣли сенаторскія ревизіи, которыя собрали по этому предмету довольно большой матеріалъ. Когда же осенью 1881 г. сенаторы вернулись изъ своихъ объѣздовъ, то по всеподданнѣйшему докладу Игнатьева рѣшено было учредить особую внѣвѣдомственную комиссію подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Коханова, бывшаго товарища министра при Лорисъ-Меликовѣ,—комиссію, которая потомъ такъ и называлась по имени своего предсѣдателя „кохановской". Въ ея составъ были назначены кромѣ ревизовавшихъ различныя губерніи сенаторовъ нѣкоторыя изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ предварительной разработкѣ вопроса о реформѣ мѣстнаго управленія, затѣмъ, въ качествѣ членовъ-экспертовъ, разные земскіе дѣятели, въ очень небольшомъ числѣ, при чемъ Коханову было предоставлено право ихъ число впослѣдствіи увеличить.

Эта комиссія, созданная такимъ образомъ какъ бы для осуществленія нѣкоторыхъ идей эпохи диктатуры сердца, начала свои работы съ осени, или, вѣрнѣе, даже съ зимы 1881 года и въ трехъ первыхъ своихъ засѣданіяхъ установила общій планъ своихъ работъ, который представленъ былъ на высочайшее утвержденіе, а затѣмъ выдѣлила изъ своего состава особую подкомиссію, названную почему-то „совѣщаніемъ", во главѣ съ тѣмъ же Кохановымъ, при чемъ въ нее были включены и ревизовавшіе сенаторы. На эту подкомиссію и была возложена подробная разработка реформы. Совѣщаніе это работало въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ и проектировало цѣлый рядъ весьма важныхъ преобразованій. Оно разработало не только реформу крестьянскаго общественнаго устройства, но и всего мѣстнаго управленія. При этомъ оно стало на всесословную или, вѣрнѣе, даже на безсословную точку зрѣнія и во главу угла своихъ работъ положило мысль, что крестьяне должны быть освобождены наравнѣ съ другими сословіями отъ всякой административной

опеки и что *сельскія общества* должны включать въ свой составъ всѣхъ сельскихъ обывателей даннаго околотка безъ различія сословій, при чемъ всѣ они должны на равныхъ правахъ принимать участіе въ сельскомъ самоуправленіи. Характеръ чисто крестьянской единицы долженъ былъ быть сохраненъ лишь за крестьянской *поземельной общиной*, которая являлась бы единицей чисто хозяйственной безъ всякихъ полицейскихъ обязанностей. Такія *общины* могли однако существовать лишь тамъ, гдѣ сохранилось общинное землевладѣніе. Наоборотъ, безсословныя *сельскія общества*, учрежденныя для цѣлей общественно-административныхъ, должны были существовать повсюду.

Эти безсословныя сельскія общества являлись бы, такимъ образомъ, первой и низшей единицей самоуправленія и непосредственно должны были быть связаны съ уѣзднымъ земствомъ. Волость совершенно исключалась изъ числа самоуправляющихся единицъ и по идеѣ кохановской комиссіи должна была получить значеніе лишь территоріальнаго подраздѣленія уѣзда для земскихъ административно-хозяйственныхъ цѣлей, причемъ во главѣ каждой волости долженъ былъ быть поставленъ особый земскій приказчикъ „волостель", который и избирался бы изъ мѣстныхъ жителей уѣздными земскими собраніями.

Въ такомъ видѣ былъ разработанъ проектъ измѣненія земскаго и крестьянскаго самоуправленія къ концу работъ „совѣщанія кохановской комиссіи; но конецъ работъ этого совѣщанія (конецъ 1884 года) совпалъ съ полной побѣдой реакціи въ правительственныхъ сферахъ, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ уже Толстой и когда онъ уже успѣлъ вполнѣ ориентироваться во ввѣренномъ ему министерствѣ. Толстой рѣшилъ такъ или иначе ликвидировать всю ту работу кохановской комиссіи, которая была произведена, а для того, чтобы эта ликвидація прошла до нѣкоторой степени въ благовидной формѣ, какъ будто бы въ согласіи съ мнѣніемъ большинства мѣстныхъ свѣдущихъ людей,— то рѣшено было вызвать въ составъ кохановской комиссіи такихъ свѣдущихъ лицъ, которые могли бы безусловно отвергнуть всѣ выводы „совѣщанія". Выборъ ихъ былъ произведенъ, разумѣется, помимо Коханова: въ составъ ихъ были приглашены нѣкоторые губернаторы и рядъ извѣстныхъ представителей реакціоннаго дворянства, и они-то и подвергли всѣ работы кохановской комиссіи своей реакціонной критикѣ.

Собственно, крахъ игнатьевскаго режима произошелъ еще въ маѣ 1882 г.—ровно черезъ годъ послѣ того, какъ Игнатьевъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ. Крушенію Н. П. Игнатьева содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, все тотъ же К. П. Побѣдоносцевъ, который вызвалъ за годъ передъ тѣмъ паденіе гр. Лорисъ-Меликова. Воспользовался для этого Побѣдоносцевъ моментомъ, когда Игнатьевъ рѣшился, подъ вліяніемъ своихъ московскихъ единомышленниковъ славянофиловъ, предложить созывъ во время коронаціи земскаго собора въ Москвѣ. Въ составъ этого собора должны были быть призваны лица разныхъ сословій въ числѣ болѣе 3000 человѣкъ. Очевидно это было бы довольно нелѣпое собраніе, отнюдь не похожее на законодательныя или даже законосовѣщательныя учрежденія цивилизованныхъ государствъ. Про такой соборъ Катковъ могъ, конечно, выразиться, какъ онъ это сдѣлалъ въ одной изъ статей того времени, что это было бы просто такое же „ура“, „какое недавно раздавалось въ Кремлевскомъ дворцѣ на слова государя, возвѣщавшаго войну“.

Въ недавнее время опубликована переписка г-жи Голохвастовой съ И. С. Аксаковымъ, которая рисуетъ весь ходъ этого дѣла [1]). Проектъ, разработанный однимъ московскимъ славянофиломъ, Голохвастовымъ, и представленный Государю Игнатьевымъ, повидимому, уже получилъ одобреніе императора Александра, когда въ это дѣло вмѣшался Побѣдоносцевъ, который дѣйствовалъ противъ Игнатьева опять-таки путемъ закулисныхъ интригъ и устроилъ ему своего рода coup d'état. Когда Игнатьевъ узналъ, что Побѣдоносцевъ ѣдетъ съ докладомъ по этому вопросу въ Гатчину, онъ просилъ Побѣдоносцева назначить ему наканунѣ доклада свиданіе, но Побѣдоносцевъ отвѣтилъ, что онъ поздно встаетъ, а докладъ начинается рано, и уѣхалъ, нарочно не повидавшись съ Игнатьевымъ, а тотъ получилъ уже непосредственно отъ императора Александра, котораго Побѣдоносцевъ успѣлъ-таки убѣдить разорвать окончательно со всѣми системами уступокъ общественному мнѣнію, увѣдомленіе, что его проектъ непріемлемъ.

Игнатьеву оставалось подать въ отставку. На его мѣсто былъ призванъ графъ Д. А. Толстой,—тотъ самый, который въ 1880 г.

---

[1]) Въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1913 г. №№ 1 и 2.

былъ уволенъ отъ поста министра народнаго просвѣщенія по иниціативѣ Лорисъ-Меликова къ ликованію всей мыслящей Россіи.

Лишь съ этого момента сталъ явственно опредѣляться правительственный курсъ, котораго императоръ Александръ III придерживался уже до конца жизни и который сообщилъ ярко реакціонную окраску всему его царствованію.

ЛЕКЦІЯ XL.

Рѣшительный поворотъ къ реакціи.— Гр. Д. А. Толстой. — Реакція въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.— Дворянская реакціонная политика во внутреннихъ дѣлахъ.— Юбилей жалованной дворянской грамоты въ 1885 году и связанное съ нимъ дворянское реакціонное движеніе.— Программа Пазухина.— Ликвидація вопроса о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій послѣ закрытія кохановской комиссіи.— Законъ 12 іюля 1889 г. о земскихъ начальникахъ.—Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г.— Судебныя новеллы.— Новый законъ о печати и его положеніе.— Преслѣдованіе иновѣрцевъ и иностранцевъ.— Новые порядки въ арміи и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Въ двухъ прошлыхъ своихъ лекціяхъ я охарактеризовалъ вамъ два первые, весьма кратковременные, но въ то же время и весьма знаменательные, періоды царствованія Александра III, имѣвшіе, въ сущности, оба вступительный, переходный, и въ зависимости отъ этого весьма колебательный характеръ.

Съ крушеніемъ министерства Игнатьева и переходомъ власти въ руки графа Толстого въ маѣ 1882 года начинается окончательный рѣзкій поворотъ къ реакціи,—поворотъ, опиравшійся на опредѣлившуюся къ тому времени вполнѣ уже реакцію въ части русскаго общества. Съ момента этого поворота, можно сказать, началась истинная эпоха императора Александра III, окрашенная въ свой настоящій цвѣтъ. Наряду съ упраздненіемъ славянофильскаго министерства Игнатьева, были упразднены очень скоро вслѣдъ за тѣмъ и тѣ придворныя тайныя организаціи „Священной дружины“ и „Добровольной охраны“, въ нѣдрахъ которыхъ обнаружились тоже своеобразныя конституціонныя теченія и попытки, организованныя молодымъ графомъ Шуваловымъ при нѣкоторомъ участіи тогдашняго министра двора, графа Воронцова-Дашкова. Относительно этихъ попытокъ теперь даетъ очень много новаго вышедшая въ минувшемъ году книга В. Я. Богучарскаго, которая вызвала значи-

тельную полемику, главнымъ образомъ, со стороны критиковавшаго ее Б. А. Кистяковскаго,—полемику весьма плодотворную, при чемъ вся эта эпоха была въ значительной мѣрѣ заново выяснена [1]).

Послѣ коронаціи, благополучно отпразднованной въ маѣ 1883 года, правительству удалось захватить остатки революціонной организаціи „Народной воли“ при содѣйствіи предателя-революціонера Дегаева и при помощи того внутренняго разлада, который въ тотъ моментъ наступилъ въ революціонной средѣ, и затѣмъ Толстому была отдана въ руки „вся полнота власти“, выражаясь современнымъ намъ языкомъ.

Впрочемъ, и Толстому пришлось потратить не мало усилій и времени на окончательную ликвидацію наслѣдія „диктатуры сердца“: при немъ въ теченіе трехъ лѣтъ, какъ вы могли замѣтить, продолжалъ свою дѣятельность Н. Х. Бунге; при немъ въ теченіе двухъ лѣтъ работала еще кохановская комиссія, и для работъ этой комиссіи правительству пришлось въ концѣ-концовъ приготовить особыя похороны по первому разряду, пригласивъ предварительно въ помощь къ себѣ для полнаго аннулированія ея предначертаній особыхъ экспертовъ изъ „общества“, которые были подобраны изъ числа наиболѣе реакціонно настроенныхъ дворянъ, громко о себѣ заявлявшихъ въ то время въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, да изъ мѣстныхъ администраторовъ „крѣпкой руки“, въ родѣ черниговскаго губернатора Анастасьева. На все это, повторяю, пришлось Толстому затратить не менѣе двухъ—трехъ лѣтъ.

Ранѣе всего Толстому удалось возстановить реакціонное теченіе дѣлъ въ старомъ своемъ вѣдомствѣ,—въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, которымъ онъ завѣдывалъ въ теченіе 16-ти лѣтъ въ царствованіе Александра II, и гдѣ въ это время, именно въ маѣ 1882 г., либеральнаго министра барона Николаи смѣнилъ также считавшійся либераломъ, но теперь рабски покорный Толстому и Побѣдоносцеву, И. Д. Деляновъ. Здѣсь уже въ 1884 году оказалось возможнымъ провести новый университетскій уставъ, изготовленный по идеямъ Каткова, Леонтьева и Любимова, такъ что Катковъ могъ, наконецъ, ликуя провоз-

---

[1]) Литература этого вопроса указана ниже въ библіографіи царствованія императора Александра III.

гласить свой знаменитый торжествующій окрикъ: „встаньте, господа, правительство идетъ, правительство возвращается".

По новому уставу университетскіе совѣты были лишены всѣхъ остатковъ автономіи, и министерство получило возможность по-своему составить программу юридическаго и филологическаго факультетовъ, такъ что университетамъ пришлось вспомнить времена Ширинскаго-Шихматова. Студентовъ рѣшено было взять, такъ сказать, въ ежовыя рукавицы, уничтоживъ въ ихъ средѣ всякіе зачатки корпоративныхъ организацій, а при малѣйшихъ попыткахъ къ протесту отдавать ихъ въ солдаты. И нѣсколько случаевъ примѣненія этой суровой мѣры дѣйствительно было въ царствованіе императора Александра III.

Таковъ былъ новый режимъ въ высшей школѣ; о средней школѣ можно сказать, что относительно ея явилось стремленіе вернуть ее въ положеніе николаевской сословной гимназіи, сохранивъ при этомъ всѣ черты толстовской классической системы. Характернѣйшимъ документомъ деляновской системы именно по отношенію къ средней школѣ является извѣстный циркуляръ о „кухаркиныхъ дѣтяхъ", какъ его называли сокращенно въ публикѣ, относившійся вообще къ дѣтямъ низшихъ сословій, которыя должны были безусловно быть устранены изъ гимназій, при чемъ, чтобы это облегчить, предположено было уничтожить приготовительные классы, дабы тѣмъ самымъ затруднить возможность для людей мало состоятельныхъ подготовлять дѣтей въ первый классъ. Тутъ снова была воскрешена идея, провозглашенная императоромъ Николаемъ еще въ 1827 г. въ его извѣстномъ рескриптѣ Шишкову.

Низшія школы предположено было окончательно передать въ духовное вѣдомство, согласно домогательствамъ Побѣдоносцева, и если de facto въ 90-хъ годахъ этого не случилось, то въ значительной мѣрѣ, можетъ быть, благодаря дворянской оппозиціи, которая, даже и будучи реакціонной, не желала однако выпустить дѣло начальнаго образованія изъ своихъ рукъ; главнымъ же образомъ не удалось это потому, что у правительства не было необходимыхъ денежныхъ средствъ. Вѣдь земства въ огромномъ большинствѣ не соглашались передавать свои земскія школы духовному вѣдомству; эти школы можно было, конечно, отнять у земства, но тогда надо было бы ассигновать на нихъ казенныя средства, а именно средствъ-то и не хва-

тало; и такимъ образомъ, благодаря этому—и благодаря тому, что огромное большинство земствъ не согласилось на предложеніе графа Толстого передать добровольно школы въ духовное вѣдомство,—школы эти остались и дальше въ рукахъ земства.

Но надо сказать, что самый низшій типъ народныхъ школъ, а именно такъ называемыя школы грамоты, школы, которыя устраивались часто самими крестьянами и для которыхъ не требовалось даже учителей, получившихъ спеціальныя учительскія права,—эти школы, по закону 13 іюня 1884 года, проведенному Побѣдоносцевымъ при поддержкѣ Делянова, были переданы цѣликомъ въ вѣдомство святѣйшаго синода. Это послѣднее обстоятельство, впрочемъ, оказалось въ концѣ-концовъ не особенно вреднымъ въ дѣлѣ развитія начальнаго народнаго образованія, такъ какъ этотъ типъ школъ чрезвычайно плохъ самъ по себѣ, и земства склонялись къ нему только въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ не было средствъ на сколько-нибудь правильно устроенныя школы, а то обстоятельство, что школы грамоты были переданы въ духовное вѣдомство, оттолкнуло отъ нихъ земства, и тѣмъ самымъ принудило ихъ давать иногда бо́льшія ассигновки на народное образованіе и основывать новыя школы болѣе высокаго типа. Таково было положеніе народнаго образованія въ эту реакціонную эпоху.

Новое дворянское реакціонное направленіе, которое проводилось правительствомъ при графѣ Толстомъ во внутреннихъ дѣлахъ, всего яснѣе отразилось на судьбѣ крестьянскаго вопроса и на реформѣ земскаго управленія. И то и другое имѣло ближайшую связь съ работами кохановской комиссіи. Первыя проявленія дворянской реакціонной агитаціи, какъ вы уже видѣли въ прошлый разъ, обнаружились еще въ 1881 году, при обсужденіи вопросовъ объ обязательномъ выкупѣ и пониженіи выкупныхъ платежей. Какъ только задѣты были серьезно матеріальные интересы дворянства, тотчасъ же дворянской реакціонной агитаціей пущены были въ ходъ слухи о весьма тревожномъ настроеніи крестьянъ и о проникновеніи въ крестьянскую среду крамольныхъ идей, которыя получили тамъ развитіе въ формѣ толковъ о близкомъ полномъ или такъ называемомъ „черномъ“ передѣлѣ земли. И вотъ эти слухи, имѣвшіе, можетъ быть, нѣкоторое основаніе, но несомнѣнно

чрезвычайно раздутые, произвели весьма сильное впечатлѣніе на императора Александра III. Уже въ рѣчи Государя, которую онъ произнесъ въ 1883 году на коронаціи волостнымъ старшинамъ, прозвучало первое рѣзкое предостереженіе крестьянамъ,— не слушать крамольныхъ толковъ и во всемъ подчиняться, какъ выразился Государь, „своимъ“ предводителямъ дворянства. На первый взглядъ это кажется простою обмолвкою—казалось бы предводители дворянства и были предводителями только *дворянства,* но императору Александру представлялось, что предводитель дворянства есть глава всякой власти и общества въ уѣздѣ.

Дальнѣйшее сближеніе правительства съ реакціонными видами дворянства проявилось въ способѣ ликвидаціи работъ земствъ, которымъ поручено было обсуждать крестьянскій вопросъ еще Лорисъ-Меликовымъ, и работъ кохановской комиссіи, а также въ рядѣ весьма значительныхъ актовъ, связанныхъ со столѣтнимъ юбилеемъ дворянской жалованной грамоты въ 1885 году.

По этому именно случаю въ 1885 году былъ открытъ особый дворянскій банкъ, спеціальной задачей котораго было поддержаніе ссудами на льготныхъ условіяхъ дворянскаго землевладѣнія. Въ манифестѣ, изданномъ по этому случаю, было выражено пожеланіе, *чтобы впредь „дворяне россійскіе сохраняли первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности и здравыхъ началъ народнаго образованія“.*

Въ благодарственныхъ адресахъ дворянъ, которые послѣдовали въ отвѣтъ на этотъ манифестъ, именно со стороны наиболѣе реакціонно настроеннаго дворянства нѣкоторыхъ губерній, особенно въ адресѣ дворянства симбирской губерніи, гдѣ во главѣ этого теченія сталъ алатырскій предводитель дворянства Пазухинъ, было указано, что дворянство возлагаетъ свои надежды на правительство, именно на крѣпкую правительственную власть, усиленіе которой позволило бы дворянству спокойно жить въ деревняхъ. На эти заявленія дворянства правительство отвѣчало, что въ этомъ духѣ и будетъ направляться законодательная работа. Это было чрезвычайно показательно, и совершенно кончало со всѣми демократическими и либеральными идеями, которыя находили себѣ еще нѣкоторую поддержку въ министерствѣ Игнатьева и Бунге; надъ всѣмъ

этимъ окончательно былъ поставленъ крестъ. И мы видимъ, что, дѣйствительно, ликвидація тѣхъ работъ и проектовъ, которые были приготовлены кохановской комиссіей, возложена была именно на Пазухина, являвшагося наиболѣе яркимъ и послѣдовательнымъ представителемъ этого дворянскаго реакціоннаго теченія. Пазухинъ изложилъ довольно ярко свои идеи въ 1885 году въ статьѣ, напечатанной имъ въ „Русскомъ вѣстникѣ“, а потомъ появившейся въ видѣ отдѣльной брошюры подъ заглавіемъ „Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ“. Здѣсь Пазухинъ открыто объявлялъ причиной всѣхъ язвъ современной Россіи тотъ безсословный строй, который созданъ былъ реформами 60-хъ годовъ, изъ которыхъ онъ особенно ненавистными считалъ реформы земскую и судебную.

> „Соціальная нивеллировка, начавшаяся, по мнѣнію Пазухина, не съ крестьянской, а съ земской реформы, лишила дворянство всѣхъ служилыхъ правъ какъ по мѣстному, такъ и по государственному управленію. Утрата служебныхъ привиллегій имѣла послѣдствіемъ ослабленіе связи дворянства съ правительствомъ, распаденіе дворянства, какъ корпораціи, и постепенное паденіе его авторитета среди населенія. Это ненормальное политическое положеніе отозвалось неблагопріятно на дворянской собственности“.

Тѣ же условія расшатали, по мнѣнію Пазухина, и другія сословія. Одновременно съ постепеннымъ разрушеніемъ сословій нарождается и разрастается „безсословное общество, недавно получившее названіе *интеллигенціи*“. Въ это понятіе по Пазухину

> „входитъ все то, что находится внѣ сословнаго быта. Это есть то безформенное общество, которое наполняетъ собою всѣ щели, образовавшіяся въ народномъ организмѣ въ эпоху реформъ, и которое лежитъ теперь довольно толстымъ пластомъ вверху Россіи“.

Антипатія Пазухина къ этому слою безгранична. Отличительная черта его—безпочвенность, отчужденность отъ народа.

> „Утрачивая всѣ сословно-бытовыя особенности, русскій человѣкъ утрачиваетъ и всѣ національныя черты“.

Пазухинъ огульно обвиняетъ всю интеллигенцію въ своекорыстномъ стремленіи къ потрясенію основъ. Установивъ, та-

кимъ образомъ діагнозъ болѣзни, причиненной Россіи реформами Александра II, Пазухинъ указывалъ въ своей статьѣ и путь къ исцѣленію.

„Если,— писалъ онъ,— въ реформахъ прошлаго царствованія мы усматриваемъ великое зло въ томъ, что онѣ разрушили сословную организацію, то задача настоящаго должна состоять въ возстановленіи нарушеннаго".

Немудрено, что при такомъ настроеніи дворянства, довольно рѣзко проявившемся въ провинціи, въ то время и между крестьянами распространялись слухи о близящемся возстановленіи крѣпостного права.

Эти идеи Пазухина пришлись чрезвычайно по вкусу министру внутреннихъ дѣлъ графу Толстому, и онъ, пригласивъ Пазухина въ правители своей канцеляріи, поручилъ ему выработать проектъ возможной реставраціи утраченнаго. Результатомъ этой работы явились впослѣдствіи, правда въ значительно измѣненномъ видѣ, Положеніе о земскихъ начальникахъ 12 іюля 1889 года и Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 года. Руководящей мыслью въ обоихъ этихъ положеніяхъ явилось съ одной стороны стремленіе создать на мѣстахъ „крѣпкую и близкую къ народу власть",— какъ тогда опредѣленно выражались въ правительственныхъ кругахъ,—власть, которая была бы въ состояніи осуществлять всемогущую административную опеку, а съ другой стороны, признаніе необходимости обезпечить и помѣщикамъ-дворянамъ возможность не только выгодно вести свое хозяйство, но и занимать въ мѣстной жизни почетное и вліятельное положеніе. И этому дѣйствительно соотвѣтствовало Положеніе о земскихъ начальникахъ, которые были облечены сильной властью и имѣли право опеки надъ отдѣльными крестьянами и надъ органами крестьянскаго самоуправленія и суда. Эта власть сосредоточивалась дѣйствительно въ рукахъ помѣстнаго дворянства, такъ какъ эти земскіе начальники должны были назначаться именно изъ его среды; въ то же время они являлись агентами, подчиненными губернской администраціи. Вскорѣ была уничтожена и та степень самостоятельности и независимости отъ правительственной власти земскихъ учрежденій, которая имъ обезпечивалась по Положенію 1864 года. По положенію 1890 года земское управленіе введено было въ систему обще-государственныхъ установленій.

Въ этомъ случаѣ Толстой очень ловко воспользовался господствующей въ государственномъ правѣ теоріей, по которой органы земскаго самоуправленія должны быть признаваемы органами государственной власти и земское самоуправленіе осуществляетъ не какія-нибудь чисто общественныя права и обязанности, а именно часть государственной власти; и вотъ, положивъ эту идею въ основу своего проекта и придавъ ей, конечно, соотвѣтственную своему настроенію окраску, правительство Толстого изъ этого положенія сдѣлало такой выводъ, что разъ земства суть органы государственной власти, то, слѣдовательно, прежде всего ихъ надо одѣть въ мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ и подчинить выше стоящимъ органамъ этого вѣдомства. Поэтому управы должны были быть подчинены губернаторской власти, предсѣдатели управъ должны были быть по назначенію правительства, и всѣ рѣшенія земскихъ собраній должны были быть поставлены не только подъ контроль губернаторской власти, но и должны были получать силу только послѣ утвержденія ихъ губернаторомъ. Эта сторона дѣла удовлетворяла Толстого. По идеямъ же Пазухина, который являлся главнымъ творцомъ этихъ проектовъ, сдѣлавшихся, съ нѣкоторыми измѣненіями, положеніями въ 1889 и 1890 годахъ, главной задачей являлось именно уничтоженіе безсословнаго или всесословнаго строя, введеннаго земскимъ положеніемъ 1864 г., и замѣна его чисто сословнымъ строемъ съ тѣмъ, чтобы при этомъ данъ былъ полный перевѣсъ дворянству. Соотвѣтственно этому измѣнена была избирательная система въ земствахъ и измѣнено было распредѣленіе числа земскихъ гласныхъ между тѣми куріями, которыя были теперь перестроены на сословный ладъ. Больше всего избирательная система измѣнена была по отношенію къ крестьянству. Крестьяне составили особую курію, какъ и въ Положеніи 1864 года, но, во-первыхъ, они лишены были права избирать лицъ, не принадлежащихъ къ ихъ куріи,— чѣмъ была усилена сословность курій; затѣмъ, такъ какъ число гласныхъ отъ крестьянъ было чрезвычайно уменьшено и вездѣ было значительно меньше числа волостей въ каждомъ уѣздѣ, а выборъ гласныхъ предоставлялся именно волостямъ, то поэтому было положено, что волости должны будутъ избирать только *кандидатовъ* въ гласные, а изъ нихъ уже губернаторъ долженъ будетъ опредѣлять, кто долженъ

быть гласнымъ. Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, гласные изъ крестьянъ являлись гласными по назначенію губернатора, и, разумѣется, по рекомендаціи земскаго начальника.

Число гласныхъ отъ дворянъ было чрезвычайно увеличено во всѣхъ уѣздахъ, при абсолютномъ уменьшеніи общаго числа гласныхъ, и такимъ образомъ, по Положенію 1890 года, земскія уѣздныя собранія сдѣлались, въ сущности говоря, почти дворянскими собраніями, потому что представители дворянства здѣсь были почти во всѣхъ уѣздахъ въ подавляющемъ большинствѣ. Надо сказать, однако, что собственно проектъ Толстого министерству внутреннихъ дѣлъ не удалось провести вполнѣ. Графъ Толстой скончался раньше доведенія этого дѣла до конца, и хотя на его мѣсто былъ назначенъ И. Н. Дурново, бывшій при немъ товарищемъ министра и считавшійся воодушевленнымъ тѣми же принципами,—но, не обладая ни его талантами, ни его характеромъ, ни его вліяніемъ въ особенности, онъ не могъ отстоять въ государственномъ совѣтѣ проектированнаго Толстымъ Положенія въ полномъ видѣ. Такимъ путемъ часть этого Положенія, касавшаяся обращенія органовъ земскаго самоуправленія въ совершенно подчиненныя губернаторамъ присутственныя мѣста, не была проведена въ полной мѣрѣ. Государственный совѣтъ во многомъ измѣнилъ проектъ, и то Положеніе, которое вышло изъ государственнаго совѣта, не являлось въ такой степени уничтожающимъ всякое самоуправленіе, какъ можно было бы ожидать, судя по первоначальному проекту Толстого.

Тѣмъ не менѣе, это было совершенное искаженіе Положенія 1864 года, особенно по отношенію къ крестьянству. Ограниченіе крестьянъ, которое выразилось въ томъ, что, въ концѣ-концовъ, гласные отъ крестьянъ назначались губернаторомъ, отмѣнено только въ 1906 году по закону 5-го октября, о чемъ вы знаете изъ курса крестьянскаго права. Я не буду подробно по этой же причинѣ вамъ характеризовать и Положеніе 12 іюля 1889 года о земскихъ начальникахъ; скажу только, что введенію въ дѣйствіе этого положенія предшествовала еще разработка нѣкоторыхъ другихъ законовъ, совершенно также стремившихся къ установленію административной опеки надъ крестьянами въ интересахъ помѣстнаго дворянства и къ регулированію такимъ путемъ положенія крестьянства. Тутъ слѣдуетъ

назвать два закона, выработанныхъ при содѣйствіи того же Пазухина, именно законъ о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы крестьянъ, который былъ редактированъ совершенно въ интересахъ помѣщиковъ, и затѣмъ законъ о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ, который явился однимъ изъ типичнѣйшихъ образцовъ примѣненія идеи опеки къ крестьянскому законодательству.

Разумѣется, въ это реакціонное время продолжались въ усиленномъ видѣ и тѣ искаженія судебныхъ уставовъ, которыя начались, какъ вы видѣли, еще въ предыдущее царствованіе. Эти искаженія касались, конечно, прежде всего все большаго и большаго суженія роли суда присяжныхъ. Но и помимо того, именно закономъ 12 іюля 1889 года сильно нарушенъ былъ одинъ изъ коренныхъ принциповъ судебныхъ уставовъ: именно принципъ раздѣленія судебной и административной власти. Нарушенъ онъ былъ по отношенію къ дѣламъ, правда, второстепеннаго значенія,—по отношенію къ менѣе важнымъ преступленіямъ и менѣе цѣннымъ гражданскимъ искамъ,—но зато и болѣе часто встрѣчающимся въ жизни. Я говорю объ уничтоженіи мировой юстиціи. Въ самый моментъ обсужденія въ государственномъ совѣтѣ закона о земскихъ начальникахъ императоръ Александръ—въ связи съ тѣмъ, что въ государственномъ совѣтѣ была высказана бывшимъ министромъ финансовъ А. А. Абазой мысль замѣнить земскихъ начальниковъ мировыми судьями на англійскій образецъ,—рѣшилъ, что параллельное существованіе этихъ властей дѣйствительно потребуетъ у насъ слишкомъ большихъ расходовъ и можетъ быть будетъ мѣрой, противорѣчащей идеѣ сильной и близкой къ народу власти, а потому указалъ, что мировые судьи должны быть вовсе уничтожены, а та судебная власть, которая имъ по закону ввѣрена, должна быть раздѣлена: частью—по нѣкоторымъ болѣе важнымъ дѣламъ—она должна быть передана окружнымъ судамъ, а по болѣе маловажнымъ проступкамъ—земскимъ начальникамъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, для городовъ же должны быть учреждены особые городскіе судьи съ болѣе упрощенными формами судоговоренія и менѣе стоящіе, при чемъ второй инстанціей и по отношенію къ нимъ долженъ быть съѣздъ земскихъ начальниковъ. Это смѣшеніе административной и судебной властей и было проведено въ положеніи о земскихъ начальникахъ.

Затѣмъ, разумѣется, въ это реакціонное время и даже раньше, чѣмъ послѣдовали всѣ эти измѣненія реформъ шестидесятыхъ годовъ, чрезвычайно, конечно, ухудшилось и безъ того тяжелое положеніе печати. Въ этомъ отношеніи, какъ только Толстой вступилъ въ должность, уже въ 1882 году онъ озаботился изданіемъ новыхъ дополнительныхъ временныхъ правилъ 27 августа 1882 года, которыя прибавляли цѣлый рядъ въ высшей степени стѣснительныхъ по отношенію къ печати мѣръ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя были установлены временными правилами 1865 года и тимашевскими къ нимъ добавленіями. По этимъ новымъ правиламъ, во-первыхъ, вводилось такое положеніе, что тѣ органы печати, которые были временно пріостановлены послѣ трехъ предостереженій, могли вновь начать выходить исключительно только подъ особаго рода предварительной цензурой: именно для газетъ устанавливалось, что каждая подвергшаяся этой карѣ газета вновь можетъ выходить только съ такимъ условіемъ, чтобы каждый ея номеръ наканунѣ выхода въ свѣтъ, не позже 11-ти часовъ вечера, представлялся въ цензуру. Это, разумѣется, было почти совершенно неосуществимо для ежедневныхъ газетъ, потому что, какъ вы знаете, газеты, на обязанности которыхъ лежитъ именно сообщать самыя послѣднія новости, печатаются ночью, вплоть до самаго момента разсылки, и, такимъ образомъ, не могутъ быть готовы къ 11-ти часамъ вечера наканунѣ, или же должны поступаться новизной свѣдѣній. Поэтому, какъ только это правило было примѣнено къ „Голосу“ Краевскаго и „Странѣ“ Полонскаго, которыя выходили въ Петербургѣ и являлись тогда наиболѣе рѣзкими либеральными газетами, то этимъ газетамъ пришлось прекратить свое существованіе. Вторымъ правиломъ, которое было вновь введено, являлось учрежденіе особаго ареопага изъ четырехъ министровъ: министра народнаго просвѣщенія, министра внутреннихъ дѣлъ, министра юстиціи и оберъ-прокурора святѣйшаго синода, которымъ предоставлялось право въ случаѣ обнаруженія вреднаго направленія какого-нибудь журнала или газеты навсегда прекращать это изданіе, при чемъ, они могли, вмѣстѣ съ тѣмъ, и совершенно лишать права также навсегда редактора этой газеты или журнала издавать какіе бы то ни было органы печати.

Съ особенной строгостью примѣнялись къ журналамъ и газетамъ, въ особенности въ первые годы толстовскаго режима,

всѣ тѣ драконовскія мѣры, которыя устанавливались и новымъ и прежнимъ законодательствомъ о печати. Такъ, на органы печати сыпались такія кары, какъ лишеніе права печатать объявленія, какъ многочисленныя предостереженія, которыя вели, въ концѣ-концовъ, къ пріостановкѣ и затѣмъ, по новому закону, къ отдачѣ подъ предварительную цензуру, какъ лишеніе права розничной продажи, что больно било газеты въ экономическомъ отношеніи. Очень скоро примѣненъ былъ и новый способъ окончательнаго прекращенія журнала по рѣшенію четырехъ министровъ: именно такимъ образомъ были прекращены „Отечественныя Записки“ съ января 1884 г. и нѣкоторые другіе либеральные органы печати того времени.

Въ концѣ толстовскаго режима, именно въ восьмидесятыхъ годахъ, въ послѣдніе два-три года жизни Толстого, число такихъ каръ значительно уменьшилось, и можно было, какъ замѣчаетъ К. К. Арсеньевъ, даже подумать, что это являлось симптомомъ смягченія режима; но такое уменьшеніе числа каръ на дѣлѣ, какъ объясняетъ тотъ же историкъ цензуры, зависѣло отъ того, что не на кого и не за что было ихъ налагать, такъ какъ значительное число либеральныхъ независимыхъ органовъ печати было или совершенно прекращено или поставлено въ такое положеніе, что они не смѣли пикнуть, и въ случаяхъ сомнѣнія сами редакторы напередъ объяснялись съ цензорами и выторговывали себѣ ту небольшую область свободы, которая имъ предоставлялась самою цензурою. Въ такихъ обстоятельствахъ выжили въ этотъ трудный моментъ лишь немногіе изъ либеральныхъ органовъ печати, какъ напримѣръ, „Вѣстникъ Европы“, „Русская Мысль“ и „Русскія Вѣдомости“, которые, впрочемъ, постоянно чувствовали надъ собой дамокловъ мечъ и ихъ существованіе висѣло также все это время на ниточкѣ.

Особенно тяжело въ эту мрачную эпоху русской жизни, какъ вы сейчасъ увидите, было положеніе различныхъ иновѣрцевъ, инородцевъ, и вообще населенія окраинъ Россіи.

Правда, что касается вопросовъ вѣротерпимости, то въ началѣ царствованія императора Александра III, 3-го мая 1883 года былъ изданъ законъ, какъ будто обезпечивавшій нѣкоторую вѣротерпимость, по крайней мѣрѣ по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ. Но уже въ ближайшее затѣмъ время воз-

бужденныя этимъ закономъ надежды должны были быть совершенно оставлены; именно по отношенію къ сектантамъ правительство, руководимое въ этомъ случаѣ Побѣдоносцевымъ, проявляло особую суровость, а подчасъ даже, можно сказать, и свирѣпость, преслѣдуя сектантовъ наиболѣе чистыхъ и нравственныхъ по своему характеру сектъ, какъ напримѣръ, пашковцевъ, толстовцевъ, духоборцевъ, штундистовъ.

Эти секты преслѣдовались не потому, чтобы въ нихъ, какъ въ сектахъ скопцовъ или хлыстовъ, развивались какія нибудь вредныя и въ нравственномъ отношеніи нетерпимыя ученія, а просто потому, что секты эти признавались наиболѣе опасными для господствующаго вѣроисповѣданія. Преслѣдовались въ особенности штундисты и духоборцы, и правительство доходило при этомъ иногда даже до отнятія дѣтей у родителей, такъ что дальше идти уже было некуда. Въ 1894 году, въ самомъ концѣ царствованія императора Александра III штундистамъ были даже вовсе запрещены молитвенныя собранія.

Съ этимъ вполнѣ гармонировали и мѣры противъ уніатовъ въ западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ, и противъ лютеранъ въ остзейскомъ краѣ. Въ это время вообще все болѣе и болѣе расцвѣталъ воинствующій націонализмъ въ Россіи, и на окраинахъ онъ достигъ своего апогея. Болѣе всего преслѣдовались въ это время евреи и поляки-католики, — послѣдніе въ западномъ краѣ и даже въ самомъ Царствѣ Польскомъ. Подвергались преслѣдованіямъ и ламаиты, калмыки и буряты—имъ запрещалось строить храмы, отправлять богослуженія, при чемъ иные изъ нихъ испытывали особенныя гоненія въ тѣхъ случаяхъ, когда они официально числились обращенными въ православіе, а затѣмъ въ дѣйствительности оказывалось, что они продолжаютъ исповѣдывать прежнее вѣроисповѣданіе.

Евреи въ особенности подверглись разнаго рода ограниченіямъ. Такъ, временными правилами 3-го мая 1882 года у евреевъ отнято было право селиться *въ предѣлахъ даже самой черты осѣдлости* внѣ городовъ и мѣстечекъ; имъ запрещено было пріобрѣтать недвижимое имущество въ сельскихъ мѣстностяхъ. Въ 1887 году Ростовъ на Дону и Таганрогъ съ уѣздомъ были изъяты изъ черты осѣдлости; такимъ образомъ и та черта осѣдлости, въ которой евреи издавна обладали пра-

вомъ жить, была сокращена. Въ 1891 году было запрещено селиться въ Москвѣ евреямъ-ремесленникамъ, которые имѣли это право по закону 1865 года, дозволявшему селиться внѣ черты осѣдлости евреямъ, получившимъ высшее образованіе и ремесленникамъ. И вотъ, вслѣдствіе воспрещенія ремесленчикамъ селиться въ Москвѣ и въ московской губерніи, въ 1891 году былъ произведенъ рядъ выселеній, при чемъ эти выселенія нерѣдко производились въ самыхъ возмутительныхъ формахъ: всего было выселено около 17.000 евреевъ и выселялись они куда попало, съ полнымъ разореніемъ, такъ какъ это были наименѣе обезпеченные слои еврейскаго населенія.

Въ 1887 году была введена для еврейскихъ дѣтей процентная норма въ учебныхъ заведеніяхъ, послѣдствія которой всѣмъ хорошо извѣстны. Въ 1889 году фактически былъ пріостановленъ пріемъ евреевъ въ присяжные повѣренные и безъ всякаго законнаго основанія они стали оставляться помощниками присяжныхъ повѣренныхъ до конца жизни. Въ этомъ отношеніи нѣкоторое измѣненіе наступило только въ послѣдніе годы.

Поляки были сильно ограничены въ правахъ государственной службы въ Царствѣ Польскомъ и западномъ краѣ, но въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи они особенныхъ стѣсненій не испытывали.

Реакціонный духъ, который повсемѣстно и многообразно давалъ себя въ это время чувствовать, отразился и на порядкахъ въ арміи. Здѣсь тѣ гуманные принципы, которые стремился ввести и укрѣпить Д. А. Милютинъ въ теченіе своего двадцатилѣтняго управленія военнымъ министерствомъ, мало-по-малу исчезали. Правительство, которое во многихъ отношеніяхъ старалось улучшить матеріальный бытъ офицерства, которое устанавливало для офицеровъ льготныя условія полученія билетовъ въ театры и т. п.,—въ то же время стремилось воспитать офицерство въ духѣ опредѣленно кастовомъ, такъ, чтобы оно чувствовало себя совершенно отдѣленнымъ отъ остального населенія. Чтобы сильнѣе развить въ офицерствѣ этотъ духъ, для него издаваемы были даже особыя законодательныя нормы. Такъ спеціально для офицеровъ отмѣнено было дѣйствительное для всего населенія запрещеніе уголовнымъ закономъ дуэлей. Вообще участіе въ дуэли у насъ наказывается довольно существенной карой; между тѣмъ для офицеровъ дуэли въ извѣст-

номъ порядкѣ не только были разрѣшены между собой, но по новому закону имъ разрѣшалось прибѣгать къ дуэлямъ даже въ ихъ столкновеніяхъ съ лицами гражданскаго званія; въ извѣстныхъ случаяхъ кодексъ чести, установленный въ это время для офицеровъ, даже *требуетъ* вызова на дуэль.

Стремясь воспитывать въ кастовомъ духѣ лицъ, предназначенныхъ ихъ родителями къ офицерской карьерѣ съ малолѣтства, военное министерство вновь перестроило и тѣ военно-учебныя заведенія, которыя были преобразованы при Милютинѣ въ духѣ гуманности и разумныхъ педагогическихъ пріемовъ: при Ванновскомъ, новомъ военномъ министрѣ, они были вновь преобразованы изъ военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса и начальство старалось вновь возстановить въ нихъ тотъ режимъ закрытыхъ военно-учебныхъ заведеній, который царилъ въ нихъ при императорѣ Николаѣ I-мъ.

ЛЕКЦІЯ XLI.

Финансовая политика во вторую половину царствованія императора Александра III.—И. А. Вышнеградскій и его система.—Крайнее развитіе протекціонизма въ таможенной политикѣ и въ желѣзнодорожномъ тарифномъ законодательствѣ.—Результаты этой системы.—Внѣшняя политика императора Александра III.—Завоеваніе Туркменіи.—Русско-англійскія отношенія въ средней Азіи.—Балканскія дѣла.—Болгарскія замѣшательства.—Франко-русскій союзъ и его значеніе.—Сибирская желѣзная дорога и начало новой политики на дальнемъ Востокѣ.

Въ прошлой лекціи я охарактеризовалъ развитіе той реакціонной политики, которая во второй половинѣ царствованія императора Александра III послѣдовательно распространилась на всѣ отрасли правительственной дѣятельности и рѣзко дала себя чувствовать во всѣхъ областяхъ народной и общественной жизни.

Единственныя послабленія реакціоннаго курса, которыя мы видѣли еще въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, какъ я вамъ уже говорилъ, чувствовались въ министерствѣ финансовъ, гдѣ до 1-го января 1887 года во главѣ вѣдомства стоялъ, если не безусловный либералъ, то во всякомъ случаѣ гуманный, честный и демократически настроенный человѣкъ Н. Х. Бунге. Но его до такой степени въ это время травили всякими интригами и инсинуаціями въ придворныхъ сферахъ и въ реакціонной печати, что онъ, будучи къ тому же уже въ преклонномъ возрастѣ, рѣшилъ, наконецъ, оставить постъ министра финансовъ и съ 1-го января 1887 года былъ уволенъ въ отставку и замѣненъ новымъ министромъ, И. А. Вышнеградскимъ. И. А. Вышнеградскій былъ человѣкомъ несомнѣнно отчасти подготовленнымъ къ этой должности, но совершенно иного типа, нежели Бунге. Онъ также былъ ученымъ профессоромъ,—но не теоретикомъ-экономистомъ, а ученымъ технологомъ и прак-

тикомъ, несомнѣнно весьма даровитымъ, проявившимъ свои таланты какъ въ нѣкоторыхъ изобрѣтеніяхъ военно-техническаго характера, такъ и въ весьма хорошо поставленныхъ академическихъ курсахъ, которые онъ, будучи профессоромъ, читалъ студентамъ въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ и въ михайловской артиллерійской академіи. Въ частности прикосновенность его черезъ артиллерійскую академію къ военнымъ сферамъ создала ему важное для министра финансовъ преимущество: онъ успѣлъ познакомиться хорошо съ военнымъ хозяйствомъ и военнымъ бюджетомъ, который является у насъ такой важной составной частью общаго государственнаго бюджета.

Такимъ образомъ Вышнеградскій явился на посту министра финансовъ человѣкомъ несомнѣнно отчасти подготовленнымъ и освѣдомленнымъ—въ этомъ ему нельзя отказать. Къ тому же, рано успѣвъ составить себѣ нѣкоторое состояніе, благодаря своимъ техническимъ изобрѣтеніямъ, онъ участвовалъ затѣмъ очень удачно въ различныхъ биржевыхъ спекуляціяхъ и биржевыхъ дѣлахъ, и эта сфера, такимъ образомъ, была ему также хорошо знакома. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что въ своемъ завѣдываніи министерствомъ финансовъ и, въ особенности, въ своей финансово-экономической политикѣ Вышнеградскій обнаружилъ полное отсутствіе сколько-нибудь широкихъ взглядовъ и дальновидности; для него важнѣйшей и даже единственной, повидимому, задачей являлось видимое улучшеніе русскихъ финансовъ въ ближайшее время. Въ своей финансовой политикѣ онъ поставилъ себѣ ту же самую цѣль, которую когда-то ставилъ себѣ Рейтернъ, — именно цѣль возстановить курсъ кредитнаго рубля, т.-е. ту цѣль, которую въ значительной мѣрѣ, какъ вы знаете, должны были преслѣдовать всѣ министры финансовъ въ Россіи XIX вѣка. Но не всѣ они преслѣдовали ее одинаковыми мѣрами и не всѣ считали ее своею единственною задачею.

Какъ бы тамъ ни было, курсъ министерства финансовъ съ замѣной Бунге Вышнеградскимъ измѣнился достаточно рѣзко. Главной и непосредственной задачей министерства сдѣлалось, при Вышнеградскомъ, скопленіе большихъ денежныхъ запасовъ въ кассахъ государственнаго казначейства и широкое участіе при помощи этихъ запасовъ въ заграничныхъ биржевыхъ операціяхъ, съ цѣлью оказывать давленіе на иностранный денежный

рынокъ и этимъ путемъ поднять нашъ курсъ. Вмѣстѣ съ этимъ и въ таможенной политикѣ русское правительство стало съ новой энергіей двигаться по пути протекціонизма, достигшаго при Вышнеградскомъ своего апогея. Въ 1891 г. былъ изданъ новый таможенный тарифъ, въ которомъ эта система была доведена до крайности. Въ то же время, считая для успѣха своихъ мѣръ весьма важнымъ дѣломъ усиленіе русской обрабатывающей промышленности, министерство финансовъ начинаетъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ прислушиваться ко всякимъ жалобамъ и пожеланіямъ представителей крупной фабричной промышленности и предпринимаетъ по ихъ инціативѣ пересмотръ того въ сущности еще весьма мало развитаго фабричнаго законодательства, которое выработано было въ интересахъ рабочихъ при Бунге. При Вышнеградскомъ права учрежденныхъ при Бунге фабричныхъ инспекторовъ чрезвычайно умаляются, не столько новыми законодательными нормами, сколько при помощи циркулярныхъ разъясненій, которыя очень скоро отражаются и на составѣ фабричной инспекціи, потому что въ этихъ условіяхъ наиболѣе преданные дѣлу и независимые представители этой инспекціи, видя совершенную невозможность дѣйствовать сообразно со своею совѣстью и даже сообразно съ точнымъ смысломъ закона, уходятъ въ отставку. Такимъ образомъ, институтъ фабричной инспекціи сильно измѣняется къ худшему.

Россійская крупная промышленность, благодаря ряду протекціонныхъ мѣръ—и въ особенности заботливому отношенію министерства финансовъ къ вопросу о выгодномъ для отечественной обрабатывающей промышленности направленіи желѣзнодорожныхъ линій и о такихъ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, которые строго соотвѣтствовали бы интересамъ крупной промышленности, въ особенности центральнаго московскаго района,—становится въ это время въ особенно благопріятныя условія. Можно сказать, искусственно для нея создаются эти благопріятныя условія; она становится излюбленнымъ дѣтищемъ министерства финансовъ, нерѣдко вопреки интересамъ прочихъ слоевъ населенія и въ особенности вопреки интересамъ всего сельскаго хозяйства, на состояніи котораго особенно невыгодно отражался протекціонный таможенный тарифъ 1891 года, чрезвычайно удорожившій такіе важные въ сельско-хозяйственномъ быту предметы, какъ напримѣръ желѣзо и сельско-хозяйственныя машины.

Между тѣмъ, въ это время мы не видимъ не только улучшенія положенія народныхъ массъ, несмотря на всѣ паліативныя мѣры, принятыя при Бунге, но, напротивъ, наблюдаемъ все продолжающееся разореніе крестьянства, которое я характеризовалъ вамъ въ одной изъ прошлыхъ лекцій. Въ концѣ-концовъ, однако же, тѣмъ самымъ подрываются условія внутренняго сбыта продуктовъ обрабатывающей промышленности, удовлетворяющей потребность широкихъ народныхъ массъ, напримѣръ, условія для сбыта произведеній бумаго-ткацкой промышленности. Оскудѣвшій внутренній рынокъ скоро становится для нея тѣснымъ.— До нѣкоторой степени компенсаціей является для нея внѣшній рынокъ на востокѣ, пріобрѣтенный завоеваніями въ средней Азіи, но вскорѣ оказывается, что и этого недостаточно, и вотъ мы видимъ, что къ концу царствованія императора Александра III создается мало по малу новая идея,— продвинуть сбытъ продуктовъ нашей промышленности какъ можно дальше на востокъ. Въ связи съ этимъ является идея постройки сибирской желѣзной дороги, — идея, которая развивается весьма широко; является вопросъ о выходѣ къ восточному морю, о пріобрѣтеніи незамерзающаго порта на дальнемъ востокѣ и, въ концѣ концовъ, вся эта политика, уже на нашихъ глазахъ, приводитъ къ зарожденію и развитію тѣхъ предпріятій на дальнемъ востокѣ, которыя уже въ министерство С. Ю. Витте въ самомъ началѣ XX вѣка привели къ японской войнѣ и къ тому краху, который за ними послѣдовалъ.

Чтобы покончить съ финансовыми и экономическими отношеніями въ разсматриваемый періодъ, я скажу еще два слова о расширеніи нашей желѣзнодорожной сѣти, которое сыграло здѣсь чрезвычайно важную роль. Къ концу царствованія Александра II желѣзнодорожная сѣть не превышала $22^1/_2$ тысячъ верстъ, а за тринадцатилѣтній періодъ царствованія Александра III она развилась уже до 36662 верстъ, при чемъ изъ нихъ 34600 было ширококолейныхъ. Въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ старая политика Рейтерна поддерживалась въ томъ отношеніи, что эти желѣзныя дороги попрежнему направлялись такъ, чтобы, съ одной стороны, способствовать подвозу сырья къ портамъ, и такимъ образомъ именно усиленіемъ вывоза создавать благопріятный моментъ для нашего торговаго

баланса и для улучшенія денежнаго курса, а съ другой стороны, какъ я упомянулъ, министерство стремилось при помощи установленія желѣзнодорожныхъ дифференціальныхъ тарифовъ создать наиболѣе льготныя условія провоза для продуктовъ фабричной промышленности центральныхъ губерній. Для этого въ составѣ министерства финансовъ было создано даже особое учрежденіе,—тарифный департаментъ, во главѣ котораго былъ поставленъ С. Ю. Витте, тогда еще молодой человѣкъ, которому уже на нашихъ глазахъ пришлось сыграть выдающуюся роль, сперва въ качествѣ министра финансовъ, а затѣмъ и на болѣе широкой аренѣ въ разрѣшеніи общихъ политическихъ проблемъ нашего времени.

Другой чертой новой желѣзнодорожной политики—чертой противоположной политикѣ Рейтерна,—была постройка дорогъ казной и выкупъ въ казну старыхъ частныхъ желѣзнодорожныхъ линій. Въ царствованіе императора Александра III протяженіе *казенныхъ* желѣзныхъ дорогъ увеличилось на 22 тысячи верстъ, тогда какъ протяженіе *частныхъ* дорогъ, несмотря на постройку новыхъ частныхъ линій, благодаря выкупу старыхъ линій въ казну, *уменьшилось* на 7600 верстъ.

Вотъ общія черты финансовой политики, которою несомнѣнно подготовлялось и углублялось новое обостреніе русскихъ соціально-экономическихъ условій въ началѣ XX вѣка. Эти условія развивались рука объ руку съ тѣмъ кризисомъ, который русскому населенію пришлось пережить послѣ неурожая 1891—92 годовъ, вызвавшаго чрезвычайную нужду и даже голодъ въ цѣлыхъ двадцати, по преимуществу черноземныхъ, губерніяхъ. Этотъ кризисъ составилъ, такъ сказать, послѣдній штрихъ въ той общей картинѣ Россіи, которую мы видимъ въ концѣ царствованія императора Александра III, и явился вмѣстѣ съ тѣмъ могучимъ факторомъ тѣхъ измѣненій въ послѣдующіе годы, которыя уже составятъ, быть можетъ, когда-нибудь предметъ слѣдующей части моего курса о заключительномъ періодѣ исторіи Россіи XIX вѣка.

Теперь я остановлюсь нѣсколько на внѣшней политикѣ императора Александра III. Надо сказать, что въ этомъ отношеніи императоръ Александръ III былъ или, по крайней мѣрѣ, считалъ и показывалъ себя наиболѣе самостоятельнымъ и незави-

симымъ отъ всякихъ вліяній своихъ сотрудниковъ; здѣсь онъ во всякомъ случаѣ стремился проводить свои личные взгляды. Въ 1882 году, какъ разъ, умеръ старый руководитель нашей иностранной политики, почти уже впавшій въ дѣтство отъ старости, сверстникъ и сотоварищъ Пушкина, свѣтлѣйшій князь А. М. Горчаковъ, и на его мѣсто назначенъ былъ не какой-нибудь новый выдающійся государственный человѣкъ, а скромный и весьма исполнительный чиновникъ статсъ-секретарь Гирсъ, который и являлся въ сущности не столько министромъ, сколько личнымъ секретаремъ императора Александра III въ сферѣ иностранной политики. Это обстоятельство не мѣшало, однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда распоряженія по иностранному вѣдомству не соотвѣтствовали взглядамъ наиболѣе нетерпимыхъ патріотовъ и націоналистовъ, во главѣ которыхъ попрежнему стоялъ М. Н. Катковъ, обрушивать на Гирса всевозможныя нападки, которыя должны бы были, собственно говоря, падать на политику самого императора Александра.

Но императоръ Александръ III послѣдовательно велъ ту линію, которую онъ себѣ усвоилъ. Въ первую половину его царствованія иностранныя конъюнктуры складывались не особенно благопріятно для Россіи; ей постоянно грозила война, то со стороны Англіи, то со стороны Австріи, и постоянно являлись частью общеміровыя, частью спеціально русскія обостренія въ международныхъ отношеніяхъ: — цѣлый рядъ обостреній, въ особенности на востокѣ. Во-первыхъ, при императорѣ Александрѣ завершилось то стремленіе захватить въ наши руки всю среднюю Азію, которое началось въ семидесятыхъ годахъ и которое я излагалъ вамъ въ одной изъ прошлыхъ лекцій. Здѣсь еще въ царствованіе Александра II въ связи съ недовольствомъ, которое вызывала наша политика въ Англіи, и съ тѣми неудачами, которыя наша дипломатія испытала на Берлинскомъ конгрессѣ, подготовленъ былъ нѣкоторый реваншъ въ отношеніи Англіи, при помощи доведенія нашихъ владѣній въ средней Азіи до такого положенія, чтобы мы серьезно могли угрожать индійскимъ владѣніямъ Великобританіи.

По плану генерала Скобелева, имъ самимъ въ значительной мѣрѣ осуществленному, было рѣшено еще въ 1879 году уничтожить послѣдній оплотъ полукочевыхъ племенъ въ Туркменіи,

Геокъ-Тепе, который еще не входилъ въ наши владѣнія,—чтобы продвинуть нашу границу до Афганистана и даже въ одномъ пунктѣ до сѣверныхъ границъ англійскихъ владѣній въ Индіи.

Первая попытка завоевать этихъ туркменовъ окончилась при императорѣ Александрѣ II неудачей, но въ самые послѣдніе мѣсяцы царствованія Александра II Скобелевъ весьма обстоятельно подготовилъ новый походъ, при чемъ стянуты были сравнительно большія военныя силы, проложена даже на нѣкоторомъ разстояніи желѣзная дорога за Каспійскимъ моремъ для подвоза войскъ и припасовъ, и въ результатѣ всѣхъ этихъ приготовленій Скобелевъ дѣйствительно успѣлъ осадить и, послѣ упорнаго и кровопролитнаго сопротивленія, взять главный опорный пунктъ непокорныхъ текинцевъ, Геокъ-Тепе. Послѣ этого племена эти потеряли всякую возможность противиться русской вооруженной силѣ, и въ первую половину царствованія Александра III дѣло пошло не только къ окончательному подчиненію этихъ текинцевъ, но и къ отодвиганію русской границы до самаго Афганистана. Тутъ наши войска уже столкнулись съ афганцами, до тѣхъ поръ дружественно къ намъ расположенными, и въ 1885 году, послѣ довольно кровопролитнаго сраженія съ афганскими войсками при рѣкѣ Кушкѣ, завоевали послѣдній клочекъ этой части средней Азіи—Мервъ. Съ присоединеніемъ Мерва наша граница вплотную подошла къ границѣ Афганистана и въ одномъ пунктѣ къ границѣ сѣверной Индіи, при чемъ весь пограничный вопросъ разрѣшился на весьма выгодныхъ для насъ условіяхъ. Это, разумѣется, вызвало большую тревогу въ Англіи, но императоръ Александръ III, вовсе не желавшій воевать съ Англіей, довольно удачно давалъ отвѣты на постоянные запросы англійскихъ дипломатовъ, и благополучно успѣлъ избѣжать вооруженнаго столкновенія съ Англіей—въ значительной мѣрѣ, конечно, благодаря тому, что въ Англіи въ это время проводилась миролюбивая политика либеральнаго министерства, во главѣ котораго стоялъ Гладстонъ.

Другой опасностью, грозившей намъ тогда, была война съ Австріей, и, можетъ быть, даже съ Германіей. Надо сказать, что втянуть насъ въ войну съ Австріей и занять этимъ наше вниманіе особенно старался тогда Бисмаркъ, которому очень хотѣлось пріобрѣсти себѣ этимъ путемъ свободу дѣйствій въ

отношенія Франціи. Однако, личныя связи императора Александра III съ германскимъ императоромъ, старымъ Вильгельмомъ I-ымъ,—несмотря на то, что самъ Александръ не былъ расположенъ къ нѣмцамъ,—связи, унаслѣдованныя имъ отъ отца и дѣда, помѣшали Бисмарку втянуть насъ въ эту войну. Императоръ Александръ и здѣсь удачно уклонился отъ тѣхъ осложненій, которыя желалъ навязать ему Бисмаркъ, несмотря на то, что на Балканахъ обстоятельства становились очень неблагопріятными. Румынія и Сербія, не получивъ того, чего онѣ домогались въ 1878 году, и приписывая свою неудачу Россіи, были настроены враждебно по отношенію къ Россіи. Болгарія, которая создана была Россіей, въ видѣ независимаго княжества, и въ которой согласно желаніямъ русскаго правительства былъ избранъ княземъ Александръ Баттенбергскій, родственникъ русскаго императора по Гессенскому дому,—переживала въ это время большія внутреннія неурядицы. Она получила въ 1879 году очень демократическую конституцію, и когда при дѣйствіи этой конституціи Александръ Баттенбергскій попробовалъ довольно самостоятельно править страной, то оказалось, что это ему давалось не особенно легко; ему приходилось имѣть дѣло съ отвѣтственнымъ передъ парламентомъ министерствомъ, которое очень часто не раздѣляло ни его взглядовъ, ни тѣхъ, которые при помощи спеціально поставляемыхъ изъ Россіи военныхъ министровъ, старалось ему внушить русское правительство.

Поставленный въ такое положеніе, Александръ Баттенбергскій попробовалъ въ началѣ 1882 года произвести государственный переворотъ. Тырновская конституція была имъ уничтожена и введена новая укороченная конституція, при чемъ Александръ Баттенбергскій на семь лѣтъ обезпечилъ себѣ возможность диктаторскаго управленія страной. Однако на дѣлѣ это привело къ сильнымъ внутреннимъ потрясеніямъ, которыя кончились тѣмъ, что Александру Баттенбергскому пришлось совершенно разстроить свои отношенія со страной, при чемъ въ то же время онъ не умѣлъ или не хотѣлъ удовлетворить и тѣмъ требованіямъ, которыя ему предъявлялись русской дипломатіей. Въ 1885 году, желая поправить свои обстоятельства, онъ, вопреки желанію русскаго правительства, или не получивъ,

по крайней мѣрѣ, отъ него на то полномочій, воспользовался безпорядками въ южной Болгаріи, въ которой управлялъ генералъ-губернаторъ, назначаемый съ одобренія великихъ державъ Портой, и присоединилъ эту провинцію къ Болгарскому княжеству. Впрочемъ, несмотря на то, что Россія не признала этого акта, присоединеніе это было условно признано самой Портой, по крайней мѣрѣ, въ видѣ личной уніи: Порта признала Баттенберга какъ бы генералъ-губернаторомъ, ею назначеннымъ въ южную Болгарію. Событіе это привело Болгарію прежде всего къ войнѣ съ Сербіей, а затѣмъ обстоятельства такъ сложились въ самой Болгаріи, что Александръ Баттенбергскій не только долженъ былъ прекратить свой диктаторскій режимъ, но даже долженъ былъ бѣжать изъ Болгаріи. Здѣсь образовалось временное правительство, во главѣ съ Каравеловымъ, и, въ концѣ-концовъ, это временное правительство рѣшило на извѣстныхъ условіяхъ вновь предложить болгарскій тронъ тому же самому Баттенбергу; но когда Баттенбергъ, видя, что безъ поддержки Россіи ему въ Болгаріи не удержаться, запросилъ, сочувствуетъ ли русское правительство его возвращенію, то императоръ Александръ въ рѣзкой формѣ далъ отрицательный отвѣтъ.

Такимъ образомъ и съ Болгаріей отношенія Россіи сдѣлались рѣзко обостренными. Тѣмъ не менѣе Бисмарку все-таки не удалось натолкнуть Россію на болѣе дѣятельное вмѣшательство въ балканскія дѣла, что и вызвало бы войну Россіи съ Австріей, а можетъ быть и окончательную порчу нашихъ отношеній со всей Европой. Императоръ Александръ III правильно это понялъ и поэтому предоставилъ Болгаріи управляться собственными своими средствами, отозвавъ оттуда русскихъ офицеровъ, служившихъ инструкторами въ болгарскихъ войскахъ, и вычеркнувъ Александра Баттенбергскаго изъ списковъ русской арміи; но на прямое вмѣшательство въ болгарскія дѣла не пошелъ.

Положеніе императора Александра въ Европѣ было въ это время совершенно уединеннымъ; но Александръ III, видя это, высказалъ, что русскому правительству и нѣтъ надобности искать чьего бы то ни было союза и незачѣмъ мѣшаться въ дѣла Европы. Однажды онъ демонстративно выразилъ это, под-

имѣлъ тостъ за здоровье князя черногорскаго, котораго назвалъ *единственнымъ* своимъ другомъ въ Европѣ.

Во вторую половину царствованія императора Александра III, начиная съ 1887 года, открылась однако возможность болѣе выгодно устроить международныя отношенія Россіи, благодаря тѣмъ обстоятельствамъ, которыя произвело обостреніе отношеній между Франціей и Германіей. Въ 1887 году едва не вспыхнула новая война между этими государствами, при чемъ Бисмарку, несомнѣнно, этого и хотѣлось; но тогда императору Александру III удалось оказать Франціи существенную услугу: личнымъ обращеніемъ къ германскому императору Вильгельму I эму удалось удержать Германію отъ объявленія войны, къ которой Франція не была готова. Это и послужило началомъ сближенія Россіи съ Франціей. Это сближеніе въ 1889 году завершилось заключеніемъ союза; союзъ этотъ до поры до времени оставался негласнымъ, но когда новый германскій императоръ Вильгельмъ II, вступившій на престолъ послѣ кратковременнаго царствованія своего отца Фридриха III, торжественно объявилъ о существованіи союза Германіи, Австріи и Италіи, направленнаго въ сущности противъ Россіи, то императоръ Александръ III рѣшилъ объявить во всеуслышаніе и о своемъ союзѣ съ Франціей. Это вызвало во Франціи рядъ изъявленій восторга, цѣлый рядъ манифестацій, посылку французскаго флота въ Кронштадтъ и затѣмъ отвѣтную посылку русскаго флота въ Тулонъ.

Это русско-французское сближеніе явилось важнымъ фактомъ международной политики конца XIX вѣка. Именно этимъ путемъ положенъ былъ конецъ стремленіямъ Бисмарка нанести окончательный ударъ Франціи, такъ что несомнѣнно за императоромъ Александромъ III въ этомъ отношеніи правильно признается немаловажная заслуга, заключающаяся въ томъ, что онъ дипломатическимъ путемъ, путемъ заключенія прочнаго союза съ Франціей, успѣлъ установить такую форму международныхъ отношеній, которая на сравнительно долгій промежутокъ времени утвердила европейскій миръ.

Именно благодаря этому, послѣ смерти императора Александра III, да еще и при жизни его, въ Россіи и даже въ Европѣ нѣкоторые историки и публицисты называли его Царемъ-Миротворцемъ.

Въ самые послѣдніе годы царствованія Александра III развивается, какъ я уже упомянулъ, все большее и большее стремленіе нашей дипломатіи къ вліянію на дальнемъ востокѣ, и это стремленіе, въ связи съ постройкой сибирской желѣзной дороги и въ особенности съ попыткой пріобрѣсти незамерзающій портъ на Тихомъ океанѣ, привело впослѣдствіи къ тому столкновенію, которое разыгралось уже въ нынѣшнее царствованіе. Но развитіе этой новѣйшей политики уже выходитъ за предѣлы этой части моего курса.

Списокъ сочиненій и печатныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Россіи въ царствованіе Александра Третьяго.

I. Біографіи и характеристики императора Александра III.

Научно разработанной біографіи императора Александра III въ русской исторической литературѣ еще не имѣется. Нѣтъ его біографіи и въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ". Въ „Новомъ энциклопедическомъ словарѣ" Брокгауза и Ефрона (т. I) имѣется статья *А. А. Корнилова* „Александръ III, императоръ всероссійскій". Затѣмъ можно указать слѣдующія популярныя біографіи, общія характеристики и воспоминанія, относящіяся къ личности императора Александра III.

1. *Кн. В. Мещерскій.* „Императоръ Александръ III". Спб. 1895. Сборникъ статей и замѣтокъ, появившихся послѣ смерти императора Александра въ русской и иностранной печати.

2. *Свящ. К. Корольковъ.* „Жизнь и царствованіе императора Александра III (1881—1894)". Кіевъ. 1901.

3. *Бергъ.* „Воспоминанія объ имп. Александрѣ III" („Старина и новизна", т. III).

4. *Гр. С. Д. Шереметевъ.* „Письма изъ Рущукскаго отряда" („Старина и новизна", т. II).

II. Положеніе населенія и развитіе народнаго хозяйства.

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ отд. III, подъ литерами А, Б, В и Г библіографическаго указателя къ царствованію Александра II (см. стр. 254—256 этой части „Курса"), необходимо указать слѣдующія изданія:

1. Всеобщая перепись населенія Россійской имперіи 1897 г.: *вып. 4.* „Окончат. установленное наличное населеніе по уѣздамъ", *вып. 5.* „Окончат. установл. наличное населеніе городовъ", *вып. 6* то же по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ, *вып. 7* то же по языкамъ, *вып. 8* то же по занятіямъ. Спб. 1905.

2. *А. В. Погожевъ.* „Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи". Изд. Академіи Наукъ. Спб. 1906.

3. Сборникъ „Производительныя силы Россіи". Изд. м-ва финансовъ (къ нижегородской выставкѣ 1896 г.). Спб. 1896.

4. „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства", подъ ред. *А. И. Чупрова* и *А. С. Постникова.* Изд. м. ф. Спб. 1897. 2 тома.

5. *А. С. Ермоловъ.* Неурожай и народное бѣдствіе". Спб. 1893.
6. *В. Г. Короленко.* „Въ голодный годъ". Спб. 1893.
7. *А. А. Корниловъ.* „Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ". М. 1893.
8. *А. А. Кауфманъ.* „Переселеніе и колонизація". Спб. 1905.
9. *В. В.* „Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ". Спб. 1892.
10. *Кн. Н. В. Шаховской.* „Сельскохозяйственные отхожіе промыслы".
11. *Варбъ* (*Браве*). „Наемные сельскохозяйственные рабочіе". М. 1899.
12. *Роза Люксамбургъ.* „Промышленное развитіе Польши".
13. „Нужды деревни", сборникъ, изд. *Н. Н. Львовымъ* и *А. А. Стаховичемъ*. Спб. 1904. (2 тома).
14. „Аграрный вопросъ". Сборникъ, изд. *кн. П. Д. Долгоруковымъ* и *И. И. Петрункевичемъ*. 2 тома. М. и Спб. 1905—1907.

III. Развитіе государственной жизни и правительственная дѣятельность при императорѣ Александрѣ III.

1. *Полное собраніе законовъ.* Третье собраніе (1881—1894). Томы I—XIV.
2. *Отчеты по Государственному Совѣту* за 1881—1894 годы.
3. „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ", т. IV (состав. *Тхоржевскимъ*). Спб. 1902.
4. „Исторія Правит. Сената за двѣсти лѣтъ, 1711—1911". Томъ 5-й. Подъ ред. проф. *С. Ф. Платонова.* Спб. 1911.
5. „Историч. очеркъ м-ва внутр. дѣлъ. 1802—1902". Юбилейн. изд. 1904.
6. Сборникъ „Крестьянскій строй", изд. *кн. П. Д. Долгорукова* и *гр. С. Л. Толстого*, т. I (часть историческая). Спб. 1905. (Статья *И. М. Страховскаго* „Крестьянскій вопросъ въ законодательствѣ и въ законосовѣщательныхъ комиссіяхъ послѣ 1861 г.").
7. *И. М. Страховскій.* „Крестьянскія права и учрежденія". Спб. 1904.
8. *А. А. Корниловъ.* „Крестьянская реформа" въ серіи „Великія реформы въ ихъ прошломъ и настоящемъ". Спб. 1905.
9. *Его же.* „Изъ исторіи вопроса о земской избирательной системѣ". Спб. 1906.
10. *Б. Б. Веселовскій.* „Исторія земства за 40 лѣтъ", т. III. Спб. 1910.
11. „Юбилейный земскій сборникъ", подъ ред. *Б. Б. Веселовскаго* и *З. Г. Френкеля.* Спб. 1914. Срав. критическій отзывъ объ этомъ сборникѣ *А. А. Корнилова* въ „Голосѣ минувшаго" за 1914 г. № 4.
12. *С. Ю. Витте.* „О непреложности законовъ государственной жизни". Спб. 1914. (Авторизованное изданіе записки *С. Ю. Витте* „Самодержавіе и земство", ранѣе изд. въ Штутгартѣ П. Б. Струве въ 1903 г.) съ приложеніями.
13. *Его же.* „Записка по крестьянскому дѣлу". Спб. 1905.
14. „Журналы высочайше учрежденной особой (подъ предсѣд. ст. секр. *М. С. Кохановa*) комиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія"; напечатанные ею „матеріалы" и выработанные ею „проекты". (Изданіе, непоступившее въ продажу, но имѣющееся въ большихъ библіотекахъ Петербурга и Москвы). Спб. 1882—1885.
15. *В. П. Безобразовъ.* „Земскія учрежденія и самоуправленіе". М. 1874.
16. *А. Д. Пазухинъ.* „Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ". М. 1886.
17. „Отчетъ по Государ. Совѣту" за 1887, 1889 и 1890 годы.
18. Ст. *С. Я. Цейтлина.* „Земское самоуправленіе и реформа 1890 г." въ „Исторіи Россіи въ XIX в.", изд. Гранатъ, т. V, гл. II. Тамъ же въ

томѣ VII обстоятельныя библіографическія указанія къ этой статьѣ, въ которыхъ указаны и важнѣйшіе непапечатанные матеріалы по земской реформѣ 1890 года.

19. *К. К. Арсеньевъ.* „Законодательство о печати“ въ серіи „Великія реформы въ ихъ прошломъ и настоящемъ“. Спб. 1903.

20. „Министерство финансовъ 1802—1902“. Часть 2-я. Спб. 1902.

21. „Историческая справка по вопросу о введеніи подоходнаго налога“, (оффиц. изд.).

22. *Табурно.* „Эскизный обзоръ финансово-экономическаго положенія Россіи за послѣднія 20 лѣтъ (1882—1901)“. Спб. 1904.

23. *М. Соболевъ.* „Исторія таможенной политики Россіи“. Спб. 1911.

24. *Ковалько.* „Главнѣйшія реформы, проведенныя Н. Х. Бунге въ финансовой системѣ Россіи“. Кіевъ. 1901.

25. *С. Загорскій.* „Бунге, Н. Х. (1813—1895)“ въ Новомъ энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. 8-й.

26. *С. Ю. Витте.* „Конспектъ лекцій по политической экономіи“, читан. имъ вел. кн. наслѣднику Михаилу Александровичу. Спб. 1912.

27. *М. Кашкаровъ.* „Главнѣйшіе результаты госуд. денежнаго хозяйства за 1885—1894 гг.“. Спб. 1895.

28. *П. Шванебахъ.* „Денежное преобразованіе и народное хозяйство“. Спб. 1901.

29. *И. Мигулинъ.* „Русскій государственный кредитъ“, т. I и II. Харьковъ. 1899.

30. *С. Загорскій.* „Вышнеградскій, И. А.“ (1830—1898) въ Новомъ энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. 12-й.

31. *Н. Н. Кутлеръ.* „Витте, С. Ю.“. Въ Новомъ энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. 10-й.

32. „Историч. обозрѣніе пятидесятилѣтней дѣятельности министерства госуд. имуществъ, 1837—1887 гг.“ 5 частей. Спб. 1888.

33. „Исторія удѣловъ за сто лѣтъ ихъ существованія, 1797—1897“. 3 тома. Спб. 1897.

34. „Краткій историческій очеркъ вѣдомства путей сообщенія за сто лѣтъ (1798—1898)“. Спб. 1898.

35. „Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива комитета министровъ“. Изд. канц. к-та м-ровъ. Спб. 1902.

36. *В. Г. Михайловскій.* „Развитіе русской желѣзнодорожной сѣти“, въ „Трудахъ имп. вольно-эконом. об-ва“, за 1898 г., II.

37. *П. М. Майковъ.* „Второе отдѣленіе собст. е. в. канцеляріи, 1826—1882“. Спб. 1906.

38. „Историч. очеркъ дѣятельности министерства юстиціи за 100 лѣтъ“. Спб. 1902.

39. *І. В. Гессенъ.* „Судебная реформа“. (Въ серіи „Великія реформы въ ихъ прошломъ и настоящемъ“). Спб. 1905.

40. *С. В. Рождественскій.* „Исторія министерства народнаго просвѣщенія съ 1802—1902 г.“. Спб. 1902.

41. „Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія“. Т. VIII и слѣд.

42. *Ф. Ф. Ольденбургъ.* „Народныя школы европейской Россіи въ 1892—93 году“. Спб. 1896.

43. *Его же.* „Въ поискахъ за достовѣрными цифрами“, въ журн. „Образованіе“, за 1897 г., № 12.

44. *А. Н. Страннолюбскій.* „Что говоритъ послѣдняя статистика народныхъ школъ?“ (По поводу вышеназв. брошюры Ф. Ф. Ольденбурга), въ „Образованіи“ за 1897 г., №№ 2 и 9.

45. „Исторія Россіи въ XIX в.“, изд. Гранатъ, подъ ред. *М. Н. Покровскаго;* въ т. VII статья *В. И. Чарнолускаго* „Начальное образованіе во второй половинѣ XIX столѣтія“ и *М. Н. Коваленскаго* „Средняя школа“ (тамъ же и обстоят. библіографія); въ т. IX ст. *В. М. Фриче* „Высшая школа въ концѣ вѣка“ (и библіографія къ ней).

46. „Обзоръ дѣятельности вѣдомства православнаго вѣроисповѣданія за время царствованія императора Александра III“. Спб. 1901.

47. *К. К. Арсеньевъ.* „Свобода совѣсти и вѣротерпимость“. Спб. 1905.

48. *И. Преображенскій.* „Отечественная церковь по статистическимъ даннымъ съ 1840—41 по 1890—91 гг.“. Спб. 1897.

49. „Столѣтіе военнаго министерства“. Юбилейное изданіе. Спб. 1901—1907.

50. *М. Лалаевъ.* „Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній“. Спб. 1880—1892.

IV. Политическая борьба и общественное движеніе въ 1881—1894 гг.

1. „Конституція гр. Лорисъ-Меликова“. Лондонъ. 1893.

2. *П. В. Щеголевъ.* „Изъ исторіи конституціонныхъ вѣяній 1879—1881 гг.“, въ „Быломъ“ за 1906 г., № 12.

3. „Дневникъ“ *гр. П. А. Валуева* за 1881—1884 гг. въ „Минув. годахъ“, въ сборникѣ „О минувшемъ“ (Спб. 1908) и въ „Современникѣ“ за 1913 г.

4. *Невѣдѣнскій.* „Катковъ и его время“. Спб. 1888.

5. *И. С. Аксаковъ.* „Сочиненія“, т. I—VII. М. и Спб. 1887—1898.

6. *А. И. Кошелевъ.* „Записки“. Берлинъ. 1884.

7. *A. Leroy-Beaulieu.* „L'empire des Tsars et les Russes“, t. II, P. 1882.

8. Газета „Русь“ за 1880—1885 гг.

9. Газета „Земство“ за 1880—1882 гг.

10. Газета „Порядокъ“ за 1881—1882 гг.

11. „Внутреннія обозрѣнія“ (*К. К. Арсеньева*) въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1881—1894 гг.

12. „М. М. Стасюлевичъ и его современники“, т. I—V. Спб. 1912—1914.

13. Газета „Вольное Слово“ (изд. въ Женевѣ) за 1881—83 гг.

14. Газета „Общее дѣло“ (изд. въ Женевѣ) за 1881—1891 гг.

15. Воспоминанія и статьи разныхъ лицъ о событіи 1 марта 1881 г. въ журналѣ „Былое“ за 1906 г., № 3.

16. *Бѣлоголовый, Н. А.* „Воспоминанія“ (стр. 182—224 „Гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ“). Изд. 2-е, Спб. 1898.

17. *А. Ф. Кони.* „Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ“ въ „Голосѣ Минувшаго“ за 1914 г., № 1.

18. *Его же.* „На жизненномъ пути“. 2 тома. Спб. 1913.

19. *В. Ю. Скалонъ.* „По земскимъ вопросамъ. Въ переходное время“. (Сборникъ статей.) Спб. 1905.

20. Переписка *г-жи Головастовой* съ *И. С. Аксаковымъ* въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1913 г. №№ 1 и 2.

21. *С. А. Муромцевъ.* „Сборникъ статей и рѣчей“, вып. V. Спб. 1910.

22. Сборникъ „С. А. Муромцевъ“, подъ ред. *кн. Д. И. Шаховскаго.* М. 1910.

23. Сборникъ „Памяти В. А. Гольцева“. М. 1910.

24. *Кеннанъ.* „Послѣднее заявленіе русскихъ либераловъ“. Спб. 1906.

25. „Записки“ *гр. Н. П. Игнатьева* въ „Русской Старинѣ“ и „Историч. Вѣстникѣ“ за 1914 годъ.

26. *М. П. Драгомановъ.* „Либерализмъ и земство“. Ж. 1888. Перепечатано въ Спб. въ 1906 г.

27. *Его же.* „Политическія сочиненія“. 2 т. Парижъ. 1906.

28. *Л. Тихомировъ.* „Почему я пересталъ быть революціонеромъ?“ М. 1896.

29. *Его же.* „Конституціоналисты 1881 г.“.

30. „Воспоминанія“ *кн. В. П. Мещерскаго* т. III.

31. *В. Я. Богучарскій.* „Изъ исторіи политической борьбы въ 1870-хъ и 80-хъ гг. XIX в.“. М. 1912.

32. *Его же.* „Земскій союзъ или священная дружина?“ „Русская Мысль“ за 1912 г. № IX.

33. *Его же.* „Конституціонный проектъ гр. П. П. Шувалова“. „Современникъ“ за 1913 № 3.

34. *Его же.* „Земскій союзъ конца 70-хъ и начала 80-хъ гг. XIX вѣка“, въ „Земскомъ юбилейномъ сборникѣ“. Спб. 1914.

35. *Б. А. Кистяковскій.* „Страницы прошлаго“. М. 1912.

36. *Его же.* „Органъ земскаго союза „Вольное Слово“ и легенда о немъ“. „Русская Мысль“ за 1912 г. № 11.

37. *И. Д. Шишмановъ.* Записка гр. П. П. Шувалова въ „Вѣстн. Евр.“ за 1913 г. № 8.

38. *Его же.* „Письма гр. П. П. Шувалова“. „Вѣст. Европы“ за 1914 г. №№ 2 и 3.

39. *Кн. П. А. Кропоткинъ.* „Священная дружина“. Письмо въ редакцію „Русск. Вѣдомостей“ № 251, 31 окт. 1912 г.

40. *Его же.* „Записки революціонера“. Спб. 1907.

41. *В. А. Розенбергъ.* „Священная дружина“ (изъ переписки М. Е. Салтыкова и Н. А. Бѣлоголоваго). „Русск. Вѣд.“ 6 окт. 1912.

42. *С. А. Сватиковъ.* „Проекты народнаго представительства въ Россіи въ 1882 г.“. „Голосъ Минувшаго“ за 1913 г. № 3.

43. *А. А. Корниловъ.* „Изъ исторіи конституціоннаго движенія конца 70-хъ и начала 80-хъ гг.“. „Русск. Мысль“. 1913 г. № 7.

44. *Левъ Дейчъ.* „У начала легенды“, „Современный міръ“, за 1913 г. № 11.

45. *А. С. Изгоевъ.* „Земское конституціонное движеніе“. „Рѣчь“, 1913, № 206.

46. „Матеріалы по пересмотру установленныхъ для охраны госуд. порядка исключительныхъ положеній“.

47. *В. М. Гессенъ.* „Исключительное положеніе“. Спб. 1908.

48. *И. П. Бѣлокопскій.* „Земское движеніе“. Изд. 2-е. М. 1914.

49. *А. Тунъ.* „Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи“. Переводъ *В. И. Засуличъ* и др. съ предисловіемъ *Г. В. Плеханова,* ст. *Д. Кольцова* „Восьмидесятые годы“, *Г. В. Плеханова* „О соціальной демократіи въ Россіи“ и примѣч. *П. Лаврова.* Спб. 1906.

50. *То же.* Переводъ подъ ред. и съ примѣч. *Л. Э. Шишко.* Спб. 1906.

51. *В. Акимовъ.* (Махновецъ). „Очеркъ развитія соціалдемократіи въ Россіи“. Изд-во О. Н. Поповой. 2-е изд. Спб. 1906.

52. *С. С. Арнольди* (П. Л. Лавровъ). „I. Кому принадлежитъ будущее? II. Изъ рукописей 90-хъ годовъ“. М. 1905.

53. „Письмо М. К. Цебриковой къ императору Александру III“. Спб. 1907.

54. *Бурцевъ.* „За сто лѣтъ“. 2 части. Парижъ, 1901.

55. *Дж. Кеннанъ.* „Сибирь“, перев. съ англійск. Спб. 1906. 2 части.

56. *П. И. Бирюковъ.* „Біографія Льва Николаевича Толстого“. Т. 2-ой. М. 1908.

57. Полное собраніе сочиненій *Л. Н. Толстого,* т. XII и слѣдующіе томы.

58. Сочиненія *М. Е. Салтыкова* (*Щедрина*) „Современная идиллія (т. VII изд. 1890 г.), „За рубежомъ“ (т. VI), „Сказки“ (т. VIII), „Письма къ те-

тенькѣ" (т. VI, а также вышедшее отд. изд. за границей), „Пошехонскіе разсказы" (т. VII), „Пестрыя письма" (т. VIII) и „Мелочи жизни" (т. VIII), а также матеріалы для его біографіи, собр. *К. К. Арсеньевымъ* (въ т. IX 1-го изд.).

59. „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка". Подъ ред. *Г. В. Плеханова, Л. Мартова, П. Маслова* и *А. Потресова*. Т. 1-й. „Предвѣстники и основныя причины движенія". Спб. 1909.

60. *Л. Мартовъ*. „Развитіе крупной промышленности и рабочее движеніе до 1892 года", въ „Исторіи Россіи въ XIX в." подъ ред. *М. Н. Покровскаго*, т. VI, гл. X.

61. *Тамъ же*, гл. XI. *Л. Шишко*. „Крестьянское и народническое движеніе".

62. *Тамъ же* библіографія къ обѣимъ этимъ статьямъ, въ т. VII.

Къ названнымъ здѣсь сочиненіямъ слѣдуетъ присоединить изъ сочиненій, перечисленныхъ въ отд. IV библіографическаго указателя къ царствованію императора Александра II подъ литерою В. (Національный вопросъ) №№ 2, 4, 5, 6, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 и 19 и подъ литерою Г. (Религіозный вопросъ и вѣроисповѣдная борьба) №№ 1, 3, 7, 15, 16, 17, 18, 19, 20 и 21.

V. Развитіе литературы, искусствъ и науки при Александрѣ III.

См. отд. IV, лит. А. библіографическаго указателя къ царствованію импер. Александра II (стр. 258—259 этой части „Курса").

VI. Внѣшняя политика императора Александра III.

1. Исторія министерства иностранныхъ дѣлъ. Юбилейн. изд. Спб. 1902.

2. *Пфлугъ-Гартунгъ*. „Всемірная исторія", т. VI. „Отъ Вѣнскаго конгресса до нашихъ дней". Перев. подъ ред. *Н. И. Карѣева* и *С. И. Лозинскаго*. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. 1910.

3. „Исторія Россіи въ XIX в." подъ ред. *М. Н. Покровскаго*, т. IX, гл. VII „Внѣшняя политика Россіи въ концѣ XIX в." (*М. Н. Покровскаго*). Тамъ же библіографія.

4. *С. С. Татищевъ*. „Сборникъ статей изъ прошлаго русской дипломатіи". Спб. 1890.

5. *Н. И. Гродековъ*. „Война въ Туркменіи. Походъ Скобелева въ 1880—1881 гг.". 3 тома.

6. *Kuropatkin*. „Geschichte des Feldzuges Skobelew" Mühlheim a R. 1904.

7. *П. А. Матвѣевъ*. „Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса. Историч. очеркъ съ прилож. Тырновской конституціи". Спб. 1887.

8. *П. Н. Милюковъ*. „Болгарская конституція". Ст. въ сборн. „Политич. строй современныхъ государствъ", изд. „Права", Спб. 1905, т. I.

9. *А. Л. Погодинъ*. „Исторія Болгаріи". Спб. 1910 (съ подробн. библіографіей).

10. *Его же*. „Исторія Сербіи". Спб. 1910.

11. *Л. Н. Соболевъ*. „Къ новѣйшей исторіи Болгаріи", въ „Русск. Старинѣ" за 1886 г., № 9.

12. *В. В. Водовозовъ*. „Болгарія. Эпоха національнаго возрожденія. Третье болгарское государство. Болгарское княжество при Фердинандѣ I", въ „Новомъ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона", т. 7-й. Тамъ же библіографія.

13. *Erneste Daudet.* „Histoire diplomatique de l'alliance franco-russe (1873—1893)". P. 1894.
14. *E. de Cyon.* „Les finances russes et l'épargne française". P. 1895.
15. *Hansen.* „L'alliance franco-russe". P. 1897.
16. *A. Leroy-Beaulieu.* „La France, la Russie et l'Europe". P. 1888.
17. „Сибирь и Сибирская желѣзная дорога". Спб. 1903.
18. *Cordier.* „Histoire des relations de la Chine avec les puissances occidentales". P. 1903. 3 v-s.
19. *Vladimir.* „Russia on the Pacific". L. 1899.
20. Описаніе путешествія на востокъ наслѣдника-цесаревича Николая Александровича въ 1891 г., изд. *кн. Э. Э. Ухтомскимъ.*
21. *Кн. Э. Э. Ухтомскій.* „Къ событіямъ въ Китаѣ. Объ отношеніи Запада и Россіи къ Востоку". Спб. 1900.

ОГЛАВЛЕНІЕ III ЧАСТИ.

Стр.

Предисловіе III

ЛЕКЦІЯ XXVII. Покушеніе Каракозова. Наступившая послѣ этого реакція. Въ чемъ она выразилась? Развитіе внутренней жизни Россіи послѣ реформъ 60-хъ годовъ, несмотря на реакцію. Продолженіе нѣкоторыхъ преобразованій. Завершеніе крестьянской реформы распространеніемъ ея на крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ. Общая картина землевладѣнія различныхъ группъ населенія Россіи послѣ реформъ 1861, 1863 и 1866 годовъ. Степень обезпеченности крестьянъ разныхъ наименованій земельными надѣлами 1

ЛЕКЦІЯ XXVIII. Ближайшіе результаты крестьянской реформы. Ростъ населенія въ Россіи до и послѣ реформы. Критика имѣющихся въ литературѣ взглядовъ и мнѣній по этому предмету. Разселеніе населенія въ Россіи до и послѣ реформы. Ростъ городского населенія до и послѣ реформы. Экономическое положеніе Россіи послѣ эпохи реформъ. Промышленный кризисъ и его причины 19

ЛЕКЦІЯ XXIX. Финансовое положеніе въ Россіи въ эпоху реформъ и въ послѣдующіе годы. Задачи финансовой политики при М. Х. Рейтернѣ. Дѣятельность Рейтерна. Стремленіе къ поднятію общей производительности страны и въ особенности вывозной торговли. Вопросъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Ходъ этого дѣла въ Россіи до середины семидесятыхъ годовъ. Заботы объ организаціи коммерческаго кредита. Открытіе частныхъ банковъ. Борьба съ дефицитами въ государственномъ бюджетѣ. Вопросъ о продолженіи внутреннихъ преобразованій и докладъ Рейтерна въ 1866 году 34

ЛЕКЦІЯ XXX. Выработка новаго городового положенія. Прежнее устройство нашихъ городовъ по закону и на дѣлѣ. Работы сороковыхъ годовъ. Ходъ работъ по составленію положенія 1870 года. Содержаніе и критика этого положенія. Вопросъ о реорганизаціи арміи. Реформы Д. А. Милютина. Отмѣна рекрутчины и уставъ о всеобщей воинской повинности 1874 года. Общекультурное и просвѣтительное значеніе преобразованій въ военномъ вѣдомствѣ Д. А. Милютина 51

ЛЕКЦІЯ XXXI. Дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія послѣ 1866 г. Гр. Д. А. Толстой и Д. А. Милютинъ, какъ

Стр.

выразители двухъ противоположныхъ сторонъ царствованія Александра II. Взгляды Толстого. Толстой и Катковъ. Вопросъ о реформѣ средней школы. Борьба за введеніе классицизма. Сущность и значеніе реформы 1871 года. Планы Толстого относительно университетовъ и принятыя имъ мѣры. Развитіе женскаго образованія въ періодъ 1866—1878 гг. Начальное образованіе. Уставы 1864 и 1874 годовъ. Борьба министерства народнаго просвѣщенія съ земствомъ. Исторія земской школы въ 1866—1880 гг. 72

ЛЕКЦІЯ XXXII. Развитіе земскихъ учрежденій съ 1866 по 1878 годы. Область дѣятельности земствъ. Ихъ задачи и средства. Земскіе сборы и повинности во времена дореформенныя. Бюджеты земствъ. Стремленіе къ обложенію торговли и промышленности и столкновеніе на этомъ пути съ правительствомъ. Расходы земствъ и ростъ этихъ расходовъ. Классовые интересы въ земствахъ. Вопросъ о натуральныхъ повинностяхъ и раскладка земскихъ сборовъ. Вопросъ о податной реформѣ и проекты земствъ въ этой области. Борьба правительства съ земствомъ и ограниченіе его дѣятельности 93

ЛЕКЦІЯ XXXIII. Открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій и первые ихъ шаги. Борьба съ ними Валуева. Реакціонная дѣятельность гр. Палена. Начало положенія судебныхъ уставовъ. Положеніе и направленіе прокуратуры. Особый порядокъ возбужденія и рѣшенія дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ. Измѣненіе въ положеніи адвокатуры и вопросъ объ изъятіи различныхъ дѣлъ изъ компетенціи суда присяжныхъ. Положеніе печати въ пореформенное время. Главные органы печати и литературныя направленія послѣ 1866 года. Настроеніе общества 117

ЛЕКЦІЯ XXXIV. Положеніе народныхъ массъ и сельскаго хозяйства въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. Ходъ выкупной операціи. Нищенскіе надѣлы. Отрѣзки. Аренды въ сѣверныхъ и южныхъ губерніяхъ. Ростъ арендныхъ цѣнъ. Задолженность помѣщиковъ. Усиленная распашка земель въ виду усиливающагося хлѣбнаго экспорта и роста хлѣбныхъ цѣнъ. Количество скота у помѣщиковъ и у крестьянъ. Размѣры помѣщичьей запашки. Выводы о помѣщичьемъ хозяйствѣ на сѣверѣ и на югѣ. Продажа земель. Покупщики. Легко ли далось крестьянамъ расширеніе ихъ хозяйства на счетъ помѣщичьяго? Положеніе крестьянскаго хозяйства. Недостаточность надѣловъ. Обремененіе налогами и платежами. Неравномѣрность обложенія. Голодъ 1868 г. Изслѣдованія земствъ. Недоимки. Положеніе крестьянскаго хозяйства въ черноземныхъ губерніяхъ. Самарскій голодъ 1872—1873 годовъ. Продовольственныя ссуды. Выводы Янсона и кн. Васильчикова о положеніи крестьянскаго хозяйства въ семидесятыхъ годахъ 143

ЛЕКЦІЯ XXXV. Отношеніе правительства и общества къ положенію народныхъ массъ. Народническое направленіе въ литературѣ. Студенческіе безпорядки 1869 года. Нечаевъ и нечаевщина. Чайковцы въ Петербургѣ; ихъ идеи и планы. Бакунинъ и Лавровъ за границей. Лавристы и Бакунисты. „Впередъ“. Начало хожденія въ народъ. Аресты. Записка Палена. Общество „Земля и воля“. Развитіе народническихъ идей въ легальной литературѣ . 168

ЛЕКЦІЯ XXXVI. Политика правительства на окраинахъ. Притѣсненія въ Малороссіи и Польшѣ. Внѣшняя политика правительства. Восточный вопросъ. Соперничество русскихъ и англійскихъ

Стр.

интересовъ въ Азіи. Завоеваніе Кавказа и среднеазіатскихъ ханствъ. Смуты въ Турціи. Движеніе балканскихъ славянъ. Сербская война и болгарская рѣзня. Переговоры великихъ державъ. Русско-турецкая война 1877—1878 годовъ. Ея ходъ и исходъ. Берлинскій конгрессъ. Экономическіе и финансовые результаты войны. Отставка Рейтерна. Впечатлѣніе войны и конгресса на русское общество. Славянофилы. Земское движеніе. Революціонное движеніе. Обращеніе правительства къ обществу. Выступленія земствъ. Образованіе партіи „Народной воли“ 193

ЛЕКЦІЯ XXXVII. Организація революціонерами ряда покушеній на жизнь императора Александра II. Растерянность и колебанія въ высшихъ сферахъ. Взрывъ въ зимнемъ дворцѣ и учрежденіе верховной распорядительной комиссіи съ Лорисъ-Меликовымъ во главѣ. Программа Лорисъ-Меликова и ея осуществленіе. Отношеніе къ нему либераловъ и революціонеровъ. Отставка Толстого. Реформы Лорисъ-Меликова. Сенаторскія ревизіи и крестьянскій вопросъ. Конституціонное движеніе. Докладъ Лорисъ-Меликова объ учрежденіи особой подготовительной комиссіи. Катастрофа 1 марта 1881 года 218

Списокъ сочиненій и печатныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Россіи въ царствованіе императора Александра Втораго . 246

ЛЕКЦІЯ XXXVIII. Императоръ Александръ III. Его воспитаніе. Отношеніе къ нему общества до вступленія его на престолъ. Его дѣйствительные взгляды. Первые шаги императора Александра III. Борьба двухъ направленій въ высшихъ правящихъ сферахъ. Совѣщаніе 8 марта 1881 года. Колебанія. Катковъ и Аксаковъ. Агитація Побѣдоносцева. Манифестъ 29 апрѣля 1881 года. Отставка Лорисъ-Меликова и нѣкоторыхъ другихъ министровъ. Министерство Н. П. Игнатьева. Его программа. Мѣры къ улучшенію экономическаго положенія народа. Обязательный выкупъ. Дворянская агитація. Свѣдущіе люди. Пониженіе выкупныхъ платежей. Политика Бунге. Отмѣна подушной подати. Введеніе податной инспекціи 266

ЛЕКЦІЯ XXXIX. Мѣры, принятыя въ началѣ царствованія Александра III къ облегченію земельной тѣсноты крестьянъ. Крестьянскій банкъ и его первые шаги при Бунге. Облегченіе аренды казенныхъ земель крестьянамъ. Упорядоченіе крестьянскихъ переселеній. Правила 1881 года. Законъ 13 іюля 1889 года. Введеніе фабричной инспекціи и законъ о защитѣ малолѣтнихъ и женщинъ на фабрикахъ. Налоги на наслѣдства и на процентныя бумаги. Вопросъ объ административной крестьянской реформѣ. Кохановская комиссія. Ея участники и ликвидація ея работъ. Крушеніе игнатьевскаго режима 282

ЛЕКЦІЯ XL. Рѣшительный поворотъ къ реакціи. Роль Побѣдоносцева. Гр. Д. А. Толстой. Реакція въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Дворянская реакціонная политика во внутреннихъ дѣлахъ. Юбилей жалованной дворянской грамоты въ 1885 году. Связанное съ нимъ дворянское реакціонное движеніе. Программа Пазухина. Ликвидація вопроса о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій послѣ закрытія кохановской комиссіи. Законъ 12 іюля 1889 г. о земскихъ начальникахъ. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 года. Судебныя новеллы. Новый законъ о пе-

Стр.

чати 1882 г. и ея положеніе. Преслѣдованіе иновѣрцевъ и инородцевъ. Еврейскій вопросъ. Новые порядки въ арміи 294

ЛЕКЦІЯ XLI. Финансовая политика во вторую половину царствованія императора Александра III. И. А. Вышнеградскій и его система. Крайнее развитіе протекціонизма въ таможенной политикѣ и въ желѣзнодорожномъ тарифномъ законодательствѣ. Результаты этой системы. Внѣшняя политика императора Александра III. Завоеваніе Туркменіи. Русско-англійскія отношенія въ средней Азіи. Балканскія дѣла. Болгарскія замѣшательства. Франко-русскій союзъ и его значеніе. Сибирская желѣзная дорога и начало новой политики на дальнемъ востокѣ 309

Списокъ сочиненій и печатныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Россіи въ царствованіе Александра Третьяго 320

Приложенія

Оглавленіе

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Приложеніе къ стр. 26—27.

Плотность населенія различныхъ губерній.

Губерніи въ порядкѣ плотности населенія въ 1797 году.	Приходилось на квадр. милю по V ревизіи 1797 г. душъ об. пола.	Какое мѣсто по плотности занимала губернія.	Приходилось на квадр. милю по данным X ревизіи 1858 г. (допол. къ 1861 г.) к. об. п.	Какое мѣсто по плотности занимала губернія.	Приходилось на квадр. милю по переписи 1897 г. душъ об. п.	Какое мѣсто по плотности занимала губернія.	На сколько увеличилась плотность за 100 л. въ % %.	Примѣчанія.
Тульская	1600	1	2048	3	2378	5	ок. 50%	
Московская . . .	1586	2	2672	1	4064	1	150	Благодаря
Курская	1400	3	2160	2	2776	3	100	Москвѣ.
Калужская . . .	1340	4	1647	8	1760	14	30	
Ярославская . . .	1234	5	1430	13	1486	19	17	
Рязанская	1176	6	1850	4	2220	7	100	
Орловская	1170	7	1775	5	2314	6	100	
Владимірская . .	1062	8	1356	14	1604	17	30	
Пензенская . . .	1003	9	1674	7	2040	11	100	
Симбирская . . .	952	10	1306	16	1654	15	72	
Харьковская . . .	932	11	1760	6	2786	2	200	Отчасти
Смоленская . . .	928	12	1110	18	1440	20	ок. 60	благодаря
Нижегородская . .	916	13	1340	15	1618	16	75	Харькову.
Тамбовская . . .	860	14	1644	9	2170	8	150	
Воронежская. . .	840	15	1580	11	2085	10	150	
Псковская	762	16	858	21	1316	21	60	
Казанская	752	17	1431	12	1926	12	150	
Костромская . . .	624	18	709	25	884	28	50	
Тверская	582	19	856	22	940	25	60	
Саратовская . . .	504	20	1122	17	1566	18	200	
С.-Петербургская .	480	21	1610	10	2768	4	500	Благодаря
Екатеринославская.	396	22	1013	20	1820	13	350	Петербургу.
Вятская	356	23	806	23	1097	23	200	
Новгородская . .	283	24	450	28	592	29	118	
Херсонская . . .	272	25	1070	19	2156	9	700	Отчасти
Таврическая . . .	238	26	534	27	1272	22	400	благодаря
Пермская	149	27	363	29	476	30	200	Одессѣ.
Оренбургская . .		28	209	31	360	31	340	
Самарская	82	29	572	26	932	26	<1000	
Уфимская		30	780	24	1090	24	1200	
Донская обл . . .	82	31	326	30	892	27	ок. 1000	
Вологодская . . .	81	32	129	32	177	33	118	
Олонецкая	72	33	105	34	127	34	70	
Астраханская . .	14	34	130	33	256	32	1750	
Архангельская .	13	35	19	35	23	35	75	

Приложение к стр. 15.

Распредѣленіе землевладѣній по категоріямъ владѣльцевъ въ 49 губерніяхъ въ 1878 г.

Приложеніе къ стр. 26—27.

Плотность населенія отдѣльныхъ мѣстностей Россіи по V ревизіи 1797 г.

Приложеніе къ стр. 26—27.

Плотность населенія отдѣльныхъ мѣстностей Россіи по X ревизіи 1850 г. (и по напискамъ 1863 г.)

Приложеніе къ стр. 26—27.

Плотность населенія отдѣльныхъ мѣстностей Россіи по переписи 1897 г.